жения, советы, критические замечания. Как лучше реализовать

ИСТОРИЧЕСКИЕ СЕНСАЦИИ

определенный срок партийный комитет вновь заслушал того же коммуниста и констатиро-

го коммунисты министерства. Большое внимание уделяется работе парторганизаций в

ОЛЕГ ГРЕЙГЪ ОЛЬГА ГРЕЙГЪ

РУССКИЙ ЦАРЬ ИОСИФ СТАЛИН



ВСЁ МОГЛО БЫТЬ ИНАЧЕ

адреса сомнительной осторожности и выжидания. Правда, проблемы специализации, концентрации и кооперации обсуждались на двух собраниях коммунистов, но довольно по-

варищ «в принципе... соблюдает Устав партии».

Как повышать у каждого коммуниста чувство ответственности? Теперь, на заседа-



Сканировал и создал книгу - vmakhankov

ОЛЕГ ГРЕЙГЪ ОЛЬГА ГРЕЙГЪ

РУССКИЙ ЦАРЬ ИОСИФ СТАЛИН

ВСЁ МОГЛО БЫТЬ ИНАЧЕ

Москва
алгоритм
2012

УДК 82-94
ББК 63.3
Г 79

Грейгъ О.

Г 79 Русский царь Иосиф Сталин: все могло быть иначе / Олег Грейгъ, Ольга Грейгъ. — М. : Алгоритм, 2012. — 336 с. — (Исторические сенсации).

ISBN 978-5-4438-0030-1

Что знал о своем происхождении человек, которому силой своего титанического ума суждено было сотрясти Историю и многое изменить в XX веке? Говорят просто: величайшая личность Иосиф Сталин — сын грузинского народа. Но есть версия, что этот горец происходил из великого рода грузинских царей. Сам вождь догадывался о своем исключительном происхождении и о том, что отмечен высшей силой для значительных, таинственных дел.

Думал ли вождь «всех времен и народов» о своей миссии на земле?

Думал ли он о будущем страны, которой управлял?

Думал ли о том, кто продолжит его дело?

Сенсационные версии рождения, жизни, деятельности и смерти, объясняющие загадку личности И.В. Сталина, — в книге известных публицистов Олега и Ольги Грейгъ.

УДК 82-94
ББК 63.3

ISBN 978-5-4438-0030-1

ВСТУПЛЕНИЕ

Мужчина, над которым однажды засветился перст величия, может оказаться перед дилеммой: кто *он*, зачем нужен он Создателю, женщине, обществу, близким людям... Если говорить о величии, то сразу в нашем сознании возникает ассоциация с титулом «ваше величество», т.е. правитель, сюзерен, монарх, — словом, первое лицо огромного количества лиц очень большой территории. К таковым странам относится и великое государство, именовавшееся прежде Российская империя, а после — Советский Союз.

Конечно, какие бы нравственные цели ни преследовал первый человек, он будет один. А уж коснулась ли его небесная длань, почувствовал ли он перст величия — на то избирательная воля Божья. Однако не будет нареканий, если сказать, что величайшей личностью XX столетия был сын грузинского народа Иосиф; горец, а вот ведь какую оставил молву о себе! — такую славу, от которой русский народ стал еще более величествен в своем трагизме существования.

Думал ли вождь «всех времен и народов» о своей миссии на земле?

Думал ли он о будущем страны, которой управлял?

Думал ли о том, кто продолжит дело его?

На все эти вопросы пытались и пытаются ответить многие. Но для того, чтобы приблизиться к истинному ответу хотя бы на один из них, следует задаться иными вопросами.

Любил ли вождь историю, знал ли ее, использовал ли опыт предыдущих поколений? Может, для кого-то это будет открытием, но Сталин внимательно читал сохранившиеся манускрипты, документы, легенды и поэтические сказания об исторических событиях и их персонажах... Не только читал, но и анализировал ощущения и восприятие Истории (ведь он уже был сопричастен Истории).

Многое взял из старины далекой, от разных народов и разных эпох.

И... перечеркнул все, что знал.

Потому как пришел к выводу четкому и ясному: *потомки должны о нем, великом, знать все, что угодно, только не то, кем он был на самом деле.*

Вот сидит перед нами человек, исполненный знаний. Он думает, вспоминает и говорит. При том, что он знает больше, чем говорит...

ИСТОРИЯ 1

КАК ЮМОР ПРЕВРАЩАЕТСЯ В ЗОЛОТУЮ ЗВЕЗДУ ГЕРОЯ

В бытность моей учебы в военно-учебном заведении много довелось услышать историй от бывалых офицеров. Некоторые их этих историй постепенно становятся известными, некоторые обрастают небывалыми подробностями, становясь похожими на легенды, а некоторые легенды, сотворенные во времена СССР, лопаются как мыльные пузыри, густо сбрызгивая участников событий зловонной жижицей. В чем правда и где тут ложь? Занятие, поверьте мне, совершенно бессмысленное. Потому как истинно одно: *у каждого своя правда.* А еще в народе говорят: *хотите верьте, хотите — нет...* Есть и другая модная фраза: *истина где-то рядом.* Но все это всего лишь интерпретация библейского глагольствования: *имеющий уши да услышит.*

В 1968 году мемуарная литература пополнилась очередным шедевром истории военного искусства «Генеральный штаб в годы войны». Автор — оператор Генштаба Красной армии в годы Второй мировой войны Сергей Матвеевич Штеменко. Он интересовал меня не только как военачальник и знаток штабной работы, но и как человек, закончивший в 1930 году Севастопольскую школу зенитной артиллерии. Само название Севастополь для меня священно, ведь это мои родные места.

> *Штеменко Сергей Матвеевич /7(20).2.1907, станица Урюпинская, ныне г. Урюпинск Волгоградской обл.,— 23.4.1976, Москва/, советский военачальник, ген. армии (1968)* (здесь умышленная ошибка; Штеменко генералом армии стал с назначением на должность начальника Генштаба Вооруженных

Сил СССР в 1948 г., затем был понижен в звании, а в 1968 г. восстановлен в звании генерала армии. Далее также есть неточности и умалчивание.). *Чл. КПСС с 1930. Род. в крест. семье. В Красной Армии с 1926.* (Сведения, выделенные курсивом здесь и далее (если не указаны иные источники), взяты из «Большой Советской энциклопедии», М., Изд-во «Советская энциклопедия», 70-е годы).

В канун Второй мировой войны, в 1937-м, Сергей Матвеевич закончил Военную академию механизации и моторизации РККА. А в 1940-м после окончания Академии Генштаба был он определен на службу в этот высший рабочий орган Наркомата обороны (НКО). В августе 1941 был назначен на должность заместителя начальника направления, затем он же его возглавил и руководил до апреля 1943 года. За это время последовательно был удостоен воинских званий генерал-майор и генерал-лейтенант. Затем стал первым замом, а через месяц начальником оперативного управления Генштаба. В том же году был удостоен воинского звания генерал-полковник.

Штеменко пользовался особым уважением и авторитетом как высокопрофессиональный оператор военного искусства у Верховного Главнокомандующего и как правило, с его согласия, прежде чем приступить к разработке той или иной стратегической операции, отправлялся на фронт для изучения обстановки на месте.

Так, в 1943 г. он был направлен в Отдельную Приморскую армию в группе Маршала Советского Союза Климента Ефремовича Ворошилова. После проведенного Военного совета, в котором участвовали представители Северо-Кавказского направления, Черноморского флота, командования Отдельной армии и других войск, был составлен проект решения. Председательствующий на Военном совете член Политбюро ЦК ВКП(б) Ворошилов внес предложение, что столь ответственный документ должны подписать командующие, члены Военного совета и начальники штабов. В итоге получилось десять подписей.

На что Сергей Матвеевич заметил: «Климент Ефремович, столь ответственный документ не следует подписывать таким большим количеством людей».

Реплика вызвала неудовольствие маршала: «Вы не уважаете участников совещания, молодой человек!»

Генерал-полковник сделал последнюю попытку исправить ситуацию: «Товарищ маршал, документ должен быть подписан вами и мной как представителями Ставки и Генштаба. В противном случае... это крайне не понравится товарищу Сталину».

Но, несмотря на прозвучавшее имя, довод Ворошилову показался неубедительным и документ с десятью подписями оказался на столе у Верховного Главнокомандующего.

По истечении времени, когда замысел операции был воплощен в жизнь, и войска 4-го Украинского фронта, Приморской Отдельной армии Черноморского флота освободили Крым и Севастополь от гитлеровских захватчиков, 9 мая 1944 года Верховный Главнокомандующий отметил участников боев и разработчиков операции соответствующими знаками внимания. Многие получили весьма высокие полководческие награды; при этом первый заместитель начальника Генштаба Алексей Иннокентьевич Антонов представил и своего подчиненного генерала Штеменко к ордену Суворова 1-й степени.

Когда Антонов вошел в кабинет вождя и доложил ситуацию на фронтах, он заметил выражение удовлетворения на лице Сталина. Закурив, тот сказал: «А теперь давайте красную папку». Следует при этом заметить, что руководитель страны никогда не подписывал никаких документов внимательно не изучив их. То же произошло и на этот раз. Он взял «наградную» папку, раскрыл ее и глазами пробежал по списку фамилий; понятное дело, вождь просматривал их и ранее. Вот синий карандаш в руках Сталина остановился напротив фамилии Штеменко, зачеркнул надпись «1-й степени» и сбоку написал: «2-й степени». А вслух Сталин добавил: «Будэт знать, как па-адписывать документы». Так наряду с другими наградами, которых был удостоен Сергей Матвеевич за время своей службы в Вооруженных Силах СССР, рядом с двумя орденами Суворова 1-й степени (платиновыми) стал красоваться Суворов 2-й степени (золотой).

Пройдет чуть более года после этих событий и генерал станет первым замом начальника Генштаба, возглавит Главное

разведывательное управление (ГРУ). В ноябре 1948 он будет удостоен звания генерал армии и назначен на соответствующую воинскому званию Маршал Советского Союза должность начальника Генерального Штаба Вооруженных Сил СССР, где продержится по июнь 1952 г.

Одновременно он будет и первым заместителем министра обороны СССР. Но в связи с реорганизацией в Вооруженных Силах страны, будет освобожден от занимаемой должности и вновь назначен начальником ГРУ.

После кончины вождя пришедший к власти Никита Сергеевич Хрущев не без помощи лизоблюдов из военного ведомства, мгновенно сориентировавшихся в складывающейся обстановке и проведших массу интриг, освободил генерала армии Штеменко от занимаемой должности, понизил в воинском звании до полковника и отправил служить в Закавказский военный округ, где на должности начальника штаба войск округа уже находился генерал армии Алексей Иннокентьевич Антонов. Он был возвращен сюда еще в 1946 году. Следует заметить, что Антонов, невзирая на свой исключительный профессионализм и такт, был чем-то неприятен вождю. Известно лишь, что начальник Главного оперативного управления генерал Василевский в 1942 году, и то с третьей попытки, убедил Сталина в целесообразности перевода из Закавказского военного округа начальника штаба генерала Антонова в Москву. Но, как оказалось, ненадолго...

Теперь Антонов, встретив в штабе войск округа своего недавнего подчиненного, сразу же предложил ему должность своего заместителя и начальника оперативного отдела штаба округа. Алексей Иннокентьевич питал добрые чувства к Штеменко не только как к профессионалу, но и как к надежному человеку, с которым хватил не один фунт штабного лиха. Не следует исключать и того, что генерал армии Антонов рассчитывал, что благодаря своему такту, дару убеждения и прозорливости он все-таки сумеет в кратчайшие сроки подвести базу к тому, чтобы столь незаслуженно наказанный коллега по военной службе был восстановлен в своем высоком воинском звании.

Но не тут-то было.

В Москве внимательно следили за новыми опальными военачальниками, контролируя каждый их шаг.

За десять следующих лет Сергею Матвеевичу пришлось вновь последовательно пройти все ступеньки соответствующих воинских званий и должностей и в июле 1962 года в силу сложившихся обстоятельств (очевидно, сработали все-таки прозорливость и усилия Антонова, работавшего в это время в должности начальника штаба Объединенных Вооруженных Сил государств — участников Варшавского Договора) Штеменко — уже генерал-полковник — был назначен первым заместителем Главнокомандующего Сухопутными войсками. На должности, соответствующей тогда воинскому званию генерал армии. Но до возвращения ему этого воинского звания было еще более шести лет!

В апреле 1964 года Штеменко назначается заместителем начальника Генштаба ВС СССР, а в августе 1968-го, когда у власти находился Леонид Ильич Брежнев, он был восстановлен в воинском звании генерал армии и назначен начальником штаба Объединенных Вооруженных Сил государств — участников Варшавского Договора.

Объединенные Вооруженные Силы государств — участников Варшавского Договора с 1967 года возглавлял первый заместитель министра обороны СССР Маршал Советского Союза (в том же году ему было присвоено это звание) Иван Игнатьевич Якубовский. Который всячески препятствовал назначению Штеменко на эту должность. Ибо начальник штаба одновременно являлся и первым заместителем главнокомандующего, т.е. его самого.

Это противостояние неудивительно, его истоки следует искать в пороховые-сороковые...

В годы минувшей войны Якубовский последовательно командовал танковым полком, бригадой, был заместителем командира танкового корпуса, части и соединения которого принимали участие во многих решающих сражениях на советско-германском фронте.

Якубовский Иван Игнатьевич /25.12.1911 (7.1.1912), дер. Зайцево, ныне Горецкого р-на Могилевской обл., — 30.11. 1976 (жаль, что в энциклопедиях не указывается от чего умирает человек. Наверняка бы здесь было написано: умер от непомерного обжорства и пьянства; вес полководца в последние годы жизни был не менее 150 — 160 кг, а вес его жены — наверняка все 180 кг) */, советский военачальник, маршал Сов. Союза (1967), дважды Герой Сов. Союза (10.1.1944 и 23.9.1944), Герой ЧССР (1970). Чл. КПСС с 1937. род. в семье белорус. крестьянина. В Сов. Армии с 1932. Окончил Объединенную Белорус. Воен. школу (1934), Ленингр. Бронетанк. курсы усовершенствования комсостава (1935), Воен. академию Генштаба (1948). Участвовал в сов.-финл. войне 1939—40.* И т.д. *Деп. Верх. Совета СССР 6—9-го созыва. Чл. ЦК КПСС с 1961. награжден 4 орденами Ленина, 4 орденами Красного Знамени, 2 орденами Суворова 2-й степени, орденами Отечеств. войны 1-й степени, Красной Звезды, «За службу Родине и Вооруж. Силах СССР» 3-й степени, Почетным оружием, медалями, а также орденами и медалями иностр. гос-в. Похоронен на Красной площади у Кремлевской стены.*

Конечно, Штеменко в годы войны не являлся непосредственным начальником Якубовского, но будучи чрезвычайно принципиальным и дотошным, как и его начальник генерал Антонов, он в буквальном смысле слова щепетильно и скрупулезно исследовал сражения, проведенные советскими командирами, которые представлялись к высшим правительственным наградам и к званию Героя Советского Союза. В обоих случаях присвоения Якубовскому Золотой Звезды Штеменко обнаружил подлоги и подтасовки в представленных фактах о проведении военных операций. Естественно, Сергей Матвеевич доложил об этом Антонову. Алексей Иннокентьевич обещал подумать, а через какое-то время вновь вызвал Штеменко. И порекомендовал... не делать из этого шума.

Тогда же Штеменко понял, что какие-то неведомые ему силы оказались выше его принципиальности и справедливости, выше принципиальности и справедливости Антонова.

По окончанию войны Якубовский, уже будучи генералом, на одной из пьянок, проходивших на дачах Министерства обороны под Москвой, услышал в разговоре о том, что якобы Штеменко препятствовал и был категорически против награждения его двумя Золотыми Звездами. Будучи в сильном опьянении, огромный генерал, проявляя дремучую безграмотность, материл Штеменко на чем свет стоит. Невзирая на то, что большинство собравшихся были подшофе, многим запомнились воинственно-хвастливые слова: «Да я — Якубовский, я — сталинский сокол и именно такие, как я, победили фашистскую гидру!» Присутствующие на пьянке два авиационных генерала, Герои Советского Союза, вслух высказали недоумение, мол, с каких это пор танкисты стали сталинскими соколами. Ведь всем известно, что народ, писатели и журналисты так окрестили летчиков. Другие, посмеиваясь, подметили: «А что такое фашистская гидра?»

Когда началась подготовка к XX съезду КПСС, в числе лизоблюдов и генералов Великой Отечественной войны, побежавших к кормушке Хрущева, был и генерал-лейтенант Якубовский. Этот деревенский мужик, который ни одного дня не работал на земле, каким-то идиотским чувством ощутил что надо бежать к кормушке, и неудивительно: управлял-то кормушкой такой же мужик, не любивший землю и никогда не хотевший на ней работать, а лишь призывавший отдать все силы труду. И вот тут-то блестяще проявился «воинский» талант и искусство ссучившегося человека в системе; но не все оказались таковыми. Среди тех, кто не хотел пресмыкаться, были Штеменко, Кузнецов, Галлер и другие военачальники. Это конечно, крайне не понравилось хозяину кормушки, ибо, будучи не по локоть, а весь в крови своих жертв (то, что Хрущев палач, не менее страшный, чем Берия, Ежов и им подобные, до сих пор усердно замалчивается...), он требовал от еще вчера кричавших: «За Сталина!» осудить умершего вождя и «Аллилуйя!» петь ему, новому вождю и кормильцу.

Вот тут-то Ивану Игнатьевичу и простор для подлых действий, уж он-то хорошо, даже будучи в сильном опьянении, запомнил слова какого-то пьяного генерала, сказавшего кто пытался помешать ему получить заветные Звезды Героя.

Что только он не наговорил в своем рапорте на Штеменко!

Если прочитать рапорт, то окажется, что во всех бедах, которые принесла нам война, виновен один генерал Штеменко. Что эта бездарность загубила цвет советского офицерства, генералитет, что этот человек разрушил военную разведку, пытался деморализовать работу Генштаба и что отсталость Вооруженных Сил нашей страны целиком и полностью на совести этого штабного работника... Красноречиво и категорично...

Неужели доносительство — истинное занятие советских генералов в мирное время?

И вот наступил 1968 год. Повеяли новые ветры. Хрущев был уже на пенсии, а у власти новый человек. Которому тоже у кормушки нужны были свои преданные люди, свои герои. А где их искать? Да все там же, среди прежних...

Еще почти четыре года назад Иван Игнатьевич легко уловил своей широкой физиономией, откуда и куда веет ветер. И уже будучи на должности 1-го заместителя Главнокомандующего Группы советских войск в Германии (кстати, эту должность он получил за свое лизоблюдство перед Хрущевым сразу после XX съезда КПСС, в 1957 г.), вновь в Кремль отправляет «чистосердечное» письмо-рапорт члена КПСС с 1937 года Ивана Игнатьевича Якубовского о верности ленинскому Центральному Комитету партии, возглавляемому новым верным ленинцем дорогим Леонидом Ильичом Брежневым.

Подобное обращение к новому генсеку, ставшее впоследствии вполне официальным, еще не было принято в таком вот виде. И не считать ли автором сего обращения товарища Якубовского?

После поступившего «чистосердечного» письма Ивана Игнатьевича вызвали в ЦК партии и заслушали на Главном военном совете. Ему задали вопрос: «Каким вы видите дальнейшее совершенствование Советской армии?» Не задумываясь, генерал ответил: «Совершенствование Советской армии всегда находилось в прямой взаимосвязи с решениями Центрального Комитета родной Коммунистической партии». Мощный голос генерала вызвал бурные аплодисменты у членов ГВС.

И тут же последовало назначение на один из самых мощных военных округов — на должность командующего войсками Киевского военного округа.

До недавнего времени там руководил хрущевский лизоблюд Маршал Советского Союза Петр Кошевой. Кстати, в телефонном разговоре с отдыхавшим на даче в 5-6 км от Адлера в октябре 1964 года Никитой Сергеевичем он обещал «в случае чего...» силами войск округа поддержать друга Никиту... Но Пленум в Москве состоялся без присутствия Первого секретаря ЦК Хрущева, где Никиту Сергеевича сняли, а Кошевой словно бы забыл об обещании «в случае чего...» и наряду с другими фальшполководцами быстренько побежал на поклон к новому хозяину Кремля. Но места у кормушки ему не досталось...

Должность в Киеве главного военного руководителя соответствует званию Маршала Советского Союза. Мог ли ею довольствоваться Якубовский? Да, мог, но что-то подтачивало его сознание, что-то давало жгучую надежду, что и это — не предел.

И оказался прав. Леонид Ильич не забудет верность мятущегося дворового пса. Во главе войск братских стран Варшавского Договора ему нужен был не такой человек, как Антонов, несколько лет назад скоропостижно скончавшийся, не его последователи. Над этими войсками нужен был унтер с лампасами, который в случае чего, не раздумывая и не задавая вопросов, мог бы плетью гнать войска на подавление инакомыслия в странах войск Варшавского Договора. В общем, такой, как Якубовский.

Интриги и игры продолжаются. Иногда побеждают умные, но чаще — дураки...

И вот к этому Якубовскому начальником штаба назначают Штеменко. Ивану Игнатьевичу, скорее из-за скудости мышления, невдомек: почему Штеменко к нему первым замом? Как так? Кто позволил? Зачем?

Иван Игнатьевич поднял трубку связи ВЧ и гаркнул: «Соедините меня с министром обороны!»; и тут же до его слуха донесся знакомый голос, который он в запале не смог узнать: «Я вас слушаю, Иван Игнатьевич...».

Не знал, ох, не знал Иван Игнатьевич, что мужчины, обладающие, как и он, басом, приходят в шок от голоса мужчин, имеющих баритон, но которых они не видят, и, согласно законам физиологии, он впал в шоковое оцепенение. Он даже не сообразил, что когда бросил повелительно в трубку: «Соедините меня с ...», то сработала синхронно высокочастотная связь, и на другом конце провода трубку поднял министр обороны СССР, Маршал Советского Союза Андрей Антонович Гречко. Опешивший Якубовский поперхнулся, а из трубки снова повторили: «Я вас слушаю, Иван Игнатьевич». Но, очевидно не надеясь услышать что-либо вразумительное, министр добавил: «Иван Игнатьевич, приезжайте, я вас жду».

Якубовского охватила лихорадочная дрожь.

Знавшие его люди утверждали, что в минуты страха он истекал потом и был вонючий как кнур.

Этот животный страх появился после того как он с должности командира дивизии был выдвинут на должность командующего объединением. Нет, он боялся не подчиненных, закаленных в боях полковников и генералов.

Страх появился перед вышестоящими начальниками, ибо этими начальниками были те люди, которые в годы войны командовали армиями и фронтами, и немало из них было в фаворе у товарища Сталина еще в то время, когда он только поднялся на ступеньку старшего офицера. И оказавшись в силу обстоятельств в ранге командующего объединением, он не знал что делать, с чего начать...

Не помогало и академическое образование. Да и какое там образование, когда вместо того, чтобы осваивать тактику и стратегию, — что трудно давалось, Якубовскому достаточно было вовремя закричать преподавателю: «Я — дважды Герой Советского Союза, полковник! Я животом исползал всю войну».

Знавшие себе цену преподаватели академии просто не считали нужным перечить дважды Герою-хвастуну, бахвалившемуся, как он, пузом (и это-то сидя в танке, а чаще в «виллисе»!) пропахал полстраны. Так пролетели годы учебы в академии; знаний не прибавилось, ибо то, что говорилось на лекциях, не воспринималось, зато регулярно получаемая зарплата

всегда пропивалась в попойках с такими же собутыльниками, как и Якубовский.

А в одночасье появившийся страх больше никогда его не оставлял. И когда он стал первым заместителем главкома ГСВГ, и когда командовал войсками Киевского военного округа, и вот теперь, когда возглавил войска Варшавского Договора.

Нареканий со стороны ЦК партии в его адрес не было, но то была заслуга не его, а офицеров штабов, командиров соединений и командующих объединениями. Которые не заглядывали в рот Маршалу Советского Союза, а в силу своих знаний и умения управляли тысячами и тысячами людей, причем чаще не за страх, а за совесть в деле служения Родине.

Пришедшему к руководству Вооруженными Силами СССР после смерти Маршала Советского Союза Родиона Яковлевича Малиновского весной 1967 года его первому заместителю Маршалу Советского Союза А. А. Гречко, в соответствии с задачами и требованиями *сегодняшнего дня*, ЦК партии поставил задачу: более активно и напористо, чем его предшественник, взяться за оснащение новейшими вооружениями вверенных ему Вооруженных Сил. Должность обязывала его встретиться и с важным силовиком — председателем КГБ СССР; на встрече прозвучало мнение, во многом совпадавшее с позицией самого маршала. Руководитель КГБ Андропов прежде всего ориентировался на смену кадрового состава руководства Министерства обороны, Генерального штаба и командования видов, округов и флотов. Были названы имена советских военачальников, использование которых комитет не считал целесообразным. Прозвучало и имя Якубовского, но председатель комитета, снизив голос до полушепота и наклонившись к Гречко, произнес: «Но, Андрей Антонович, вы же понимаете, что Ивана Игнатьевича уважает Леонид Ильич. Я надеюсь что вы деликатно решите этот вопрос. Но а если...»

Никаких «если» быть не могло; Андрею Антоновичу Гречко тоже надо было формировать свою команду, тут они сошлись. По лицу маршала пробежала светлая тень и его уверенный баритон заполнил пространство большого кабинета: «Это вполне решаемый вопрос, Юрий Владимирович». «Ну и прекрасно, Андрей Антонович». На том и расстались.

Вернувшись в свое министерство, маршал вызвал начальника Главного управления кадров и высказал ему уже принятое решение: «Подготовьте проект постановления Совета Министров о назначении на должность начальника штаба войск Варшавского Договора — 1-го заместителя Верховного Главнокомандующего войсками... генерала армии Штеменко Сергея Матвеевича». И добавил: «Согласовывать ни с кем не надо, министры обороны братских стран хорошо знают генерала. Я думаю, что Леонид Ильич позитивно отнесется к его кандидатуре, потому что в недавнем разговоре он лично спросил меня, почему Малиновский не представил Штеменко к званию Героя Советского Союза на юбилейную дату окончания войны. И еще... вместе с назначением подготовьте материалы на восстановление его в воинском звании генерала армии».

Назначение и восстановление состоялось через несколько дней в Кремле. Возвращая Бриллиантовую Звезду генералу армии, Брежнев сказал: «Товарищ Штеменко, я думаю, мы вскоре прикрепим сюда алмазы Маршала Советского Союза». Леонид Ильич, плохо выговаривающий «р», не сказал: мол, еще бриллианты прикрепим, когда очередное звание дадим, а сказал: «алмазы». Присутствующий при этом маршал Гречко понял, что попал в яблочко.

Вошедший адъютант произнес: «Товарищ министр, маршал Якубовский в приемной». — «Зови», — коротко ответил тот.

Вошедший Иван Игнатьевич стараясь казаться молодцеватым, щелкнул каблуками и, задрав оплывший подбородок, гаркнул на всю мощь своих легких: «Товарищ министр обороны СССР, Главнокомандующий войсками государств — участников Варшавского Договора, 1-й заместитель министра обороны СССР Маршал Советского Союза Якубовский прибыл по вашему приказанию!»

Министр дал ему возможность выкричаться, надеясь тем самым расположить его к человечному разговору, а не долдонить по обыкновению раз и навсегда заученные слова о верности ЦК КПСС; но Якубовский, как всегда в таких случаях, раскрыл папку, вынул из нее лист бумаги с подготовленной офи-

церами-операторами сводкой по состоянию дел во вверенном хозяйстве. Министр вышел из-за стола, жестом руки остановил попытку маршала зачитать текст информации и подойдя к нему, забрал лист, сложил его и положил на стол заседаний. Затем взял Ивана Игнатьевича под локоть и провел за журнальный столик, усадив в мягкое кресло. Грузная фигура 1-го зама министра обороны, казалось, заполонила пространство большого кабинета, она не потерялась даже когда он оказался в этом массивном кресле.

«Иван Игнатьевич, я пригласил вас для того, чтобы успокоить вас в связи с назначением начальником штаба генерала армии Штеменко. Как вы понимаете, его кандидатура одобрена Леонидом Ильичом». «Но я… я член…» — «Да-да, вы как и я, Иван Игнатьевич, член ЦК КПСС, и я, принимая это во внимание, задним числом каюсь. Наверное, следовало предварительно оговорить назначение с вами. Но давайте рассудим: фигура Сергея Матвеевича разрешалась выше, чем мы с вами находимся, — в Политбюро. И я как член ЦК КПСС обязан подчиниться рекомендациям и пожеланиям товарищей из вышестоящего партийного органа… Надеюсь и вы, Иван Игнатьевич...» «Но вы знаете, Андрей Антонович …» — невнятно произнес Якубовский, отпил несколько глотков воды из поданного ему министром стакана, было слышно как хрусталь стучит о его зубы. — Но вы знаете, он доносил на меня Сталину в годы войны». — «Иван Игнатьевич, побойтесь Бога, — спокойно и убедительно продолжил министр, — Сергей Матвеевич в годы войны был в столь высокой должности, что лично вас, старшего офицера, он знать не знал и ведать не ведал. Да и с какой стати ему на вас доносить?»

Министр весьма подробно знал ситуацию, в которой в данный момент оказался Якубовский, и его задача заключалась как раз в том, чтобы не раззадорить, а сгладить острые углы и тем самым добиться по крайней мере деловых взаимоотношений.

Но маршал Якубовский не унимался и министр дал ему возможность выговориться. Когда ограниченный словарный запас Ивана Игнатьевича иссяк и он начал без конца повторять одну фразу: «я верен делу партии до конца», Андрей Антоно-

вич указательным пальцем правой руки аккуратно приподнял одну из звезд Героя на мундире собеседника. И спокойным сильным баритоном произнес: «Иван, если ты не уймешься, я тебя не пугаю, я сниму не одну звезду с тебя, а обе, и одна из них уж точно окажется на груди у твоего начальника штаба. Но где ты сам будешь тогда? Уймись, Иван… ибо факт фальсификации документов о предоставлении тебе Звезд Героя в январе и сентябре 1944 года получит огласку».

Гречко имел достоверную информацию о том, что Ивана Игнатьевича только раз удостоили звания Героя Советского Союза — в январе 1944-го. При награждении повторно обычно говорилось: «за то-то и то-то наградить второй Золотой Звездой и соорудить бронзовый бюст на родине Героя». Но оттого что вновь представленные документы были сфальсифицированы (заменили только дату), то и в сентябрьском указе обязательных слов о бюсте на родине дважды Героя не оказалось. И лишь спустя некоторое время — еще не закончились бои — аппаратчики наградного отдела спохватились и скорректировали указ, дописав, что И. И. Якубовский награждается *второй* звездой и в его честь на родине следует соорудить бюст. Так подтасовка приобрела законную силу. А все из-за того, что не дай бог сообщил бы кто о промахе Сталину или Берии, то сотрудникам наградного отдела шкур своих не спасти.

Но наша страна всегда отличалась тем, что не было ничего тайного, что бы не стало явью… для тех, кому положено все знать.

Не мог не знать сей тонкий нюанс Иван Игнатьевич. И не стоило после войны в пьяном угаре делать бурю в стакане. Штеменко в этом конкретном случае можно было назвать буквоедом, бюрократом, но только не фальсификатором. И какова же цена подвигам командира бригады подполковника Якубовского? Если нам скажут, что он-де был на войне, нюхал порох, узнал почем фунт лиха, так разве ж мало на советско-германском фронте командиров бригад, а тем более подполковников, нюхавших порох, не удостоены не то что Героя Со-

ветского Союза, но зачастую даже солдатской награды ордена Красной Звезды... даже посмертно... так и ушедших от нас безвестными героями...

А вот Иван Игнатьевич пекся о личной сытой жизни, о славе и о незаслуженных наградах больше всего на свете. Факт присвоения первой Золотой Звезды оброс за десятилетия байками. Но факт остается фактом. В конце 1943-го — начале 1944-го года бригада подполковника Якубовского находилась в глубоком тылу на перевооружении и пополнении. Оснащалась воинская часть британскими танками, которые имели низкую проходимость, и тогда один из умельцев бригады порекомендовал установить на гусеничные траки острые шипы, тем самым повысив проходимость танков по снегу. О конструктивном изменении полетела на Лубянку шифровка от особиста бригады. Информация легла на стол Лаврентию Павловичу, который счел ее забавной и при одной из ближайших встреч с вождем рассказал об этом, добавив фразу, ставшую крылатой: «Некий Якубовский, товарищ Сталин, подковал Черчилля». Сталин, находясь в хорошем расположении духа, юмор наркома внутренних дел воспринял положительно. И, чудеса: юмор превратился в Золотую Звезду Героя.

В послевоенные годы «гениальность» генерала Якубовского росла постоянно, а всплески ее приходились на смену политической ориентации в Кремлевских кабинетах.

Маршал Советского Союза Гречко припомнил и недавнее заседание Военного совета государств — участников Варшавского Договора, на котором Иван Игнатьевич, как тогда говорили, выступил с историческим докладом. «Товарищи! Весь советский народ, воодушевленный историческими решениями XX(очередного) съезда КПСС, семимильными шагами осваивает космос, увеличивает надои молока и поголовье скота на душу населения...» Затем Маршал Советского Союза, как и полагается, отдал должное проклятым империалистам, зарвавшимся маоистам, коварным сионистам, проискам империалистических разведок во главе с цитаделью империализма — США... и стоящей на страже завоеваний Великого Октября славной Советской армии, в которой он и коммунисты

армии клянутся хранить бдительность Советской армии как зеницу ока... как завещал великий Ленин... и т.д. и т.п.

Трехчасовое чтение текста, набранного политработниками генерала Волкогонова, вряд ли кто слушал. Тем более находившиеся в зале генералы братских стран, не очень хорошо владеющие русским языком; к тому же все знали, что эта галиматья на следующий день будет опубликована в органе Министерства обороны СССР «Красной звезде» и в военных газетах стран — участников войск Варшавского Договора.

...Маршал Гречко взглянул на Ивана Игнатьевича, огромной тушей возвышающегося в кресле, бледное лицо которого выражало тупость заевшегося военного чиновника и абсолютное развращение властью. С уст Гречко невольно сорвалась фраза: «Откуда ж ты такой, а, Иван Игнатьевич? Говорят, ты отличился в битве за Москву и был любимцем Сталина... Ты отличился, Иван Игнатьевич, когда командовал придворной Кантемировской дивизией. Ты тогда, в 53-м был готов выполнить любой приказ».

Якубовский видимо пришел в себя, потому что тут же ответствовал: «Андрей Антонович, а как бы вы поступили на моем месте?»

Андрей Антонович еще не успел ничего сказать, как его собеседнику стало настолько плохо, что адъютанту министра пришлось срочно вызывать врача. Тот рекомендовал немедленно доставить Якубовского в кардиологический центр ЦВКГ — Центрального военного клинического госпиталя имени Бурденко.

Следующая и, пожалуй, последняя встреча двух военачальников — Якубовского и Штеменко — состоялась через несколько лет по окончании командно-штабного учения, которым практически руководил генерал армии Штеменко. Ибо главком почти все время отсиживался на даче командного состава в Подмосковье, где его уже не окружали (о, возраст и немощность!) артистки из военного ансамбля, как это было в бытность его командования войсками Киевского военного округа.

Звезды, понятное дело, ни с плеч ни с груди у Ивана Игнатьевича никто не отобрал, но и Штеменко не стал в этой ис-

тории выигравшим. К его Звезде на галстуке не добавились обещанные алмазы, соотвествующие статусу Бриллиантовой Звезды Маршала Советского Союза. Зато на груди министра обороны СССР Маршала Советского Союза А. А. Гречко, ставшего к тому времени членом Политбюро ЦК КПСС, оказалась вторая геройская Звезда, — в соответствии с Указом Президиума Верховного Совета СССР. А на малой родине соорудили бронзовый бюст.

Андрей Антонович стал недосягаем для всех полководцев минувшей войны — находившихся ли в строю или на заслуженном отдыхе Маршалов Советского Союза. В том числе и для обрюзгшего и постаревшего Сергея Матвеевича Штеменко, чьи награды он «перехватил». Кстати, в определенном кругу ходила даже байка, что Штеменко, не стерпев нанесенной обиды, стрелял в Гречко…

Штеменко, пожалуй, единственный, кто в своей книге «Генеральный штаб в годы войны.» (ч. 1 — 2, 1968 — 73) указал — сколько было произведено награждений высшей полководческой наградой — орденом «Победа» — советских и иностранных граждан и сколько всего было изготовлено этих орденов. Он не назвал лишь ордена «Победы», которые были вручены без огласки в указах... Скорей всего, Сергей Матвеевич этого не знал... Либо ему было запрещено говорить об этом… Орденов «Победы» без огласки удостоены два советских гражданина: один был митрополитом Русской Православной Церкви, второй — одним из руководителей бывшего Коминтерна.

И что любопытно: Сергей Матвеевич также описал как готовилась форма одежды Генералиссимуса Советского Союза, варианты которой, по словам Сергея Матвеечива, были отвергнуты Сталиным. Живым манекеном для этой цели служил начальник тыла Красной армии генерал армии Хрулев, которого многие считали умелым хозяйственником. Кстати, он впоследствии не подписался под клеветой Хрущева на Сталина…

Я видел Сергея Матвеевича Штеменко незадолго до его смерти. Он тогда посетил главную базу Черноморского флота — Севастополь, побывал на кораблях 30-й дивизии, где его весьма любезно встречали матросы и офицеры. Многие осоз-

навали, что они соприкасаются с человеком, чей образ в сознании советских людей долгое время ассоциировался с войной и лично с руководителем партии и Советского государства — Сталиным. Штеменко олицетворял дух недавно прошедшего времени, времени жестокого и трагического, времени глубочайших загадок и романтического энтузиазма. Времени, особенности и коллизии которого наложили свой неизгладимый отпечаток на судьбу этого военачальника.

...Мне, тогда ищущему и горячему, любящему размышлять все хотелось понять: любил ли этот человек — нет, не власть, не награды, не славу, а: кормушку? И, размыслив, я ответил себе однозначно: нет, не любил... он не мог полюбить ее, потому как просто ее не заметил, не хотел замечать... ибо разве можно заметить веселое благо и разгульные удовольствия жизни, когда тебе всего только 34 года, ты полон нерастраченных сил и мощной энергии, и тебя вот бросают в пекло жизни... о, тогда даже мощь Везувия кажется ничтожной в сравнении с тем, что ты пережил в свои молодые годы...

ИСТОРИЯ 2

«СТЕПАН ШАУМЯН» И БАКИНСКИЙ КОМИССАР

О, эти прямые и пересекающиеся, неисповедимы их траектории! Одна давняя история гласит: в конце 20-х годов XX столетия средь бела дня в июле на траверзе мыса Сарыч произошло столкновение эскадренного миноносца «Степан Шаумян» с гражданским транспортом. Командующий флотом Иван Кузьмич Кожанов, с облегчением узнав, что во время ЧП никаких жертв нет, а обоим кораблям нанесен лишь небольшой материальный ущерб, как и положено, назначил комиссию для выяснения причин аварии. Естественно, чтобы принять меры к недопущению подобных фактов в будущем.

Судя по всему, командующий не счел нужным доложить об этом происшествии своему морскому начальству в Москву. Но за него это сделал (а разве могло быть иначе?!) начальник особого отдела Черноморского флота. Через некоторое время командующий был вызван в Москву на заседание Политбюро ЦК. Когда он вошел в кабинет, где Сталин заслушивал одного из партийных руководителей, вождь остановил выступающего, взглянул на вошедшего флагмана флота и сказал: «Па-аясните, ш-што произошло у вас на флоте». Командующий флотом, флагман флота 2-го ранга И. К. Кожанов в кабинете не растерялся и громко-запальчиво выдал: «Товарищ Сталин, столкновение произошло в самой узкой части Черного моря».

Генсек подошел к нему, прикоснулся указательным пальцем ко второй пуговице на кителе командующего, внимательно, словно заглянув в глубину сердца, посмотрел в его глаза. Затем развернулся и пошел вдоль сидящих за столом членов Политбюро. Остановившись у рабочего стола, вождь не спеша

выковырял из трубки пепел, постучал ею о пепельницу и повернувшись к участникам заседания, спокойно произнес: «Ну што ж, та-аварищи, командующий флотом сказал, што ста-алкновение произошло в самой узкой части Черного моря и вполне возможно, што капитаны судов нэ смогли разойтись. Это как в той сказочке: два козлика встретились на-а узком проходе в горах и никто не хотел уступать. А-ани ста-алкнулись лбами, сбили друг друга и улетели в пропасть. Ви свободны, товарищ Кожанов».

Кожанов Иван Кузьмич / 12 (24).5.1897 — 22.8.1938/, советский воен. деятель, флагман флота 2-го ранга (1935) (за бурную молодость его называли б...н 1-го ранга). *Чл. Коммунистич. партии с 1917. Род в станице Вознесенкской, ныне Лабинского р-на Краснодарского края. С 1916 учился в гардемаринских классах в Петрограде. В 1918, командуя на Вост. фронте отрядом моряков, участвовал в боях с белочехами и белогвардейцами в Поволжье. С авг. 1920 командир Мор. экспедиц. дивизии, участвовал в разгроме десанта ген. Улагая на Кубани. В 1921 участвовал в подавлении Кронштадского мятежа. С 1921 чл. РВС Черноморского флота, в 1922 — 24 нач. Мор. сил Тихого ок. Окончил Воен.-мор. академию (1927). В 1927 — 30 воен.-мор. атташе в Японии. В 1930 нач. штаба Балт. флота. В 1931 — 1937 командующий Черноморским флотом. Награжден орденом Красного Знамени и орденом Красной Звезды.*

...В 1938 году Кожанов, бывший одним из руководителей РККФ, был приговорен к смертной казни как враг народа. В камере он попросил лист бумаги и карандаш и написал на имя товарища Сталина просьбу о помиловании. В ней он указал, что вот в таком-то году и при таких обстоятельствах товарищ Сталин ему поверил и он просит поверить ему и сейчас в том, что ни в чем не виновен...

Сталин, которому доложили о прошении Кожанова, приказал Поскребышеву подать письмо и тот сразу же вынул из папки исписанный лист бумаги. Вождь пробежал его глазами и начертал резолюцию, произнося при этом вслух: «За-а кого ви меня принимате? Ви говорите, ш-што расстояние от мыса Са-

рыч до турецкого берега — самое узкое место. Нэ могу не согласиться с вами. Спецы-алисты утверждают, што это так. И я сам сма-атрэл на карту, — точно, самое узкое место. Но за кого ви нас принимаете? Што в июле месяце при штиле два корабля столкнулись в Черном море в ясную погоду и на-анесли материальный ущерб советскому государству... Нэ вижу оснований для отмены приговора».

Наложив текст поверх исписанного листка, Сталин отпустил Поскребышева, но тот, прежде чем развернуться и уйти, сказал: «К вам на прием просится товарищ Микоян, он в приемной, и я полагаю, он по этому же вопросу». «Ну ха-арошо, пусть зайдет», — бросил вождь.

Анастас Иванович Микоян, не объясняя никаких мотивов, попросил за бывшего флотского начальника. Сталин не спеша вышел из-за стола и несколько раз прошел туда и назад мимо наркома пищевой промышленности. Микоян, словно флюгер, каждый раз поворачивался вслед. В какой-то момент вождь вплотную подошел к нему и, взяв его за клапан нагрудного кармана, негромко сказал: «Так ты тоже, Анастас, ш-щитаешь, што узкость виновата? Ну ш-што ж, я отменю приговор, если ми в Баку на-а месте мемориала 26-ти Бакинских комиссаров да-пи-шим 27-ую фамилию: Анастас Иванович Микоян. Председателем совнаркома тогда бил Стэпан Шаумян? ...Также, как эсминец назывался... Так договорились дописать фамилию? Тогда Кожанов бу-дит жить... Или нэ дописывать?»

Микоян, весь трясясь, упал на колени и, выклянчивая себе жизнь, целовал мягкие кавказские сапоги вождя. Сталин свысока наблюдал эту отвратительную картину, затем пнул Микояна ногой, презрительно бросив: «Па-ашел вон!»

Комиссары Бакинской коммуны... В классической советской литературе сказано, что при поддержке английских интервентов буржуазные националисты и контрреволюционеры — мусаватисты, эсеры, меньшевики — в конце июля 1918-го временно задушили Советскую власть в Баку, арестовали и бросили в тюрьму бакинских комиссаров. Среди них были председатель Бакинского СНК и нарком иностран-

ных дел С. Шаумян, нарком внутренних дел П. Джапаридзе, комиссар и зам. наркома М. Азизбеков, комиссар по делам народного хозяйства И. Фиолетов, другие комиссары, в том числе и Анастас Микоян (по понятным причинам имя последнего среди членов этой организации в энциклопедиях и справочниках не значится).

Далее действия развивались, — согласно мнению советских историков, — по следующему сценарию: большевикам удалось освободить приговоренных к расстрелу комиссаров, доставить их на пароход «Туркмен», который отплывал из Баку. Но контрреволюционное командование судна взяло курс на Красноводск, где в то время были англичане, и передало революционных деятелей Закавказья местным эсеровским властям.

Ранним утром 20 сентября 1918 года 26 комиссаров Бакинской коммуны были расстреляны между станциями Перевал и Ахча-Куйма Закаспийской ж/д. Через два года их останки перевезли в Баку и похоронили на площади, которую так и назвали: Площадь 26 бакинских комиссаров.

Итак, из всех арестованных членов бакинской коммуны остался в живых один — Анастас Иванович Микоян. Любопытно, кто же предал легендарных революционеров Закавказья?

Ответ напрашивается невольно: тот, кто остался в живых... Но вот как было на самом деле?

Микоян Анастас Иванович /р. 13 (25). 11.1895, с. Санаин, ныне Туманянского р-на Арм. ССР/, советский гос. и парт. деятель, Герой Социалистич. Труда (1943). Чл. КПСС с 1915. Окончил Арм. духовную семинарию в Тбилиси, учился на 1-м курсе Эчмиадзинской духовной академии. Вступив в РСДРП, вел парт. работу в Тбилиси, Эчмиадзине, сотрудничал в с.-д. печати. После Февр. революции 1917 организатор Эчмиадзинского совета, затем пропагандист в Тбилиси, Баку, чл. Тбилисского к-та партии. И т.д.: делегат..., член... редактор газеты... *В марте 1918 участвовал в подавлении контрреволюц. мятежа мусаватистов, был ранен. Летом 1918, в период борьбы с герм.-тур. интервентами, комиссар бригады Красной Армии; участвовал в руководстве боевыми действиями на фронте. После временного падения Сов. власти*

в Баку в июле 1918 пред. подпольного горкома партии. Предпринял попытку (?!) *освободить арестованных бакинских комиссаров, но сам был арестован в Красноводске и лишь случайно с неск. товарищами* (?) *избежал расстрела; находился в красноводской, затем в кизыл-арватской и ашхабадской тюрьмах. В февр. 1918 по требованию Бакинских рабочих англ. оккупанты* (ну очень требований рабочих испугались) *вынуждены были освободить М.* (освободили за то, что он был стукачом и выполнил свою гнусную функцию?) *с группой арестованных и выслали из Закаспия в Баку.*

А вот, для сравнения, выдержка из «Энциклопедического словаря», изданного государственным научным издательством «Большая Советская энциклопедия», Москва в 1954 году.

Микоян, Анастас Иванович... В сент. 1918 был арестован англ. интервентами, сидел в тюрьме вместе с 26 бакинскими комиссарами и лишь случайно избежал расстрела.

Как видим, хотя суть событий скрыта, однако четко расставлены акценты: сидел вместе с 26-ю и спасся не с несколькими мифическими товарищами, а один...

...В народе одно время говорили: от Ильича до Ильича без инфаркта и паралича... Во времена руководства страной Лениным Анастас Иванович стал членом Политбюро РКП(б), членом ЦК стал до 1917-го года. Был выдвинут на ряд руководящих должностей в партии , в 1926-м избран кандидатом в члены Политбюро ЦК ВКП(б), а в 1935 Сталин ввел его в Политбюро ЦК ВКП(б). После смерти Сталина он являлся членом Президиума (Политбюро) ЦК КПСС все время правления Хрущева, до октября 1964 года. Пришедший к власти Леонид Ильич Брежнев оставил Микояна членом Политбюро ЦК до 1966 года. А членом Президиума Верховного Совета он оставался до конца своих дней.

Когда под Первым секретарем ЦК КПСС Хрущевым зашаталось кресло партийного руководителя, Анастас Иванович уверенно посоветовал Никите Сергеевичу согласиться с реше-

ниями Пленума ЦК КПСС и ничего не предпринимать. Он — с 1958 по 1964-й год — был первым замом председателя Совета министров СССР. За верноподданность Никите Сергеевичу он в июле 1964 года был назначен на должность формального главы государства — Председателем Президиума Верховного Совета СССР. И оставался в этой должности до декабря 1965 года.

Из уст в уста ходил тогда в народе анекдот. «Анастас Иванович, говорят вы не пользуетесь зонтиком и ваш костюм никогда не намокает под дождем». На что лукавый Анастас Иванович отвечал: «А я, товарищи, хожу между струек дождя». В этом простом анекдоте народ передал сущность Микояна.

А вот еще анекдотец из жизни. В 1953-м Анастас Иванович занимал пост министра внутренней и внешней торговли СССР. Как известно официально, в марте того года умер Сталин. Власть сменилась. Прославляя культ личности вождя, немало в этом преуспели деятели искусства, в частности, кинематографисты. В советских фильмах образ великого Сталина был воплощен народным артистом Советского Союза, многократным лауреатом Сталинской премии Геловани. Легенды говорят о том, что после смерти Сталина талантливый артист остался без работы, и неудивительно, — подули иные ветра... Тогда артист не смог ничего иного придумать, как при случае подарить усы и парик товарища Сталина, которые ему приклеивались на съемках... руководителю партии товарищу Хрущеву. А было все так.

Никита Сергеевич, принимая его, сочувственно сказал: «Мы в ЦК, товарищ Геловани, ни в чем вас не упрекаем, вы артист и, судя по всему, хороший. Я думаю, вы заслужили персональную пенсию». Растроганный кавказец, не зная как благодарить Первого секретаря ЦК, дрожащими руками открыл свой портфель, вынул оттуда парик и усы и положив их с краешку стола, с акцентом произнес: «Товарищ Хрущев, это все, что осталось от моей главной и единственной роли. Возьмите на память и освободите мою душу от греха». Откланявшись, благодарный артист покинул Кремлевский кабинет.

Никита Сергеевич, как говорят, долго ходил около сталинского парика с усами и как-то по особенному рассматривая

эти артефакты безграничной власти, все бормотал что-то невнятное, затем, схватив обеими руками парик, натянул на свою лысую голову, после чего умудрился прилепить и усы. Очевидно, Никита Сергеевич хотел ощутить себя в образе великого диктатора, на мгновение представив себя великим горцем.

В это время отворилась дверь и в кабинет вошел Анастас Иванович Микоян. Увидев такое преображение, — даже нет, внезапно и бесповоротно поверив в случившееся, Микоян всплеснул руками и скороговоркой произнес: «Слушай, дорогой товарищ Сталин, ты опять вернулся в свой кабинет. Тут, пока тебя не было, эта жирная свинья та-ко-го-о натворил!» Никита Сергеевич, услышав подобные слова, в ярости сорвав с себя парик и усы, возопил: «Да как ты смеешь, неблагодарный Анастас!» Но тот, не растерявшись, тут же произнес: «Как я тебя, Никита Сергеевич? Только ты один способен понять подобные шутки». ...Недаром говорят, Анастас Иванович Микоян — самый хитрый из армян.

Эту байку, как и некоторые другие, я слышал от тех, кто занимал должности секретарей ЦК.

ИСТОРИЯ 3

...ДОСТОИН СПРАВЕДЛИВОЙ БОЛЬШЕВИСТСКОЙ ПУЛИ

Эта была одна из тех ночей, когда на состояние размышлений и поступков Генсека влияли естественные явления природы. В ту ночь глубокой осени с низко висящих над столицей облаков лил не знающий конца и края косой дождь. Иногда порывы ветра в кремлевских закоулках и по крыше завывали пьяно и резко, с мистической жуткой силой.

Закончив работать с документами, вождь остановил взгляд на часах, время было далеко за полночь, и перевернул листок откидного календаря. Встал, прошелся вдоль стола заседаний, посмотрел на массивную хрустальную пепельницу, разломил несколько папирос с хорошим югославским табаком, набил им свою трубку и положил ее около пепельницы. Делал он это методично, не спеша, отработанным однажды и навсегда приемом. А его взгляд, казавшийся отсутствующим, наверняка погрузился в недалекое прошлое.

Вождь в мягких сапогах так же неспешно подошел к столу и взглянул на черную конструкцию кремлевской «вертушки». Его некрупная кисть легла на трубку и долго лежала. Через какое-то время характерный гортанный голос уже будил товарища наркома: «Ты што, сь-пишь, Анастас? В это время надо нэ спать. Надо или работать или любить жен-шину. Приезжай. Надо поговорить».

Через несколько минут в кабинет вождя вошел Анастас Микоян, один из комиссаров Бакинской коммуны. Вождь молча указал дымящей трубкой на стул и спросил: «Скажи, Анастас, сколько мусульман било в Бакинской ка-аммуне?» Микоян не впервые слышал от вождя вопросы по поводу Бакинской

коммуны. И всякий раз он не мог понять: всерьез говорит Генсек или просто шутит, — дотошно-жестоко, в своем дьявольски-изощренном стиле. Но каждый раз, когда он об этом спрашивал, мелкая дрожь пробегала по спине и долго не могли остановиться трясущиеся колени.

Микоян давно уже заметил, что при вопросах о Бакинской коммуне Сталин внимательно, словно подопытного кролика, рассматривает его. И при этом не подходит близко, а смотрит издалека, из глубины кабинета, но всегда — внимательно, словно давая понять, что знает о нем даже то, что и ему самому не известно...Однажды вождь ему сказал: «Анастас, у тебя так трясутся ноги, ш-то, боюсь, што у тэбя отвалятся яйца. А как жи-ы тогда ты будешь спат с Ашхен? ...И потом: слушай, я все-о понимаю, но па-ачему ты женился на эта-ай армянке с такой фамилией: Туманян. Мне говорят, ш-што она твоя то ли два-аюродная или какая там се-стра».

Неизвестно, что мог сейчас спросить Сталин. Помимо того, что уже спросил. Микоян опять трясся, а вождь, неожиданно подойдя к нему и направив в его голову дымящуюся трубку, сказал: «Срэди бакинских комиссаров было только двое мусульман: Азизбеков и Везиров. А а-стальные били, как ты думаешь, — кто? Авакян, Костандян, Барьян, председатель совнаркома Ша-аумян, русские Петров, Корганов, Фиолетов, грузины Джапаридзе, Николайшвили... слю-шай, а кто ты у меня... ты тоже вроде би Микоян, а значит, армян».

Кураж, попахивающий смертью, исходил из уст вождя, и Микоян всем своим дрожащим сердцем ощутил неистребимую жажду Сталина в очередной раз потешаться над ним. И горше всего, что неизвестно: когда переступится критическая черта, за которой наступит расплата...

...Как член совнаркома Азербайджана, Анастас Микоян, как и его соратники, проводил террористическую линию укрепления своей власти: производились массовые расстрелы заподозренных в сотрудничестве с мусаватистами и белыми. При этом изымали миллионы денежных купюр из промышленников, легко уничтожая несогласных, бросая их в тюрьмы. Но,

даже несмотря на репрессии, власть все никак не могла состояться. Вот и два комиссара — левоэссеры Покровский и Киреев — сделали попытку бежать, спасаясь от участи строителей счастливого будущего для всех советских граждан... Их поймали и по предложению Анастаса Ивановича Микояна, которое безоговорочно поддержали все комиссары, расстреляли... Предателям не место в светлом будущем...

Сталинская трубка с мундштуком, словно дымящийся после выстрела ствол нагана, вновь мелькала перед испуганными глазами бывшего бакинского народного комиссара. «Так как ти думаешь, какова причина, ш-то белые проиграли в минувшей войне? Только не говори мне цитатами из «Правды». Ну ш-што ты весь трясешься? Хочешь, сказать ш-то нэ знаешь правду... Если знаешь, — так и скажи; нэ знаешь, — тоже скажи. Но если знаешь и не говоришь, чего ты тогда достоин? Правильно дрожишь... достоин справедливой большевистской пули... Но я тебя должен просветить, ш-тоби ты всэгда знал кому когда и ш-што говорить о Советской власти».

И, глядя на трясущегося собеседника, неожиданно добавил: «И самое главное, ти должен запомнить, што говорить о товарище Сталине. А о нем ты после его смерти будешь говорить всякие гадости... Себя будешь примазывать к великому Ленину, а товарища Сталина великим ш-щчитать нэ будешь. Ти будешь с ним поступать так, как поступаешь сейчас в отношении бакинских товарищей... Послушай, я скажу тебе, почему белые проиграли эту войну... Когда у Колчака били одни победы весной 1919 года, у него под ружьем било более 130 тысяч солдат. А у Деникина — 65 тысяч, у Юденича — 11 тысяч. А в нашей Красной армии — полтора миллиона... Когда наступит осень 1919 года, наступит время побед Дэ-никина, у него будет почти 170 тысяч человек. А у Колчака останется менее 50 тысяч. У Юденича вообще 10 тысяч... Численность же нашей армии большевиков соста-вляла почти 4 миллиона... Па-анимаешь, в чем сила... ш-то наша армия была могучей?»

Сталин подошел так близко к Микояну, что казалось, — еще мгновение — и, будь он тигром, разорвет на части. Он словно зашипел: «Количества такого невиданного па-адъема

виз-вано было действиями Троцкого. Это — психология, и никакой любви народа к большевикам и к Троцкому никогда не было... Повторяю: это психология толпы... Вся страна — царская Империя — превратилась в два чудовищных лагеря. Но если ти в эту сказку поверишь, то эта бу-дит брехня... потому ш-то в любом вооруженном конфликте большая часть всего населения, к кому бы она ни тянулась, остается инертной... И вот эту огромную массу Троцкий положил на лопатки... Он осуществлял тотальные мобилизации, массовые расстрелы, жестоким, искусственно насаждаемым голодом, и чудовищной пропагандистской обработкой неграмотного населения... ми-то хорошо знаем, что в наших партийных рядах идейных большевиков было 4 %, а более 20 % объявляли себя сочувствующими... И ми... знали их мотивы... почему они так сочувствуют... Троцкий создал массовую разруху, тем более ш-то только што закончилась Первая мировая война... Он сделал все возможное, штоби остановить проми-шленность, заглушил сельское хозяйство, которое би-ло лучшим в мире до 1914-го года. И от сельского хозяйства не отставала наша проми-шленность... А Белые армии были в основном добровольческими... И служить в нее шли люди, согласно своих убеждений... Любая мобилизация насильственными методами со стороны белых повернулась би против них. Применять же белый террор, как это делал Троцкий, а-ни не могли. Потому што этим самым они би перечеркнули сво-аи монархические идеалы, за которые они сра-жались и превратились би в ба-альшевиков. Это могли себе позволить только Махно, Дутов, Григорьев, Семенов, а-атаманы наши-и... А-ни словно падшие анархисты. Нэ признавали ни царской законна-сти, ни троцкистского правопорядка. Для них та же идея ва-азрождения России нэ представляла ценности. Ибо любое возрождение российской государственности возможно только чэ-рез законность. Ты же слышал, Анастас, ш-што атаманщину на-азивали белым большевизма-ам...»

Сталин глубоко затянулся и неспешно стал выпускать изо рта дым, наблюдая за сизыми облачными сгустками. Он не обращал никакого внимания на собеседника, отчего казалось, что тот его вовсе не интересует; однако вождь продолжил. Его рассуждения были странными, но странными для того, кто их

слушал. А не для самого вождя, ведавшего куда как больше, чем все, кто жил и творил — хорошее ли, плохое ли, — в его утомительно-горькое время. Впрочем, в подобные минуты он общался не с тем, кто стоял рядом, а с тем, кто невидим, но вечноприсутствующий, кто всегда выше нас... Это знание пришло к Сталину после того, как его земная карма была подкорректирована ученым Барченко... Он разговаривал с высшими силами.

«Одной из самих больших причин поражения царских генералов би-ло то, ш-то они не были политиками. И Троцкий это знал, когда учился в а-амы-рыканском университете. Армия российского Императора би-ла всегда вне политики и использовалась царем только в том случае, когда на нашу землю нападал враг. А получилось, што армия, которой руководят толковые царские генралы, — но не политики, — должны воевать са-а своим народом... против своего народа... Психологически, практически ни одному царскому гененаралу нэ был понятен этот феномен. Ни один из генералов не шел на поступки, дела которых могли у-ущемлять интересы России... Это Троцкий, продавшись амы-рыканцам, торговал интересами России. Не царские генералы заключали с иностранными государствами договора, а Троцкий заложил всю Россию и Аляску заокеанским за-аправилам капитала. А народу пообещал счастливый социалистический рай... А царские генералы своей бескомпромиссностью в отношении к сва-аей да-арогой России нажили сэ-бе врагов в лице но-вих властей и тех же и-иностранцев. Правительство Ленина, под влиянием Троцкого, без за-азрения совести заключало договора со всэми иностранцами... хоть с чертом, лишь бы удержаться у власти. Причем на любых условиях... Троцкий обещал все, што можно и што нэ можна-а. И, конечно, его, а не царских генералов, поддэрживали заокеанские финансовые воротила...

Должен заметить, Ленин проиграл Троцкому, потому што был бес-толковим. Но почувствовав вкус власти, он ра-азрывал некоторые соглашения с западными державами, которые и-ницииировал Троцкий. А объяснял он это на заседаниях совнаркома тем, што в этих договорах отпа-дает нужда. Эта-а царским генералам совсем би-ло непонятно. Существенным осно-

ванием для поражения талантливых русских ва-аеначальников, возглавившим белое движение, было то, што-о воспитанные в духе серебрянного века русской культуры, генералы нэ умели нагло врать, нэ умели обещать за-алотые горы и давать заведомо не-ви-пол-нимые обещания. А-ни не использовали такого острого оружия, как пропаганда. А ведь ты, Анастас, хорошо знаешь, што газета — самое острое, самое сильное оружие нашей печати. И большевики, ведомые Троцким, максимально использовали силу пропаганды, великолепно развили до максы-мального совершенства искусство дезинформации, ль-жи и клеветы. На ви-исоком профессиональном уровне троцкисты обработали чуть ли не все регионы нашей родины. И красный тыл, и белый тыл, области и края... Все регионы страны просто били атакованы ди-а-метрально противоположными лозунгами и а-абсолютно разным набором дезинформации... этими различными пра-а-па-гандыстскими поездами с а-агитбригадами. И ти знаешь, кто в этом хорошо постарались? Не комиссары... Троцкий не зря учился в Америке в университете; он ха-арошо усвоил уроки психологии, подчеркиваю, психологии русской толпы. Троцкий никогда не сумел би совершить переворот в сознании русского народа, если би он не привлек в качестве основного стержня пропагандисткой работы в агитпоездах, на агитпараходах жен-шщин — Коллантай, Землячку, Крупскую, Стасову, Гопнер, Фотиеву, Седову, Каменеву — все они были нэ только революционными шлюхами и профессиональными пропагандистками, но и сильными психоаналитиками, знания и о-пит которых Троцкий использовал при создании ВЧК. Благодаря действиям Троцкого и его опоры на этих б...й удалось создать мощный пропагандистский и репрессивный а-аппарат, равному которому мир нэ знал... И все эта-а объяснялось народу как злодеяния и происки врагов. Э-та-ат символический образ настолько довлел над русским народам, што э-тот народ легко заглотил проводимые под руководством Троцкого и Ленина террор, разруху, продразверстку... Более того, народ поверил раз и наверное на-авсегда, што в этом повинны глупый Николашка, царские генералы, па-мещ-щики и капиталисты.

Троцкий и его бабский прапагандистский а-аппарат вищали на всех углах России, што чем бистрее ми ра-азобьем белых, тем бистрее на земле наступит коммунистический рай. В пра-тивном случае в России установится ад... Следует учесть, што Россия би-ла богомольная и верующая страна... Троцкий использовал в своей борьбе и такой важный аспект. Царские генералы не устраняли причин смуты и хаоса в нашей стране в период Первой мировой войны, зато использовались Троцким и его амырыканскими заправилами, которые привели к власти правительство Ленина, законодательную власть Свердлова, а над ними — вождем Троцкого.

...Конечно, такого драконовского террора для у-становления своей власти, мир нэ знал. Ты, Анастас, хорошо видел те приказы-и, которые подписал Ленин... Ми сейчас истребили тех, кто эти приказы тогда ви-полнял. Я тебе прямо скажу. Сейчас у нас осень 1938 года. Если би ми нэ избавились от этих ру-уководителей террористической армии, на-азивавших себя Рабоче-крестьянской, ми би не сумели создать такое государство, как Советский Союз».

Неожиданно для оцепеневшего Микояна Сталин замолчал, как-то подозрительно взглянул на давно погасшую трубку, отошел от стола, затем еще раз посмотрел на трубку и положил ее на свой рабочий стол. Вернулся за пепельницей, стоявшей на столе заседаний, неспешным жестом взял ее двумя руками и перенес на рабочий стол. Такими же спокойно-неспешными движениями вычистил из трубки пепел, постучал ею о пепельницу, и в наступившей титишине Микоян отчетливо услышал волшебный звон хрусталя.

На какое-то мгновение Анастас Иванович вдруг осознал, что его тело не дрожит, — так он был поглощен рассказом вождя о сути глубинных процессов, происходивших в первые два десятилетия XX века в России. Но то, что говорил Сталин, было неподвластно его разуму; неподвластно по двум причинам: Господь, его родители и природа не одарили его исключительным мозгом, да и уровень образования его был столь низок, что говорить о таких высоких материах, о которых ему только что вещал вождь, было просто невозможно. Правда,

его посетило сомнение: кажется, Сталин в этом сводчатом, много видавшем кабинете Кремля, говорил вовсе не с ним, а с невидимым, потаенным советчиком...

...Понимал ли один из видных руководителей партии и Советского государства Анастас Иванович Микоян, в какую он историю (нет, — в какую он Историю) влип и в качестве кого? Конечно, он не войдет в историю как великий армянин Давид Строитель. Он не войдет в историю даже как славный представитель древнего армянского народа, народа трудолюбивого, мужественного и самобытнотного. Он никогда, за всю свою бурно протекающую жизнь, не поймет, что же все-таки *случилось*, не поймет и то, какими нравственными критериями зарождалось Белое движение в России, почему родилась Красная армия, откуда взялась коммунистическая партия, — а ведь знатоком и экспертом всех этих поистине философски-мудреных явлений он себя считал... впрочем, как и историки, рожденные под крылом большевиков, также считали Анастаса Ивановича.

Микоян Анастас Иванович — ...В 1946—55 зам. пред., в 1955—64 1-й зам. пред. Сов. Мин. СССР. Одновременно в 1946—1949 мин. внеш. Торговли СССР, в 1953— 1955 мин. торговли СССР. В 1964—65 пред. Президиума Верх. Совета СССР, с дек. 1965 чл. Президиума Верх. Совета СССР. Делегат 10—24 съездов партии; на 11-м съезде (1922) избран канд. в чл. ЦК, с 12-го съезда (1923) чл. ЦК партии. С 1926 канд. в чл. Политбюро ЦК ВКП(б), с 1935 чл. Политбюро ЦК ВКП(б), в 1952—66 чл. Президиума ЦК КПСС. ...Деп. Верх. Совета СССР 1—8-го созывов. Автор мн. работ по вопросам сов. экономики и истории партии. Награжден 5 орденами Ленина, орденом Октябрьской Революции, орденом Красного Знамени и медалями.

Ему не понять даже то, почему профессионализм руководителей Красной армии повышался. Несомненно, он знал о насаждаемой жестокой дисциплине в армии, знал, что в новоиспеченную Рабоче-крестьянскую были мобилизованы страхом, угрозами, посулами, высокими должностными окладами бывшие генералы русской армии, по каким-то причинам не сумевшие, не успевшие бежать в эмиграцию. Существовал приказ

Троцкого № 1908/492, в котором говорилось, что во избежание измены члены семей бывших царских генералов, назначаемых на высокие должности в Красной армии, являются заложниками, и в случае «непонимания» бывшими генералами политики партии и невыполнения ими требований ЦК, члены семей подлежат расстрелу. О чем бывшие генералы, назначавшиеся на высокие должности в РККА, а также их родные давали расписку. В силу чудовищных обстоятельств введено было правило круговой поруки: за измену или бегство одного из назначенных на командную должность царских генералов и офицеров, расстреливались остальные служившие с ним генералы и офицеры.

К тому же пропагандистский аппарат ЦК партии к бывшим военным руководителям Российской Империи имел свой специфический подход: мол, они патриоты и должны помнить клятву, данную еще при царе, защищать Родину от всех врагов. Ну а с другой стороны, бывшие царские генералы, полковники, как и члены их семей, лишены были возможности трудоустроиться, а, значит, не могли прокормиться. Зато выделенные им очень высокие оклады способствовали тому, чтобы они достаточно преданно служили большевистской идеологии.

Подобными способами удалось подчинить себе и огромную инертную массу людей России, людей, которые в годы гражданской войны были весьма пассивны. Это тоже среди причин, приведших к поражению Белого движения.

Малочисленность Белого движения вынуждала военачальников вести постоянные наступательные действия, а бесконечная цепь сражений, естественно, приносила большие потери в боях; патриоты, понимающие страшную участь России, предчувствующие гибель великой страны, гибли на полях сражений... Но иначе сохранить стратегическую инициативу и патриотический дух офицерского корпуса Белого движения было невозможно. Там, где наступала передышка, там, где белогвардейцы вынуждены были становиться в пассивную оборону, разлагался боевой и патриотический дух солдат и офицеров. Что приводило к тому, что белые под агрессивными, мощными ударами все возрастающей армии большевиков повсеместно вынуждены были отступать.

После того как большевики измотали в боях и обескровили малочисленные силы белогвардейцев, Белое движение к началу 20-х годов XX столетия практически сошло на нет. Что привело к гибели армии Деникина, Колчака, Юденича, Врангеля, других доблестных и талантливых генералов, прошедших через горнило еще Первой мировой войны... Полководцы, владеющие только одним искусством: защищать Отечество от вооруженных посягательств извне...

Мог ли все эти перипетии понять обыкновенный мужик, нигде, никогда и ничему из высоконравственных наук не учившийся? Подобным духовным уровнем и уровнем образованности обладали те, кто его окружали. Вряд ли он смог понять, почему же Сталин не отправил его на плаху. Некоторые считают это изворотливостью Анастаса Ивановича. Другие — преданностью партии и делу революции. Третьи, — и даже несерьезно, — что Сталин его боялся.

А я почти не сомневаюсь: такая исключительная личность, как Иосиф Джугашвили, проживший большую часть своей жизни под именем Сталина, относился к таким людям, как Анастас Иванович, как к окружающим его надоевшим предметам, и не более. Предметам, которые он может выбросить, переставить, сломать, изменить, а может созерцать, даже не замечая, и думая о своем... Да, Сталин видел содержимое своего кабинета, видел обстановку Кремля, видел все коридоры, ниши и закоулки, также сталинский мозг видел, просчитывал все вещи российского бытия, все тонкости и нюансы пространства, поименованного советская держава... На некоторые из этих вещей, эти одушевленные предметы он обращал внимание, некоторые устранял; остальные копошились рядом с ним, сами верша свои судьбы и судьбы своих коллег, соратников, близких... Вещиц, достойных внимания вождя, в его жизни было очень и очень немного. Их можно перечислить на пальцах одной руки. Первым предметом, уникальной странной вещицей, которая его волновала, был Лев Троцкий. Сталин некоторое время деликатно наблюдал, осмысливал, вникал, а просчитав, — отодвинул, затем отбросил и, наконец, разбил ее в канун *великих событий*, которые он наметил.

Другой говоряще-творящей вещью, случайно оказавшейся на его пути (закономерно ли это?), был психопат, мелкий политикан и сифилитик Владимир Ульянов. Эту уродливую вещицу он выбросил элементарно просто, назначив ей — даже посмертно — чудовищную роль: закопал в мавзолей, чтобы этой мумии поклонялось созданное Троцким уродливое детище, по имени советский народ...

Кураж поистине неимоверного размаха; ответный удар по тем, кто уничтожил божье добронравие, кто уничтожил Россию... кураж среди шариковых и над шариковыми...

Наверняка вещицей, которая не нравилась Сталину, был и его теперешний раболепно цепенеющий собеседник. Вождь высоко ценил российское военное искусство — искусство стратегии побеждать; когда он, как член реввоенсовета, участвовал в боях против белых в районе Царицына, он уже тогда своим аналитическим мозгом познавал азбуку войны; постепенно он отчетливо осознал, что без знаний, без настоящих профессионалов в военном деле его замыслы и идеи никогда не найдут конкретного воплощения. И тогда он призвал лучшие умы русского военного искусства на службу, и лучшим среди лучших был — *бывший* — Генерального штаба полковник Борис Михайлович Шапошников.

А ту примазавшуюся мразь, бандитов, уголовников и разбойников с большой дороги, которых великий горец снисходительно разрешил называть *«героями гражданской войны»*, он как ненужные, отслужившие свой век вещицы, выбрасывал из своей армии, предварительно раздавив и уничтожив их. И разве эти бытовые предметы, которые заполняли кабинет Сталина в Кремле, разве эти предметы, заполнявшие огромную территорию страны, были сильными и опасными? Безусловно, нет.

Сталин взял в руки книжицу, поднес к лицу Анастаса Ивановича и спросил: «Ты, конешно, нэ читал этой книги».

Микоян с трудом читал по-русски, по этой причине он даже для чтения документов использовал своих помощников. Знал о том и товарищ Сталин. Именно поэтому он сказал: «Ты ш-то, Анастас, прочитать не можешь? Написано... видишь сло-

во какое…кам-… запоминай… ну ш-то ты смотришь, да-арагой, как хорошо написано по-русски… Кам-па-нэ-ла… слюшай. Ты хотя би знаешь, кто это такой?»

Глаза Микояна округлились, часто-часто замигали, он не знал что ответить, он действительно не знал, что означает это слово.

«Слу-шай, ты такое слово знаешь, Анастас? Па-а слогам, за-апоминай: Кав-… за-апоминай, Анастас…»

Лицо Сталина улыбалось.

«…Кав-каз. Запомнил, Анастас? А это ты слово знаешь: Ара-рат? Скажи мне, Анастас, где Арарат находится. Нэ знаешь, да… В Турции находится. А ты хочешь, штоби он на гербе Армении бил. Нарисовать што хочешь можно на армянском гербе… а вот тут у тебя што нарисуешь? — Вождь указательным пальцем показал на голову, ткнув в сторону сжавшегося всем телом Микояна. — …если Господь су-у-да ничего нэ дал… скажи, Анастас, зачем я тебя дэржу наркомом? Што ты хитрый, я знаю. Што ты живешь богаче русского помещика, я знаю. Но ты хотя би знаешь, ш-што русский поме-шщик был отец земли русской… А ты што делаешь? Пьешь армянский коньяк, кушаешь получше помещика… Слушай, ты даже, как товарищ Сталин, китель носишь… ах, прости дорогой, неправильно сказал: френч носишь. На голове фуражку, как у товарища Сталина, носишь. Оно-то, конечно, хорошо. А што у тебя еще есть а-ат товарища Сталина? За што, нэ понимаю, я тэбя держу…»

ИСТОРИЯ 4

«БУДЕШЬ ВЕЛИКИМ ПИСАТЕЛЕМ... ПОКА Я У ВЛАСТИ»

Наверное, среди читающей публики мало найдется тех, кто не знал бы русского, а я добавлю — советского — писателя, драматурга Михаила Булгакова, написавшего вскоре после событий гражданской войны уникальные произведения «Белая гвардия», «Дни Турбиных», «Собачье сердце», др. Рисковал ли он после публикации этих произведений? Несомненно. Более того, бдительный карающий орган советской власти — ВЧК сразу же обнаружил в этих произведениях покушение на советскую власть! А, следовательно, автор их достоин смерти, как высшей меры революционного воздействия. И уж чуть было эта кара не свершилась. Писатель был арестован, хотя стоит сказать, нынешние арихивариусы в Москве отвергают этот факт. Но в момент нахождения его в подвалах Лубянки, у себя на загородней виле в Зубалове Генеральный секретарь ЦК ВКП(б) И. В. Сталин закончил читать произведения некоего Булгакова. И поинтересовался у наркома культуры Анатолия Васильевича Луначарского: кто это, что за такой автор необычный?

Тот был довольно неглупым человеком и по интонации Генсека уловил какой-то подтекст в его словах. Ответил: «Товарищ Сталин, это врач, офицер медицинской службы, воевал против советской власти то ли у Врангеля, то ли у Деникина. Но он из бедных, бежать ему было некуда. А может, не захотел или не смог, вот и пописывает сейчас в газеты и журналы».

«И кто это пропускает?» — прищурив глаза переспросил Генсек.

Луначарский был сбит с толку подобным каверзным вопросом. Он знал о Булгакове больше, чем говорил. И не исключено, что в глубине души он ему все-таки симпатизировал.

Неимоверным внутренним усилием он пытался разгадать, что же хочет от него услышать Сталин о Булгакове. Нарком был загнан в тупик, единственное, что приходило на ум, это разумение, что арестованному Булгакову вот-вот придет конец, возможно, даже в ближайшие часы. В то время Сталин еще не был вождем, не был *отцом всех наций и народов*, не был тем ужасающим фетишем, каким предстанет перед окружением уже через короткий промежуток времени... Но это не значит, что он не мог читать мысли собеседников... Он, прекрасно понимая состояние наркома, сказал: «Товарищ Луначарский, э-этот, как ви говорите медик-офицер, ка-аторый подрабатывает в наших партийных изданиях, очень полезный нам. И я поручаю вам издать всэ его книги самым большим тиражом. А его привлечь в наше искусство. Немедленно доложите о-а принятых решениях в вашем наркомате».

Совсем обескураженный Луначарский тут же оставил Кремль и приказал водителю быстро ехать в наркомат. Еще выходя из кабинета Сталина, он передал секретарю Генсека, что Иосиф Виссарионович распорядился освободить Булгакова и доставить того в кабинет наркома культуры.

Войдя в здание наркмата, Луначарский спросил дежурного, привезли ли чекисты писателя, однако тот ничего не знал. Войдя в кабинет, Анатолий Васильевич набрал телефон приемной Генсека и попросил его соединить с товарищем Сталиным. На что секретарь ответил, что товарищ Сталин сам дал распоряжение Булгакова освободить.

Булгаков среди ночи уже был свободен и ехал к себе домой...

Булгаков Михаил Афанасьевич / 3(15).5.1891, Киев, — 10.3.1940, Москва/, русский советский писатель. Род. в семье преподавателя Киевский духовной академии. Окончил мед. ф-т Киевского ун-та (1916), был земским врачом в Смоленской губ. В 1919 начал профессионально заниматься лит-рой. В 1922—28 сотрудничал в газ. «Гудок». Первый сборник «Дьяволиада» (1925) вызвал споры в печати. Публикация романа «Белая гвардия» (1925—27) осталась незаконченной. По мотивам этого романа написана пьеса «Дни Турбинных» (пост. МХАТ, 1926).

...Лит. критика кон. 20-х гг. резко отрицательно оценивала творчество Б.; его произведения не печатались, пьесы были сняты со сцены. С нач. 30-х гг. Б. работал режиссером-ассистентом МХАТ...

Приказание Сталина выполнили, творца *привлекли в наше искусство*, сделали кремлевским писателем, хотя практически за все последующие — вплоть до своей смерти — годы он ничего не написал. Если, конечно, не считать «Мастера и Маргариту».

...Б. показывает несовместимость подлинного искусства с деспотизмом монархии. Незаконченный «Театральный роман» («Записки покойника», 1936—37, опубл. 1965) соединяет в себе черты лирич. исповеди и сатиры. С нач. 30-х гг. и до конца жизни Б. работал над романом «Мастер и Маргарита» (опубл. 1966—67)...

МХАТ, Малый театр, сцены других московских, ленинградских, киевских и периферийных театров были заполнены пьесами Булгакова.

Свою нелюбовь к талантливому писателю плохо скрывал его обласканный властью коллега по перу, *буревестник революции* Максим Горький. На что Сталин как-то даже спросил: «Товарищ Булгаков, как ви думаете, почему вас не уважает великий пролетарский писатель Максим Гор-кий?»

И, не дожидаясь ответа, и как всегда точными, хлесткими штрихами вырисовал картину: «Нэ уважает, потому што Горкий всегда пытался доказать, што ведущая сила России — рабочий, што он — основа всего. А ви в своих произведениях показали, ш-што главной движущей силой я-вляется русская интеллигенция. Ви знаете, товарищ Булгаков, ми вам предоставили все лучшие сцены советских театров. Ми вам предоставили все издательства и поручили им печатать вас массовым тиражом. Это же ми разрешили и Горкому. А он нэ понимает, што один из важных постулатов марксизма-ленинизма — это закон единства и борьбы противоположностей».

Подойдя вплотную к Булгакову, Сталин буквально вперил в него взгляд своих желтых глаз. От этого неожиданного взгляда,

от его нечеловеческой силы Михаил Афанасьевич пошатнулся, едва не теряя сознание. И вдруг услышал у самого уха: «С-суки, эти Маркс и Ленин. И с ними этот мужик Горкий. Сами не знали што ха-атели. А тепер за этих ра-азъебаев я должен расхлебывать. Так ты мне нужен, Булгаков, ш-штоби они знали, што спат у меня нельзя. Для меня равны и белые, и красные. И ты будеш всэгда великим советским писателем... пока я у власти».

После такого выступления Сталина, после этого почти нашептывания, от той жути и шока, испытанных им, Булгаков ушел в мистицизм. Он стал безумно-бездумно-безмерно верить в спиритизм, в гадания, в потусторонний мир и предназначение... И в некий момент его разум не выдержал, дав команду застрелиться...

Нет, Сталин не приказывал его убивать, это ему было совсем не нужно. А то, что он публично импонировал Булгакову, спасало писателю жизнь.

Когда вождю донесли о смерти Михаила Афанасьевича, он посмотрел на докладывавшего мрачную новость секретаря ЦК ВКП(б), первого секретаря Ленинградского обкома и горкома А. А. Жданова и спросил: «Зачэм ты мне это говоришь?»

Тот понял что совершенно некстати ляпнул о самоубийстве Булгакова, его лицо резко покраснело, что свидетельствовало о наступлении гипертонического криза. Сталин это увидя, а он знал о болезни Андрея Александровича, сказал: «Ты та-акой молодой, а такой дохлый. Подохнешь, жалко нэ будет. Ты лучше мне доложи, што там в Ленинграде. Жэну, я знаю, не еб..шь, а коньяк по ночам глушишь. Ты мне смотри... ты мне говоришь про смерть Булгакова, Булгаков свое дело сделал и сейчас он мне уже не нужен, потому что нэт этого... туберкулезного мудака Гор-кого. Смотри, не доживешь до великих дней. Поезжай в Ленинград, работай, а не пьянствуй».

Вождю действительно Булгаков уже был не нужен. Но то, что он написал в начале 20-х годов, было сильнейшим аргументом в политических играх вождя с зарождающейся советской интеллигенцией. Его слова: «Те, кто от нас убежал, пусть бегут, ми создадим свою интеллигенцию... А наша интеллиген-

ция все-таки сволочная, она продается за крэмлевскую пайку». В его взаимоотношениях с Булгаковым был свой подтекст; он как бы говорил: все вы, так называемые интеллигенты, сволочи. Вы хотите быть культурными, как элита царской России. Но я вам, б...м этого не позволю. Ибо вы никогда не будете такими, как те, прежние — гордость и слава великой Империи. И так, как Булгаков, не найдете истины в строительстве этой новой неведомой, утопической страны. Но он рассмотрел, что никто из вас не увидит, разгадал то, до чего никто из вас никогда не додумается, потому что вы не Булгаковы, вы не дворяне, вы — хуже сволочей и щадить я вас никогда не буду...

Понимали ли это писатель граф Алексей Толстой, генерал советской разведки граф Игнатьев, кремлевская б... графиня Любовь Орлова и другие? Скорее они понимали, знали, что продаются, знали свою цену, но... как же не хотелось работать в крепостническом советском колхозе, в жарком цеху металлургического завода, в забое шахты, где нередко взрывается метан... гораздо легче и проще воспевать дурацкий трудовой энтузиазм рабочих и крестьян советской державы и жрать кремлевскую пайку, изображая верноподданничество вождю и системе.

И вождю наверняка было одновременно и приятно, и противно наблюдать эту чудовищную кровавую вакханалию всех этих лизоблюдов, забывших честь и совесть людишек, примазавшихся к сердцу великой России — к златокаменному символу — Кремлю.

ИСТОРИЯ 5

ОБРАЗЧИКИ ФАЛЬСИФИКАЦИИ

В послевоенные десятилетия ветераны ВМФ, журналисты, писатели, историки затеяли острую полемику о командире подводной лодки С-13 в годы войны капитане 3-го ранга Александре Ивановиче Маринеско. В дни празднования 50-летия окончания войны его окрестили «выдающимся флотоводцем XX века» (?! *флотоводец* — это так сказать, участь адмиралов — Главнокомандующего ВМФ, командующих флотами и флотилиями, разрабатывающими и воплощающими в жизнь стратегические планы по разгрому противника), «подводником №1». Известно, что 30 января 1945 года он совершил так называемую «атаку века», т.е. торпедировал лайнер «Вильгельм Густлов», на борту которого находилось более тысячи немецких подводников. И, по утверждению некоторых авторов, он тем самым оказал большое влияние на ход и на исход Второй мировой войны.

В советской прессе также сообщалось, что Гитлер объявил в Германии трехдневный траур в связи с гибелью лайнера и что командир советской лодки внесен в список личных врагов Гитлера. Однако во всех номерах с 1 по 15 февраля 1945 года органы фашистского рейха газета «Фелькишер беобахтер» и газета «Дас шварц кор» — официальные рупоры геббельсовской пропаганды — никаких сообщений о трауре не давали!

В связи с этим в марте 1988 года на официальный запрос, где стояли вопросы: «Считался ли Маринеско личным врагом Гитлера и правда ли, что 30 января 1945 года в Германии объявлялся 3-дневный траур?» из города Потсдама (там находится архив) пришел ответ, в котором сообщалось, что все эти сведения не подтвердились. Ничего подобного не обнаружилось и в немецких периодических изданиях военного времени.

Это все тем более странно, что некоторые советские историки и ветераны ВМФ с уверенностью, а иногда и пеной у рта утверждали, что своей «атакой Маринеско спас от разгрома Великобританию!», — так как он сумел потопить аж тысячу отборных асов-подводников, и тем самым сорвал морскую блокаду островного государства. Но это не так.

Еще в 1945 году советскому руководству было известно, что на борту немецкого лайнера находилось немногим более 1250 человек военнослужащих военно-морских сил, 173 члена экипажа, 162 раненых и более 9 тысяч беженцев. Те же моряки германского флота (из числа 1 250 чел.) составляли личный состав второй учебной дивизии подводных сил рейха. Ими можно было бы укомплектовать экипажи 100 подводных лодок, однако то были еще зеленые, неопытные вояки. Тогда же было точно установлено, что эти подводники самостоятельно в море никогда не выходили, а в ходе учебы совершили они до двух выходов в море с наставниками и продолжительность их походов не превышала двух суток.

Основные же, настоящие асы германского подводного флота, совершившие по шесть и более походов и имевшие на счету десятки потопленных судов, погибли в 1941-м, 42-м годах. А в 1943 году в действиях «волчьих стай» гросс-адмирала «папы» Деница наступил период застоя, перешедший в жестокий кризис.

Когда информация о командире подлодки С-13 оказалась на столе у Сталина, он поинтересовался: «Скажите, кто хлопочет за Маринеско?» Присутствующий здесь член Ставки, нарком Военно-Морского Флота адмирал флота Николай Герасимович Кузнецов ответил, что об этом хлопотали командующий Балтийским флотом адмирал В. Ф. Трибуц и командир бригады А. Е. Орел.

Тогда Сталин спросил:

— Скажите, товарищ Кузнецов, што, па-а мнению товарища Трибуца, э-этат офицер достоин Героя Советского Союза?

— Я не считаю, что старший лейтенант Маринеско достоин звания Героя Советского Союза, ибо у нас есть более дос-

тойные офицеры — командиры подводных лодок Матиясевич, Грищенко...

— Но ведь комфлот утверждает, ш-што Маринеско сорвал блокаду Англии.

— Ни о какой блокаде Великобритании, товарищ Сталин, не может быть и речи, ибо еще год назад англичане эту проблему решили полностью.

— Так па-чему же командующий так настаивает?

— Должен заметить, товарищ Сталин, что офицер Маринеско имеет наибольший суммарный тоннаж уничтоженных судов противника, но по другим показателям он существенно уступает большинству командиров советских подводных лодок. Например, по числу боевых походов, количеству уничтоженных судов, расходу торпед на одно потопленное судно. Поэтому его никак нельзя называть подводником №1. Да и потом, этим самым унижается достоинство более результативных и более заслуженных советских подводников.

Вождь взял со стола напечатанный крупными буквами текст и предложил просмотреть его адмиралу флота. Текст гласил, что в 1944 году подводная лодка «Арчер Фиш» потопила японский авианосец «Синано». Авианосец — боевой корабль и, как правило, следует в охранении миноносцев, его водоизмещение 72 тыс. тонн. И осуществил эту атаку американский командир подлодки.

В следующем абзаце говорилось, что немецкий командир подлодки Прин в 1939 году под покровом ночи вошел в хорошо охраняемую Британскую военно-морскую базу Скапа-Флоу и потопил линейный корабль «Ройял Оук».

Третий абзац уведомлял, что в сентябре еще 1914 года германская подводная лодка У-9 пустила ко дну 3 английских броненосца — «Абукир», «Креси», «Хог».

Благодаря прочитанному наркому ВМФ стало ясно, что никакой «атаки века», проведенной Маринеско, не было. Потому как уже были совершены куда как более значительные подвиги. Тем более что цену вымышленному подвигу прекрасно понимал и вождь... И, хотя вождю эти сведения предоставлены разведкой, Николай Герасимович о них тоже слышал. В связи с этим он попросил разрешения у Сталина и проинформиро-

вал его о том, что немецкая подводная лодка У-66 за четыре боевых похода потопила 26 судов суммарным тоннажем 200 тысяч брутто-регистровых тонн, а У-103 за три боевых похода пустила ко дну 29 транспортов суммарной вместимостью 150 тысяч брутто-регистровых тонн. Не менее отличились и подводные лодки американцев «Тотог» — 26 судов, «Тенч» — 24, «Флешер» — 21 судно.

«Более того, считаю необходимым доложить, — добавил нарком ВМФ, — что командир дивизиона капитан 1-го ранга Орел отправил в мой адрес заключение о действиях командира С-13 старшего лейтенанта Маринеско, в котором говорится о слабой результативности при выполнении им поставленных боевых задач. Что подтверждается также командиром бригады Курниковым и начальником штаба Краснознаменного Балтийского флота Александровым».

Сталин, внимательно выслушав, спросил: «Так почему же командующий флотом и а-афицер Орел та-ак настойчиво добивались присвоения Героя такому слабому командиру?»

Судя по всему, Сталин сильно рассердился.

«Послушайте, товарищ Кузнецов, ви совершенно нэ контролируете работу своих подчиненных. На-асколько мнэ известно, ви собирались Трибуца и еще некоторых руководителей Балтийского флота представить к геройскому званию. Передайте, што этому не бивать никогда...»

По окончании войны Кузнецов издал приказ — от 14 сентября 1945 года, — в котором потребовал за систематическое пьянство отстранить от занимаемой должности капитана 3-го ранга А И. Маринеско и снизить его в воинском звании до старшего лейтенанта. Затем, 18 октября 1945 года, согласно приказу командующего Балтийским флотом за номером 0708, старший лейтенант Маринеско был назначен командиром тральщика, а через месяц — 20 ноября — Адмирал флота Советского Союза Николай Герасимович Кузнецов издал приказ № 02521: «Командира тральщика Т-34 второго дивизиона тральщиков первой Краснознаменной бригады траления Краснознаменного Балтийского флота старшего лейтенанта Маринеско Александра Ивановича уволить в запас ВМФ по статье 44, пункт *а*...»

Пройдет не так уж много времени, и Адмирал флота Советского Союза Николай Герасимович Кузнецов с группой адмиралов советского ВМФ будет отдан под суд военной коллегии Верховного суда СССР за якобы проданную в годы войны англичанам документацию морской мины. Сам Н. Г. Кузнецов и другие подсудимые — адмиралы Л. М. Галлер и В. А. Алафузов — прекрасно понимали вздорность обвинений и отдавали себе отчет в том, что арестованы они не за мину. Приговором, вынесенным под председательством суда Военной коллегии Маршала Советского Союза Николая Александровича Булганина, в правительство СССР вносилось предложение об освобождении от обязанностей главнокомандующего ВМФ СССР Адмирала флота Советского Союза Кузнецова и понижении его в воинском звании до вице-адмирала. Адмиралу Льву Михайловичу Галлеру и адмиралу Владимиру Антоновичу Алафузову соответственно вынесли приговоры — 10 и 6 лет тюремного заключения. Вскоре в заключении Галлер скончался (12 июля 1950 г. в Казанской тюрьме). А Кузнецов был назначен на должность начальника управления военно-морских учебных заведений.

После того как Н. А. Булганин доложил вождю о результатах работы суда, Сталин, взглянув на маршала, сказал: «Чем ви собираетесь заниматься?»

Вопрос для Николая Александровича скорее был внезапным. И он заикаясь ответил: «Куда п-прикажете, т-товарищ Сталин».

«Хо-рошо, ми подумаем. Только, скажите, ви уверены в том, что ви правильно обошлись с Кузнецовым?»

Булганин похолодел, доверительный тон не расположил его, а насторожил. Он не имел прямой установки Сталина о расправе над выдающимся советским флотоводцем и его боевыми помощниками. Он стал лихорадочно вспоминать, кто причастен к тому что случилось. Сильно волнуясь он, снова заикаясь, сказал: «Т-товарищ Сталин, но мне позвонил о-об этом за-заместитель министра в-внутренних дел Кобулов и сказал, ч-что есть указание об аресте р-руководителей ВМФ и назвал конкретно фамилии».

«Хорошо, идите, ми разберемся...»

Около полуночи Сталин завершил работу, затем, практически как всегда, стал тревожить высокопоставленных партийных соратников. Сначала он вызвал к себе Поскребышева, дал ему ряд указаний, позвонил первому секретарю ЦК компартии Казахстана, спросил о делах, затем, взглянув на часы, отметил что уже 2 часа ночи. Вождь поднял трубку ВЧ и произнес: «Саедините с Трибуцем».

Через несколько секунд в трубке раздался вздох и голос почти бодро ответил: «Адмирал Трибуц, товарищ Сталин, слушает».

«Та-авариш Трибуц, ви еще адмирал или кто?»

Тот внезапно задрожавшим голосом ответил: «Да, товарищ Сталин, как прикажете».

«Ну што ж, приказать можно. Скажите, товарищ Трибуц, ви можете сейчас мне доложить о-а результатах работы Балтийского флота в минувшей ва-айне? Што ви ска-жи-те по переходу кораблей из Таллина? Што ви ска-жи-те об уничтожении таак называемого крейсера «Ниобе»? И как ви оцениваете свою работу на-а посту командующего?»

Обрушив шквал вопросов на адмирала, он привел его в такой конфуз, в такое ужасное смятение, что ночной собеседник лишился дара речи. Очевидно получив от этого занимательного эксперимента удовлетворение, вождь сказал: «Ха-арошо, не отвечайте на поставленные вопросы. А ви знаете, где находятся товарищи Галлер и Алафузов? Как ви думаете, справедливо они наказаны или нэт? И-и последний вопрос: ха-ра-шенько подумайте, кто достоин быть главнокомандующим ВМФ Сааветского Союза: адмирал Трибуц или товарищ Кузнецов».

Не дожидаяснь ответа, Сталин положил трубку.

И вновь поднял трубку. Бросил: «Ш-што, Клим, спишь? Скажи, Клим, ты всегда себя причислял к великим флотоводцам?»

На том конце провода Ворошилов, видимо проснувшись от сладкой спячки и еще плохо соображая (а соображал ли он когда-нибудь хорошо?) ответил: «Товарищ Сталин, я не моряк».

«Што ты врешь? А кто в битность наркома одевался в форму флагмана флота 1-го ранга? А кто говорил о за-аминировании кораблей флота в Ленинграде. А говоришь: ты не моряк.

Па-аслушай, Клим, мне нужен твой совет. В годы войны на Балтийском флоте командующий флотской авиации генерал Самохин разработал операцию, в которой участвовали больше 130 самолетов. Ра-з-делили их на ударные группы и потопили финский крейсер «Ниобе». Но разведка мне доложила, што «Ниобе» — это крейсер противовоздушной обороны, а наши славные сталинские соколы приняли его за финский броненосец «Вяйнемяйнен» и атаковали его. Так ты разберись с этим, наайди участников соби-тий».

И также, как несколько минут назад, не дождавшись ответа, Сталин кладет трубку.

Конечно же, у вождя была вся полная информация о фальсификации этой воздушной атаки и оценки боевых действий. Тогда адмирал Трибуц подписал сразу шесть представлений на присвоение званий Героя Советского Союза, а летчик Раков за операцию получил вторую Золотую Звезду. Но тогда же разведка выяснила, что советские летчики потопили не финский броненосец, после чего началась путаница. На территорию Финляндии тут же забросили группы разведок. Корабль обнаружили в середине июля в базе Котка.

Первая атака на него оказалась неудачной, вторую осуществили через три дня. И снова неудача. Лишь группе летчиков, возглавляемой подполковником Пономаренко, удалось довершить дело, — крейсер «Ниобе» был потоплен. А вот финский броненосец «Вяйнемяйнен»... остался целым и невредимым. Балтийским летчикам его потопить не удалось. Спустя два года после окончании войны СССР купил его у Финляндии, и он стал боевой единицей Советского Военно-Морского Флота под названием «Выборг».

Ворошилову, вплоть до смерти вождя, так и не удалось разобраться с атакой сталинских соколов на финский корабль, но Сталин его и не спрашивал о том больше... А в советских военно-морских учебных заведениях, в учебниках, в рефератах слушателей, в монографиях ученых, посвященных истории военно-морского искусства, говорилось и писалось, что удар по «Ниобе» является... образцом уничтожения сил флота противника в базах.

К примеру, в издании Министерства обороны СССР — книге под названием «Авиация ВМФ Великой Отечественной войны», опубликованной в 1983 году, записано: «Высокой эффективности удара при минимальных потерях способствовали обоснованный, продуманный до деталей замысел, тщательно разработанное решение, всесторонняя подготовка летного состава и четкое выполнение всеми участниками удара своих задач». Речь идет как раз об уничтожении крейсера «Ниобе», который авиационное командование Балтфлота выдало как уничтожение финского броненосца.

По сей день в архивах хранится документ под названием «Отчет по операции уничтожения ББО «Вяйнемяйнен» в порту Котка (штаб ВВС КБФ, 1944 г.), на титульном листе кто-то название «Вяйнемяйнен» зачеркнул и сверху приписал: «Считать крейсер ПВО «Ниобе».

Конечно, можно тысячу раз говорить о том, что Сталин палач, что Сталин диктатор, что он потакал репрессиям. Но что делать с людьми, которые считают эту и другие подобные операции «вершиной военного искусства советских вооруженных сил» (кто готов идти на любые фальсификации и шли!), чтобы заслужить награды и звания, чтобы хоть чем-то выделиться, приподняться над другими?

В действительности, за время боевых действий советских вооруженных сил против германского вермахта мы в сравнении с Германией понесли во много крат превышающие потери. Немцы потеряли 11 млн. своих сограждан.

Нетрудно догадаться, сколько потеряли мы; погибшие тела, их количество не укладывается в нашем сознании.

...Мы виним Сталина не только за репрессии, но и за военные потери — убитых и калек, — да, очень удобно свалить всю вину на Верховного Главнокомандующего, но ведь в подчинении у Верховного были не придурки из психбольниц, а люди, которые закончили не самые худшие в мире военно-учебные заведения, да и имена их известны не только в нашей стране. Называем: Жуков, Конев, Мерецков, Говоров, Толбухин, Трибуц, Октябрьский, Юмашев, — все эти люди до конца своих дней, на всех перекрестках и поворотах Истории называли себя главны-

ми победителями в минувшей войне... Только можно ли о победе, которая достигнута такой чудовищной ценой (победа, полученная вопреки, когда одна за одной шли бездарные военные операции, когда главные ударные силы полегли на полях, была утеряна техника и в ряды солдат уже притянули новичков...), говорить изо дня в день, из года в год вот уже без малого шесть десятилетий? Тем самым внедряя в сознание других людей, в первую очередь, наших соотечественников, насколько мы непримиримы, насколько мы жаждем справедливого мщения, иного к себе отношения, сочувствия, помощи... Может потому тяжкий рок и не оставляет народы бывшего Советского Союза, потому что души всех пронизаны не созиданием, а чудовищным увековечением минувшей войны.

ИСТОРИЯ 6

ГРАНДИОЗНАЯ КАМПАНИЯ ДЕЗИНФОРМАЦИИ

1

Эту историю я услышал в 70-е годы от одного находившегося в больнице отставного офицера А. И. Павроса. Вернее, не всю эту историю, а ее часть, потому как сама история обросла событиями, ее составляющими, рассуждениями, подтверждениями и домыслами...

Аркадий Ильич рассказал об одной из своих командировок в канун начала советско-финляндской войны 1939—1940 гг., рассуждая и о событиях тех лет. Тогда, 1939-м, он проходил службу в одном из управлений Наркомата обороны. И еще дважды, вплоть до окончания этой войны, бывал в командировках в тех местах. По его мнению, руководство СССР считало, что войну с Финляндией можно силами войск Ленинградского военного округа завершить быстро и победоносно. По его словам, Сталин отверг план кампании, предложенный Борисом Михайловичем Шапошниковым, и принял план, сверстанный осенью 1939 года командованием Ленинградского военного округа, которым в то время руководил командарм 2-го ранга Кирилл Афанасьевич Мерецков.

Согласно этому плану, войска округа перешли в наступление 30 ноября 1939 г. в 8 часов 30 минут. Однако, имея большое численное превосходство над финскими войсками, наступление захлебнулось, что вызвало крайнее неудовольствие в Москве. К концу же года наступление и вовсе прекратилось. Для разбора происшедшего на фронт выехал нарком госконтроля Мехлис, который жесточайшими карательными мерами решил изменить ситуацию в пользу Красной армии.

Тем временем в Москве пришли к осознанию, что необходимо вводить в действие ранее предложенный план Б. М. Шапошникова. В соответствии с этим 7 января по указанию Сталина и решению Главного военного совета был сформирован Северо-Западный фронт во главе с командармом 1-го ранга Семеном Константиновичем Тимошенко. 11 февраля 1940 г. после двухчасовой артиллерийской подготовки войска Тимошенко начали фронтовую наступательную операцию, тщательно спланированную по всем канонам военного искусства. И, как результат, — знаменитая линия генерал-фельдмаршала Маннергейма была прорвана.

13 марта 1940 г. к 10 часам пал Выборг, а к полудню боевые действия завершились.

По окончании боевых действий результаты войны с Финляндией рассматривались в Политбюро ЦК ВКП(б), где с докладом выступил нарком обороны Клемент Ефремович Ворошилов. Он пафосно объявил о том, что опасности Ленинграду и Кронштадту более не существует. Сидевший за столом и слушавший его доклад Сталин между тем рассматривал лежавшую перед ним информацию о потерях: за 105 суток боевых действий погибли 72,5 тысячи, 186 тысяч 129 человек было ранено, почти 18 тысяч пропали без вести, 5,5 тысячи оказались в плену, почти 14 тысяч обмороженных. Имелась и другая справка о потерях среди войск Северо-Западного фронта, где эти цифры были более чем вдвое выше. Потери в боевой технике тоже оказались существенными: около 500 самолетов и более 700 танков, уничтожена почти вся артиллерия.

Потери же финской стороны составили 25 тысяч убитыми, около 40 тысяч ранеными, незначительное количество взято в плен. Что знала финская разведка о мощи Красной армии до боевых действий? Практически ничего, им пришлось ознакомиться с невиданной мощью, удалью и... губительным размахом в боевых действиях. Так же как с досадными промахами и глупыми ошибками... Так же как и с настоящим героизмом...

Для многих, в том числе и финских политиков мощь Красной армии была мифом.

Как известно, в советско-финляндской войне принимал участие и Балтийский флот. В послевоенные годы Наркомат ВМФ издал документ для внутреннего пользования, где было сказано: «Совместные действия Красной Армии и военно-морского флота окончились поражением противника. В тяжелых условиях осеннего и зимнего периода, с штормовыми погодами, туманами и жестокими морозами, краснофлотцы, командиры и политработники ВМФ, беззаветно преданные коммунистической партии и великому Сталину, уверенно и непоколебимо проводили свои боевые операции...» После заседания Политбюро Сталин дал указание щедро наградить участников этой войны. Из 412 человек, удостоенных звания Героя Советского Союза, были 22 моряка. А из 50 тысяч человек, удостоенных орденов и медалей, было 2316 моряков.

Естественно, за этими наградами стоят прежде всего грамотные действия флотских военачальников. Известно, что 3 ноября 1939 года нарком Военно-Морского Флота флагман флота 2-го ранга Николай Герасимович Кузнецов подписал директиву, в которой поставил боевые задачи Балтфлоту во время боевых действий с Финляндией. Согласно этой дате, нужно сделать вывод, что война началась не со случайной перестрелки у Майнилы, как сообщалось в прессе, а свершившийся инцидент стал поводом для развязывания войны. Спустя два дня командующий Балтийским флотом флагман флота 2-го ранга Владимир Филиппович Трибуц представил на утверждение наркому ВМФ общий план боевых действий в КБФ (Краснознаменный Балтийский флот).

5 ноября, с целью захвата островов Финского залива, был сформирован отряд особого назначения под командованием капитана 1-го ранга С. С. Рамишвили, в который вошли шаланды, буксиры, транспорты, катера, баркасы. Ему были приданы боевые корабли: 1 лидер, 6 эсминцев, сторожевые корабли, тральщики, торпедные и сторожевые катера. С воздуха отряд прикрывали более 40 бомбардировщиков, 2 авиаполка истребителей и 26 самолетов-разведчиков. Эти силы флота были переброшены непосредственно к островам.

20 ноября была проведена рекогносцировка начальником штаба отряда капитаном 1-го ранга Н. Б. Павловичем на сторо-

жевом корабле «Буря». Его сопровождали командиры подразделений, которые будут участвовать в десанте.

На следующий день с той же целью была совершена еще одна рекогносцировка. 29 ноября в 15 часов десант начал посадку на транспорты. На рассвете 30 ноября десантные отряды вышли в море. В воздух поднялась авиация, в северной части залива корабли прикрытия совершали маневры. Но здесь произошла досадная ошибка: советские летчики, приняв эсминцы «Володарский» и «Карл Маркс» за финские броненосцы, атаковали их бомбовым ударом... но промахнулись. Моряки кораблей в ответ открыли огонь по самолетам. Но... тоже мимо.

На корабли было передано сообщение о том, что в месте их маневрирования вот-вот должны появиться подводные лодки противника. Оба эсминца целыми днями гонялись за ними в надежде хоть кого-то потопить. Для чего проводили профилактическое бомбометание и израсходовали в результате более 400 (!) глубинных бомб.

Спустя два дня после этих событий на стол к Сталину легла справка разведки о том, что информация о появлении вражеских подлодок в месте нахождения советских эсминцев ложная и была запущена финскими лазутчиками.

Между тем по островам был нанесен сильный удар авиацией. Летчики израсходовали около 2 (!) тысяч бомб, большая их часть целей... не достигла. Проще говоря, расчеты штурманов экипажей были скверными и бомбы свалились если не в воду, то на землю, где не было никаких укреплений.

Одновременно по островам была проведена артподготовка из 305-мм и 180-мм орудий. Затем в артподготовку включились боевые корабли. Высадили десант по всем правилам военно-морского искусства. Все было бы хорошо, если бы не одно опять-таки досадное недоразумение. На островах не оказалось ни одного (!!!) военного укрепления, и ни одного (!!!) солдата вражеской армии.

Такова была цена двух рекогносцировок, которые проводили капитан 1-го ранга Павлович и на следующий день — капитан 2-го ранга Александров. Но командующий флотом Три-

буц высказал предположение, что... финны хорошо замаскировались и их с моря не видно.

В прессе тогда писали, что при высадке десантов на острова Сейскари и Лавенсаари было абсолютно все: вой и взрывы снарядов и бомб, матросское «Полундра!» и «Ура!»; флотская газета «Красный Балтийский флот» захлебывалась фразами: «Смелыми действиями десантники смяли коварного врага и над островами взвились алые стяги Советского государства».

Участники же десанта скорее стыдливо отмалчивались, ибо сражение и победы были фантазией.

Зато боевые награды самыми что ни на есть настоящими.

Советская пресса и компетентные органы постарались скрыть за семью печатями события того далекого времени.

Нечто похожее произошло и при захвате островов Гогланд и Большой Тютерс. Во время высадки советского десанта сталинские соколы высыпали бомбы на высаживающихся, затем довершили дело пулеметно-пушечным огнем. От своих родненьких хлопцев-десантников мало кто остался в живых. Было то 2 и 3 декабря 1939 года. За два дня советские летчики сбросили на эти два острова, где не было финских войск и укрепрайонов (!) более 2 тысяч бомб в количестве 65 тонн., израсходовали около 100 тысяч пулеметных патронов и около 5 тысяч снарядов. Острова были буквально перепаханы этим неимоверным количеством стали и огня.

19 декабря 1939 г. две эскадрильи советских бомбардировщиков (около 20 самолетов) атаковали советские транспорты «Табол» и «Луначарский», следовавшие из Либавы в Таллин в охранении эсминца «Стремительный». К счастью, из-за неумения штурманов бомбы легли хоть недалеко, но все-таки в стороне от судов. А спустя месяц «асы» Балтийского флота сбросили 20 бомб на ледокол «Ермак». И опять, слава богу, мимо...

Командующим флотом Владимиром Федоровичем Трибуцем была утверждена разработанная штабом флота операция подлодок, которую осуществили в конце декабря 1939 года — в январе 1940 года в Ботническом заливе. В операции участвовали подводные лодки С-1, С-2, («щуки») Щ-311, Щ-317, Щ-318,

Щ-324. Эта операция, как выяснилось позже, оказалась совершенно не нужной. Даже по той причине, что командирам подводных лодок не было известна навигационная обстановка залива. Ибо он был... очень мелок; лодки часто касались грунта, садились на мель, вынуждены были всплывать, тем самым теряя скрытность.

Подводные лодки направили туда, т.к., согласно сообщениям из штаба флота, в заливе должен был находиться противник. Но за две недели пребывания Щ-317 в водах залива противник так и не был обнаружен. А С-1 пробыла там еще больше — 3 недели, и также не обнаружила вражеских кораблей.

10 января командир С-1 отдал приказ и лодка подошла к порту Бьернборгу и «по ошибке» потопила германское гражданское судно (и как это возможно в перископ не увидеть ни флага, ни очертаний судна, — вот это грамота офицера!) «Бойхайм».

16 января на мелководье С-1 повредила вертикальный руль и вынуждена была вернуться в базу.

19 января С-1 вновь вышла в море и оказалась в плену сплошного льда. К вечеру с лодки обнаружили — вот удача! — два самолета противника и тут же открыли по ним огонь из пушки. Выпустив полсотни снарядов, командир посчитал, что ему удалось повредить один из самолетов противника. Позднее он красиво живописал о «подвиге» начальству, кстати, не зная о том, что никого так и не подбил...

20 января С-1 вернулась в свою базу, а ее командир за этот, с позволения сказать, боевой поход, капитан-лейтенант А. В. Трипольский был удостоен звания Героя Советского Союза. Личный состав наградили орденами и медалями. Сама же лодка С-1 стала Краснознаменная, т.е. получила свою награду — орден Красного Знамени (сам он хранился в кают-кампании на парадном знамени лодки, а на рубке было нарисовано его изображение).

Думаю понятна мысль, что если командующий или командир любого ранга не обладает талантом управленца, он старается увековечить время своего руководства вверенными ему силами победными боевыми подвигами, какими-то громкими делами. Или, если это не удается, их... фальсификацией.

Согласно боевому плану, утвержденному командующим Балтийским флотом, 1 января 1940 г. в море ушла ПЛ С-2 под командованием капитан-лейтенанта И. А. Соколова. Она в течение двух суток трижды выходила на связь, последний раз — в 4 часа 20 минут 3 января перед форсированием Южного Кваркена в Ботническом заливе. Из этого похода С-2 не вернулась. Специалисты штаба флота и командующий В. Ф. Трибуц были убеждены в том, что она подорвалась на мине.

В этой операции также была задействована Щ-324, где командиром был капитан-лейтенант А. М. Коняев. Лодка находилась в море со 2 по 19 января. В ее боевую задачу входило уничтожение противника на морских коммуникациях и контролирование ледовой обстановки. 13 января командир «Щуки» заметил конвой из трех транспортов, который охраняли сторожевой корабль, тральщик и катер. С дистанции в четыре кабельтовых он осуществил торпедный залп и... промахнулся. Безграмотность командира появилась и в том, что после выхода торпеды из аппарата «Щука» выскочила на поверхность и демаскировалась!

И, естественно, ее сразу же атаковали финские боевые корабли. К счастью, Коняева и экипажа, атаковали безуспешно. Завязалась перестрелка со сторожевиком «Аура-2». Один из снарядов попал в глубинную бомбу, в результате чего она сдетонировала. От взрыва собственных глубинных бомб финский корабль погиб.

После чего экипаж «Щуки» «героически боролся» в основном с морозами и штормами при возвращении в базу.

За этот поход командующий флотом представил командира «Щуки» Коняева «За проявленные мужество и отвагу во время боевого похода в Ботнический залив и беспримерный поход подо льдом» к званию Героя Советского Союза. На груди у доблестного офицера золотом засияли орден Ленина и Золотая Звезда.

Экипаж был удостоен орденов и медалей, а над «Щукой» взвился Краснознаменный флаг.

Исходя из такой «результативности» все, без исключения, командиры ПЛ должны были получить Героев, ведь в последующем были куда более сложные походы.

Не менее интересным является и боевой поход Щ-311 под командованием капитан-лейтенанта Ф. Г. Вершинина; старшим на борту был командир дивизиона подводных лодок капитан-лейтенант А. Е. Орел (ставший впоследствии адмиралом, командующим Краснознаменного Балтийского флота).

В боевом отчете о походе офицер Вершинин указал, что «Щука» под его командованием потопила 2 транспорта водоизмещением до 4 000 тонн каждый. Правда, оказалось, что информация о втором транспорте, якобы потопленным им, не подтвердилась. Также командир указал, что 28 декабря им же был потоплен финский пароход «Вильпас». После чего экипаж и лодка героически боролись со льдом, пока 5 января 1940 г. экипаж не обнаружил у плавучего маяка Зюйдостброттен пароход, груженный емкостями с топливом. Командир корабля, видя, что экипаж судна находится в опасности, разрешил морякам спуститься в шлюпках на воду. После чего с дистанции четырех кабельтовых атаковал судно торпедой. Но торпеда почему-то сошла с курса и прошла мимо вражеского судна.

Тогда командир принял решение подойти вплотную к судну и расстрелял его из орудия, выпустив более... 120 снарядов!

По сведениям разведки, гибель судна была подтверждена и противником. Им оказался шведское судно «Фенрис» водоизмещением 500 тонн.

По возвращению в базу командир дивизиона Орел получил приказание от командующего флотом Трибуца представить экипаж к наградам. При этом командир Вершинин был удостоен звания Героя Советского Союза. Экипаж наградили орденами и медалями, лодку сделали Краснознаменной. Да и самого командира дивизиона Орла наградили орденом Ленина.

То, что доложил на заседании Политбюро ЦК ВКП(б) нарком обороны Климент Ефремович Ворошилов, мягко говоря, красивая обертка от дорогих конфет с горькой начинкой. Ведь даже цифры потерь советской стороной не соответствуют действительности.

Помимо Генсека Сталина и членов Политбюро ЦК ВКП(б), на этом заседании по итогам советско-финляндской войны присутствовали командарм 1-го ранга Семен Константинович Тимошенко и командарм 1-го ранга Борис Михайлович Ша-

пошников. По окончании заседания оба к 23. 00 часам прибыли в один из подмосковных монастырей, где Борис Михайлович ознакомился с информацией о результатах советско-финляндской войны, которую ему предоставил недавний командующий Северо-Западным фронтом С. К. Тимошенко. Затем они вместе потрудились над этим документом, внося правки, и к рассвету сюда же подъехал вождь. Сталин, прочитав готовый документ, одобрил его.

Итак, все как всегда: *одна* информация — для всех, для советских граждан и тех, кто живет в капиталистических странах, — она озвучивается на заседаниях Политбюро, она публикуется в прессе и звучит по радио, затем попадает в учебники, энциклопедии и даже художественную литературу.

И *другая* — реальная. Истинная, наиценнейшая, правильная до сотой доли процента. Для товарища Сталина... Информация, практически неизвестная до сих пор...

2

Мы говорили о действиях Балтийского флота, об авантюристах и фальсификаторах во главе с командующим Балтфлотом В. Ф. Трибуцем, и совершенно противоположное мнение — с долей искреннего уважения и восхищения — высказали о непосредственном разработчике советско-финляндской войны командарме 1-го ранга Б. М. Шапошникове и исполнителе командарме 1-го ранга С. К. Тимошенко. После того как убедились в несостоятельности плана командарма 2-го ранга К. А. Мерецкова, был введен в действие план Шапошникова. Вот тогда-то армия и показала себя грамотно.

Борис Михайлович Шапошников за эти события получил орден Ленина, а Семен Константинович Тимошенко — орден Ленина и Золотую Звезду Героя Советского Союза. А вскоре — 7 мая 1940 года — оба они были удостоены воинского звания Маршал Советского Союза. С того же дня Семен Константинович стал наркомом обороны СССР.

Если исходить из стратегических целей в политике, то бои в Финляндии являлись поражением для Советского государства. Поражением, потому как конечная цель не была достигну-

та. Однако еще перед началом боевых действий была озвучена иная цель: мы ведем войну не за включение Финляндии в качестве республики в состав СССР, а за «безопасность города Ленина». И эта-то задача была выполнена. А вот — настоящая, практически прозрачная, ясная цель — нет...

Советско-финляндская война 1939—40, возникла в результате политики реакц. (посмели б написать иначе!) *правительства Финляндии, превратившего терр. страны в плацдарм для возможного нападения* (!!! В плацдарм обороны, — да; обороны от нападения реального противника — СССР) *агрессивных держав на СССР. Враждебная СССР позиция Финляндии создавала серьезную угрозу сев.-зап. границам СССР и непосредственно Ленинграду. Ведя подготовку к войне, Финляндия особое внимание уделяла созданию укреплений в приграничных р-нах и гл. обр. на Карельском перешейке, где граница проходит в 32 км от Ленинграда. Финляндию финансировали Великобритания, Франция, Швеция, Германия и США. На их средства была построена «Маннергейма линия»...*

...28 ноября Сов. пр-во было вынуждено денонсировать договор 1932 о ненападении с Финляндией... отвергнуто пр-вом Финляндии, к-рое 30 нояб. объявило войну СССР.

Войска Ленингр. воен.округа (команд. командарм 2-го ранга К. А. Мерецков, чл. Воен. совета А. А. Жданов) развернулись на фронте 1500 км...

7 янв. на Карельском перешейке был образован Сев.-Зап. фронт (команд. командарм 1-го ранга С. К. Тимошенко, чл. Военного совета Жданов)... Сев.-Зап. фронт имел задачу — прорвать «линию Маннергейма», разгромить осн. силы противника на Карельском перешейке и на 13—18-е сутки выйти на рубеж Кексгольм — ст. Антреа — Выборг.

(В энциклопедии представлена карта боевых действий, которая никак не соответствует карте Генерального штаба.)

Древний мыслитель Китая Сунь-цзы при разработке стратегических планов войны говорил императору и его генералам: «Война — это путь обмана. Если твоя армия близко, покажи врагу, что далеко. Если она далеко, покажи, что близко.

Если ты слаб, покажи силу. Если силен — покажи слабость. Горе тому, кто обманулся». Именно этот принцип был использован в войне с финнами.

Сталин приказал командованию советскими войсками в войне с финнами любой ценой прорвать линию обороны. Но в прессе приказал осветить эти бои весьма скромно; *если силен — покажи слабость*. Правда, по окончании боев норвежские газеты высоко отзывались о действиях советских войск, в то время как Гитлер и его генералы посчитали, что Красная армия не способна воевать. Не это ли — истинная цель: воевать, присоединить, но... показать свою слабость, почти недужность?

В действительности, в этих боях солдаты и командиры Красной армии показали лучшие образцы ведения боевых сражений в крайне неблагоприятных условиях.

Боевые действия велись на озерно-лесистой местности в условиях суровой зимы (от -40 до -45°С) и глубокого снежного покрова, исключавшего возможность движения вне дорог.

По замыслу, рожденному в штабе командарма 1-го ранга С. К. Тимошенко, предполагалось пробить тоннели в полуметровом и метровом слое снега. Подобное предложение исходило от одного из артиллеристов, смысл заключался в том, чтобы распределить по линии фронта тяжелую артиллерию в наиболее выгодных для прорыва «линии Маннергейма» местах. И артиллерийским огнем по курсу полета снарядов — беглым в глубину фронта огнем — сделать бреши в плотной массе снега.

Казалось бы, нелепая идея... Однако была одобрена командующим. Это был тот редкий случай, когда Тимошенко отступил от задачи, поставленной суровым вождем: абсолютно *любой* ценой, не считаясь с потерями, достичь победы. Благодаря русской смекалке, цена победы была минимальной. В образовавшиеся в полутораметровом снегу коридоры были брошены батальоны и полки фронта, состоявшие в большинстве своем из народов, призванных из северных регионов Советского Союза. И это также имело немаловажное значение: ни

один южанин не смог бы вести эффективно бой в таких тяжелых погодных условиях. И все-таки потери были весьма велики. Но командарм 1-го ранга и его штаб были глубоко убеждены: не осуществи такой артиллерийский маневр, жертв было бы гораздо больше. Солдаты, пригнувшись, бежали по снежным коридорам и, словно черт из табакерки, все выскакивали и выскакивали прямо перед опешившим противником.

Был открыт огонь, но поток солдат все не иссякал... Финнам следовало бы часть огня сосредоточить у вала, а часть — направить вдаль, туда, откуда била советская артиллерия. Однако этого не было сделано и в этом состояла их роковая ошибка.

Вот это — внезапность появления красноармейцев из проложенных артиллерией проходов — Сталин и оценил. Командарм 1-го ранга Тимошенко был удостоен высшего воинского звания Маршал Советского Союза и звания Героя Советского Союза. Именно эта оценка говорит о том, что война была выиграна...

Если не говорить о политической стороне дела, то финские солдаты под командованием Маннергейма проявили неподдельный героизм и умение сражаться с превосходящими силами противника.

Общее командование осуществлял маршал К. Маннергейм.

Эта строчка — все, что говорится в энциклопедии в достаточно пространном материале о советско-финляндской войне о маршале Маннергейме.

И неудивительно.

Ведь кто мог бы подать следующие сведения:

Маршал Карл Густав Маннергейм — закончил Его Императорского Величества Пажеский корпус и Николаевскую Академию Генерального штаба. Причем Академию закончил блестяще; служил в Его Императорском Кавалергардском полку, отличился в боях в Первой мировой войне, защищая Российское

государство, за что был удостоен ряда высших боевых орденов Российской Империи. Это весьма талантливый полководец редчайших благородных качеств воинства русского. Таковым его, кстати, и считал Маршал Советского Союза С. К. Тимошенко.

И еще, что касаемо недомолвок и фальсификаций, — характерным штрихам во всей научно-популярной, исторической, энциклопедической советской литературе. В «Большой Советской энциклопедии» только в рассматриваемом нами материале множество неточностей, умышленных правок, — слова, составленные в фразы, стали своего рода миной замедленного действия: как только начинаешь к ним подбираться, они взрывают правду. Истинную суть вещей следует рассматривать между строк. Впрочем, об этом давно известно тем, кто взыскует истины, тем, кто искренне пытается уразуметь сущность происхождения такого явления, как советский, советское и все, что связано с этим понятием.

Войска Ленинградского военного округа... развернулись на фронте 1500 км: на мурманском направлении — 14-я армия (2 стрелк. дивизии), на кандалакшском, ухтинском и ребольском — 9-я армия (3 стрелк. двивизии), на петрозаводском — 8-я армия (4 стрелк. дивизии), на Карельском перешейке — 7-я армия (9 стрелк. дивизий, 1 танк. корпус, 3 отд. Танк. бригады, 13 арт. полков). Боевые действия поддерживали 9 авиаполков и Балтийский флот.

Если рассматривать эти официальные данные, то здесь лишь 7-я армия представляет собой более или менее мощное объединение, а 14-ю армию как 8-ю, и 9-ю объединениями не назовешь. В 14-й армии всего-то две стрелковых дивизии, так какая же это армия!? Если корпус (высшее соединение), как правило, состоит из 3—4 дивизий (низшее соединение), плюс еще — части и подразделения, усиление, резерв и обеспечение. А в состав армии (объединения) входит, как правило, 3-4 корпуса, части и соединения резерва, усиления, и обеспечения.

Тогда как 7-я армия, судя по представленным данным, действительно являет собой мощную оперативно-стратеги-

ческую единицу. Другие, так называемые армии, были, несомненно, также оснащены, но... с целью дезинформации с помощью Агитпропа ЦК ВКП(б) довел до мировой общественности эти заниженные сведения. И сегодня на эти сведения, почерпнутые из советских источников, опираются советские (и не только) историки. Тем самым унижается военная наука. Нельзя забывать, что в 30-е годы XX века была сформирована система советского военного строительства, которая впоследствии была хорошо отлажена. И самым ярким ее представителем являлся человек непревзойденного военного ума Борис Михайлович Шапошников.

Можно назвать и имена тех, кто участвовал в этой кампании. Многие из них достойны того, чтобы остаться в памяти.

Войска 7-й армии возглавлял командарм 2-го ранга В. Ф. Яковлев, а с 9 декабря — командарм 2-го ранга К. А. Мерецков. 14-ю армию возглавлял комдив В. А. Фролов; 9-й армией командовал комкор М. П. Духанов, а с середины декабря — комкор В. И. Чуйков. 8-й армией командовал комдив И. Н. Хабаров, а с января 1940 г. — командарм 2-го ранга Г. М. Штерн.

В конце декабря 7-я армия была разделена на 7-ю и 13-ю армии, которой командовал комкор В. Д. Грендаль. А со 2 марта — комкор Ф. А. Парусинов. Обе армии были усилены войсками из других военных округов. Из состава 8-й армии была сформирована новая, 15-я армия, которой командовал командарм 2-го ранга М. П. Ковалев.

Боевые действия фронта поддерживали силы Балтийского флота, которым командовал флагман флота 2-го ранга В. Ф. Трибуц. А также Северная флотилия во главе с флагманом 2-го ранга В. П. Дроздом. Общее командование фронтом вначале было возложена на К. А. Мерецкова, затем — через очень короткий срок — на командарма 1-го ранга С. К. Тимошенко.

Известно, что по окончании ожесточенных боев и прорыва «Линии Маннергейма» Сталин произнес фразу: «Ми накажем Финляндию и отхватим кусок». И действительно, СССР отошел «кусок» вместе с городом Виипури, ныне — Выборг.

Гитлер и большая часть его военачальников клюнули на дезинформацию из Москвы о том, что Красная армия в войне

с Финляндией понесла поражение. Ведь Финляндия осталась свободной. Итак, цель достигнута: в ставке фюрера расценили что Красная армия не способна воевать...

Однако уже в начальной стадии войны с Советским Союзом и особенно после того как вермахт в декабре 1941 года был отброшен от Москвы, Гитлер и его генштаб стали осознавать реальную мощь нашей армии и ресурсов Советского Союза. 12 апреля 1942 года Гитлер признал: «Вся война с Финляндией в 1940 году — равно как и вступление русских в Польшу с устаревшими танками и вооружением и одетыми не по форме солдатами — это не что иное, как грандиозная кампания дезинформации, поскольку Россия в свое время располагала вооружениями, которые делали ее наряду с Германией и Японией мировой державой». А 22 июля 1942 года, в годовщину нападения немцев на СССР, Гитлер сказал: «У себя в России они создали невероятно мощную военную промышленность... И чем больше мы узнаем о том, что происходит в России, тем больше радуемся тому, что вовремя нанесли решительный удар... Вооружения Красной Армии — наилучшее доказательство того, что ... удалось добиться необычайно больших успехов...»

Также по свидетельству Г. Пикера, автора книги «Застольные разговоры Гитлера», фюрер Третьего рейха признал свое мнение о событиях советско-финляндской войны в отношении мощи Красной армии ошибочным.

Итак, Финляндию — страну, которая не так давно была Великим Финляндским княжеством в составе Российской Империи — оккупировать не удалось. И потому заранее сформированное на территории СССР на бумаге «правительство» Отто Вильгельмовича Куусинена и «народно-освободительную армию Финляндии» распустили. Как будто и не существовало в природе такого решения и такого новообразования.

Куусинен Отто Вильгельмович (4.10.1881, с. Лаука, Финляндия — 17.5.1964, Москва), деятель Коммунистической партии и Советского гос-ва, междунар. Коммунистич и рабочего движения. Герой Социалистич. Труда (1961), акад. АН СССР (1958). Чл. Коммунистич. партии с 1904...

В 1918 — один из руководителей рабочей революции в Финляндии, нар. уполномоченный по просвещению в революц. пр-ве. В авг. 1918 участвовал в создании Коммунистич. партии Финляндии. С мая 1919 до лета 1920 находился на подпольной парт. работе в Финляндии…

Похоронен на Красной площади у Кремлевской стены.

В энциклопедии говорится и о Куусинен (Kuusinen) Херте, дочери Отто Вильгельмовича. Коротко рассказывается о ее партийной деятельности. Однако ничего не говорится о том, что она и ее мать были профессиональными разведчиками разведуправления Генштаба Красной армии, возглавляли резидентуры за рубежом, прикрываясь крышами общественных фондов и организаций. Тем самым готовили Финляндию после ее оккупации Красной армией к вводу в состав в СССР в качестве Финляндской Советской Социалистической Республики. Руководителем страны, т.е. 1-м секретарем ЦК Финляндии и главой совнаркома предусматривали поставить Отто Вильгельмовича Куусинена.

…Если рассматривать войну с Финляндией и ее итоги с точки зрения профессионального военного и без идеологического налета, то это была одна из самых уникальных побед сталинского режима за все время существования СССР.

И если бы подобное совершила американская, британская, французская или немецкая армии, то их СМИ трубили б на весь мир о мужестве и небывалой стойкости, о военной хитрости и непобедимости своих солдат. А сама битва была бы внесена в научные исследования и классические учебники по истории и военной науке.

Боевые действия, как указывалось, завершились 13 марта 1940 года. За событиями этой войны внимательно следили ряд государств, в их числе Германия, Румыния, Литва, Латвия, Эстония, Польша. Выводы их правительственных аналитиков отличались лишь словами, фразами, но не смыслом. Смысл же заключался в следующем: сталинские войска могут выполнить совершенно немыслимые, невозможные и даже… невыполнимые приказы! В достижении целей армия Сталина не остано-

вится ни перед какими жертвами. Если он принял решение, то его армия уничтожит любого противника, не считаясь с собственными боевыми потерями, так как приказ вождя священен.

В связи с этим три страны из вышеперечисленных решили сдаться кремлевскому диктатору без всякого сопротивления, понимая, что оно бессмысленно и смертельно опасно для их народов. Отнесемся к этому шагу благосклонно; с лета 1940 года страны стали называться Эстонская, Литовская и Латвийская Советские Социалистические Республики.

А тем временем Сталин, в соответствии с планом «освобождения» Европы, выдвинул правительству Румынии ультиматум: верните мне Бессарабию! Помня горький опыт Финляндии, правительство Румынии немедленно передали СССР Бессарабию, а заодно и Буковину.

Любой здравомыслящий высокопрофессиональный военный аналитик скажет однозначно: боевые потери Красной армии в советско-финляндской войне следует распределить на пять государств: Финляндию, Литву, Латвию, Эстонию и Румынию. Ибо сталинские войска при прорыве «линии Маннергейма» продемонстрировали такую силу, что после этого названные страны сдавались без единого выстрела!

Кстати, есть любопытное мнение: считать, что войну 13 марта 1940 года Финляндии проиграл… Гитлер. Любопытное утверждение.

По документу-отчету, составленному Шапошниковым и Тимошенко, эту военную операцию следует считать уникальной и по всей видимости неповторимой в ближайшем будущем. Ими же было отмечено, что Гитлер высказался негативно о боевых действиях в Финляндии… Так не это ли привело к трагедии на полях России, Украины и Белоруссии германский вермахт?

Солдаты и офицеры вермахта, уцелевшие в боях на советско-германском фронте или, как они говорили, на Восточном фронте, утверждали, что в России воевать тяжело по двум причинам: отсутствие дорог и непролазная грязь осенью и весной, а также суровые русские морозы зимой. Но что бы они делали,

если бы в феврале-марте оказались в Финляндии, когда глубина снега достигает двух метров, а полярные морозы доходят до минус 50?! — когда продукты приобретают плотность железа, уши враз становятся черными и с хрустом отлетают от головы, а ноги... впрочем, понятно... Смогли бы немецкие тыловые генералы организовать обеспечение хотя бы одного небольшого подразделения, не говоря о целом фронте?

Штабная палатка командарма Тимошенко в период командования операцией в Финляндии не спасала его от того же нещадно-лютого холода, что и его солдат. Но они прорвали оборону и одержали победу. А гитлеровские военачальники в это время находились в уютных и теплых кабинетах и глядя на карту Ленинградской области, попивая кофе и вдыхая дым дорогих сигар, рассуждали о слабости Красной армии. Правда, говоря при этом, что гигантский Советский Союз — числом, а не умением — не мог не прорвать оборону двухмиллионной Финляндии. Говорили, утешаясь, и о том, что в Москве у Сталина бестолковый нарком иностранных дел, не менее глупый нарком внутренних дел, и более всех глупый — нарком обороны Ворошилов. Что с ними воевать!

После советско-финляндской операции два командарма 1-го ранга — Шапошников и Тимошенко — сделали еще одну важную запись: Красная армия сделала все возможное, чтобы выполнить приказ Сталина, а финская армия проявила мужество, спокойствие и уверенность, доказав, что никогда не покориться любому, пусть даже сверхсильному противнику, который покусится на ее честь и свободу.

Сталин, прочитав эти слова, ничего не сказал.

А по истечении восьми лет поручил Молотову провести переговоры с финляндским правительством.

В результате будет выработана особая линия в международных отношениях в ООН под названием «Линия Паасикиви-Кекконена», заложившая основы добрососедских отношений на многие десятилетия вперед.

Эту линию историки международных отношений и у нас и за рубежом называют именно так, как сказано. А назвать бы ее следовало: «Линия Сталина — Молотова — Паасикиви-Кекко-

нена». Ведь если бы Сталин не одобрил эти шаги мира и добрососедства, отдавая должное мужеству финского народа, вряд ли бы Россия до конца XX века и далее имела у себя на Северо-Западе такого дружественного соседа.

...Аркадий Ильич Паврос много рассказывал о том времени, очевидцем которого был. И лишь вскользь упомянул о своей не сложившейся судьбе. На протяжение всей войны ему по долгу службы неоднократно приходилось бывать не только на Балтийском флоте, но и на других флотах. Особо тепло он отзывался о своем сослуживце и друге, офицере Генштаба Красной армии капитане 1-го ранга Эрайзере. Но по окончании войны их пути разошлись. Принципиальная позиция по всем вопросам и проблемам флотской жизни, занимаемая Павросом, лишила его возможности дальнейшей службы. Проще говоря, своей неуступчивостью и правдолюбием он нажил себе врагов. Эти люди в январе 1953 года состряпали на него донос (надо полагать, традиционный: что он является шпионом многих вражеских разведок).

Последовал арест, осуждение по ст. 58 и приговор — 25 лет лагерей. Павроса не освободили после XX съезда партии. Его освободили лишь в 1965 году, таким образом, он отсидел 22 года. Это не могло не сказаться на состоянии его здоровья. После освобождения он, лишившийся своей московской квартиры, вынужден был уехать к семье сына. Однако там его ждало известие еще об одной трагедии.

Через несколько лет после его ареста неожиданно был убит его единственный сын, отец двоих детей. Аркадия Ильича встретили его невестка и двое внуков, которые сразу же признали в нем близкого и родного человека. В течение последующих 1,5 лет ему была оформлена небольшая пенсия только по той причине, что на момент ареста он имел 26 лет военной выслуги. Но так как он был лишен офицерского звания, то не мог получать военную пенсию. Тогда он обратился с письмом к министру обороны СССР Маршалу Советского Союза Родиону Яковлевичу Малиновскому.

Последовал ответ, в котором сообщалось, что бывший офицер за 26 лет военной службы может получать военную

пенсию, но исходя из его последнего воинского звания. Там же сообщалось, что в связи с осуждением за особо тяжкое преступление, капитан 1-го ранга Паврос А.И. лишен звания офицера Вооруженных Сил СССР и произведен в матросы. И из расчета 4 рубля 80 копеек ему может быть начислена пенсия за 25 лет военной службы, что составляло 2 рубля 41 копейку в месяц. Сумма просто смехотворная.

Невестка А. И. Павроса обратилась в местный собес, где ей разъяснили, что в связи с преклонным возрастом свекру, имеющему трудовой стаж 25 лет, может быть начислена минимальная пенсия гражданина страны — немногим более 48 рублей.

Эту сумму и получал Паврос-пенсионер. А вскоре случилась еще одна беда, у него воспалилась нога, и ему ее вынуждены были ампутировать. И лишь в 1970 году, к 25-летию победы над фашистской Германией, его восстановили в офицерском звании и назначили военную пенсию (200 руб.), что и позволило ему периодически находиться на лечении в военно-медицинских учреждениях.

Невестка, щадя самолюбие человека, которого называла отцом, не выходила замуж, хотя имела очень близкого друга (о чем сама мне рассказала во время одного из своих приездов к свекру). После назначения военной пенсии и получения соответствующих льгот Аркадий Ильич Паврос ушел из жизни в 1977 году.

А я еще не раз и не только от него слышал рассуждения о советско-финляндской войне…

ИСТОРИЯ 7

«КСТАТИ, У ГИТЛЕРА ТОЖЕ БЫЛИ ОБМАНЩИКИ»

Перед отъездом на Потсдамскую конференцию (*конференция глав правительств СССР, США и Великобритании; проходила с 17 июля по 2 августа 1945 г. во дворце Цецилиенхоф в Потсдаме, близ Берлина*) вождь еще раз пересмотрел список участников делегации и контрольной комиссии, среди ее участников был и Главнокомандующий ВМФ Адмирал флота Николай Герасимович Кузнецов. Сталин приказал вызвать его.

Кузнецов Николай Герасимович /р. 11 (24).7. 1902, (род. в 1904 году; два года Николай Герасимович приписал, чтобы попасть на службу на корабль Двинской флотилии в Котласе) *дер. Медведки, ныне Устюженского р-на Вологодской обл./, советский военный деятель, вице-адмирал (1956), Герой Сов. Союза (14.9.1945), Чл. КПСС с 1925. Род. в семье крестьянина. В ВМФ с 1919, участник Гражд. войны 1918—20. Окончил Воен.-мор. уч-ще (1926) и Воен.-мор. академию (1932). В 1934—36 командир крейсера «Червона Украина». В 1936—37 воен.-мор. атташе и советник в Испании, руководил сов. моряками-добровольцами в освободительной войне исп. народа. В 1937—39 зам., а затем командующий Тихоокеанским флотом. В 1939—46 нарком ВМФ СССР, пред. Гл. воен. совета ВМФ (1941) и главнокомандующий ВМФ во время Великой Отечеств. войны 1941—1945.*

С февраля 1947 нач. Управления воен.-мор. учебных заведений. С июня 1948 зам. главнокомандующего войсками Д. Востока по воен.-мор. силам. С февраля 1950 командующий Тихо-

океанским флотом, с июля 1951 воен.-мор. мин. С марта 1953 1-й зам. мин. обороны СССР, главнокомандующий ВМФ. С февраля 1956 в отставке.

Спустя некоторое время Николай Герасимович вошел в кабинет вождя. Доложив о прибытии и получив приглашение сесть, он стал внимательно смотреть в лицо Сталину. Тот в молчании прошелся вдоль стола, за которым сидел флотоводец, потом предложил: «Товарищ Кузнецов, не выпить ли нам чаю?»

Услышав утвердительный ответ, вождь продолжил:

«Товарищ Кузнецов, как ви думаете, па-ачему при високих показателях боевых действий ни один командующий флотом нэ удостоен звания Героя Са-аветского Са-юза? А ведь генерал Антонов представлял товарища Головко к Золотой Звезде, и ваша подпись там стояла. Более того, он и маршал Василевский считают да-астойным наградить вас как ха-арошего руководителя нашего флота вись-шей полководческой наградой — орденом «Па-абеда».

Непроницаемое лицо Николая Герасимовича медленно стало покрываться красными пятнами. Он был явно взволнован. Зачем Сталин ему об этом говорит? Ведь он-то хорошо понимает, отчего руководители ВМФ удостоились невысокой оценки за действия в годы минувшей Второй мировой войны. И сам он вовсе не претендует не то что на «Победу», но и вообще на какую-либо награду.

Награжден 4 орденами Ленина, 3 орденами Красного Знамени, орденом Красной Звезды, 2 орденами Ушакова 1-й степени и медалями. Кстати, Золотой Звезды Героя Советского Союза Николай Герасимович Кузнецов был удостоен по окончании войны, в сентябре 1945 года.

Это он, единственный из руководителей Вооруженных Сил СССР, будучи кандидатом в члены ЦК ВКП(б) и наркомом Военно-Морского флота СССР ранним субботним утром 21 июня 1941 года принял решение и отдал директиву командующим флотам о готовности флота №1. И лично обзвонил всех командующих флотами. Были у него на то причины...

Согласно этому, сход командному составу с кораблей и оставление воинских частей категорически запрещалось. Военно-Морской флот СССР в ночь на 22 июня 1941 года в буквальном смысле не спал и дружным огнем зенитных батарей с кораблей и береговых частей отразил воздушное нападение германских люфтваффе.

Однако неприятным Николаю Герасимовичу был тот факт, что немецкие летчики сбросили на Севастопольскую бухту на парашютах мины, которые взрывались не сразу, а после нескольких прохождений над ними кораблей. Таким образом вход в бухту был заблокирован. При этом одна из мин упала на площади Нахимова, что возле Графской пристани и взорвалась. Недалеко от нее рухнул и немецкий бомбардировщик, сбитый зенитчиками с кораблей.

А спустя несколько дней на рейде Севастопольской бухты взорвался крейсер «Червона Украина». Это известие также принесло Кузнецову горечь, ведь с 1934-го по 1936-й год он сам был командиром этого крейсера.

Но неприятности и потери только начинались...

Переход кораблей Балтийского флота из Таллина стоил советскому ВМФ такой потери, которая сопоставима с потерями, кои Российский флот понес в сражениях при Роченсальме в 1790 г. и при Цусиме в 1905 г., — причем вместе взятых!

Во время таллинского перехода погибло более 100 кораблей. И более 12 тысяч человек.

Итак, к концу 1941 года флота на Балтике практически не существовало. 35 судов пароходств были захвачены в иностранных портах, некоторые взорваны по приказанию высшего командованаия. 37 судов потопила германская авиация. Десятки погибли от подрыва на минах, от торпедных катеров, береговой артиллерии и подводных лодок. В общем, к концу 1941 года на Балтике погибло более 130 транспортных судов.

Только в Таллине немцы взяли в плен почти 12 тысяч военнослужащих, захватили большое количество зенитных и противотанковых батарей, два бронепоезда, около 5 тысяч мин, столько же торпед и авиабомб. Николай Герасимович на протяжение всей войны в своих размышлениях неоднократно

возвращался к этой теме, его мучил вопрос: был ли готов Балтийский флот для проведения столь масштабной операции по эвакуации 10-го стрелкового корпуса, а также сил и средств главной базы флота?

Как нарком, Н. Г. Кузнецов в канун гитлеровской агрессии в своей директиве поставил флоту следующую задачу: не поддаваться на провокации вермахта и кригсмарине; ему была известна установка Сталина в связи с разработанным планом вторжения в Европу. Позже, в конце жизни, в своей книге «Накануне» Николай Герсимович писал: «Для меня бесспорно одно: И. В. Сталин не только не исключал возможности войны с гитлеровской Германией, напротив, он такую войну считал неизбежной... планируемой. И. В. Сталин тщательно вел подготовку к войне — подготовку широкую и разностороннюю, — исходя из намеченных им самим сроков...».

Поэтому он немедленно приказал командующему Балтфлотом обеспечить уничтожение возможных высадок морских десантов на острова Эзель и Даго. И обеспечить наступление войск Особого Прибалтийского округа. Он сообщил обо всем этом командующему округом генерал-полковнику Кузнецову, своему однофамильцу, находящемуся в Риге. Одновременно приказал авиации Балтфлота уничтожить корабли противника при попытке его проникновения в Рижский и Финский заливы; содействовать флангам армейских соединений на побережье Балтийского моря.

22 июня 1941 года в 3 часа 30 минут ему позвонил командующий Черноморским флотом вице-адмирал Ф. С. Октябрьский и сообщил что со стороны моря, согласно сообщению звуковой разведки, слышен гул самолетов, которые классифицируются как «хейнкели». Нарком, выслушав доклад командующего, отдал приказ при подходе их к главной базе ЧФ открыть огонь с зениток и уничтожить самолеты противника. Приказ был выполнен через полчаса. О чем вице-адмирал вновь доложил по телефону наркому и спросил о дальнейших действиях. Нарком ВМФ Кузнецов, взяв на себя персональную ответственность, отдал приказ о вскрытии пакета правительства, в котором указывалось, как и что делать.

В соответствии с этим командующий флотом силами флота нанес удары по нефтепромыслам в Констанце и Плоешти, а частью сил обеспечил боевые действия войск особого Одесского военного округа, начавшего боевые действия против вермахта.

Оборонительные действия Черноморского флота не предусматривались, как и Балтийского флота!

Почему? Да потому что так требовал план «освободительного» похода в Европу.

Командование Балтфлота и руководство Наркомата ВМФ вообще не допускало мысли о том, что находящийся за сотни километров от государственной границы противник будет угрожать военно-морской базе с... сухопутного направления.

На всем флоте — от краснофлотца до командующего — проводилась политическая работа, согласно идеологическим установкам тех лет главная мысль заключалась в том, что любой враг будет разгромлен на его же территории, и что все моряки, совместно с вооруженными силами Страны Советов, вскоре выйдут в решающий освободительный поход против Европы, освобождая ее и живущих там братьев-пролетариев от оков империализма.

Исходя из этого, командование флотом и нарком ВМФ ни теоретически, ни практически к операции по эвакуации сухопутных частей и личного состава Главной военно-морской базы, а также сил флота из Таллина не готовились.

Еще одной веской причиной массовой гибели кораблей при оставлении Таллина и переходе являлся недостаточно высокий уровень профессиональной и оперативно-тактической подготовки командного состава. В том числе и руководства флотом. Так полагал главнокомандующий ВМФ Николай Герасимович Кузнецов.

Назначенный на должность командующего Балтийским флотом в апреле 1939 г. В. Ф. Трибуц прослужил 15 лет офицером. Из 72 офицеров штаба флота только 6 закончили Военно-морскую академию. Как указывал сам Николай Герасимович, в 1940 году на Балтийском флоте был «полнейший провал по оперативно-тактической и боевой подготовке».

Трибуц Владимир Филиппович /р. 15(28).7.1900, Петербург/, советский военачальник, адмирал (1943), доктор ист. наук (1972). Чл. КПСС с 1928. на флоте с февр. 1918. Участвовал в Гражд. войне 1918—20 в составе Астраханской и Волжско-Каспийской флотилий и мор. сил Каспийского м. Окончил Воен.-мор. училище им. М. В. Фрунзе (1926) и Воен.-мор. академию (1932).

В 1926—1929 и 1932—36 служил на боевых кораблях Краснознаменного Балт. флота. В февр. 1938—апр. 1939 нач. штаба Балт. флота. С апреля 1939 по 1947 командовал Балт. флотом, успешно (?!) руководил его действиями во время Великой Отечеств. войны 1941—45 на мор. сообщениях при обороне Таллина, Моондзундских о-вов, Ханко, Ленинграда, прорыве блокады Ленинграда и освобождении Прибалтики.

В 1947—48 зам. главнокомандующего войсками Д. Востока по воен.-мор. силам; затем на руководящих должностях в ВМФ и Мин-ве обороны СССР. С февр. 1961 в отставке.

Награжден 2 орденами Ленина, орденом Октябрьской Революции, 4 орденами Красного Знамени, 2 орденами Ушакова 1-й степени, орденом Нахимова 1-й степени, орденом Красной Звезды, а также медалями.

В связи с неосуществлением разработанного Маршалом Советского Союза Борисом Михайловичем Шапошниковым плана «Гроза», спровоцировавшим (как только о нем стало известно Гитлеру) нападение немцев на СССР, начальный период войны практически превратился в хаос, хаосом был охвачен и высший командный состав армии и флота, который, как уже говорилось, ни теоретически ни практически не был готов к обороне.

В первые дни войны представитель флота в штабе главнокомандующего Северо-Западным направлением адмирал Иван Степанович Исаков отдал распоряжение В. Ф. Трибуцу решить вопрос об организации отхода сил флота и его системы базирования в Кронштадт или Лужскую губу. Но «выдающийся флотоводец» главнокомандующий Северо-Западного направления первый красный маршал Климент Ефремович Ворошилов строго-настрого запретил командующему флотом думать об отходе!

В сложившейся ситуации комфлота Трибуц почувствовал особую страсть к авантюризму. Этот великий фальсификатор поворачивал все в свою пользу...

На свой страх и риск штаб флота под его руководством начал вывозить из Таллина материальные ценности. Более того, чтобы не попасть в положение «пораженцев и паникеров» офицеры штаба скрывали перевозки не только от противника, но и от органов НКВД.

Руководил этими перевозками начальник тыла КБФ генерал-майор М. И. Москаленко. А также — начальник отдела военных сообщений капитан 2-го ранга И.Н. Ганцов, начальник организационно-мобилизационного отдела штаба флота полковник А. С. Ильин.

Когда основную часть материальных ценностей вывезли, было принято решение об эвакуации войск 10-го стрелкового корпуса и гарнизона. Решение это поступило из Москвы после того, как Сталин спросил у начальника Генштаба маршала Шапошникова : «А што-о, разве корабли еще в Таллине?»

Да, флот был в Таллине. И время было утеряно.

Так что неудивительно, что противнику в этих условиях хаоса и неразберихи удалось выставить более 3 тысяч мин; факт, подтверждающий слабость разведки Балтийского флота и низкую организацию службы наблюдения и связи в районе театра военных действий.

Разведывательные самолеты МБР-2 (морские базовые разведчики), а также корабельные дозоры не проявили должного усердия и пассивно относились к выполнению своих обязанностей. В среде моряков, как и в среде морских летчиков, царила безответственная самонадеянность на то, что скоро свершится великое чудо, и мы всей своей мощью обрушимся на врага и уничтожим его. Неся при этом желанную свободу народам порабощенной Европы.

Хотя в таком варианте силы флота скорее должны были выполнять вспомогательную роль. Но, расслабившись в ожидании наступления, действия командующего флотом вкупе с другими военачальниками приобрели оттенок безответственности и привели к тому, что ни перед немецкой агрессией, ни в первые дни войны никто не додумался организовать трале-

ние рейда и фарватера от мин. Даже тогда, когда на минах подорвались крейсер «Максим Горький» и эсминец «Гневный», командование флотом бездействовало и не определило даже рубежей минных заграждений. А тральщики использовались лишь для несения дежурной службы, доставляли бомбы, авиационное топливо и нередко при этом погибали.

Более того, 10 августа командующий Балтийским флотом В. Ф. Трибуц издал приказ отказаться от систематического траления и перейти к проводке кораблей и судов за тралами.

Что представляло собой роковую ошибку...

Все это хорошо понимал главком; и сейчас, находясь в кабинете вождя, он невольно думал об этом. В этот момент он услышал голос Сталина: «Товарищ Кузнецов, вам заменят чай. Он остыл. Та сводка, которую ви мне дали, составлена на-а сводках командующих флотов. И если ей верить, то па-алучается, што ми за годы вайны уничтожили па-а крайней мере три немецких военных и гражданских флота. Поэтому я э-тот материал нэ могу взять на Потсдамскую конференцию. А вот маи сведения ви будете использовать в переговорах по репатриации германского и итальянского флотов. Кстати, у Гитлера тоже были обманщики. Они тоже уменьшали в сводках сва-аи потери и при-увеличивали па-атери противника».

Сталин встал из-за стола, в этот момент вошел Поскребышев и внес чайник со вскипяченой водой.

Когда он вышел из кабинета, вождь отхлебнул несколько глоточков, пожевал кружочек лимона, затем достал коробку своих любимых папирос и закурил, не используя трубку.

Через промежуток тишины вождь продолжил: «Ви должны, товарищ Кузнецов, понимать, что ми, руководители, доверяем вам. Ви честный человек, а вот ваши подчиненные нэ совсем. Так што должен заметить, ш-то успехи Балтийского флота не так уж високи, как ми объясняем это нашему народу. Ми об этом поправили (в устах Сталина это означало: не будешь исправлять ситуацию, не будешь докладывать о фальсификациях и безобразиях, — расстреляем) нашего представителя, члена Военного совета Балтийского флота вице-адмирала Николаева... А Золотые Звезды, которыми удостоены многие

офицеры флота, — пусть носят их. Но если би они у-важали своих командиров, то кто-то би из них снял би свою не-законную Звезду и вручил бы ее Трибуцу... Сма-атрите, никого не нашлось... А история, товарищ Кузнецов, помнит многих русских полководцев, которые снимали Георгия и вручали его а-ат имени Императора и России своим отважным офицерам... Где же сейчас дух российского офицерства? ...Ну ш-то ж, товарищ Кузнецов, чай ми с вами по-апили. Только должен заметить, что за все эти безобразия в первую очередь от-вичать должны ви. И ми вас правильно накажим. Желаю успеха, нам нужен этот успех на Потсдамской конференции ».

Этот разговор состоялся летом 1945 года.

На 22 июня 1941 года Балтийский флот официально имел 65 подлодок, Северный флот — 15, Черноморский — 47, Тихоокеанский — 92. Также Балтфлот имел 25 кораблей основных классов (линкоров, крейсеров, лидеров, эсминцев); Северный флот — 8, Черноморский — 23, Тихоокеанский — 15. Подчеркну: это официальные данные, но Советский Союз в эпоху Сталина имел еще один флот. Но это уже другая история...

ИСТОРИЯ 8

«НО КТО ПЕРЕВЕЗЕТ ДРУГИХ ПАВШИХ?»

В небольшом баварском немецком городке Иршенхаузене золотой солнечный свет осеннего дня сменился мелко накрапывающим дождем, и с вершин Альп сразу же потянуло унылой прохладой.

Старому мужчине, сидевшему в лоджии второго этажа увитой плющом красивой виллы с башенками, служанка принесла плед; укутывая его ноги, она спросила, будет ли экселенс пить кофе, так и не выйдя из грез, он машинально кивнул. Его мозг погрузился в воспоминания, тогда как взгляд безучастно бродил в расселинах скал видневшихся вдали Альп.

Из состояния задумчивой сосредоточенности его не вывел даже громкий телефонный звонок. Служанка подняла трубку и попросив говорившего немного подождать, пошла к хозяину виллы. «С вами хотят поговорить. Но человек не представился», — она подала сидевшему трубку.

— Господин генерал-фельдмаршал, извините что беспокоим вас по истечение стольких лет. Мы бы хотели просить вас о встрече с одним человеком из Москвы. Позволяет ли ваше здоровье это осуществить?

Пожилой человек молчал. На том конце провода понимающе добавили:

— С вами может встретиться человек родом из тех мест, в которых вы воевали в 1941—1942 годах.

— Хорошо, — ответил тот, — договоритесь о времени встречи с моим секретарем...

26 мая 1981 года в Москве скончался известный в советских Военно-Морских Силах адмирал Гордей Иванович Левченко. Ничего особенного в том, что человек, проживший

84 года, ушел из жизни, не было и вся его служба вряд ли бы представляла какой-либо интерес даже для историков, если бы не одно обстоятельство. В истории событий начального периода минувшей войны он предстает в качестве труса и чуть ли не изменника.

Родился Гордей Иванович в обычной крестьянской семье на Житомирщине. В Первую мировую войну служил матросом на крейсере «Адмирал Макаров», был старательным и угодливым, чем заслужил право быть зачисленным в школу комендоров и артиллерийских унтер-офицеров. По окончании которой служил унтер-офицером на эсминце «Забияка».

Сумасшедший 1917 год вовлек его в составе отряда матросов в вакханалию и кровавый разгул в Петрограде и Кронштадте. Позже это назовут революцией. Участвовал Левченко в боях против генерала Юденича, в массовом расстреле своих же матросов-братков в форте «Красная Горка» и в Кронштадте. Очевидно, Гордей Иванович очень старался, ибо был зачислен в курсанты советского военно-морского училища и по окончании, в 1928 году, был направлен вахтенным командиром на эсминец «Ленин». Затем его перевели на линкор «Парижская коммуна», где в мае 1927-го он стал старшим помощником командира этого корабля.

А через два года он уже слушатель Курсов усовершенствования высшего начсостава при Военно-морской академии. Окончив их, в октябре 1930 года он был удостоен высочайшей большевистской чести и возглавил экипаж крейсера «Аврора», что, несомненно, открыло ему путь в высшие командиры. Вскоре Левченко возглавил бригаду линейных кораблей, в августе 1937-го стал начальником штаба, а с января 1938-го — командующим Балтийским флотом. Ему присваивают воинское звание флагман флота 2-го ранга, а через несколько месяцев — флагман флота 1-го ранга. На этом его рост не завершился и 28 апреля 1939 г. его переводят в Москву на должность заместителя наркома ВМФ, где он координировал работу инженерного и строительного управления. 4 июня 1940 года ему присвоили звание вице-адмирал. Такова краткая жизненная биография этого человека.

После начала боевых действий с фашистской Германией, нарком ВМФ отправляет вице-адмирала Левченко в командировку на Черноморский флот с целью организации обороны Черноморской твердыни — города Севастополя.

Левченко Гордей Иванович /р. 20.1.(1.2)1897, Дубровка, ныне Барановского р-на Житомирской обл./, советский воен.-мор. деятель, адмирал (1944). Чл. КПСС с 1919. в ВМФ с 1913...

В Великую Отечеств. войну 1941—45 как представитель воен.-мор. командования участвовал в обороне Одессы, Николаева, Севастополя, командовал войсками Крыма (22 окт. — нач нояб. 1941). В 1942—44 командовал Ленинградской, а затем Кронштадской воен.-мор. базой, участвуя в обороне Ленинграда...

С сентября 1960 в отставке.

К ноябрю 1941 г. в Крыму в силу сложившихся обстоятельств оказалось огромное количество войск под общим командованием генерал-полковника Дмитрия Тимофеевича Козлова. У него в оперативном подчинении находился и Черноморский флот. Вся эта огромная мощь представляла собой три объединения (армии), включающие вспомогательные части и соединения, артиллерийские соединения, авиацию сухопутных войск и Черноморского флота. Крымфронт состоял: 44-я армия под командованием генерал-лейтенанта Черняка, 47-я армия под командованием генерал-майора К. С. Колганова и 51-й армии под командованием генерал-лейтенанта В. Н. Львова. Членом Военного совета Крымфронта являлся дивизионный комиссар Ф. А. Шаманин, начальником штаба генерал-майор Ф. И. Толбухин, которого впоследствии сменил генерал-майор П. П. Вечный. Представителями Ставки в Крыму являлись нарком Госконтроля СССР армейский комиссар 1-го ранга Л. 3. Мехлис и заместитель наркома обороны, начальник Главного артиллерийского управления Герой Советского Союза Маршал Советского Союза Г. И. Кулик. Командующим ВВС был дважды Герой Советского Союза генерал-лейтенант авиации С. П. Денисов. Южный берег и дальние рубежи Севастополя прикрывала отдельная Приморская армия под командованием генерал-майора И. Е. Петрова.

По поручению Ставки Верховного Главнокомандования вице-адмирал Левченко нес персональную ответственность за организацию боев на Крымском полуострове с целью недопущения противника на его территорию. В Ставке решили, что то количество войск, которое находится в Крыму, не вызывает беспокойств, так как силы, противостоящие Крымфронту, во много раз слабее.

Однако случилось непредвиденное и непоправимое.

Командующий Крымфронтом генерал-лейтенант Козлов сообщал в Ставку о беспомощности военных руководителей в Крыму. С целью наведения порядка прибыл член Ставки армейский комиссар 1-го ранга Л. З. Мехлис. Однако он тоже стал информировать Верховное Главнокомандование о тех же неблагоприятных факторах, о которых неоднократно сообщал и генерал Козлов.

Результатом позорных поражений в Крыму и сдачи Севастополя явилось снятие с должностей всех ответственных за действие или бездействие военачальников Крымфронта.

Армейский комиссар 1-го ранга Лев Захарович Мехлис был понижен до бригадного комиссара. Это его Сталин резонно упрекнул: «Ми вас, та-аварищ Мехлис, послали не людей карать, а организовать оборону Крыма, а ви требовали от нас па-алководцев. У нас нэт в резерве Гинденбургов. Ви ответственны за дела и положения дел в Крыму».

Генерал-лейтенант Козлов был понижен до полковника.

Вице-адмирал Гордей Иванович Левченко — до капитана 1-го ранга.

Командующий ВВС Закавказского фронта и Крымфронта, дважды Герой Советского Союза генерал-лейтенант авиации С. П. Денисов был снят с должности и понижен в воинском звании до подполковника. Золотые Звезды он получил за воздушные бои в Испании в 1937 г. и на советско-финляндской войне в 1940 г. Уже в 31 год Сергей Прокофьевич был удостоен воинского звания генерал-лейтенант авиации. С началом войны был назначен командовать авиационным корпусом на Южном фронте. Затем в связи с тяжелой обстановкой, сложившейся на Крымском фронте, был назначен командующим ВВС Крым-

фронта с оставлением в должности командующего ВВС Закавказского фронта.

Этот молодой ухарь, вознесенный обстоятельствами на вершину, возомнил о себе невесть что. И вот — уже даже война не помеха для развратных и гнусных утех. Он вместе с сотоварищами запросто садился на истребитель пьяным, летал на Тамань, где, хвастаясь Золотыми Звездами, обольщал женщин, бывало и так, что насиловал, ну а кто отказывал герою — то мог и пристрелить... Хуже всего, что этой цепной реакцией охватило генералов штаба ВВС, командиров авиаполков, летчиков. И, безусловно, отрицательно повлияло и на организацию, и на ведение воздушных боев во время боевых действий в Крыму. Это привело к тяжелой катастрофе — не было как следует организовано прикрытие наземных частей с воздуха.

> *Денисов Сергей Прокофьевич /12(25).12.1909, Россошь, ныне Воронежск. обл., — 6.6.1971, Москва/... С 1947 в отставке по болезни.* Так говорится в энциклопедии; на самом деле был изгнан из армии за пьянство и деградацию.

Спустя годы во всех официальных источниках ВМФ и многотомном труде «История Великой Отечественной войны 1941—1945 годов» указывалось, что «по решению ставки вице-адмирал Г. И. Левченко принимал меры, чтобы задержать врага на Керченском полуострове. Превосходство противника в силах не позволило это сделать...»

Что же было в реальности?

В сентябре 1941 года после гибели в авиационной катастрофе генерал-полковника кавалерии Евгения Риттера фон Шоберта командование 11-й армией, находившейся на юге Украины у Перекопа, принял генерал от инфантерии Манштейн.

...Фриц Эрих фон Левински родился 24 ноября 1887 г. в Берлине. Его отец, генерал артиллерии Эдуард фон Левински, командовал корпусом в Германской имперской армии. Прусская военная семья свято чтила боевые традиции, которые зародились еще во времена тевтонских рыцарей. Эрих был десятым ребенком в семье. Его тетка, сестра матери, была без-

детна и отец Эриха после настоятельных просьб позволил ей усыновить мальчика; отчимом Эриха стал ее муж генерал-лейтенант Манштейн, командир дивизии германской армии. Подраставший Эрих взял его фамилию и стал называться Фридрих Эрих фон Левински, названный Манштейн. А проще для всех Эрих фон Манштейн.

Учился он в Страбурге в кадетской школе. В 1906 г. поступил в элитный Третий Прусский пехотный гвардейских полк и 1 июля 1907 г. удостоен чина младший лейтенант. В 1913—1914 гг. учился в военной академии. В Первую мировую войну Эрих служил адъютантом во 2-м гвардейском полку.

Воевал в Бельгии, Восточной Пруссии и Польше под началом своего дяди, генерал-фельдмаршала Пауля фон Гинденбурга. Был тяжело ранен в ноябре 1914 г. По возвращении из госпиталя участвовал в сражении при Вердене. После войны капитан Манштейн был удостоен Железного креста 1 класса и ордена Дома Гогенцоллернов. Вплоть до 1932 года служил в войсках. В 1933-м Манштейна удостоили чина полковника и назначили начальником штаба 3-го военного округа в Берлине. На следующий год ему доверили пост начальника отдела боевых операций генштаба вермахта. 1 октября 1936 г. ему присвоили чин генерал-майора. А через год он был назначен заместителем начальника генштаба.

В период с 1934 по 1937 год фон Манштейн испытывал определенную неприязнь к нацистам. И на словах осуждал действия военного министр Бломберга, который издавал в армии откровенно расистские приказы. Манштейн написал рапорт протеста на имя Рейхенау, в котором изложил, что подобные приказы в армии представляются трусостью. И что нельзя проводить политику дискриминации против военнослужащих-евреев, которые в годы Первой мировой войны показали свою готовность жертвовать жизнями ради Германии. Узнав о том, Бломберг вызвал к себе генерала Фрича и потребовал поставить на место Манштейна. Однако Фрич отказался выполнять приказ. В результате — генерал-майор Манштейн оказался в черном списке у фюрера и был снят с занимаемой должности.

Но в опале генерал пробыл недолго, его талант вскоре востребовался и он возглавил командование 18-й пехотной дивизией в Лейпциге, подальше от Берлина.

Но уже через полгода был рекомендован на должность начальника штаба 12-й армии; 1 апреля 1939 г. ему было присвоен чин генерал-лейтенанта. Тогда же Манштейна назначили начальником оперативного штаба, где он принимал участие в разработке планов вторжения в Польшу. Позже он разработал план, который в 1940 году привел Францию к капитуляции.

Следует заметить, что этот план стал известен в Москве и о нем доложили Сталину. Кстати, он очень высоко оценил действия этого талантливого немецкого генерала. Особо доверенные работники Коминтерна по поручению вождя установили негласную связь с генерал-лейтенантом Манштейном.

Но вернемся в Германию.

В дни оккупации Франции его назначили командовать 38-м корпусом в Штеттине. И о том, что его план воплощен в жизнь, и Франция капитулировала, он сам услышал по радио, находясь в отпуске. Лавры побед достались другому. Это обстоятельство было организовано теми московскими товарищами, которым очень важно было поддерживать антирасистские взгляды генерала и тем самым по возможности сделать его своим агентом...

После этих событий Манштейн был приписан вместе со своим корпусом в группу армий «А». 1 июня 1940 г. он был удостоен чина генерала от инфантерии. С февраля 1941 г. генерал назначается командиром формирующегося 56-го танкового корпуса. В его состав входили 8-я танковая, 3-я моторизованная, 3-я моторизованная СС, 290-я пехотная дивизии. И при вторжении в Советский Союз 22 июня 1941 года его корпус входил в 4-ю танковую группу генерала Хеппнера из группы армий «Север».

Генерал фон Манштейн отличился в первые же дни боевых действий в России. Его корпус вырвался вперед на 200 миль уже на пятый день кампании, без боя оседлал мост через Западную Двину и вырвался на оперативный простор. Ре-

зультатом решительных и продуманных действий было спасение оказавшегося в окружении 10-го корпуса вермахта и почти молниеносное уничтожение 3-й советской армии, которая имела три таких корпуса, как у Манштейна. (Вот это генерал: одним корпусом уничтожил три!) Происходило это у города Демянска, за потерю и города, и армии Сталин после воздал должное многим советским военачальникам.

Приняв в сентябре 1941 года 11-ю армию, генерал Манштейн, ознакомившись с документами штаба, уяснил, что ему следует осуществить захват Крыма, а затем выйти на направление Ростова-на-Дону.

В состав 11-й армии входили: 54-й, 44-й горный, 30-й корпуса, в которых было 6 пехотных дивизий. Т.е. каждый корпус состоял из двух дивизий. Помимо этого в его подчинении еще была одна моторизованная дивизия СС «Лейбштандарт Адольф Гитлер», а также 3-я румынская дивизия, состоящая из трех горных бригад и трех кавалерийских бригад. Единственное сильное соединение в составе армии — 1-я дивизия СС, которая была почти полностью укомплектована и готова к сражениям. Фон Манштейн сразу же оценил, что для осуществления захвата Крыма с последующим выходом в излучину Дона у него совсем недостаточно сил.

Однако решительность и острый ум всегда сослужат хорошую службу.

Исходя из реальности, Манштейн перестроил вверенные ему соединения с целью нанесения удара по советским армиям, засевшим в Крыму. По его мнению, находившиеся здесь советские войска преследовали цель нанесения удара по нефтепромыслам Румынии и тем самым они представляли серьезную угрозу правому флангу группы немецких армий «Юг».

24 сентября 1941 года Манштейн силами 54-го корпуса генерала Эриха Ханзена начал наступление на Перекоп. При этом оставил в своем резерве 49-й горный корпус генерала Людвига Кюблера. Левый фланг армии прикрывал 30-й корпус генерала Ганса фон Зальмута и шесть ненадежных румынских бригад.

После ожесточенной схватки с шестью советскими дивизиями 9-го корпуса под командованием генерала Батова, генералу Ханзену со своим 54-м корпусом удалось 28 сентября осуществить захват Перекопа. В плен было захвачено 10 тысяч советских солдат и командиров, 112 танков, 135 орудий.

На 26 сентября две советские армии под командованием Д. Козлова, в авангарде которых был 9-й корпус П. Батова, контратаковали левый фланг Манштейна. 30-й корпус едва устоял, а шесть румынских бригад разбежались. В сложившейся критической ситуации генерал Манштейн в срочном порядке бросил из Ногайской степи 49-й корпус генерала Кюблера. Но ввести в бой этот корпус не удалось, ибо тут же последовало распоряжение из ставки группы армий «Юг» вернуть на прежние позиции, под Ростов, где русские прорвали фронт.

Своим контрнаступлением к северу от Азова части Красной армии спасли Крым, но одновременно оголили свой правый фланг. Чем и воспользовались танкисты 1-й танковой армии генерала Клейста, который совместно с генералом Манштейном осуществил в первой декаде декабря операцию по окружению советских соединений у Азовского моря. В результате была уничтожена советская 18-я армия, а ее командующий погиб во время сражения, также почти полностью была обескровлена 9-я армия и ее остатки в количестве 65 тысяч человек попали в плен. Захвачено было 220 танков и около 700 орудий.

После тяжелых боев на этом участке советско-германского фронта наступило относительное затишье с позиционными боями.

За это время советское командование укрепило Крым и Севастополь. В городе было восемь пехотных и четыре кавалерийских дивизии, рассредоточенных в первом и втором секторах обороны.

А 49-й горный корпус из 11-й армии был переведен в состав группы немецких армий «Юг». После чего у генерала Манштейна осталось только шесть дивизий, причем все пехотные и потому для тактического маневрирования у этого военачальника не было уже никакой возможности.

В составе 11-й армии — чтобы быть полнокровной армией — должно быть не шесть дивизий, а три корпуса, в составе которых должно быть по три дивизии. А у него армия состояла всего лишь из двух корпусов! Причем понесших потери в тяжелых боях, не пополнявшихся...

С этим минимальным количеством войск Маштейн продолжал бои в течение 10 дней, после чего части Красной армии... отступили. Манштейну со своими пехотными соединениями оставалось только упорно их преследовать. В результате обходного маневра ему удалось отсечь и захватить в плен более 100 тысяч пленных (!), плюс 700 орудий и 160 танков.

Но овладеть Черноморской твердыней — Севастополем — не удалось. Горная гряда, начинавшаяся на линии станций Сирень — Бельбек — Микензиевы Горы, укрепленные дотами, дзотами, линиями траншей, окопов, блиндажей, являлись достаточно хорошо организованной обороной трех секторов защиты Черноморской столицы. Особенно укрепленным был форт «Сталин», на котором располагалась 30-я батарея под командованием капитана Александера, под батареей были созданы бетонированные многокилометровые коридоры, в которых были оборудованы электростанция, автоматические подъемники снарядов. Наличие таких фортификационных сооружений в форте «Сталин» позволяли 30-й батарее вести длительную оборону города. Так и случилось; ужасные бои казались бесконечными. Когда в живых практически никого не осталось, капитан Александер вместе с батарейцами тщательно замаскировал основные входы в подземелье. После того, как Севастополь был занят немецкими войсками, противнику не удалось найти вход в подземные сооружения форта. Две артиллерийские башни, каждая состоявшая из трех орудий (вес орудийного ствола составлял 160 т, а лобовая броня башни была 650 мм; вес одной башни с тремя орудиями без комплекта и экипажа составлял 2500 т), не были взорваны фашистами, но и использовать их им не удалось.

В долину речки Бельбек вошла 22-я пехотная дивизия немцев и сразу наткнулась на упорное сопротивление моряков-пехотинцев, которые зачастую ценой жизни останавлива-

ли пехоту и состоявшие в ней на вооружении танкетки, которые с легкой руки советских историков стали вдруг грозными танками. С той же легкостью их можно было назвать и телегами. При этом следует вспомнить миф (один из многих и многих, созданных фантазией советских историков и писателей во время и особенно после войны), упоминаемый в книгах по истории ВОВ о том, что 7 ноября 1941 года — в годовщину Великой Октябрьской социалистической революции — по приказу командира 7-й бригады морской пехоты полковника Горпищенко в район села Дуванкой была выдвинута группа моряков под командованием политрука Николая Дмитриевича Фильченкова, которая закрепилась на высоте 107,5 с целью не допустить продвижения немцев до второго сектора обороны.

Во второй половине дня один из батальонов 22-й немецкой пехотной дивизии начал наступление на этом участке фронта. Вполне возможно, наступление солдат поддерживали несколько танкеток, которые не могли представлять той опасности, которую представляли бы танки. В истории описывается, что, несмотря на превосходящие силы противника, первая атака фашистов была отражена. В неравном бою погибли матросы Иван Михайлович Красносельский и Дмитрий Сергеевич Одинцов, разбит был пулемет. Перегруппировавшись, немецкие подразделения через несколько минут вновь атаковали высоту. Тогда политрук Фильченков вскочил наперерез идущим танкам и с криком: «За Родину!» бросился под вражескую машину. Его примеру последовали оставшиеся в живых матросы Юрий Константинович Паршин и Виктор Григорьевич Цибулько. Даже здесь, пусть оно было бы правдой, историки как всегда врут. Если политрук Фильченков действительно бросился на танкетки, то он мог закричать только один лозунг; и лозунг этот звучал: «За Родину! За Сталина!». И потом, коль никого в живых не осталось, а зрителей рядом не находилось, то вряд ли кто мог передать потомкам, что же все-таки кричал политрук.

А вот рассказ очевидцев, жителей деревни Дуванкой (после войны — деревня Бельбек, село Верхне-Садовое).

В день 7 ноября моросил дождь, когда на возвышающейся над деревней высотой 107,5 в зарослях дубняка замаскирова-

лись несколько моряков, среди которых выделялся один в командирской фуражке (остальные — в бескозырках). В их задачу, скорее всего, входило наблюдение за движением немецких солдат в сторону поселка Любимовка. Тогда же нижняя дорога, проход через Дуванкой, обстреливалась с лесного массива на левом берегу речки Бельбек со стороны деревни Атаркой (село Фронтовое). Отчего часть сил немцев направилась по северной гряде гор, которая не прикрывалась моряками флота. Очевидно, командованию 8-й бригады это было известно. И, не имея возможности выставить там мощный заслон, полковник Горпищенко выслал нескольких моряков, чтобы они сообщали ему о продвижении немецких сил. Подтверждением служит факт, что за спиной у одного из матросов находился ранец, из которого торчала антенна, тогда как в ранце была радиостанция.

Но то ли немцы оказались расторопнее, то ли наши моряки плохо замаскировались, но они были обнаружены и атакованы передовым отрядом немцев. В завязавшемся бою с действительно превосходящими силами противника моряки погибли. Танкеток (а тем более танков), по утверждению очевидцев, там не было, ибо по той пересеченной местности при отсутствии дорог эта немецкая «чудо-техника» пройти бы не смогла.

Надо сказать, что за все время боевых действий 11-й армии вермахта в Крыму в 1941—1942 годах лишь однажды — в ноябре 41-го — в распоряжение командующего армией генерала Манштейна были выделены 75 немецких танков из 22-й танковой дивизии. Которые вскоре у него изъяли для возвращения в район Мелитополя, где Красная армия прорвала фронт. Но к концу 1941 г. командующий группой армий «Юг» генерал-фельдмаршал Герд фон Рундштедт выделил Манштейну 22-ю танковую дивизию (не путать с 22-й пехотной, воевавшей в долине Бельбека!), которая была введена в бой на Керченском полуострове.

...В 50-е годы на высоте, где погибли моряки, был установлен пирамидальный памятник из инкерманского камня. На вершине — якорь со звездой (эмблема на бляхе советского моряка); чуть выше постамента, на стеле — барельеф политру-

ка Николая Фильченкова (а в музее Черноморского флота — его паспорт; редкость в то время для советских людей, если только вы не партработник), ниже — черная доска, на которой перечислены имена его подчиненных...

Оборона Севастополя продолжалась... 30 октября Манштейн повел свои части в наступление и сумел взять Балаклавские высоты. 17 декабря он предпринял штурм, однако как только операция вступила в критическую фазу, черноморцы и армейские части нанесли удар с востока со стороны Керченского полуострова, вынудив генерала Манштейна окопаться, приостановить штурм города и перебросить часть подразделений от Севастополя на Керченское направление, где они оставались, ведя позиционные бои (перестрелки) на протяжение всей крымской зимы.

С целью поддержать дух личного состава 11-й армии и отмечая заслуги Эриха фон Манштейна, Гитлер удостоил его на Новый 1942 год чина генерал-полковника.

Позиционные бои между Севастополем и Керчью продолжались. За это время Манштейн не сидел сложа руки, наподобие многих советских генералов, находившихся тогда в Керчи и на Тамани. В начале мая он неожиданно для командования советских войск перебросил свои основные силы на восток и обрушил на Керченский плацдарм пять из шести своих пехотных дивизий. Наступление этих соединений поддерживала пришедшая из резерва группы «Юг» 22-я танковая дивизия; на вспомогательных участках удар обеспечивали румынские части. С воздуха его поддерживал 8-й воздушный корпус генерала Вольфганга фон Рихтгофена, оснащенный пикирующими бомбардировщиками «Юнкерс-87» («штуками»).

За десять дней генерал-полковник Эрих фон Манштейн сокрушил сопротивление и уничтожил три (!) советские армии, в составе которых было не менее 9 корпусов и части усиления, а также подразделения тыла и специальные войска. В составе каждого корпуса — по три, а то и по четыре дивизии. Более того, с Тамани было переброшено большое количество советской артиллерии и танков, а также не менее четырех дивизий личного состава и двух бригад морской пехоты.

В одиннадцатый день боев для основных сил Крымфронта состоялась катастрофа поистине ужасающего масштаба: в плен сдались без малого 200 тысяч солдат и командиров Красной армии, было захвачено почти 1,5 тысячи орудий, около 300 танков.

Это была уникальная, просто блестящая победа германского генерала.

После чего он, обезопасив свои тылы, и отдав долг памяти своим собственным потерям (этим-то почитанием погибших немцы очень отличались от советских военных), которые составили 7 тысяч 500 человек, вновь начал готовиться к штурму Севастополя.

3 июля 1942 года войска противника нанесли по крепости мощный артиллерийский удар, в котором участвовало 1300 орудий, бомбардировщики и штурмовики 8-го воздушного корпуса, а также потрепанные в боях на Керченском плацдарме пять пехотных дивизий, резервная шестая, 22-я танковая дивизия и румынские части.

Несмотря на ожесточенное сопротивление защитников, город пал. И 4 июля, согласно принятому решению ставки ВГК, город был оставлен.

В этих боях было уничтожено: Отдельная Приморская армия, отдельные части и соединения, захвачено в плен около 100 тысяч человек, 470 орудий, почти 800 пушек, 26 танков, более 140 самолетов, 155 противотанковых орудий.

Заслуги Манштейна оценивались по достоинству. Еще 1 июля 1942 года Эрих фон Манштейн был удостоен высшего чина Третьего рейха — генерал-фельдмаршала.

Манштейн (Manstein) Эрих фон Левински (Lewinski) /24.11.1887, Берлин, — 10.6.1973, Мюнхен/, нем.-фаш. ген.-фельдмаршал (1942). Род. в семье генерала...

В 1941 командир 56-го танк. корпуса, участвовал в наступлении на Ленинград. С сент. 1941 по июль 1942 командовал 11-й армией при захвате Крыма и в период боев за Севастополь, а с авг. 1942 осуществлял руководство боевыми действиями под Ленинградом. С нояб. 1942 до февраля 1943 командующий группой армий «Дон», руководил неудачной операци-

ей по деблокаде окруженной под Сталинградом группировки. В февр. 1943 — марте 1944 командовал группой армий «Юг». Отстранен от должности за неудачи и зачислен в резерв.

В 1950 как воен. преступник приговорен брит. воен. трибуналом к 18 годам тюрьмы (на самом деле был осужден британским военным трибуналом не как военный преступник, а как уголовный преступник за организацию в Крыму в период командования 11-й армией резни между татарами и другими национальностями Крыма. Кстати, вот и причина, по которой Сталин в 1944-м выслал татар из Крыма), *в 1953 освобожден* (опять ложь. Освобожден был в 1952-м).

Почетный член ряда реваншистских орг-ций. Автор мемуаров...

...Спустя десятилетия Манштейн, вспоминая события в Крыму, говорил, что ему было досадно от того, что советские генералы, имея такое огромное количество войск на Керченском полуострове, по сути дела, бездействовали. Сам он, видя многократное превосходство Красной армии, жаждал сражения, жаждал получить моральное удовлетворение от схватки с сильным противником. Тогда же у него сложилось мнение, что советские генералы во главе с командующим Крымфронтом генерал-полковником Козловым, находясь в обороне, отчего-то были убеждены в том, что вермахт превосходит их по количеству и качеству вооружений и личного состава. Это нелепое заблуждение стало основой трагического просчета советского командования, в результате чего Крым был утерян.

...Телефонный звонок издалека вызвал у пожилого господина, сидевшего в лоджии второго этажа виллы, досадливые воспоминания. Отставной генерал-фельдмаршал гитлеровского рейха Эрих фон Манштейн последний раз встречался с подобными таинственными посетителями в августе 1952 года, когда его условно освободили в связи с возрастом и обострившейся болезнью. Тогда он встретился с человеком, который сказал, что является представителем нейтрального государства. Однако Манштейн его сразу узнал, это был не кто иной, как... представитель сталинской разведки.

Тогда, в годы войны, Манштейн был вызван в ставку в Оберзальцберг, где обратился к фюреру с просьбой не мешать и дать ему полную свободу действий. Гитлер ответил отказом, и это стоило ему того, что первая танковая армия под командованием генерала Ганса Хубе оказалась в окружении. Это вызвало возмущение Манштейна, он вновь был вызван в ставку Гитлера, но уже в Бергхоф, где пригрозил фюреру отставкой. При иных обстоятельствах могли бы наступить печальные последствия. Однако генерал-фельдмаршал уже давно ощущал, что находится словно бы под колпаком у неведомых сил... Гитлер уступил, согласился с Манштейном и разрешил генералу Хубе совершить прорыв.

Это ему удалось, и тем самым он спас десять немецких дивизий.

Но после этих событий Манштейн встретился с представителем советской разведки, который настоятельно и твердо рекомендовал ему не спорить с фюрером. Манштейну захотелось выпроводить прочь визитера-наглеца, но тот спокойно посоветовал не спешить ни с действиями, ни с выводами и сказал ему, что 30 марта Гитлер вновь его вызовет... А когда так и случилось, генерал-фельдмаршал осознал, что в рейхе существуют силы, — невидимые, но всевидящие, всезнающие и главное: диктующие свои условия игры, — против которых даже Гитлер со своими карательными органами попросту бессилен...

Приехав в Оберзальцберг, он в приемной фюрера встретил генерал-фельдмаршала Эвальда фон Клейста. Оба они вошли к фюреру, который наградил каждого из них Рыцарским крестом с Дубовыми листьями и шпагами. После чего Манштейн был... отстранен от командования, а на его место был назначен генерал-фельдмаршал Вальтер Модель.

Еще несколько дней назад группа армий «Юг», находившаяся под командованием фон Манштейна, была переименована в группу армий «Северная Украина».

...Строго выполняя предписания визитера из Москвы, советовавшего не ссориться с фюрером, Манштейн без всяких обид оставил пост и на прощание, когда Гитлер протянул для

пожатия руку, высказал предположение, что, возможно, он еще понадобится Гитлеру.

Наступившей осенью 1944 года нежданно-негаданно генерал-фельдмаршал, находившийся в отставке, получил в подарок от фюрера довольно большое имение.

А по завершении войны его арестовали англичане; в течение четырех лет он находился в зоне оккупации англичан под арестом. В 1949 г. Манштейн предстал перед британским военным трибуналом, суд снял с него два обвинения, касающихся уничтожения евреев, но однако обвинил в том, что он не защищал мирное население и разжигал национальную рознь. 19 декабря 1949 г. его признали виновным и приговорили к 18 годам заключения. Но по ходатайству адвокатов (и Манштейн знал, что это хлопоты его визитера из сталинской разведки), ему сократили срок до 12 лет.

Помимо медицинских показаний адвокаты находили иные причины для смягчения приговора. Например, что в британском суде дело первым представляло обвинение, а не защита, как было принято во время работы военных трибуналов после Второй мировой войны. После выступления защиты обвинению разрешили изменить формулировки. Таким образом, 18-летний срок был сокращен.

А в августе 1952 года, как указывалось выше, он был освобожден.

После освобождения его старый визитер рекомендовал ему написать воспоминания. Манштейн не возражал. Тем более что он, практически ничего не делая, получал зарплату в качестве советника германского бундесвера. Так появились мемуары.

> *...Автор мемуаров «Утерянные победы» (1955) и «Из солдатской жизни. 1887—1939» (1958), в к-рых пытается оправдать нем.-фаш. генералов и войска, обвинив в поражении Германии «дилетанта» Гитлера.*

Книга «Утерянные победы» по рекомендации пресловутого визитера была издана, но... в трех отличающихся друг от

друга вариантах. Вариантах, подготовленных для различных читателей. Первый — для общей аудитории, для читателей всего мира. Второй — для специалистов германской военной истории. И третий — для руководства Кремля и его военного ведомства. Кстати, к представителям последнего в данном случае относится очень узкий круг маршалов и генералов Советской армии. Ознакомлен с этим экземпляром был и адмирал Гордей Иванович Левченко.

...Итак, пожилой господин, мирно отдыхавший в приятный осенний день в своем особняке в Иршенхаузене, согласился на встречу. Ее организовали в конце ноября 1972 года. Когда два участника встречи предстали перед отставным генерал-фельдмаршалом, он задал первый вопрос: «Кто из вас из Крыма?» Узнав, кто из гостей из Севастополя, Эрих фон Манштейн некоторое время помолчал, затем приступил к воспоминаниям. Он рассказал, как на бронеавтомобиле в сопровождении охраны выехал из Симферополя, въехал в Бельбекскую долину, где находились основные силы 22-й танковой и 22-й пехотной дивизий вермахта, и сделал остановку в деревне Дуванкой. Выйдя из машины, чтобы размяться, он спросил у одного из штабных офицеров, сможет ли проехать к железной дороге. Тот ответил утвердительно, сказав, что на железнодорожной станции Бельбек находится рота охраны сопровождения воинских составов.

Было это в конце мая, командующий 11-й армией направлялся на южный берег Крыма, где на короткое время сделал остановку в Воронцовском дворце. Он вспоминал подробности той поездки, припомнил свой разговор с двумя женщинами, одной пожилой, а второй молодой, у которых он поинтересовался, имеют ли они связи с партизанами, на что те ответили, что нет, не имеют. Еще спросил их о том, как к ним относятся солдаты вермахта. К немецким военным претензий у них не оказалось, но была просьба, чтобы немцы бывшим членам семей железнодорожников выдали бесплатно уголь, потому как лето быстро пройдет и наступит зима, вот им этот уголь и приходится воровать. На что он ответил, что воровать нехорошо... А уголь им после все же выдали...

Немного помолчав, отставной генерал-фельдмаршал поинтересовался: «А вы читали мою книгу?» И получил через переводчика ответ: «Да, читал, два разных издания». После чего завязался короткий диалог.

— И каково ваше мнение?

— Я думаю, что во многом можно с вами согласиться. Но кое в чем нет.

— В чем именно?

— Думаю, что увольнение генерала графа фон Шпонека из армии, а затем привлечение его к суду не делает вам чести.

Манштейн все понял, но ничего не ответил. И, переключив тему разговора, стал спрашивать о судьбах военачальников Крымского фронта, которые так или иначе были наказаны за эту военную кампанию — Козлове, Батове, и судьбе русского адмирала (фельдмаршал помнил звание, но очевидно забыл его фамилию и я напомнил: Левченко.). «... да-да, кажется так...»

...Долгое время, — вплоть до самой смерти — Гордея Ивановича Левченко обвиняли в трусости в связи с потерей Крыма в 1942 г. Виноват ли он в этом? — безусловно, да. Только вот все остальные его подчиненные, наказанные Сталиным, после смерти вождя смогли снять с себя вину за потерю Крыма, а он — нет...

К очернению и забвению имени Гордея Ивановича в послевоенные годы приложили недобросовестную руку бывшие его подчиненные из армейских военачальников: дважды Герой Советского Союза главнокомандующий Ракетными войсками стратегичесокго назначения, заместитель министра обороны СССР Маршал Советского Союза Н. Крылов (в 1941 г. — генерал-майор, начальник штаба Отдельной Приморской армии); Герой Советского Союза, генерал армии И. Петров (в 1941 г. — генерал-майор, командующий ОПА); Герой Советского Союза вице-адмирал Н. Кулаков (в 1941 г. — контр-адмирал, член Военного совета, начальник политуправления ЧФ); дважды Герой Советского Союза генерал армии П. Батов. Происходило это игнорирование боевого товарища при безучастном созерцании со стороны бывшего командующего Черноморским флотом, Героя Советского Союза адмирала Ф. Октябрьского (псевд., наст.: Иванов).

Все эти военачальники виновны в трагедии главной базы Черноморского флота — Севастополя и потере Крыма. Тот же Батов, командуя на Ишуньских выстотах группой войск, так бездарно организовал оборону, что подчиненные ему корпуса были смяты намного меньшим количеством германских войск. И, гонимые противником, — гнали аж 85 км, через Симферополь — стали приходить в себя лишь в Бахчисарае...

Пожалуй, не смогли оговорить его только два человека: Маршал Советского Союза, пониженный до полковника за катастрофу Крыма Григорий Иванович Кулик, расстрелянный в 1947 году и армейский комиссар 1-го ранга, пониженный до бригадного комиссара Лев Захарович Мехлис, умерший в 1953 году.

Сложилось так, что после войны все военачальники Крымфронта, наказанные Сталиным, лизоблюдничая перед новым Первым секретарем ЦК КПСС Хрущевым, всячески ухищрялись в разоблачении культа личности Сталина на XX съезде КПСС. Затем, после свержения Хрущева, они не менее успешно холуйничали во времена брежневщины. А вот Гордей Иванович, не умея обливать товарищей грязью, как-то остался на обочине. Этим и воспользовались продажные генералы, повесив ответственность за Крымскую кампанию 1941—42 годов на него.

Я не стал объяснять все эти нюансы, сказав пожилому собеседнику о том, что Гордей Иванович Левченко был откомандирован на Балтийский флот, где плодотворно работал командиром военно-морских баз. Впоследствии нарком ВМФ подал на имя Сталина рапорт о восстановлении Левченко в звании и в должности. Последовательно он стал контр-адмиралом, затем вице-адмиралом и в 1944 — адмиралом. Послевоенные годы он занимал должность заместителя командующего Военно-Морским флотом по боевой подготовке. В 1958 году его освободили от занимаемой должности; в 1960-м уволили в отставку.

То же можно сказать и о генералах. С годами они были восстановлены в звании, занимали ответственные посты в Советской армии; особо высокую должность впоследствии достиг генерал армии Павел Иванович Батов, став начальником

штаба Объединенных вооруженных сил государств — участников Варшавского Договора.

На что генерал-фельдмаршал отреагировал на первый взгляд странным вопросом: «Удивительно, почему Сталин за такое поражение в Крыму не расстрелял их?».

— Об этом, наверное, следует спросить у Сталина.

Манштейн улыбнулся и сказал:

— Вы, наверное, достаточно хорошо осведомлены о моем дальнейшем служебном пути в годы войны. Война, конечно, тяжелое дело, хотя мне грех жаловаться. Но всю чудовищность и трагедию войны я осознал тогда, когда мне довелось похоронить своего собственного сына. Моему Гере Эриху, лейтенанту 51-го танкового гренадерского полка было 20 лет. Не буду от вас скрывать, что до вас я знал одного представителя, который обещал, что его могила на берегу озера Ильмень будет ухожена...

После этого он умолк, мы выпили поданный служанкой кофе. И все-таки я спросил, почему он не перевез останки сына в Германию еще тогда, ведь ему позволяла его должность, к тому же он имел и личный самолет.

Манштейн тяжело вздохнул, а потом сказал: «Вы непонятливый или только притворяетесь? Да, я мог это сделать. Но кто перевезет других павших, таких же мальчишек-лейтенантов?»

...Манштейн долго рассказывал о боях, в которых ему приходилось участвовать. Была ли в этом потребность выговориться или он чувствовал себя обязанным делать это? Его речь была спокойной, и держался он с достоинством. Иногда в его рассказе проскальзывали нотки разочарования... Он вспомнил время командования группой армий «Дон», как ему было поручено спасение окруженной 6-й армии генерал-фельдмаршала Паулюса в районе Сталинграда... Вот он в подробностях припоминает как восстанавливал положение на Южном секторе Восточного фронта. То был сложный период в его жизни. Еще до середины ноября 1942 года Манштейн сообщал начальнику генштаба сухопутных войск Цейтцлеру, что 6-й армии следует разрешить начать прорыв из окружения, но Гитлер запретил об этом даже говорить. А генерал-фельдмаршалу в результате предстояло решить три нелегкие задачи:

— восстановить линию фронта, от которой практически ничего не осталось;

— не допустить русских к Ростову и тем самым не дать им отрезать находившуюся на Кавказе группу армий «А»;

— спасти от гибели 6-ю армию генерал-фельдмаршала Паулюса.

Выполнить подобное было слишком сложно; Манштейн располагал 17-м корпусом у реки Чир, остатками 48-го танкового корпуса, ослабленной 4-й танковой армией.

...На 1 января 1943 года боевой порядок группы армий «Дон» под командованием генерал-фельдмаршала Эриха фон Манштенйа представлял собой следующую схему.

6-я армия:

— находится в окружении в районе Сталинграда.

Армейские объединения и соединения генерала Гота:

— 4-я танковая армия, в которую входил 57-й танковый корпус, состоящий из 17-й танковой дивизии, 23-й танковой дивизии, 16-й моторизованной дивизии, 5-й танковой дивизии СС.

В резерве:

— 16-я моторизованная дивизия, (которая уже была уничтожена на две трети), 15-я полевая дивизия люфтваффе, 4-я румынская армия, в составе которой были остатки шести румынских дивизий.

Армейское объединение генерала Холлиута:

— корпус, состоящий из 336-й пехотной дивизии, 7-й полевой дивизии люфтваффе;

— 17-й корпус, состоящий из 22-й танковой дивизии, 294-й пехотной дивизии, 8-й полевой дивизии люфтваффе;

— 18-й танковый корпус, состоящий из 6-й танковой дивизии и остатков 306-й пехотной дивизии;

— 29-й корпус, состоящий из остатков 62-й пехотной дивизии, из остатков 298-й пехотной дивизии и остатки восьми итальянских и румынских дивизий.

В резерве у генерал-фельдмаршала были:

— 11-я танковая дивизия и остатки 306-й пехотной дивизии. А также тыловые части 403-й дивизии сил безопасности,

потерявших более 50% личного состава. И еще одна танковая дивизия в пути.

Группе армий «Дон» противостояли десять советских армий, одна танковая, четыре воздушных, а также ряд отдельных кавалерийских, танковых и механизированных корпусов, более ста отдельных артиллерийских, танковых, противотанковых, саперных соединений и иных частей тыла!

Однако генерал-фельдмаршал Манштейн великолепно осуществил операцию. Он оставил свои позиция вдоль реки Чир, когда ему ничего иного не оставалось, и сумел в критической ситуации сохранить вышеперечисленные силы, а затем бросил вместе с ними в бой свои последние резервы и... остановил войска Красной армии у Ростова. Он дошел на расстояние 40 км к Сталинграду. Но Паулюс отказался осуществить прорыв, а Гитлер не отдал ему соответствующего приказа. 6-я армия, в составе которой было 22 дивизии, прекратила свое существование...

Советские войска ее блокировали, генерал-фельдмаршал Паулюс был пленен вместе со своими генералами.

А фон Манштейн еще долго удерживал путь к отступлению открытым. Пока в этот коридор не пошла 4-я танковая армия генерала Гота.

По мнению генерал-фельдмаршала, если бы Гитлер дал ему подкрепление, о котором он тогда просил, и предоставил бы ему свободу действий, он бы наверняка сумел вывести из окружения значительную часть сил 6-й армии вермахта.

Во всех операциях Второй мировой войны генерал-фельдмаршал Манштейн отличался уникальной продуманностью замыслов, прозорливостью в развитии событий. Все то, что он сам совершил в годы войны, — и об этом говорится в том варианте книги, который был написан для узкого круга людей в Кремле, — произошло не только благодаря его военному таланту, но и... бездарности оказавшихся на его пути в минувшей войне советских генералов, загубивших миллионы своих солдат и невероятной ценой заплативших за победу (победу ли?!).

Будучи крайне выдержанным и невозмутимым человеком, Манштейн задал не праздный вопрос: «А как вы воспринимаете события войны? Вашей и нашей сторон, в частности, генералитетов?»

Прежде чем ответить, я рассказал ему известный мне факт, который случился с ним в начале 1943 года.

В его кабинет вбежал крайне взволнованный ординарец капитан Ханнус: «Господин генерал-фельдмаршал, русские танки переправились через Дон всего в десятке миль отсюда и движутся прямо на нас. Наши передовые части дрогнули и разбежались. У нас ничего не осталось».

«Неужели? — спокойно отозвался Манштейн, затем улыбнулся, — Почему же, гауптман, у нас осталось еще немало разных войск. Например, ремонтная мастерская, что по соседству. Я уверен, там найдется несколько более или менее исправных танков. Соберите все, что может вам пригодиться и идите, бейте Советы. А штаб пусть займется организацией обороны. Мы не сдвинемся с места, и я поручаю вам, гауптман Ханнус, устранить эту незначительную угрозу».

И действительно, — адъютанту удалось остановить наступление русских буквально в считанных километрах от штаба генерал-фельдмаршала...

Затем я ответил на его вопрос: «Я думаю, что у нас были такие генералы, от которых вашим коллегам, генерал-фельдмаршал, не поздоровилось и именно в начальном этапе войны».

— Кого вы имеете в виду?

— Я имею ввиду генерала Власова, организовавшего жесткую оборону на подступах к Москве;боевые действия, организованные командующим Северным флотом адмиралом Головко; действия генерала Людникова в Сталинграде...

— Знакомые имена, — отреагировал собеседник.

Ростов стал сердцевиной всей кампании на Восточном фронте. Гитлер не дал приказ о своевременном отступлении группы армий и силы русских в количестве девяти армий прорвались к Азовскому морю. Если бы Красная армия дошла тогда до Ростова-на-Дону, то находившиеся там германские 4-я, 17-я и 1-я танковая армии, а также 4-я румынская армия — в

общей сложности около 900 тысяч человек — оказались бы отрезанными от основных сил вермахта. Подобная катастрофа была бы сравнима только с той, что постигла русских под Киевом осенью 1941 года и немцев под Сталинградом зимой 1942—43 годов.

Осознав критическую ситуацию, генерал-фельдмаршал фон Манштейн произвел мгновенную перегруппировку, ввел в действие резервы и решительно остановил армии русских всего в 28 км от города.

...Пусть истинная цель визита в Иршенхаузен так и останется за кадром, как и иные подробности встречи... По возвращении в Советский Союз второй человек — переводчик Х., участвовавший в разговоре с престарелым генерал-фельдмаршалом, вскоре погиб. Манштейн прожил еще чуть более полугода и, дожив до 86 лет, умер своей смертью. Мне же остались только воспоминания, обостряющие главный вопрос, вот уже много лет звучащий внутри меня: *кто мы, люди, живущие на этой земле?*

...Даст ли Господь нам вразумление, чтобы понять это?

ИСТОРИЯ 9

«СТАРИННЫЙ ДРУГ» ИЛИ ПОСРЕДНИК?

В последние дни боев за Берлин Сталин встретился с одним из самых доверенных своих людей и произнес загадочную фразу: «Мне нужно видеть нашего старинного друга».

Буквально через несколько часов этот «старинный друг» предстал пред вождем. И почти тут же получил распоряжение:

— Вам необходимо вернуться в вашу часть, которая в самые ближайшие дни почти полностью будет разгромлена и вместе с ее остатками выйти в место, ка-аторое вам будет указано, и сдаться а-мырыканским войскам.

Великий фальсификатор — Сталин — вновь разыграл партию: дэзу для НКВД, для остальных спецслужб СССР, для Управления стратегических служб США, для МИ-5 и МИ-6, для других спецслужб мира.

Рядовой вермахта после встречи с советским вождем убыл на фронт и так же незаметно возвратился в свою часть, как и убыл из нее (*впрочем, его часть уже давно не существовала, да и он в ней только числился*). На Восточном фронте он находился практически всю войну (*тогда как на самом деле находился под Москвой*). Вообще же он занимал весьма ответственный пост в РСХА, но затем был разжалован и служил рядовым в одной из частей СС (*служил, естественно, на бумаге...*).

В 1924 г. 20-летний Хайнц Мария Карл Йост волей сложившихся обстоятельств оказался в большевистской России. В течение почти двух лет он проходил обучение в спецотделе ВЧК, которое возглавлял Глеб Иванович Бокий. По окончании курса обучения был он определен в подразделение на Волге, работу которого координировал работник Особого сектора ЦК

ВКП(б) товарищ Забрежнев. Этот человек по поручению товарища Сталина из кадров, которые готовились в спецслужбах страны и в подразделениях Бокия, под различным предлогом отбирал оперативных работников с целью дальнейшей их отправки по заданию Коминтерна в зарубежные командировки.

Так среди некоторых своих коллег был отправлен на работу в Германию и Хайнц.

Он был внедрен в группу резидента Коминтерна, работавшего в Баварии.

И проявил немало упорства, немало потратил знаний и сил в оказании помощи Коминтерновской резидентуре.

В 1928 г. Хайнц был рекомендован в ряды национал-социалистической рабочей партии Германии.

Став членом партии, он наладил хорошие отношения с членами СА и СД. Не менее тесная дружба у него была с рейхсфюрером СС Генрихом Гиммлером. Вскоре Хайнц не без помощи резидента возглавил VI отдел, преобразованный позже в «Усланд СД» в Главном управлении имперской безопасности, которым руководил вплоть до 22 июня 1941 г.

Но вот его карьере пришел конец: Хайнц был освобожден от занимаемой должности, лишен офицерского чина СС, произведен в рядовые и отправлен на Восточный фронт, а его пост занял Вальтер Шелленберг. По официальной версии, столь большое наказание он заслужил за расхождение во взглядах с Генрихом Мюллером. Другая версия гласила, что возглавляемая им разведка сделала существенные проколы в Турции и на Ближнем Востоке и что подставил его небезызвестный посол Третьего рейха в Стамбуле Франц фон Папен. Была и третья версия, согласно которой все дело в похищении одним из его профессиональных разведчиков тайных архивов из Гетеанума (здание принадлежало европейскому Антропософскому обществу и являлось хранилищем тайных архивов. Было сожжено штурмовиками во главе с Ремом).

Словом, версии версиями, но суть заключалась в другом.

Резиденту коминтерновской разведки, тесно сотрудничавшему с агентурой русской старообрядческой церкви на территории Германии, стало известно, что к Гитлеру из Советского Союза попал документ, в котором указывалось, что Красная

армия в ближайшее время начнет боевые действия против Германии. Этот документ, подписанный высокопоставленным советским военачальником и им же переправленный немцам, не вызвал сомнений в подлинности. Также было известно, что Гитлер, прочитав бумаги, отреагировал болезненно и сказал, что ему нужно немного времени на то, чтобы привести в действие план «Барбаросса», который отбросит русских на установленную планом линию.

Кто-то порекомендовал Гитлеру (не исключено, что это был кто-то, входивший в круг его приближенных), обратиться к товарищу Сталину и поставить вопрос прямо: «Как понимать подобные демарши со стороны русского правительства?»

Гитлер некоторое время колебался, а потом все-таки решился позвонить советскому вождю. Однако разговор со Сталиным не состоялся. Правда, Гитлер вышел на Молотова, а нарком иностранных дел, в свою очередь, уведомив об этом Гитлера, соединил его с руководителем коминтерновской разведки, который предложил фюреру следующее. Он сказал, что в Германии есть весьма доверенный человек, который работает в VI управлении РСХА и в случае начала каких-либо конфликтных ситуаций его следует сделать связным.

Гитлер, проявляя нетерпеливость, решительно попросил назвать имя этого человека. Ему ответили: «Оберфюрер СС Хайнц Йост».

Фюрер тут же разразился тирадой, начав тихо и спокойно, затем перейдя на фальцет, привычно взвился до предельных звуков и стал кричать о том, что это «непорядочно среди товарищей». Что вермахт и, в первую очередь, его главнокомандующий Адольф Гитлер является надежным и верным другом советского вождя товарища Сталина и никогда его не подводил, и обидно фюреру Германии осознавать, что уважаемый товарищ Сталин отказался с ним разговаривать..!

Сделав короткую паузу, Гитлер уже более спокойно сказал: «Я бы хотел с вами познакомиться. Скажите, я вас знаю?»

Руководитель коминтерновской разведки совсем негромко произнес в трубку спокойным и уверенным тенором: «Да, уважаемый Адольф Гитлер, вы действительно знаете меня. Ибо вас без меня не было бы».

И положил трубку.

22 июня 1941 г., прежде чем начать наступление вермахта с целью отбросить Красную армию на заданные планом рубежи (!), в ставку фюрера был приглашен рейхсминистр иностранных дел Третьего рейха Иоахим фон Риббентроп, большой друг товарища Сталина и наркома иностранных дел СССР Вячеслава Молотова, которому фюрер поручил пригласить советского посла В. Г. Деканозова для вручения ему меморандума о том, что Германия в течение ближайших часов нанесет превентивный удар с целью недопущения агрессии Красной армии против дружественной Советскому Союзу великой Германии. Аналогичный же меморандум Молотову должен вручить посол Германии в СССР граф Вернер фон дер Шуленбург. (Оба ответственных лица, — что бы ни писали впоследствии советские историки, — меморандумы получили.)

После чего фюрер сказал о том, что рейхсминистр может идти исполнять поручение, а присутствующий здесь рейхсфюрер СС Гиммлер получил от фюрера... тайное задание. Тому предстояло распространить версию о проступке Йоста, лишить его чина оберфюрера СС и направить в группу армий «Центр» в качестве особо уполномоченного рейхсканцлера. А в РСХА сообщить о том, что Йост разжалован в рядовые и отправлен служить в войска СС. Следовало также сделать утечку информации через Геббельса о том, что Йост — негодяй, но фюрер милосерден, оставил его в живых и разрешил служить в СС то ли рядовым, то ли офицером в младших чинах.

После того как войска вермахта через несколько часов пересекли установленную планом «Барбаросса» линию, за которой должны находиться войска РККА, Йост по установленному коридору покинул дислокацию эсэсовского полка и скрылся в восточном направлении. В ближайшие дни полк СС был полностью разгромлен авиацией люфтваффе, все произошло на рассвете, когда солдаты и офицеры еще спали в блиндажах и траншеях. А боевая охрана полка не придала значения тому что над боевыми порядками спящих солдат на бреющем полете пронеслось несколько самолетов, прозванных «штуками» (Юнкерс-87). Со второго захода, прицельно, они сбросили бомбы на своих, уничтожая разбегающихся солдат пулеметным огнем.

Те солдаты и офицеры полка СС, которые уцелели, были сразу же захвачены приехавшими из Берлина людьми, но вместо допроса о случившемся, были отправлены в газовую камеру.

На протяжение всей войны бывший руководитель разведки рейхсфюрера СС Гиммлера состоял на связи с Москвой, находясь в штабе бывшей коминтерновской разведки. В последние дни существования Третьего рейха он получил задание в Москве оказаться в плену у американцев во исполнение очень ответственной задачи: сохранения сил Третьего рейха, обеспечивая его финансами и прочими атрибутами для функционирования в послевоенный период.

Американцы, выслушав пожелания Йоста о сохранении Третьего рейха, возбудили против него уголовное дело и предали суду военного трибунала. Йост был признан военным преступником и приговорен к смертной казни. Материалы о следствии и вынесенном приговоре по «неосторожности» (а проще — из-за умышленно сделанной утечки) американской стороны стали достоянием журналистов, которые огласили на весь мир, что бывший разведчик, руководитель разведки Третьего рейха Хайнц Йост казнен по приговору военного трибунала США.

В действительности же Йост казнен не был.

Военной администрации, курировавшей работу военного трибунала, позвонили из компетентного правительственного учреждения США и приказали доставить Йоста на континент, в Америку... В дальнейшую задачу Йоста входила организация переправки бывших высокопоставленных чинов Третьего рейха, его ученых, военных, а также специалистов спецслужб в Южную Америку, с чем впоследствии Йост — уже под другим именем и с другой внешностью — успешно занимался, выполняя вплоть до конца своей жизни отведенную ему миссию совместно с сильными мира сего из Москвы и Нью-Йорка.

После празднования нового, 1950 года, Сталин встретился с руководителем бывшей коминтерновской разведки (еще ранее это называлось: Секретариат товарища Сталина, после — Особый сектор ЦК ВКП(б), затем — партийная разведка, которую во времена Коминтерна еще называли неофициально

коминтерновской), поздравил его с наступающим днем рождения и, поблагодарив за работу, вручил коробочку, в которой лежал платиново-золотой орден, усыпанный бриллиантами: «Если хочэшь, за-абери, Указ уже подписан. — И спросил: — Как поживают наши да-арогие товарищи?»

Гость, улыбнувшись, сказал: «Слава Богу и нам с вами, товарищ Сталин, живы-здоровы».

Вождь, также хитро улыбнувшись, рассудил о ком-то, хорошо известном им обоим: «Жаль, такой был умный человек, а упорствовал. Пришлось распа-ра-диться этаму... как... аристократу пришлось распорядиться павесить. Жаль, хороший был человек. Тоже аристократ. Как там... фон Риббентроп. И хорошо работают люди, которые нам всегда помогают».

Его приближенный и соратник продолжил: «К сожалению, наш резидент, духовный наставник и отец Либенфельса, Хагена, Эккарта, Даре, создатель общества «Туле» и «Аненэрбе», породивших Адольфа Гитлера, недавно ушел из жизни...»

Вождь помолчал и очень внимательно глядя в глаза доверенному собеседнику, произнес, — словно даже не ему, а тому кого уже не было на земле: «Ну ш-то ж, все ми там будем. Каждый в свое время. Но ми еще чего-то не успели сделать на этой земле...»

В послевоенные годы ряд экспертов на Западе заявили о том, что создание РСХА в структурах государственной власти Третьего рейха — это всего лишь признание факта и юридическое обоснование уже давно созданной и функционировавшей структуры огромной спецслужбы, выросшей из маленького подразделения, которое было создано в 1930—31 г.г. некоей восточной резидентурой. И уже лет 10—12 активно функционирующей в Германии. По предположению экспертов, эта резидентура является детищем вождя СССР товарища Сталина.

Доказательств в отношении руководителей других государств нет.

Некоторые считают, что Йост был служакой до мозга костей, а его фатальное отношение к службе объясняют карьеристскими убеждениями и страстным желанием получить генеральский чин. Это удобная версия для купленных экспертов.

Нужен ли генеральский чин человеку, который имел такое влияние на конкретных лидеров определенных стран, что присвоение или лишение его чина было просто пустячной игрой.

Живя в течение всей войны в Подмосковье, Йост был посредником между ставкой Гитлера и коминтерновской разведкой. И когда, по мнению той или иной стороны, возникала потребность, Йост становился своеобразным послом по особым поручениям.

Для командировки в Германию, ему выделяли советский самолет Пе-8, на киле которого с обеих сторон была изображена свастика, а на крыльях — кресты. Чтобы не вызывать подозрений у советских людей или зенитчиков ПВО, самолет, как правило, взлетал глубокой ночью. Он поднимался на недосягаемую для истребителей и зенитчиков противоборствующих сторон высоту и летел в пределы Третьего рейха, совершал посадку на секретном аэродроме гитлеровской ставки. После выполнения задания самолет возвращался в Подмосковье с тем расчетом, чтобы заходить на посадку в темное время суток. Причем, по понятным причинам, в зоне посадки не находились советские самолеты-истребители, хотя Пе-8 и был вооружен до зубов.

...Так что ничего нет странного в том, что многим экспертам, занимающимся историей нацистской Германии, судьба приближенного к верхушке правящей элиты Третьего рейха оберфюрера СС Хайнца Марии Карла Йоста оставалась неизвестной. Тайны, подобные этой, история открывает крайне редко... Особенно те, на которых словно заклятие, лежит сталинская тень.

ИСТОРИЯ 10

«АРМЯНИН БЕЗ КОНЬЯКА, ЧТО ЛОЗА БЕЗ ЗЕМНОЙ ВЛАГИ...»

1

В начале 70-х годов довелось мне прибыть на излечение в Центральный военный клинический госпиталь Министерства обороны. Стоял погожий летний день; прогуливаясь вдоль больничных корпусов, я остановился напротив здания, в котором, как поговаривали больные офицеры, лечились генералы и маршалы советских Вооруженных Сил. Очевидно я надеялся увидеть кого-нибудь из великих советских полководцев. Продолжая приглядываться, неожиданно услышал за спиной голос с явно выраженным кавказским акцентом. По всей видимости, обращались ко мне. «Что смотришь, молодой человек? Знакомых, что ли, ищешь в этом санбате?»

Оглянувшись, я увидел сидящего недалеко на скамейке пожилого человека в пижаме. Не узнать его мне, военнослужащему, было невозможно. Круглое лицо, лысая голова, жгучие черные зрачки глаз, горбатый нос, усы кавказца, — конечно, то был заместитель министра обороны СССР по тылу — начальник тыла Вооруженных Сил СССР, дважды Герой Советского Союза, Маршал Советского Союза Иван Христофорович Баграмян. Обаятельный человек, интереснейший рассказчик былей и небылиц, слава о котором уже долгие годы ходила из уст в уста всех жителей нашей страны.

«Меня, понимаешь, зовут Иван Христофорович, а тебя как?» Я представился, на что он сразу отреагировал: «О, да ты большой человек, уже капитан 3-го ранга. Слушай, ты-то большой человек, но ты такой молодой и уже лежишь в госпитале. Что случилось?» Я назвал диагноз. «Пустяки, дорогой, сто лет проживешь. Слушай, ты мне понравился. Подойди вот к тому

окну и скажи, что я зову подполковника.» На мой зов вышел офицер, глянул в сторону маршала и, увидев, жест его руки, ответил: «Будет исполнено, Иван Христофорович».

Через несколько минут он принес две маленькие бутылочки армянского коньяка, хлеб и мелко нарезанные ломтики сыра и колбасы. Прославленный полководец тут же предложил: «Давай выпьем, только ты не говори моей жене, что я пил... Никакого в жизни нет порядка. Я армянин и не могу выпить. А что за офицер, и тем более маршал, который не пахнет дорогим одеколоном и самым изысканным коньяком? Это не только не маршал, это вообще не горец, не мужчина».

Темперамент, эмоциональность полководца Второй мировой войны привели меня в неописуемый восторг. Я слушал его разговоры о том о сем и не заметил как мы разделались с небольшими бутылочками коньяка. Маршал неожиданно поднялся, пожал мне руку и сказал: «Слушай, заходи ко мне. В любое время. В любое, какое посчитаешь нужным».

На следующий день я решился воспользоваться приглашением и посетить Ивана Христофоровича; через дежурного по телефону я вышел на связь с адъютантом, тот спустился ко мне и сказал, что маршалу нездоровится. Если быть откровенным, я расценил это как дипломатическое недомогание, наступающее, когда не желают видеть посетителя. Но... одернул я себя... с какой стати заслуженный военачальник будет жаждать встречи с почти незнакомым человеком? Конечно, мне льстило еще раз повидать знаменитого маршала, но коль не хотят видеть, то не стоит и напрашиваться. В принципе, это был лишь интерес к человеку, который был причастен к большим историческим событиям XX столетия.

Баграмян Иван Христофорович (р. 2.12.1897, г Елизаветполь), советский военный деятель. Маршал Сов. Союза (1955).
Дважды Герой Советского Союза (1944 и 1977).

Совсем еще молодым человеком, в 1915 году, Иван Христофорович Баграмян был призван на военную службу в русскую армию. Участвовал в гражданской войне, и особо в ней

не отличился. Надо полагать, не проявил какой-либо безудержной жестокости в отношении «классовых врагов», которых вряд ли он считал таковыми. Ибо до этой войны он участвовал в Первой мировой, видел революционный взрыв, видел политическую возню, весь ужас и мучительный процесс разделения населения и участников Первой мировой войны на тех, кто стали на сторону нового режима, и тех, кто оказался в Белой армии... Иван Христофорович закончил курсы прапорщиков, служил в запасном Армянском полку, который практически не принимал никаких активных боевых действий против Красной армии, т.к. находился в отдаленности от ее великих кровавых дорог.

Лояльность способствовала его отправке в КУВНАС (Курсы усовершенствования высшего начальствующего армейского состава), где он учился с рядом известных людей, в частности, с будущими Маршалами Советского Союза Константином Константиновичем Рокоссовским, Андреем Ивановичем Еременко, Георгием Константиновичем Жуковым. В его домашнем архиве, как позже я узнал, сохранилась фотография слушателей, в числе которых и вышеперечисленные командиры Красной армии.

Затем — служба в войсках; в 1931 г. его вновь рекомендовали для учебы в Академии имени Фрунзе, которую он закончил в 1934 г.

А спустя два года Иван Христофорович по рекомендации командарма 1-го ранга Бориса Михайловича Шапошникова был зачислен в только что открытую (восстановленную) Военную академию Генерального штаба РККА. Помимо уникальных знаний, которые преподавали весьма умные ученые Иссерсон, Лапчинский, др. известные ученые того времени, у слушателей академии была не менее уникальная форма. Следует учесть, что по положению, в академию принимались командиры, у которых было воинское звание полковник. На их бриджах (галифе) предусматривалось ношение генеральских лампасов. А воротник на гимнастерке был изготовлении из черного бархата. Лампасы вскоре отменили и вместо них появился кант по виду (роду) войск. А вот воротник из бархата остался.

Кстати, эту форму одежды скопировали в германском вермахте. Полковники генерального штаба вермахта носили галифе, на которых были широкие генеральские красного цвета лампасы. Даже в известном кинофильме Николая Озерова «Освобождение» один из организаторов покушения на Гитлера полковник генштаба вермахта граф Штауфенберг был одет в галифе с генеральскими лампасами. У части наших советских офицеров это вызвало, мягко говоря, удивление от их... незнания, и тем более это делало честь авторам фильма, не потерявшим столь существенный нюанс.

Вскоре по окончании академии в 1938 году Иван Христофорович получил назначение в штаб Киевского Особого военного округа.

Прибыв к новому месту службы в Киев, он принял под свое начало оперативный отдел штаба округа. Летом 1940-го, как известно, в Европе произошли серьезные изменения в расстановке политических сил. Гитлеровский вермахт разгромил французскую армию и оккупировал Францию, Бельгию, Голландию, Люксембург. А Советский Союз отхватил существенный кусок Финляндии, присоединил к себе Бессарабию, Северную Буковину, Эстонию, Литву, Латвию.

Таким образом, на европейском театре возможных военных действий дислоцировались одна *сверхмощная* армия — советская и весьма *сильная* — германская.

Сложившуюся политическую обстановку и расклад вооруженных сил руководителям Советского государства необходимо было осмыслить, прежде чем принять определенное решение. В связи с этим в сентябре 1940 г. по распоряжению наркома обороны в Москве собрались командующие войсками округов, армий, начальники их штабов, здесь им было предложено тщательно подготовиться к будущему совещанию высшего командного состава, которое и состоялось в декабре. Естественно, такое значимое событие могло состояться только с санкции Сталина.

Предусматривалось, что присутствовать будет не только Генсек, но и все члены Политбюро ЦК ВКП(б), предстояло заслушать и обсудить ряд докладов военачальников. Основной

доклад «Характер современной наступательной операции» обязан был подготовить командующий войсками Киевского Особого военного округа генерал армии Г. К. Жуков... Часть военных историков считает, что этот доклад являлся вершиной военного теоретического исследования; что ж, можно согласиться с авторами подобных утверждений. Только это не относится к имени Георгия Константиновича, ибо в своей жизни никаких научных исследований Жуков не провел. Автором же действительно уникального доклада был полковник Иван Христофорович Баграмян. И это его словами тот, кого называют «гениальным стратегом», то бишь Жуков, громогласно поражал слушателей широтой и глубиной военного мыслителя.

Неудивительно, что перлы военной мудрости, заложенные в блистательном докладе армянина-полковника, использовались военным плагиатором. Но они сыграли свою службу и в жизни Ивана Христофоровича. Никому не известный советский полковник в годы войны вырос до командующего войсками фронта, закончил ее генералом армии, Героем Советского Союза, кавалером полководческих орденов высшей категории, а спустя несколько лет — в 1955 г. — удостоен был высокой чести, когда стал Маршалом Советского Союза.

Как-то уже в послевоенные годы некоторые маршалы высказали недоумение Георгию Константиновичу, дескать, дорогой товарищ маршал, что это вы себе приписываете доклад, который составил Баграмян? На что полководец ответствовал: «Был очень занят, поэтому вынужден был обратиться к начальнику оперативного отдела подготовить доклад».

Я вернулся к себе в палату, взял какую-то книгу, не слишком вникая в содержание. В этот момент открылась дверь и медсестра сказала, что ко мне пришел какой-то подполковник. Выйдя, я увидел адъютанта маршала Баграмяна. Тот, вежливо извинившись, сказал, что Иван Христофорович просил придти к нему сразу после ужина. Я был приятно удивлен и с нетерпением ждал вечера.

И вот я переступил апартаменты, в которых лечился полководец Второй мировой войны. Он встретил радостно,

всплеснул руками и заговорщически зашептал: «Слушай, Ованес, наплевать на решение врачей. Давай еще по бутылочке армянского».

Он разлил душистый дорогой напиток в фужеры, как-то совсем по-мальчишески в два приема выпил и, подмигнув мне, потребовал: «Побыстрей выпивай». На какую-то минуту-другую он задумался, затем неожиданно заговорил, словно это он не продолжает наш предыдущий разговор, а вот только что, буквально за несколько минут до нашей встречи, вел с кем-то диалог. А, может, монолог... на тему, которая его беспокоила всегда... Мне лишь изредка удавалось вставлять свои вопросы или вставлять короткие реплики. Впечатленный его откровенностью (надо сказать, умышленной; о причинах сего говорить не будем), я ловил каждое слово.

«Ты понимаешь, что делается, Никита его заткнул. Правильно сделал. А вот при Брежневе, ты смотри, он снова стал подниматься. А что он сделал в ту войну? Ты посмотри как его защищают... И защищают те, кого он лупил дубиной... Считают, что он один гений и он один выиграл войну. Я видел как он работал в Киеве в начале войны. Да на его совести потеря Киева...

Мне, конечно, приятно, хотя и горько вспоминать как было тяжело нам под Киевом, когда немцы напирали на нас... Я знаю, сейчас об этом говорят, да, это я был автором того знаменитого доклада на декабрьском совещании. И это нормально, когда офицеры-операторы помогают командующему принимать ответственные решения... Но если Сталин лично поручает подготовить доклад, то его должен осмыслить тот человек, которому это поручено. А литературно обработать, наверное, — операторы и военные литсотрудники. Задача командующего заключается в том, чтобы организовать работу штаба округа так, чтобы все его подчиненные работали слаженно и четко. Даже если командующий отсутствует на командном пункте или находится в Москве... Знаешь, что я тебе скажу, он не выполнил требование Сталина и перепоручил подготовку доклада мне. Я, конечно, старался... Но Жуков не мог себе представить, что какой-то задрипанный армянин... скажи правду, ведь так говорят? — чурка... что какой-то за-

дрипанный чурка за каких-то три с половиной года станет командующим войсками фронта, генералом армии, а потом еще и Маршалом Советского Союза.

И он не ожидал... Он даже предвидеть этого не мог. Потому и перепоручал получаемые им задания офицерам-операторам, ссылаясь на то, что чрезвычайно занят, да будучи уверенным, что его никто никогда не обойдет... Сейчас говорят, что этот, с позволения сказать, гениальный стратег был очень и очень занят... Что у него так много было всего, что он даже не мог думать о завтрашней войне... Удивительно. А чем же должен заниматься командующий войсками самого сильного военного округа, как не размышлять о войне? О том, как надо готовить войска к этой войне...

Он не мог представить, что какой-то Баграмян, в годы Первой мировой войны служивший в запасных частях, а затем, в период гражданской войны, служивший комвзвода, да после командиром кавалерийского эскадрона, причем не в Красной, а в Белой армии, станет... э-эх... В Армении, где мне довелось тогда воевать, не было крупных сражений и операций. А когда была установлена там советская власть, я и пошел служить в Красную армию. Но за то, что я был в Белой, меня понизили до комвзвода. Жуков, когда я учился в КУВНАСе, откуда-то об этом узнал и хорошо запомнил, что до декабря 1920 года я был в Белой армии. Знал он и что я хорошо закончил две академии, и то, что был в числе первых выпускников Академии Генштаба, и то, что для учебы меня рекомендовал великий профессор Шапошников... потому-то мне и поручил он дать научное обоснование для того, декабрьского совещания в Москве...

Должен заметить, что мне совершенно не хочется иметь дело с нашими ҫоре-историками... В докладе для Жукова я писал о том, что главная цель — это продолжение и завершение мировой революции, и методом для достижения этой цели являются внезапные сокрушительные наступательные стратегические операции... Я писал о завершении Мировой революции путем агрессивной войны. А что же написали историки?! Что они говорят слушателям военных академий?! Они утверждают, что Жуков в том докладе на совещании планировал одним взмахом отразить агрессию немцев и тут же перейти в ре-

шительное наступление. И это-то мои слова?! Но этого не могло быть в тексте, ведь я об этом не писал.

Но если историки такие умные и говорят, что в докладе было написано про отражение агрессии, тогда я хочу спросить наших военных историков и заодно Жукова: *почему же генерал армии Жуков не отразил агрессию в 1941 году?* Отвечу на этот вопрос, потому что историки высказали дурацкое мнение и это дурацкое мнение подхватил Жуков... Тебе я скажу: тогда, в декабре 1940-го, и вплоть до начала боевых действий никто никогда не думал и, конечно, не говорил, что агрессия Германии против СССР возможна. Потому стратегическая оборона нашей армии не предусматривалась и не планировалась.

Я хорошо помню лекции Бориса Михайловича в Академии Генштаба. Я участвовал во многих закрытых секретных совещаниях, и ни от одного из военачальников не слышал о планах обороны. Только и была речь о том, что мы разгромим врага на его территории. Да что там говорить, об этом свидетельствует и стенограмма декабрьского совещания... Как-то я спросил Георгия Константиновича: «Почему ты тему совещания назвал в своих воспоминаниях, а текст совещания не опубликовал?» ... Не опубликовал... Все, что я писал в том докладе, он предложил Сталину и Сталин решил воспользоваться этими предложениями. Можно говорить и о том, что я говорил о стратегических запасах, о господстве авиации в воздухе, о дислокации аэродромов от фронта, — все это было принято, все рекомендации были учтены. Но не все было сделано...»

Иван Христофорович вытер вспотевший лоб платком, взглянул на меня и сказал: «Налей мне минеральной водички, что-то пересохло в горле. Мне мой адъютант сказал, где ты учишься, вот когда закончишь, о-очень хорошенько думай *что* ты узнал, *как*, *зачем* и *кому* ты будешь передавать свои информацию и знания. И, вот еще что: это совещание высшего комсостава Красной армии завершилось поздно вечером 31 декабря. На совещании присутствовали руководство Наркомата обороны и Генштаба, начальники центральных и главных управлений, командующие и начальники штабов военных округов и армий, командующие родов войск, начальники военных академий и

много других генералов. Всего 276 человек маршалитета, генералитета и адмиралов Военно-Морских сил. Руководил совещанием в действительности лично Сталин, присутствовали все члены Политбюро; обстановка была строжайше секретная. Генералы и адмиралы с периферии прибывали в Москву тайно, их скрытно доставляли во внутренний двор гостиницы «Москва». Выход в город им был категорически запрещен. Военные газеты дальних округов и флотов на своих страницах в те дни публиковали репортажи об их повседневной деятельности на местах, словно они там, никуда не выехали... В гостинице, кроме военачальников, никого не было и она находилась под жесткой охраной сотрудников госбезопасности...»

Маршал замолчал, задумавшись.

И мне невольно думается: после той встречи прошло много лет, десятилетия. И, странное дело, наша секретность зачастую «рассекречена» за рубежом, а у нас и по сей день охраняют давние тайны. Когда же об этом начинаешь говорить, то возникают странные вопросы: откуда ты знаешь и где это написано или напечатано?

С тех декабрьских событий 1940 года прошло более 60 лет, а об этом до сих пор нельзя не то что писать, а и, пожалуй, нельзя даже говорить, —говорить о том, что обсуждали почти что десять дней руководители страны и первые лица Вооруженнях Сил. Нельзя! — Потому что они готовились не к обороне, не к вторжению агрессора, а готовились к скорому нашествию против Европы... Удивительно другое. Об этом поведал Иван Христофорович. Странно, немыслимо: «Никому не разрешено говорить об этом совещании, ни одному руководителю ЦК, ни одному участнику того совещания, оставшемуся в живых... Нельзя! А вот Жукову ЦК почему-то разрешил. Знаешь, почему? Объясню. Потому что он — самый большой из военных фальсификаторов. Он сказал о том, *что* было, но не сказал *как* было... Но меня удивляет другое: если Жуков выдает секрет особой государственной важности, а другим военачальникам это делать нельзя, то что это за исключение? Ведь если он выбалтывает секреты государства, то нарушает военную присягу. И ты, и я , и Жуков клялись и ставили свою под-

пись «хранить военную и государственную тайну», и ты, и я, и Жуков, и всякий, кто пошел служит в Красную армию, говорили: «Если же по злому умыслу я нарушу эту торжественную клятву, то пусть меня постигнет суровая кара советского закона, всеобщая ненависть и презрение трудящихся». Если Жуков открыто и свободно говорит о том секретном совещании, то он нарушает присягу и его надо судить... Меня поражает: почему этого никто не видит? Где наши компетентные органы? Ты понимаешь, о чем идет речь?»

Маршал поднялся с кресла, подошел к буфету, достал две полные бутылочки все того же армянского коньяка. «Давай выпьем! Армянин без коньяка, что лоза без земной влаги... Так ты понимаешь о чем идет речь? Жуков нас всех обманул. Он прикидывался изменником, но никаких военных тайн он никому не выдал. А потому присягу он не нарушил. Потому что о том, что говорилось на совещании высшего командного состава, он все врал. Я даже не думал, что он напишет в своей книге то, чего не было. Посмотри, я выписал из его книги себе в блокнотик слова. Запиши, если хочешь... «Все принявшие участие в прениях и выступивший с заключительным словом наркомом обороны были единодушны в том, что, если война против Советского Союза будет развязана фашистской Германией...»

Несмотря на тонизирующий жгучий напиток, Иван Христофорович почувствовал себя сразу каким-то уставшим, посмотрел на меня внимательным и немного грустным взглядом и негромко спросил: «Как ты думаешь, зачем я тебе об этом говорю? ...В моем далеком детстве мне говорила бабушка: «Остерегайся, Ваня, посторонних людей. Если ты чувствуешь какое-то смятение в душе, не открывайся этому человеку. Но если тебе на душе покойно, хорошо, знай, — перед тобой добрый и понимающий тебя человек. И он тебя не подведет». Послушай, капитан 3-го ранга, иди отдыхай. Я немножко устал... Э-э... не забывай, завтра тебе мой адъютант скажет, когда мы сможем встретиться. Я тебе расскажу еще один очень важный эпизод об учениях Киевского и Белорусского округов в канун войны. О войне Жукова с Павловым. И-иди, дорогой».

2

На следующий день мы встретились вновь. Причем мой собеседник специально готовился, и это было ясно из первых слов.

«Я тут кое что поручил принести мне из архивов, — деловым тоном сказал Иван Христофорович. — В бытность начальником Академии Генерального штаба, я основательно занимался вопросами начального периода боевых действий в 1941 году. Особенно меня, как ты понял, интересовало совещание высшего командного состава Красной армии, завершившееся в конце дня 31 декабря 1940-го. С краткой информацией по характеру современной оборонительной операции выступил командующий войсками Московского военного округа генерал армии Иван Васильевич Тюленев. Он сказал, что мы не имеем современной обоснованной теории обороны, но предусмотрительно добавил, что такая оборона нам и не нужна. Ведь цель у нас иная — не защита Отечества от агрессии, а осуществление гигантских наступательных операций на территории противника. Для этого требуется комплектовать огромные силы на узких участках. И чтобы эти силы сформировать, говорил он, мы будем снимать почти весь личный состав и вооружения со второстепенных участков сражений. И если предстоит иногда обороняться, то на этих оголенных участках.

После завершения совещания большая часть генералитета была немедленно и скрытно отправлена к местам своей службы, но еще до окончания совещания, около полудня 31 декабря сорока девяти генералам были вручены приказы на оперативно-стратегическую игру. Предстояли учения между «Восточными» и «Западными». По важности и охвату территорий эта игра была своеобразной репетицией перед боевыми действиями. Войска «Восточных» (подразумевалось — советские войска) возглавил командующий Западным Особым военным округом Герой Советского Союза генерал-полковник танковых войск Дмитрий Григорьевич Павлов. «Западные» войска (подразумеваем — германские) возглавил командующий Киевским Особым военным округом Герой Советского Союза, ге-

нерал армии Георгий Константинович Жуков. Штаб генерала армии Павлова состоял из 28 генералов и адмиралов, среди них — начальник штаба генерал-майор В. Е. Климовских; генералы Н. Гапич, В. Григорьев, С. Клыч, командующий ВВС, Герой Советского Союза генерал-лейтенант авиации И. Кобец и другие руководители управлений и отделов штаба. А также все командующие армиями с начальниками штабов, командующий Балтийским флотом вице-адмирал В. Трибуц, командиры механизированных корпусов. Штаб генерала армии Жукова в составе 21 генерала — с теми же должностными единицами руководителей. Обоим военачальникам на изучение обстановки было выделено немногим более двух часов.

Затем состоялось заключительное заседание совещания. После него, когда прозвучал бой Кремлевских курантов, известивших о наступлении Нового 1941 года, участникам игры было выделено еще три часа на составление директив в соответствии с занимаемыми в игре должностями. Затем директивы были изъяты и на осмысление дальнейших действий генералам армии Павлову и Жукову отвели двое суток... нет, две ночи и день: с 31 декабря на 1 января, день 1 января и ночь с 1 на 2 января... Да, тридцать шесть часов...

Военная игра началась утром 2 января 1941 года в Генштабе РККА. Руководитель игры — нарком обороны СССР Герой Советского Союза Маршал Советского Союза Семен Константинович Тимошенко. В руководстве игрой участвовали двенадцать высших военачальников РККА, в числе их пять Маршалов Советского Союза — С. К. Тимошенко, Б. М. Шапошников, К. Е. Ворошилов, С. М. Буденный, Г. И. Кулик. Наблюдали за игрой Генеральный секретарь ЦК ВКП(б), Герой Социалистического Труда Иосиф Виссарионович Сталин и все члены Политбюро ЦК ВКП(б)».

Иван Христофорович сделал паузу в длинном монологе, редко прерываемом моими возгласами и короткими вставками, вытер платком вспотевшую лысину и спросил меня: «А ты знаешь, что Сталин на 60-летие был награжден Золотой медалью «Серп и Молот» №1?» Я ответил, что знаю. «Хороший у тебя начальник, я чувствую, он тебя во многое посвящает... Так вот, слушай дальше...»

«И вот на генштабовских картах развернулось гигантское сражение; сутки напролет без сна и отдыха генералы и командиры различных рангов отдавали приказы, распоряжения, принимали решения. И — пока еще на бумаге — вводили в сражение части и соединения Красной армии... Об этой игре Жуков в своей книге старался написать красочно. Но не справедливо, не так, как было... Жуков сообщает, что игра длилась около восьми суток и изобиловала многими драматическими моментами для «восточной» стороны. По его мнению, игра... точь в точь повторила события, которые возникли после 22 июня 1941 года. Он пишет, что командовал «синими» и играл за немцев, а Павлов играл за «красных» и на Юго-Западном фронте Павлову подыгрывал Штерн, якобы взяв реальные исходные данные и силы противников-немцев. А он, Жуков, развил операцию именно на тех направлениях, на которых потом развивали ее немцы. Словом, точь в точь как в действительности наступали немцы. Этим он нам сейчас хочет доказать, как глубоко он предвидел что было после 22 июня!

Далее Жуков пишет, что в этой стратегической игре он в пух и прах разбил генерала Павлова. В январе 1941 года он на штабных картах гнал Павлова до Барановичей точно так же, как немецкие генералы Гот и Гудериан гнали его полгода спустя, но только не играя, а всерьез. И это его войска были разбиты немцами.

Еще Жуков говорит, что 4 июля 1941 года генерал Павлов по приказу Сталина был арестован, судим и 22 июля расстрелян...»

Писатель Симонов в своей книге «Живые и мертвые» пишет, что Маршал Советского Союза Семен Константинович Тимошенко, встретившись с генералом армии Дмитрием Григорьевичем Павловым после его отстранения от командования войсками фронта, на вопрос Павлова: «Что теперь со мной будет, товарищ маршал?» ответил: «Отправим тебя на Украину командовать корпусом».

Действительно, встреча наркома обороны маршала Тимошенко с генералом армии состоялась. Но никаких вопросов Семен Константинович от Павлова не услышал. Маршал приказал Павлову убыть на Украину в должность заместителя ко-

мандующего Юго-Западным фронтом. По приезде в Москву он доложил о вынесенном решении Верховному Главнокомандующему Вооруженными Силами товарищу Сталину, который сказал Семену Константиновичу: «Нужно очень тщательно разобраться са-а случившейся трагедией в Минске. А то здесь находятся личности, в частности, Мехлис, которые считают бившего батрака Павлова членом «пятой колонны». Ми нэ должны этого допустить. Павлов до конца выполнял наши приказы правильно, помня о главной задаче. И не его вина в том, што немцы с-умели отсечь и окружить подчиненные ему армии от штаба войск фронта. Если ми будем судить Павлова, тогда как нам поступать с ка-амандующими армиями Западного особого округа? С другими генералами?»

Воодушевленный словами вождя, маршал Тимошенко поручил главному военному прокурору провести тщательное расследование деятельности генерала Павлова в первые часы и последующие дни вторжения немцев на нашу территорию. А также по возможности выяснить действия командующих армиями Западного фронта и генералов, находившихся в подчинении Павлова.

Но Маршал Советского Союза Тимошенко, немедленно приступивший к выполнению указания вождя, все же опоздал.

Буквально после его встречи с генералом Павловым тот был арестован и доставлен в Москву по распоряжению наркома Госконтроля армейского комиссара 1-го ранга Льва Захаровича Мехлиса.

Павлов оказался в одном из закрытых помещений Наркомата обороны, а уже через несколько часов по приказу генерала армии Жукова его оттуда вывели и в коридоре Генштаба он был застрелен.

Практически одновременно на территории Смоленской области были арестованы и также скоро расстреляны начальник штаба фронта генерал Климовских, начальник войск связи генерал Гапич, генералы Григорьев, Клыч и другие.

Узнав об убийстве генерала Павлова, маршал Тимошенко сообщил об этом Сталину. На что вождь ответил: «Не горячитесь, товарищ Тимошенко. Время разберет кто прав и кто ви-

новат. Па-аезжайте на фронт, займитесь своими прямыми а-абязанностями».

О, как же Жуков торопился разделаться с серьезным соперником Павловым и свидетелями пресловутой игры на штабных картах. Понятно, что и Мехлис, и Берия без приказа Сталина ничего бы не сделали с генералом армии Павловым. Да и состоись встреча генерала с Генсеком, тот услышал бы совершенно нелицеприятные сведения о Жукове, в том числе и о его попытках установить контакты с гитлеровским генштабом еще в течение первой половины 1941 года, и многое-многое другое. Этого можно было избежать одним путем...

Павлов Дмитрий Григорьевич /р. 23.10. (4.11)1897, дер. Вонюх, ныне Павлово Кологривского р-на Костромской обл., — июль 1941/, советский военачальник, генерал армии (1941), Герой Сов. Союза (21.6.1937). Чл. КПСС с 1919. Участник 1-й мировой войны 1914—18, в Красной армии с 1919, участвовал в гражд. войне 1918—20 в должностях пом. командира полка и командира эскадрона.

Окончил Омскую высшую кав. школу (1922), Воен. академию им. М.В.Фрунзе (1928) и академич. курсы при Военно-технич. академии (1931). С 1928 командовал кав. и механизированными полками. В 1936—37 добровольцем сражался на стороне респ. пр-ва в Испании, был командиром танковой бригады. С нояб. 1937 нач. Автобронетанкового управления РККА.

Участвовал в сов.-финл. войне 1939—40. С июня 1940 командующий войсками Зап. Особого воен. округа, с 22 июня по 2 июля 1941 командующий восками Зап. фронта.

Деп. Верх. Совета СССР 1-го созыва. На 18-м съезде ВКП(б) избирался кандидатом в чл. ЦК ВКПб. Награжден 3 орденами Ленина, 2 орденами Красного Знамени.

...медалью «XX лет РККА» и, конечно же, Золотой Звездой Героя Советского Союза.

Хочу заметить, что средствами кинематографии отдел агитации и пропаганды ЦК КПСС с целью возвеличивания культа личности Жукова организовал съемку многосерийной киноэпопеи Юрия Озерова «Освобождение». Вот разыгрывается

сцена ареста Павлова в исполнении известного белорусского актера. Генерала упрекают: как же вы допустили такой разгром войск Белорусского военного округа менее чем за неделю? На что Павлов со злобой ответил: «Кто же думал, что немцы будут действовать так, как предсказал Жуков!»

Надо полагать, Озеров, как постановщик, и Курганов, как сценарист, вложили эту фразу в уста актера с целью признания гениальности прозорливого Жукова всей страной — от мала до велика.

Мемуары Жукова в первом издании вышли в 1969 г., и не надо быть военным высокого ранга или профессором академии Генштаба, чтобы заметить, что книга написана с целью показать мудрость партии Ленина, некомпетентность Сталина, при этом возвеличить мнимое превосходство германского вермахта и показать, что большинство генералов Красной армии были тупицами и лишь один-единственный великий Жуков был гением, спасшим Советский Союз и все человечество от «чумы XX века» — фашизма.

Иван Христофорович Баграмян в нашем с ним разговоре высказал ряд предположений.

Коль эта стратегическая игра есть своеобразная генеральная репетиция в преддверии великих событий, то почему войска в этой игре возглавляют два из шестнадцати командующих военных округов, тем более в присутствии руководителей страны?

Если это — генеральная репетиция, то, по мнению маршала Баграмяна, эту игру должен проводить нарком обороны и начальник Генерального штаба РККА генерал армии Кирилл Афанасьевич Мерецков. Сама стратегическая игра на картах в случае ошибочных ходов ущерба армии не принесет. Интерес высших руководителей НКО в том, чтобы присутствующий при этом высший командный состав мог обнаружить просчеты в планах и замыслах будущих боевых действий. Лучше ошибки обнаружить в процессе игры, в тиши штабных помещений, чем потом — в грохоте и пламени битв.

Если верить Жукову, то Павлов проиграл это сражение. Но Сталин почему-то не наказал командующего «красными», хотя,

как известно, вождь был жестким в отношении провинившихся, а порой и беспощаден. Как ни старается автор мемуаров показать, что Павлов не способен управлять войсками, — все понапрасну. Уже в феврале 1941 г. Сталин удостоил генерал-полковника танковых войск воинского звания генерал армии.

Как известно, с 4 июня 1940 г. постановлением советского правительства восстановленные в русской армии генеральские чины или новые звания, как стали называть, были присвоены 966 генералам и 74 адмиралам. Высшее генеральское звание — генерал армии — получили три военачальника: Тюленев, Жуков, Мерецков. 23 февраля 1941 г. воинское звание генерал армии присвоено было сразу двум генерал-полковникам: Апанасенко Иосифу Родионовичу и Павлову Дмитрию Григорьевичу.

Удивительно, в процессе разговора констатировал Иван Христофорович, — по Жукову выходит, что Сталин был и вовсе глуп и туп, если проигравшему учения Павлову он присваивает очередное звание! А может, дело в другом, — рассуждал Иван Христофорович, — присвоение двоим военачальникам высшего генеральского звания вызвало у Жукова глубокое озлобление, что это с ним — таким значимым и незаменимым, — сравняли менее авторитетных по его мнению генералов...

«И потом, представлял ли Жуков, кто такие гитлеровские военачальники Браухич, Кейтель, Йодль, Гудериан, Клейст и др.? Мне кажется, что Жуков просто распоясался и превратился в элементарного хвастуна. Он присвоил себе право хаять Павлова, Штерна, Черевиченко, Кирпоноса, других генералов. Вот если ты когда-нибудь внимательно начнешь изучать биографии наших полководцев, командующих фронтами, то можешь увидеть много интересного, но... не подтверждающегося биографиями и какими-либо документами...

Я знал одного человека, который на заключительном этапе войны командовал войсками 4-го Украинского фронта и вошел вместе с ними в Болгарию, Маршала Советского Союза Федора Ивановича Толбухина. За умелое руководство войсками и проведение ряда стратегических операций, в частности, успешно проведенной Яссо-Кишиневской операции, благодаря которой на левом фланге советско-германского фронта

была существенно изменена обстановка в пользу Красной армии, Федор Иванович был удостоен высокого звания Маршала Советского Союза и награжден орденом «Победы». Я глубоко убежден, что это награждение и оценка полководческого таланта Федора Ивановича произошла вне ведома заместителя Верховного Главнокомандующего Жукова. И это явилось главной причиной неприязни его к Толбухину.

Все командующие фронтами на заключительном этапе войны были представлены к присвоению званий Героя Советского Союза, а иные к награждению второй медалью Золотая Звезда Героя. Но из списка был вычеркнут Федор Иванович. Для этого Жуков обратился к своему другу заместителю наркома внутренних дел, начальнику СМЕРШа генерал-полковнику Ивану Серову, а затем к еще одному другу — наркому внутренних дел Маршалу Советского Союза Лаврентию Берии. Нашел и причину: Толбухин женат на графине, что унижает достоинство члена ВКП(б) и высокое звание маршала. Более того, Федора Ивановича вскоре не стало. Официальное заключение о его смерти гласит: умер от тяжелой болезни. Неудивительно. В 55 лет люди тоже ведь умирают...»

Толбухин Федор Иванович /4.(16).6.1894, дер. Андроники, ныне Толбухинского р-на Ярославской обл.,—17.10.1949, Москва/, советский военачальник, Маршал Сов. Союза 12.9.1944), Герой Сов. Союза (посмертно, 7.5.1965). Чл. Коммунистич. партии с 1938. Род. в крест. семье. Окончил коммерч. уч-ще (1912). В 1914 призван в армию, окончил школу прапорщиков (1915). Участвовал в 1-й мировой войне 1914—18 командиром роты и батальона, штабс-капитан. После Февр. революции 1917 избран пред. полкового к-та.В авг. 1918 добровольно вступил в Красную Армию.

Окончил школу штабной службы (1919), курсы усовершенствования (1930) и Воен. академию им. М. В. Фрунзе (1934).

Во время Великой Отечеств. войны 1941—45 нач. штаба Закавк. (авг.—дек. 1941), Кавк. (дек. 1941—янв. 1942) и Крымского (янв. — март 1942) фронтов, зам. команд. войсками Сталинградского воен. округа (май—июль 1942), команд. войсками 57-й и 68-й армий на Сталинградском и Сев.-Зап.

фронтах (июль 1942—март 1943). С марта 1943 командовал войсками Южного, с окт. 1943 — 4-го Укр., с мая 1944 — 3-го Укр. фронтов. Войска под командованием Т. участвовали в Сталинградской битве, в освобождении Украины и Крыма, в Ясско-Кишиневской операции, в освобождении Румынии, Болгарии, Югославии, Венгрии и Австрии. С июля 1945 главнокоманд. Юж. группой войск, с янв. 1947 команд. войсками Закавк. Воен. округа...

Награжден 2 орденами Ленина, орденом «Победа», 3 орденами Красного Знамени, 2 орденами Суворова 1-й степени, орденом Кутузова 1-й степени, орденом Красной Звезды и медалями, а также иностр. орденами и медалями. Почетный гражданин Софии (1946) и Белграда (1947). Похоронен на Красной площади у Кремлевской стены. В Москве в 1960 поставлен памятник Т. (скульптор Л. Е. Кербель, архитектор Г. А. Захаров).

«Итак, с начала 1947 года Толбухин — командующий войсками Закавказского военного округа. Находясь в этой должности, Федор Иванович был просто затерроризирован Жуковым и застрелился. Он ушел из жизни, покинув красавицу-жену...

А что же великий стратег Жуков? ...Утверждает, что он великолепно предугадывал планы Гитлера и сам громил на учениях войска Павлова... Это было точно так же, как и в истории с моим докладом в декабре 1940 года. Он все присваивает. Все... В оперативной группе командующего Жукова выполняли роли операторов генерал-полковник Григорий Штерн, а также генерал-лейтенанты Яков Черевиченко и Михаил Кирпонос. Буквально сразу после учений они оба были удостоены воинских званий генерал-полковников и станут командующими фронтами. Был в группе и генерал-майор Федор Иванович Толбухин, который спустя три года, пройдя на войне все ступени генеральской карьеры, возглавит войска фронта и удостоится звания Маршал Советского Союза, став по праву считаться одним из выдающихся сталинских полководцев... Были другие. Два генерала авиации — Петр Жигарев и Александр Новиков — будущие главные маршалы авиации и командующие ВВС. Выдающиеся штабисты — генерал армии Павел Ку-

рочкин и будущий генерал армии Михаил Пуркаев, оба будут впоследствии командовать армиями и фронтами. Головко Арсений —командующий Северным флотом в течение всей войны, адмирал, а впоследствии командующий Балтийским флотом и первый заместитель главнокомандующего ВМФ».

Иван Христофорович, разволновавшись, вдруг хлопнул себя по колену и громко выматерился: «Как он смел, ...? Ни одного из этих талантливейших военачальников не упомянул в книге! Зато чуть не на каждой странице хвастается: *я* предвидел, *я* нанес удары, *я* развил операцию, *я* уничтожил противника... Умный, ...! Да он вообще не имеет права называться стратегом, потому что стратег работает не только как единоначальник, а в первую очередь стремится сформировать команду единомышленников, чтобы опираться на них.

Должен заметить, Дмитрий Григорьевич Павлов имел под своим началом в игре не менее блестящих генералов. Это командующий войсками Среднеазиатского военного округа генерал-полковник Иван Апанасенко. После игры он будет удостоен звания генерала армии. Так вот, если бы генерал Апанасенко на этих учениях проявил бездеятельность, то сомневаюсь, что он был бы тут же переведен Сталиным со второстепенного округа командовать войсками Дальневосточного фронта с целью предотвратить возможные агрессивные намерения Японии, всегда претендовавшей на Сахалин, Курилы, Дальневосточные и Забайкальские земли. Подумай, разве Сталин направил бы его на столь ответственный участок?

В состав группы Павлова входил и командующий войсками Северо-Кавказского военного округа генерал-лейтенант Федор Кузнецов, который также после учений удостоится звания генерал-полковника и будет переведен с внутреннего военного округа на войска Прибалтийского Особого военного округа в качестве командующего.

Да, замечу, что ни в Среднеазиатском, ни в Северо-Кавказском военных округах, которыми командовали эти генералы до перевода, не было полевых армий. А в новых округах было уже по три таких воинских объединения. Ну а генерала армии Дмитрия Павлова Сталин оставил командовать войсками Бело-

русского Особого военного округа... Не менее значительной фигурой на учениях при штабе генерала Павлова был командующий войсками Забайкальского военного округа генерал-лейтенант Иван Конев. После игры его назначили командующим войсками Северо-Кавказского округа вместо Кузнецова, где ему вменили в обязанность скрытно формировать 19-ю армию и готовить ее к переброске к западной границе...

Следующим человеком в группе генерала Павлова был генерал-лейтенант авиации Павел Рычагов. После учений он стал заместителем наркома обороны СССР, как видишь, поднялся даже выше Павлова.

Если же верить хвастливым байкам Жукова, который заверяет нас, что он в стратегической игре с позором разбил и унизил всех перечисленных военачальников во главе с Павловым, то непонятно, зачем Сталин тогда их всех повысил? Ответ здесь простой: никого Жуков в этой игре не разбил, никого не разгромил. Не мог разгромить...».

Иван Христофорович был очень выдержанным человеком. В серьезном разговоре он мог неожиданно заулыбаться и рассмеяться, а после оборвать смех и вновь серьезно продолжать. «Он же паяц, хвастун! Как можно дожиться до такого хвастовства?» — иронично посмеиваясь и негодуя время от времени повторял он. Держа в руках книгу, о которой он не единожды упоминал и на которую ссылался, он стал перелистывать страницы. И вот, тыча пальцем и повторяя «смотри, какой лжец!», Иван Христофорович стал цитировать:

«— Когда начнется у вас военная игра?» — спросил И. В. Сталин.

— Завтра утром, — ответил Тимошенко.

— Хорошо, проводите ее. Но не распускайте командующих. Кто играет за «синюю» сторону, кто за «красную»?

— За «синию» (западную) играет генерал армии Жуков, за «красную» (восточную) — генерал-полковник Павлов».

...Какой лжец, он вводит прямую речь вождя!

Да это все Жуков выдумал. Потому что совещание завершилось вечером 31 декабря. Не мог Семен Константинович... мы можем ему сейчас позвонить, — тут же не задумываясь

предложил запальчивый горячий армянин, — ...сказать товарищу Сталину, что игра начинается *завтра утром*. Ибо она началась 2 января. Уж кто-кто, а вождь понимал, что рано утром 1 января учения начинать не следует. Я хорошо знаю, что когда было дано время на обдумывание, вот те самые 2,5—3 часа, все участники будущей игры выпили не только новогоднее шампанское, но и кое что покрепче... Так же все мы выпивали в новогодние ночи 1942-го, 43-го, 44-го и последующих годов... кто дожил, не погиб в боях...

И потом, не мог Семен Константинович Тимошенко сказать Сталину, что за «синюю» сторону играет Жуков, а за «красную» — Павлов. Знаешь, почему? — Маршал наклонился ко мне и его голос стал чуть-чуть тише. — Потому что была не первая игра, а... вторая. Сталин поменял их местами, а указания Сталина исполнил нарком Тимошенко. И это очень важно... А знаешь, почему Жуков хорошо помнит первую игру, вплоть до нюансов, а вторую — память, видишь ли, подвела — не помнит... И знаешь, что он забыл? — название темы. А официально игра называлась: «Наступательная операция фронта с прорывом укрепленных районов — УР».

...Это очень дорогая вещь, в свое время затеянная Сталиным, — эти укрепрайоны. На нашей территории этих УРов — сам знаешь... А для всех — их нет и не может быть. Зато они есть на территории противника, на территории, еще недавно входившей в состав Польши, Румынии... И это говорит о том, что рвать мы будем укрепрайоны на территории врага. И еще одно: я не зря упомянул о стоимости и дороговизне этих объектов. Жуков никогда не думал о народных деньгах.

Мы много говорили о том, что будем воевать на территории противника, мы готовились. Имелась в виду «глубокая операция», но всегда при этом говорилось: если враг нам навяжет войну... В Полевом уставе Красной армии так об этом и говорилось... И почему-то всегда получалось... —Баграмян лукаво улыбнулся, сделал паузу и продолжил, — получалось, что *враг нападал именно тогда, когда у нас все было готово для захвата его страны...*»

Мы оба помолчали, я взял из рук собеседника книгу и пока он пристально смотрел на меня, полистал ее страницы, раздумывая о двух секретных играх в канун войны 1941—45 годов.

«Кому-то это может показаться смешным, а мне нет», — грустно подытожил маршал.

Сразу после игры на картах Генштаба, началась вторая, куда как более серьезная учебная игра. «Сражения» 8—11 января шли на территории Восточной Пруссии и в Белоруссии, при этом Павлов и Жуков поменялись местами: первый — наступал, второй — отбивался.

Известно, что Тимошенко по окончании первой игры считал, что у обеих сторон особого перевеса не было, хотя признал положение Жукова несколько лучшим. Но не потому, что Жуков был способнее Павлова, а в силу определенных обстоятельств. Во-первых, Жуков был в обороне, а это намного легче, чем наступать в той местности, где происходило «сражение». Во-вторых, войска Павлова, нанося удар по Восточной Пруссии, форсировали ряд полноводных рек в нижнем течении. Для генерала Павлова это препятствие, для Жукова — рубеж обороны. Сама Восточная Пруссия имеет множество каналов, рвов, что является естественным препятствием для наступающих танков. И еще. Этот регион укреплялся на протяжении столетий и имеет множество крепостей, насыпей, валов, замков.

И потом, Жуков имел в своем подчинении значительно большее количество войск. В завершение самой игры генерал Жуков собрал для контрудара группировку войск, которой на самом деле... не существовало. Надо быть откровенным, это спасло Жукова от полного и позорного разгрома. В реальной же обстановке генерал Павлов сбросил бы Жукова с его войсками в Балтийское море.

Рассказывая мне об этих событиях, Иван Христофорович несколько раз надолго замолкал. В очередной раз сделав паузу, он как-то отрешенно произнес: «...о ней не хочет Жуков вспоминать... о второй игре...»

Согласно поставленным задачам, вторая игра предусматривала вторжение войск Германии на советскую территорию. В каждой группе играющих произошли определенные изменения, часть генералов от Павлова перебросили к Жукову и на-

оброт. Некоторые военачальники не участвали в игре, потому как вместо них уже были другие. Теперь Жуков командовал не «синими», а «красными» , т.е. «советскими» войсками, а Павлов — «немецкими», пытаясь советское наступление отразить. Но в процессе игры произошли и другие изменения. Ответные действия Красной армии отражал не один фронт противника, а два. Условными «войсками Германии и Венгрии» командовали генерал Павлов, а «войсками Румынии» — генерал Кузнецов... С какой целью войсками Румынии поставили командовать Кузнецова, ведь он на границе с Румынией никогда не служил да и после будет командовать войсками Прибалтийского фронта? На первый взгляд это странно. Но только на первый взгляд, — уточняет Баграмян, — ибо ввод в игру «войск Румынии» и назначение на пост командующего не знавшего региона генерала Кузнецова демонстирирует военный полководческий талант Сталина, его невероятную способность неординарно мыслить.

Сталин провел не одну, а две игры. Почему же он не позволил руководить учебно-боевыми операциями руководству наркомата, а возложил это на Жукова и Павлова? По мнению Баграмяна, сталинская загадка кроется в том, что одному из участников учений отводилась особая роль. Кому? Командующему войсками Прибалтийского особого военного округа генерал-полковнику Кузнецову.

Сталин логично размыслил, что в пространстве между Балтийским и Черным морем находится Полесье. А это самый болотистый район в Европе, что весьма невыгодно для передислокации войск и ведения боевых действий. Эта территория разделяет театр военных действий на два стратегических направления. Если мы будем стремиться быть сильными одновременно севернее и южнее Полесья, то раздробим свою мощь, а это не допустимо. Поэтому на одном стратегическом направлении мы должны сосредоточить основные силы и нанести мощный удар, а на другом —организвать удар вспомогательный. Но вот проблема: какое направление является главным, а какое второстепенным?

Если сражение начать севернее Полесья — это идти ближайшим путем для нанесения удара по Берлину, но при этом

преодолевая препятствия — сверхмощные укрепления Восточной Пруссии и вермахт. А если удар наносить южнее Полесья — значит идти обходным путем, но зато это и возможность отрезать нефть Румынии от Германии.

Потому Сталиным было принято единственно верное решение...

В этом месте маршал сделал долгую паузу, после чего уверенно сказал мне: «Ты сейчас поймешь что решил Сталин и раз и навсегда будешь сторонником этого решения».

Во время первой игры главный удар в Европу Сталин наносил севернее Полесья, с территории Белоруссии и Прибалтики. И очень внимательно следил за развитием событий на этих учениях.

Затем он приказал начать вторую игру.

Теперь наши войска вторгаются в Европу с территории Украины и Молдавии.

Замысел сталинского гения был уникален. Его великие военные задумки теоретически и так же гениально обосновал Маршал Советского Союза Б. М. Шапошников.

И в Германии после этих учений поняли, что такой сокрушительный сталинский удар по Европе будет для Германии смертельным.

Сталин знал и видел, что настало время сокрушить Германию. Она уже оккупировала Европу, а уничтожив вермахт, Красная армия откроет себе дорогу к Атлантическому океану.

...Если наносить удары севернее Полесья — из Белоруссии и Прибалтики, то тогда командующий войсками Западного Особого округа генерал Павлов наверняка наденет на себя лавры победителя и имя его навсегда войдет в военную историю Советского Союза. Не меньшая слава, осуществись подобная ситуация, ждала и генерала Кузнецова, командующего войсками Прибалтийского Особого военного округа.

Но в таком случае роль командующего войсками Киевского Особого военного округа генерала Жукова окажется второстепенной. Еще меньше будет роль командующего войсками Одесского военного округа генерала Черевиченко.

...Если удар наносить южнее Полесья — с территории Украины и Молдавии, тогда все лавры достанутся Жукову и Черевиченко. А генералы Павлов и Кузнецов окажутся в забвении.

И хитрющий мудрый плут Сталин принял решение столкнуть их. Столкнуть, посмотреть их в действии, выбить из них спесь, заставить думать, действовать вопреки и наперекор обстоятельствам, играть, играть на нервах друг друга, рассчитывать, выдумывать, корячиться, показывая свое истинное нутро... Во что бы то ни стало они хотят обыграть друг друга, потому что заинтересованы: Павлов — атаковать севернее Полесья, Жуков — южнее Полесья.

Иван Христофорович остановил свой рассказ и, жестом руки показав на круглый столик, сказал, чтобы я подал ему объемистую папку. «Читай, а я пока отдохну», — предложил он и вышел на веранду.

Я стал читать текст, набранный на машинке. Он гласил, что в игре на стороне «синих» (западных) участвовали 3 515 танков, 3 340 самолетов. На стороне «красных» (восточных) 8 810 танков, 5 700 самолетов.

Во второй игре Жуков, командуя советскими войсками, наносит удар по Румынии и Венгрии. Здесь нет рвов и укреплений, как в Восточной Пруссии. Он имеет подавляющее превосходство в авиации, танках и десантных войсках. Нарком обороны и Генштаб считают, что у Жукова в этой игре преобладающее в сравнении в Павловым количество войск, более того, значительную часть у генерала Павлова забрали, поставив над ними генерала Кузнецова. А по условиям учений эти выделенные Кузнецову войска Павлову уже не подчиняются. Таким образом, мощной группировке войск под командованием Жукова противостоят две ослабленные группировки, которые разделены между собой и находятся под командованием Павлова и Кузнецова. Маршалы Советского Союза Тимошенко, Шапошников, Буденный и Кулик поставили Павлова и Кузнецова в чрезвычайно сложную ситуацию. Исходя из этого, все четверо маршалов тем самым выражали мнение, что вторжение Красной армии в Европу будет происходить южнее Полесья.

К такому выводу пришел и Сталин.

Итак, четыре маршала умышленно создали для генерала Жукова ситуацию, в которой он не мог проиграть. Сталин на второй игре не присутствовал, разбора учений не проводил, ибо он сделал свой выбор о нанесении стратегического удара по Европе южнее Полесья. Потому руководители учений и подыгрывали Жукову, лишив этим самым Павлова возможной победы.

Но, как известно, события, начавшиеся 22 июня 1941 года, произошли по иному сценарию. Немецкие войска разгромили войска генерала армии Павлова, а он был арестован...

Основным направлением для армии вторжения Советского Союза согласно разработанному Маршалом Советского Союза Шапошниковым плану «Гроза» была выбрана территория южнее Полесья. И апробирована в результате учений.

Решающая роль в наступательной стратегической операции отводилась Первому стратегическому эшелону, основой которого являлись войска Киевского особого военного округа под командованием генерала армии Жукова, при начале наступления они преобразовывались в Юго-Западный фронт. При благоприятном развитии запланированных событий логичным было назначение Жукова начальником Генерального штаба РККА. Если бы основным направлением для армий вторжения была бы выбрана территория севернее Полесья, то начальником Генштаба мог бы стать генерал армии Павлов.

Жуков Георгий Константинович /р.19.11(1.12). 1896, дер. Стрелковка, ныне Угодско-Заводского р-на Калужской обл./, советский военачальник, Маршал Сов. Союза (18.1.1943), четырежды Герой Сов. Союза (29.8.1939, 29.7.1944, 1.6.1945, 1.12.1956), Герой Монг. Нар. Республики (1969). Чл. КПСС с марта 1919. Род. в семье крестьянина-бедняка. (В самой деревне рассказывают, что Егорка, а также еще двое ребятишек родились после того как приглашенный печник поставил в нескольких деревенских хатах печи. Жукова — фамилия матери Егорки, не бывшей замужем). *Трудовую деятельность начал с 1907 учеником, затем мастером-скорняком в Москве. С 1915 в армии, участник 1-й мировой войны 1914—18, младший унтер-офицер в кавалерии. С окт. 1918 в Сов. Армии...*

В послевоенных документах и исследованиях, особенно после смерти Сталина, изобилуют высказывания, что это Маршал Советского Союза Жуков являлся единственным творцом побед всех грандиозных сражений Великой Отечественной войны. Однако факты минувших сражений в совершенстве... искажены. Начать хотя бы с того, что ни один полководец — ни у нас, ни за рубежом — не имел таких грандиозных поражений, какие были у Жукова.

В первые месяцы войны Красная армия и ее кадровый состав были полностью разгромлены.

Большего позора не имела ни одна армия мира!

А всю оставшуюся войну воевали наскоро призванные и поверхностно обученные резервисты из гражданского населения.

Подробнее?

Пожалуйста.

В 1941 году почти 6-миллионная Красная армия была уничтожена. Часть военнослужащих оказались в плену. И это не считая раненых в боях. Более того, в результате почти мгновенной оккупации, которая была осуществлена немцами в 1941-м, мы оставили на этой территории 5,5 млн. военнообязанных. Большая их часть оказалась вывезенной в Германию на работы.

За этот же период Красная армия потеряла около 7 млн. единиц стрелкового оружия, — этого оружия было бы вполне достаточно, чтобы заново вооружить весь вермахт!

За этот же период было утеряно более 20 тысяч танков, — этим количеством можно было бы вооружить 5 таких армий, как вермахт! И в придачу — армии США, Великобритании, Италии и др. стран.

В 1941 г. было потеряно более 10 тысяч самолетов: Ил-2, Пе-2, Як-4, Як-2, ДБ-3Ф, Пе-8, Ер-2. У Гитлера ничего подобного ни по количеству, ни по качеству на тот момент не было.

Было утеряно 102 тысячи орудий и минометов, что многократно превышает артиллерию всех вооруженных сил мира вместе взятых!

Непосредственно у самой границы было оставлено более 1,5 млн. тонн боеприпасов.

...С июня 1940 командовал войсками Киевского особого воен. округа. С конца янв. по 30 июля 1941 нач. Генштаба и зам. наркома обороны СССР. В начале Великой Отечеств. войны командовал войсками фронтов: Резервного (авг. — сент.1941), Ленинградского (сент. — окт. 1941)...

Знал ли начальник Генштаба генерал армии Жуков о таком количестве вооружений? Он был в этой должности уже около полугода. Безусловно, знал. Хотя после войны он неоднократно оправдывался, что за пять месяцев никак не мог освоиться в этой должности. Зато в своей книге все время подчеркивал, что, мол, «я предвидел, что Гитлер на нас нападет, я неоднократно предупреждал Сталина, но он не внял моим советам».

Уместно спросить, что же тогда второй человек в Красной армии предпринял, чтобы с мощнейшей армией в мире не случилось то, что случилось? Почему же бездействовал? И кто ответит за чудовищную катастрофу Красной армии, произошедшей в 1941 году?

Жуков — истинный виновник — нашел крайних, ими оказались... расстрелянный генерал армии Дмитрий Гиригорьевич Павлов, начальник его штаба генерал-майор Климовских, начальник войск связи генерал-майор Гапич, начальник тыла войск округа генерал-майор Григорьев, командующие объединениями войск Белорусского особого военного округа, ставшего с первого дня войны Западным фронтом.

Можно спросить и другое: если Павлов со своими генералами оказался таким бездарным и бестолковым, что на шестой день сдал Минск врагу, то почему начальник Генерального штаба, который в послевоенные годы кричит о том, что это он уничтожил фашистскую Германию и спас СССР и весь мир от порабощения, — не настоял перед Сталиным на том, чтобы самому выехать на Западный фронт и отстранить Павлова от командования, занять его должность и нанести сокрушающий удар по гитлеровскому вермахту и разгромить его?!

Это оказалось не под силу «гениальному провидцу».

Жуков проявил в первые месяцы войны элементарную трусость, неспособность управлять вооруженными силами в качестве начальника Генштаба. И должен нести перед совет-

ским народом персональную ответственность за постигшую страну катастрофу.

Он, как начальник Генштаба, обязан был знать, что в предвоенные годы наш народ, ведомый своими руководителями, сделал огромный рывок в индустриализации страны буквально ценой своей нищеты, ценой миллионов жизней. Народ, заплатив страшную цену, преодолел чудовищное отставание от ведущих стран мира, создал экономический фундамент, обеспечивший невиданную мощь Красной армии. Советский Союз вышел на второе место в мире по совокупному объему произведенной продукции! И стал одной из трех стран, способных производить все виды продукции и развивать все научно-исследовательские работы того времени. Мощь Красной армии была обусловлена титаническим напряжением всего советского народа: созданием современных промышленных отраслей народного хозяйства, авиационной, танковой, атомобильной, судостроительной и другими видами производств. На укрепление армии работали целые промышленные регионы: Магнитогорск, Кузбасс, Донбасс, Турксиб, производственные мощности Востока, Сибири, а также научные силы Академии наук СССР, обусловившие технические возможности для создания лучших видов боевой техники.

И вот все это начальник Генштаба Красной армии генерал армии Жуков добросовестно и почти моментально... уничтожил.

Уничтожил своей безответственностью и безграмотностью.

Благодаря его «заслугам» у нас сформировалась ситуация из 3 фаз. 1. Вермахт вторгся на территорию Союза, разгромил полностью Красную армию, а остатки ее отбросил до Москвы. 2. Вынудил еще более напрячься всему советскому народу, чтобы обеспечить воссоздание армии. 3. СССР вынужден был всю свою мощь экономики направить на решение специфических задач.

В начальный период войны страна потеряла важнейшие для ее развития индустриальные районы, на территории которых проживало 40% населения, производилось 65% чугуна, около 60% стали и алюминия, почти 60% угля, заводов, произ-

водивших 40% железнодорожного оборудования, 84% сахара, 38% зерна.

Если таких вещей не понимает начальник Генштаба Красной армии и при этом бахвалится, что он предвидел всю эту катастрофу и ничего не предпринял, то закономерен вопрос: кто вы, Георгий Константинович Жуков, пред которым преклонялась вся советская страна?

На одной из страниц своей книги «Воспоминания и размышления» Жуков утверждает, что 29 июля он якобы спорил со Сталиным и вождь обвинил его в том, что он-де несет чепуху. И тогда смелый Жуков вызывающе ответствовал: «Если вы считаете, что начальник Генштаба способен только чепуху молоть, тогда ему здесь делать нечего».

Но подобного разговора не существовало вообще. Впрочем, уважающий себя руководитель высокого ранга всегда может заставить вышестоящего чиновника согласиться со своим мнением. Если же это не происходит, то доказать правоту помогает заявление об отставке.

Так поступил в октябре 1941 года командующий войсками Дальневосточного военного округа генерал армии Иосиф Родионович Апанасенко, когда Сталин приказал изъять с Дальнего Востока артиллерийские части и соединения, которые предстояло отправить на московское направление. Когда все слова убеждения, сказанные генералом, так и не были восприняты вождем, он выматерился по телефону и заявил: «Вы можете сорвать с меня генеральские звезды и лампасы, расстрелять, но ни одной пушки не дам!» Он отстоял себя, свои орудия и свое личное мнение военачальника.

Жуков в 1941 году не занял твердой позиции.

Сталин никоим образом не мешал ему работать.

Вождь наблюдал и осмысливал.

Жуков бездействовал. Он так же фанатично боялся ответственности, как и смерти.

...Все время, пока я изучал бумаги, Баграмян сидел в плетеном кресле на веранде. Он так и не закурил, а только прикрыв глаза, вдыхал чудесный сумеречный воздух Подмоско-

вья. Конечно, он боялся прослушки, потому предоставил мне документы и ушел, думая, может, что я отсниму их, сфотографирую... Отдал ли бы он в руки первому встречному секретные материалы? Понятное дело, нет. Знал ли я, что Баграмян не терпел Жукова? Понятное дело, да. Я сам спровоцировал его на этот разговор, который он охотно поддержал...

Короткое время пребывания Жукова на посту начальника Генштаба не оправдывает его бездарных действий. Ведь перед назначением на эту должность он длительное время служил на высших командных дожностях в Белорусском особом военным округе, командовал Киевским особым военным округом. Более того, Генштаб — этот мозг армии — владеет в максимальной степени всей информацией, начиная от подробностей из жизни бойцов до военной обстановки во всех вооруженных силах мира.

Удивительно-то как: Жуков пишет, что 2 января 1941 года он, будучи командующим округом, с первого взгляда оценил и понял обстановку, и увидел, что немцы непременно (!) нападут, а вот, став 13 января 1941 года начальником Генштаба, так долго смотрел на карту, что не мог в течение пяти месяцев сообразить, что немцы раздолбают подчиненные ему войска. Прямо какое-то тугодумство охватило Георгия Константиновича с 13 января по 22 июня 1941-го... И враг напал, а у начальника Генштаба даже приказа об отражении агрессии нет...

Жуков запросто утверждает, что Сталин в военных вопросах не разбирался и ничего не понимал в стратегии. Тогда резонно спросить: что мешало ему уже в качестве начальника Генштаба провести третью игру и пригласить на нее вождя, — поучиться, посмотреть на мудреца-военачальника.

...Вся история войн и военного искусства вмещает в себя две непреложные истины. 1. Полководец не разгадал замыслов противника и за это поплатился разгромом своей армии, а то и личной гибелью (значит, ему повезло, смыл позор). 2. Замыслы противника он предсказал, что-то этим замыслам противопоставил и в результате получил желаемую победу.

...Вот представился уникальный случай для «гениального» маршала Жукова: он (по его словам) разгадал замысел противника, но... предпринять ничего не смог.

В Красной армии была выработана и отлично отлажена система управления боевыми действиями в ходе захватнической войны на чужой территории. Еще раз акцентирую внимание: в ходе захватнической войны на чужой территории.

В этом смысле командованию сталинской армии повезло. У нее был, пожалуй, самый мудрый военный теоретик, бывший Генерального штаба полковник Борис Михайлович Шапошников. Не вина Бориса Михайловича, что он не разрабатывал планов оборонительной войны и в системе управления боевыми действиями Красной армии она отсутствовала.

Жуков, когда пишет о победах Красной армии, заявляет: *я* предположил, *я* знал, *я* предвидел, а когда совершаются просчеты или преступная халатность по его вине, оправдывает это каким-то упущенным временем на строительство командных пунктов, а чаще находит крайних.

Буквально в первой половине 1941 года войска приграничных военных округов, которыми командовали генералы Павлов, Кирпонос, Кузнецов и Черевиченко были скрытно выдвинуты к самым границам и попали под внезапный удар, не успев по тревоге даже добежать до своих танков и орудий. Случилось это не потому, что командующие фронтами оказались не готовыми к войне. К примеру, аэродромы советской авиации также находились у самых границ и предельно были забиты самолетами. Стратегические запасы также находились у границ. И главный удар вермахт нанес севернее Полесья по войскам генерала Павлова. А основные силы Красной армии, как вы знаете, дислоцировались южнее Полесья.

Жуков, который так уверенно и значительно пишет в книге, что он знал и предвидел нападение, тем самым... выносит себе приговор. Все потому же: если знал, то почему не предпринял мер как начальник Генштаба? Но теперь вопрос иной: почему же тогда Сталин, прекрасно зная цену Жукову, не расстрелял его? Вместо наказания истинного виновного вождь, приказав опубликовать статью в газете «Правда», объявил ви-

новниками (как и 9 лет назад в статье «Головокружение от успехов») местных руководителей, в данной ситуации — командование на местах. Под топор пошли Павлов и другие нижестоящие генералы, а вот Жуков остался жив.

Почему так случилось?

Жуков красочно в книге описывает сражение на Курской дуге под Прохоровкой. Ему вторят тысячи и тысячи авторов, что это было самое грандиозное сражение Второй мировой войны.

Но так ли это?

К словам маршала надо относится крайне осторожно, ибо то, что произошло под его руководством 23—27 июня 1941 года в районе городов Луцка, Ровно и Дубно, не идет ни в какое сравнение с танковым сражением под Прохоровкой. На этой линии столкнулись 6 советских механизированных корпусов с первой танковой группой вермахта. Преимущество Жукова было очевидным. Сравним.

У вермахта — 799 танков. При этом полное отсутствие тяжелых танков, плавающих, с дизельными двигателями, с противоснарядным бронированием, ни одного танка с длинноствольными пушками калибра 75 мм.

Против них (этих 799 танков) Жуков выставил 8069 танков! Что более чем в 10 раз (!) больше только по количеству. В 4-м мехкорпусе у него было из 892 танков 414 новых Т-34-ИКВ. В 8-м корпусе 858 танков, из них 171 Т-34 и КВ. В 15-м — из 73 танков 131 КВ и Т-34. В 22-м мехкорпусе 647 танков, из них 31 КВ и Т-34.

По суммарной мощности артиллерийского вооружения эти корпуса можно сравнить с танковой армией, причем — каждый в отдельности!!!

В состав же этих мехкорпусов входили: Т-28 — 215 шт., БТ-7М — 370 шт., Т-37 — 669 шт., Т-38 — 123 шт., Т-40 — 84 танка, Т-35 — 51 шт. Это те танки, о которых Жуков говорит, что они якобы крайне устаревшие, что является откровенной ложью (!)...

И вот, имея такое гигантское превосходство над противником, Герой Советского Союза генерал армии Георгий Константинович Жуков это танковое сражение сумасбродно, позорно проиграл.

23—27 июня было сражение под Дубно; после сражения застрелился второй член Военного совета Юго-Западного фронта корпусной комиссар Николай Николаевич Вашугин, служивший в Киевском Особом военном округе с апреля 1940 года. А первый член Военного совета корпусной комиссар Михаил Алексеевич Бурмистенко, член Политбюро и секретарь ЦК КП(б)У застрелился 9 сентября 1941 года, — сразу же после рассмотрения итогов сложившейся критической ситуации обороны Киева, оказавшегося в клещах противника, оставления правобережной Украины, в том числе и потери танковых корпусов в сражении под Дубно на закрытом заседании Политбюро Центрального Комитета Коммунистической партии большевиков Украины. Выйдя из зала, он свел счеты с жизнью. Михаилу Алексеевичу было 39 лет. Еще при жизни он был удостоен ордена Ленина. А орденом Отечественной войны 1-й степени был награжден посмертно.

Оба партийных политработника не готовили это сражение и профессиональными военными никогда не были. Но совесть коммунистов не позволила им оставаться в жизни после такого чудовищного поражения. (Именно так была написана эта фраза в бумагах, которые дал мне Баграмян; хорошо помню эти слова). А высокопрофессиональный военный и «гениальный» полководец спланировал операцию, бездарно осуществил ее и за несколько дней сжег все танки шести мехкорпусов, потерял весь личный состав, остальные корпуса обескровил, но — не застрелился. А сел в самолет и улетел в Москву. Шевельнулась ли в его мозгу хоть одна извилина, отвечающая за совесть? Вопрос риторический...

У генералов Павлова, Кузнецова, Черевиченко такого неимоверного количества танков не было, и, проиграв сражение, они не бросили свои войска, свои разгромленные части и соединения, а разделили вместе с ними тяжкую участь отступления. Командующий войсками Юго-Западного фронта генерал-полковник Кирпонос, еще ранее осознавая свою беспомощность, поднял в атаку бойцов из роты охраны и погиб в бою с немцами...

Закончив читать отпечатанные листы и сложив их в папку, я вышел на веранду. Иван Христофорович был то ли в глубокой задумчивости, то ли даже дремал. Через одну-две минуты он открыл глаза и с сильным кавказским акцентом спросил: «Ну что, ты все понял?» Его черные глаза как-то потускнели. И он, грузно вставая с плетеного кресла, добавил: «Я много слышал о твоем начальнике. Он знает очень, очень много. Может быть, все... Потому я дал тебе прочитать...»

Этими словами он давал ясно понять, что знает, что я все-равно доложу о прочитанном своему начальнику. Затем подошел к буфету, вновь достал две небольшие бутылочки армянского коньяка, а из холодильника нарезанную колбасу на тарелочке. Мы выпили и закусили.

— Ты все понял, что прочел?

Ему хотелось убедиться, что я понимаю важность сведений.

— Иван Христофорович, из написанного можно легко понять, что у начальника Генштаба был какой-то скрытый и подлый мотив предать замысел Сталина, поведав о нем Гитлеру. Иначе как объяснить нашествие Гитлера на нашу страну? И как объяснить, что Сталин не расстрелял Жукова?

Казалось, моим вопросам несть числа, но Маршал Советского Союза жестом приказал замолчать и сказал:

— Ты прав. Если бы Сталин расстрелял Жукова, тень его предательства стала бы очевидной и упала бы на него самого. Но разве мог великий грузин подобрать на вторую должность в Красной армии подонка и предателя? Разве мог вождь ошибиться? Нет! Потому-то он и не возражал против казни Павлова и других генералов. Более того, он, все поняв, отошел, отсранился, отдал на откуп Жукову ведение всей кампании 1941—1945 годов. Словно говоря презренному: что сможешь, то и делай, а я посмотрю... Таково было решение вождя. Жуков и все мы, вся страна — от мала до велика, — как могли, как получалось, так и делали эту страшную войну...

И еще он сказал, показывая на стол:

— Вон там возьми зажигалку. И зажги свечу.

Я нашел свечу, зажег фитиль. После чего маршал стал один за одним поджигать листы бумаги. Каждый охваченный пламенем листок он бросал в принесенный мною из ванной ком-

наты тазик. По его приказу я спустил весь пепел в унитаз. Мы выпили еще по бутылочке золотистого армянского коньяка, я поднялся из кресла, не забыв громко поблагодарить Ивана Христофоровича за чудесно проведенный день и самое главное — за самый лучший в мире коньяк, который даже я, не будучи уроженцем Кавказа, могу по достоинству оценить. Маршал хлопнул меня ладонью по плечу и на прощание с характерным кавказским акцентом произнес: «Какой молодец, как хорошо превозносишь священные напитки, рожденные у подножия Арарата».

Время и последующее общение с высокопоставленными чиновниками нашей страны подтвердили аналитические размышления Маршала Советского Союза Ивана Христофоровича Баграмяна.

3

В середине 1968 года мне пришлось находиться на войсковой стажировке в Приволжском военном округе. Сама стажировка состояла из двух частей. Первая проходила вблизи города Саратова, в военно-авиационном училище. Вторая часть — в поселке Шиханы, в соединении военно-химических войск; однако там довелось мне встретиться не только с преподавателями и специалистами высшего Военного химического училища.

Недалеко находился полигон Вольского военного училища имени Ленинского Краснознаменного комсомола. Я познакомился с одним из офицеров-преподавателей, то был капитан 2-го ранга Игорь Васильевич Крутько-Цукровский, старший военно-морской начальник училища, готовившего помимо будущих офицеров тыла и специалистов материально-технического обеспечения для ВМФ. В свое время он долгие годы служил на Северном флоте в различных должностях штурманской службы. Перед назначением в Вольское училище занимал должность флагманского штурмана дивизиона охраны водного района (ОВРа) и заместителя командира части.

Нас, естественно, свело то, что мы оба были офицерами флота. Не мог я знать или предполагать, что по окончании учебы мне доведется служить на Северном флоте и именно в той военно-морской базе, в которой когда-то служил Игорь Васильевич. Финское название этой базы звучит красочно: Лиинахамари.

...Вторая моя встреча с полководцем Второй мировой войны Маршалом Советского Союза Иваном Христофоровичем Баграмяном произошла спустя почти 1,5 года после первой. Мы увиделись на одном из состоявшихся в Москве совещаний, участвовать в котором были приглашены все маршалы и генералы — ветераны минувшей войны, кто мог еще себе это позволить по состоянию здоровья. Завидев маршала, я возжелал засвидетельствовать свое почтение и напомнить о нашем давнишнем общении в госпитале. Приложив руку к козырьку фуражки, я приветствовал полководца, на что маршал сказал: «А-а, помню, помню...» и больше ничего не говоря направился в сторону таких же как он, высших чинов армии.

Однако по окончании дневного заседания ко мне подошел адъютант Ивана Христофоровича и сказал, что маршал ждет меня в салоне. Наш разговор начался с расспросов, как мои дела, где служу, чем занимаюсь... Отвечая, я вдруг вспомнил, что довелось мне как-то быть в одном из учебных заведений тыла, где увидел надпись на стенде в ленинской комнате, гласившую: «Во всякой победе 50% принадлежит тылу нашей армии, нет, чуть-чуть больше, чем 50%» и подпись: «заместитель Министра Обороны СССР по тылу — Начальник Тыла Вооруженных Сил СССР Маршал Советского Союза И. Х. Баграмян».

Судя по реакции военачальника, я понял, что ему было очень лестно. Он тут же поинтересовался, где это его цитировали и имелся ли там портрет? Портрет находился на отдельном стенде, где на фотографиях при всех регалиях и орденах красовались руководители Министерства обороны СССР и главнокомандующие видами Вооруженных Сил СССР. Я решил схитрить, перенеся фотографию маршала с этого стенда к тому, где имелась цитата. Маршал удовлетворенно хмыкнул, затем сказал: «Наверное, это ты видел в Вольском военном училище, ты ведь

говоришь, что был там. А ты знаешь, это я туда назначал начальника училища, моего старого помощника Николая Ивановича Гаретнина. Сейчас он работает начальником отдела туризма здесь, в Москве, в Министерстве обороны. Кстати, он живет недалеко отсюда, на Калининском проспекте и вроде бы собирается переехать на Мосфильмовскую, что-то там у него с дочерью». «А знаете, Иван Христофорович, когда я был в этом училище, я обратил внимание еще на одну фотографию, на которой генерал Гаретнин изображен в парадной форме со всеми наградами, но из трех имевшихся у него орденов Красного Знамени, под планочкой не было второго. Говорили, что он утерял орден на территории большого парка училища и что его нашел некий курсант Иван Паршиков, и когда курсант возвратил генералу его орден, тот сказал: вот вырастешь, сынок, до положения командующего войсками округа. А в то время войсками Приволжского военного округа командовал генерал-полковник Паршиков, однофамилец этого курсанта».

Услышав сказанное, маршал живо отреагировал: «А знаешь, капитан Иван Паршиков служит уже на должности подполковника в тылу Вооруженных Сил. Толковый офицер. Подожди, а-а, часом ты с ним не знаком? Или ты такой проницательный, что читаешь мои мысли?»

Я ответил, что мысли не читаю, но очевидно есть что-то такое в подсознании, что дает нам общую тему для разговора. «Наверное, ты прав», — ответил Иван Христофорович. И коротко рассказал о том, что Вольское училище специалистов тыла было организовано на базе бывшего Вольского командно-технического училища, точнее ракетного, которое было расформировано в связи с предательством сотрудника Госкомитета по внешне-экономическим связям полковника Пеньковского. «Я не знаю подробностей о предательстве этого человека, но может быть, благодаря всему случившемуся, если так можно сказать, у меня решилась проблема размещения военного училища. И многих из тех, кого мы туда определили на преподавательскую работу, я хорошо знаю... И сейчас там скорее против моей воли, — бывает и такое, — начальником училища после перевода Гаретнина в Москву назначен начальник штаба Кантемировской танковой дивизии полковник Владимир Федо-

рович Горюн, удостоенный недавно генеральского звания. Но зато другие офицеры — мои. Это заместитель начальника полковник Владимиров, полковник Донец, кстати, флотский офицер. Еще подполковник Баретдинов, капитан 2-го ранга Крутько-Цукровский, начальник цикла научного коммунизма полковник Макаров, начальник цикла иностранных языков Эмма Федорова. Есть там два о-очень интересных офицера, одного из которых жалуют курсанты, это подполковник Хорошев. А второго не жалуют, это — майор Нехорошев. Вот ведь как...»

Иван Христофорович замолчал, на его лице была благодушная улыбка, наверняка ему было приятно вспоминать этих офицеров. Крякнув, он сказал: «А ты знаешь, что осталось от ракетчиков? Там стоит высотное здание, чем-то оно напоминает мне элеватор. В нем стояла учебная ракета, смотрящая в зенит». Я ответил: «А вы знаете, Иван Христофорович, ведь до ракетного училища оно было авиационно-техническим...» — «А еще до войны, — тут же включился он, — оно было летное и сохранило почетное название Ленинского Краснознаменного комсомола». — «А когда оно было ВАТУ, от него остался средний бомбардировщик Ил-28, который служит основой для баек курсантов училища тыла».

Поговорив о приятных и малозначительных вещах, маршал вдруг сказал: «Скажи, ты меня все-таки любишь? Потому что если бы ты был подлый, после того нашего разговора мне бы не поздоровилось... Я вот тут сегодня встретил многих еще здравствующих своих бывших коллег по войне. Поговорили с ними, коснулись в разговорах темы войны и послевоенных событий... К лету 1945 года в нашей стране был один Генералиссимус Советского Союза и двенадцать Маршалов Советского Союза, которые в годы военного лихолетья командовали войсками фронтов. И когда она закончилась и фронты расформировали, встал вопрос о трудоустройстве сталинского маршалитета. Практически только Маршал Советского Союза Лаврентий Павлович не состоял в Советской армии, будучи наркомом внутренних дел. Да Семен Михайлович Буденный, хотя и числился в кадрах Вооруженных Сил, был на заслуженном отдыхе и более из-за возраста и болезней уже не претендовал на какую-либо реальную должность. Его лучший друг Клим Воро-

шилов занимался вопросами культуры, кинематографа, курировал прессу и радио. И продолжал еще через своего порученца генерал-лейтенанта Руду Хмельницкого заниматься вопросами трофейного комитета. Ясно было, что ему не светила какая-либо серьезная военная должность, но к кормушке ЦК он был пристроен. Оставалось девять маршалов.

Конечно, вождю такого количества маршалов в Москве иметь было не нужно. Ему нужен был умный, дипломатичный, со светлой головой полководец. Таким он считал, и не без оснований, кавалера двух орденов «Победы», достойно заслужившего эти награды, дважды Героя Советского Союза Маршала Советского Союза Александра Михайловича Василевского. Пожалуй, самого талантливого из всех нас. Александр Михайлович обладал феноменальной памятью, владел неопровержимой логикой и мощным аналитическим мозгом.

Как известно, минувшая война прошла не по сценарию, задуманному Сталиным и разработанному гениальным военным аналитиком маршалом Шапошниковым. Он, по состоянию здоровья практически до самой смерти в феврале 1945 года не занимавшийся никакими военными делами, более не мог выполнять функции главного советника вождя. По его рекомендации функции эти на протяжение 1941—45 гг. выполнял генератор всех идей войны Василевский... Должен тебе заметить, что Жуков на должность Главного военного советника Сталина подходить не мог. У него были слабые умственные способности, аналитик с него был никудышный.

Мне как-то говорил Рокоссовский, что еще в конце ноября 1930 года, когда он был командиром соединения, в подчинении у него служил Жуков, так он написал тому в аттестацию: «На штабную и преподавательскую работу назначен быть не может — органически ее ненавидит, совершенно ее не признает и абсолютно не понимает работу оператора или военного человека, который способен обосновать теоретически любую военную идею»... А ведь штаб, как говорил Борис Михайлович Шапошников, это —мозг, и любая часть или соединение без штаба — это безмозглая толпа командиров и солдат...

И еще тебе скажу: на это совещание не пришли только те, кто лежит в кремлевке или госпитале. А маршалы, даже те, что

не здоровы, все здесь. Но вот Жукова нет. Он себя держит высоко, но не потому что умнее всех, а потому что он человек неграмотный и в военном мышлении и в поступках... О нем некоторые подхалимы, в том числе и наш знаменитый писатель Константин Симонов, утверждают, что он крупнейший военный мыслитель всех времен и народов. Но ведь он не написал ни одной осмысленной строки в том или ином приказе на войне.

На штабной работе он был всего полгода и то на должности начальника Генштаба, а чем обернулась его деятельность на этом посту, мы с тобой уже говорили. Так вот, после войны такой полководец Сталину в Москве не был нужен. Сталин сделал правильный выбор, оставив себе одного Александра Михайловича. Ну а всех остальных маршалов надо было определять на должности. После завершения войны в освобожденных от фашистов странах для установления советской власти были оставлены войска Вооруженных Сил СССР и созданы группы войск. Вот Сталин и принял решение этих бездельников с титулами Маршалов Советского Союза отправить туда вершить дело коммунизма. Ворошилова отправил в Венгрию, Толбухина оставил в Болгарии, Рокоссовского определил на пост министра обороны Польши с присвоением ему звания Маршала Польши. Конева — в Австрию, Тимошенко назначил командовать последовательно Барановичским, Белорусским, Южно-Уральским и снова Белорусским округами, вплоть до 1960 года. Правда, я должен заметить, что Семен Константинович, как в годы войны, так и после практически не выезжал из Москвы, прокомандовал этими округами с улицы Грановского, 3. Толбухина вскоре вернули в Закавказский военный округ, Конева — в Прикарпатский военный округ, а «хитрый ярославец» Кирилл Мерецков последовательно командовал Приморским, Московским, Беломорским и Северным военными округами. Малиновский — Забайкальским, потом Дальневосточным...

А вот Жукова Сталин назначил на свой самый дорогой плацдарм Второй мировой войны — в Германию. Мол, попробуй, построй там социализм, докажи свою состоятельность после рейха... скажу тебе по правде, хитрый грузин знал что делал. Он всегда, чтобы показать несостоятельность Жукова, ста-

вил перед ним заведомо сложные задачи. Сталин не считался с тем, что у такого самодура погибнут миллионы и миллионы людей, — бесцельно, абсурдно, нелепо — именно для таких дел и годился Жуков, чтобы показать кто есть кто. Слушай внимательно: Сталин знал, Сталин предвидел, что все-равно когда-нибудь наступит время и за свои деяния он будет нести ответственность, но не только он, а и его кровавый исполнитель Жуков, удостоенный высших полководческих наград. Этим противоречием Сталин заложил бомбу замедленного действия, может быть, на десятилетия или на столетия... но... правда выплывет наружу...

...После войны — главнокомандующий Группой советских войск в Германии и главноначальствующий Сов. администрации (июнь 1945— март 1946), главнокомандующий Сухопутными войсками и зам. министра вооруженных сил (март — июнь 1946). В 1946—53 командующий войсками Одесского и Уральского военных округов. С марта 1953 1-й зам. министра, а с февр. 1955 по окт. 1957 министр обороны СССР. С марта 1958 в отставке...

Жуков не справился в Германии с возложенными на него обязанностями. Грабеж немцев, насилие женщин достигли запредельных высот на немецкой территории. И неудивительно, ведь Жуков сам был разбойником с большой дороги и эшелонами вывозил материальные ценности в свои личные закрома. И способствовали ему в этом его закадычный друг генерал Крюков, а также заместитель наркома внутренних дел, начальник управления особых отделов 1-го Белорусского фронта, затем Группы советских войск в Германии, Герой Советского Союза генерал-полковник Иван Серов (кстати, по истечение времени я узнал, что он стал генералом армии).

Жуков как бы мстил немцам своим разбоем и грабежом за то, что фашисты грабили наш народ...»

Иван Христофорович сделал паузу, тяжело вздохнул и каким-то не своим голосом произнес: «Чем же тогда он, да и, пожалуй, все мы отличаемся от фашистов? ...Ничего удивитель-

ного, что в 1945 году в Германии солдаты и офицеры нашей армии так себя вели. Ведь точно так же они вели себя при оккупации Львова в 1939 году, в Риге, Таллине, Вильнюсе в 1940-м, в Польше... Мы вели себя в оккупированных странах не лучше, чем фашисты. И я всегда задаю себе вопрос: откуда взялся Гитлер? Откуда эти подонки, которые пришли на нашу землю? И мне страшно становится от мысли, что это мы, — слышишь? мы! — способствовали приходу Гитлера к власти. Мы готовили летчиков люфтваффе в Липецке, танкистов — в Казани, химиков и артиллеристов — в Саратове. Мы разрешили немецким конструкторам проектировать и строить свои подводные лодки в Ленинграде. А конструкторов Мессершмидта и Юнкерса допустили в конструкторские бюро советской авиации в Филях, в Жуковском...

...Я хорошо понимаю, где ты служишь... и понимаю, чем занималась твоя организация, когда тебя еще на свете не было... народ не знал, что твой штаб Мировой революции готовил та-а-акие дела, о которых ты еще даже не догадываешься. Хотя должен заметить, что народу и не обязательно это знать. Хотя... все это нехорошо... потому что если народ соглашается с подобными делами, то он невольно превращается в соучастника этих дел...

Еще за десять лет до твоего рождения установились очень хорошие отношения наших, советских военных и партийных работников с офицерами вермахта и партийными функционерами национал-социалистической партии. А всякий приезд к нам министра иностранных дел Германии Иохима фон Риббентропа помимо политических решений давал импульс нашим людям называть рождающихся у них детей Адиками, Адольфами; то же случалось и воинских гарнизонах, когда нас посещали офицеры вермахта...

И не надо удивляться тому, что случилось после завершения боев в Германии... Мародерство и спекуляция легко были приняты и солдатами, и офицерами, и генералами. Коли этой дармовщинкой занимался сам «великий» полководец Жуков. Его военный «гений» никак не мог совладать с обуявшей его сверхжадностью. Это видели окружавшие его генералы, солдаты, слухи об этом расходились до самых отдаленных гар-

низонов нашей армии. И даже его надсмотрщик от ЦК ВКП(б), недавний член Военного совета 1-го Белорусского фронта, а ныне заместитель главноначальствующего Советской военной администрации и главнокомандующего Группой советских войск в Германии Маршала Советского Союза Жукова генерал-лейтенант Константин Федорович Телегин не в состоянии был проконтролировать всю преступную деятельность «великого» полководца.

Махнув на все рукой, Телегин в конце концов сделал вид, что не замечает разбоя Жукова, и сам соблазнился на чудовищное воровство. А чтобы все было шито-крыто, Жуков ему порекомендовал брать... как можно больше, ведь накормить надо наворованным и московских начальников, то есть «крышу». Сам Жуков крышевал многих генералов, заворовавшихся на фронте и в оккупированной Германии.

И когда генерал Телегин, надсмотрщик ЦК партии, оказался в камере под следствием, и следователи рвали клещами его кожу и подтягивали крюком за ребро к потолку, то Константин Федорович быстро признался и в своих, и в жуковских злодеяниях... так что спустя годы ему не стоило выдавать себя за жертву сталинского беспредела, обиженный, понимаешь ли... праведник...

...Имея почти неограниченную власть, Жуков среди своих подхалимов тогда, в Германии, создал мощную структуру связей и блата, дотянув нити до окружения Сталина. Расплачивался награбленным у немцев добром. Это было неслыханное богатство для страны, где на десятилетия затянулась нищета всего народа, где в 1947 году разразился чудовищный голод...

На XX съезде Хрущев решил раскрутить Сталина, придумав пресловутый культ личности с целью повесить всех собак за провалы социалистического строительства, за массовые аресты советских людей, неимоверный размах насилия и нищеты в стране, чудовищные катастрофы на фронтах минувшей войны на него одного... перед которым сам недавно угодливо смиренничал... на недавнего вождя...

Тем самым Никита решил отмазать себя от этих злодеяний...

Толпа, восхвалявшая Сталина, все эти лизоблюды, уцелевшие после стольких страшных лет, единодушно и единогласно бросилась восхвалять нового вождя.

Им всем нужна была амнистия; они не желали быть причастными; не хотели отвечать за свои собственные преступления...

И охотно, все как один подписались, что это Сталин виновен во всех мыслимых и немыслимых грехах.

Как же все хотели быть чистыми в глазах народа и истории. Первыми побежали к новой кормушке Телегин и Серов, а вот Георгия Жукова-то не позвали... Хотя он очень старался на XX съезде отпустить свою грозную оплеуху мертвому Сталину. Но пройдет еще несколько месяцев, и в 1957 году Никита его выбросит. С тех пор он и стиснул зубы, и воспрял лишь когда в октябре 1964-го Никиту скинули».

Баграмян умолк и устало улыбнулся. «Да он просто военный диссидент!» — с неким восхищением думалось мне. Конечно, многое из того, что говорил Иван Христофорович, мне было давно известно, однако подобные мысли не озвучивались просто так, нигде и никогда... Отдышавшись, мой собеседник продолжил рассуждения. Я внимал его фразам, его мыслям, в то время как мой мозг, словно тренированная адская машина, фиксировал, запоминал и сопоставлял.

«...Вождь понимал, что при социализме номенклатурных работников необходимо регулярно менять. Это был неписаный основной закон социалистического государства. Причем всех снятых с работы высокопоставленных чиновников необходимо было немедленно истреблять. Особую рубку вождь устроил в 1937 и 1938 годах. Армия была вычищена от жуликов среди высших военных чинов, НКВД — от зарвавшихся чекистов, а Центральные Комитеты партии — от заевшихся партийных вождей. Новые выдвиженцы быстро освоились в обстановке всеобщего страха и террора и... так же, как их истребленные предшественники, продолжали обкрадывать свой и без того уже нищий народ.

Так что обвинения, обрушиеся на XX съезде в адрес усопшего диктатора, в том, что он расстреливал людей без разбора, не выдерживают никакой критики. Потому что если посмотреть внимательно и непредвзято, получится, что Сталин вряд ли зря карал. Да и волю его, как закоперщика, охотно выполнял не только один заклятый враг народа Берия, но и те же Хрущев, Булганин, Жуков, Каганович, Серов, да и секретари ЦК компартий республик, и первые секретари крайкомов, обкомов, райкомов, — каждый на своем уровне. Старались друг перед другом... зверье... Теперь же они дружно повернули свои персты в сторону Сталина: это он во всем виноват, а мы лишь его невинные жертвы...

Предавали и воровали не только в войну и после. Страна была разворована и предана номенклатурной челядью задолго до 22 июня 1941 года.

Процесс разложения настолько вошел в норму, что это стало правильным, даже нормативно-обоснованным. Так что у меня невольно возникает вопрос: что, — разбой, хищение, предательство, облаченные в рамки социалистической законности, стали нормой жизни всех, кто попадает в обойму номенклатуры? Этому обогащению служат нефть, газ, золото, уран, марганец, никель, лес, — все неисчислимые богатства, которые природой даны нашему народу, а принесшие ему неисчислимые страдания и нищету...

...Мне кажется, что Сталин все видел и понимал. Он принял решение главного бандита нашей армии перевести в Москву. Это для него он приказывает ввести в штат министерства обороны должность главнокомандующий Сухопутными войсками. Нужна ли эта должность? Ведь министр и начальник Генштаба через своих офицеров в управлениях передают директивы и приказы прямо в военные округа, которыми командуют достаточно неплохие генералы и промежуточная должность главкома, по их мнению, не нужна. Они не могли предположить, что Сталину такую должность надо было придумать, чтобы тихо убрать Жукова из Германии и после без шума схватить мародеров и грабителей в Германии.

В Москве Сталин не задержал Жукова и отправил его командовать войсками второстепенного Одесского военного округа... В то время в коридорах власти ходила крылатая фраза, приписываемая вождю: «Много их развелось, маршалов».

Так вот, всех их Сталин и разогнал по стране... Это был второй круг расплаты...

Расскажу тебе одну байку. На новый, 1947 год, Жуков, бросив штаб и войска в Одессе, вылетел в Москву, чтобы встретить праздник со своей женой Александрой Диевной и с генералом Телегиным с супругой. В тесной компании была еще одна женщина, мать Жукова. После традиционного тоста Жуков уселся в кресло и неожиданно для всех горько зарыдал. Его мать вязала в руки платочек и вытерла слезы своему великовозрастному сыночку. О чем он плакал? Это было непонятно... А я думаю, рыдал он оттого, что всю недавнюю войну Сталин держал его на второй в стране должности, а тут на тебе, — такие пробросы... Но, в конце концов, не только ведь он оказался в такой ситуации, все маршалы были понижены, великое множество генералов и офицеров армии ввиду резкого сокращения Вооруженных Сил, были просто уволены в запас. И это естественно. Держать многомиллионную армию крайне накладно в стране, разоренной войной. Да и в Новый год не слезы лить надо... А если вокруг в новогоднюю ночь не множество подхалимов, как это было при апогее его военной карьеры, а только близкие... так и радуйся, ведь это, говорят, праздник семейный. Да и кто тебе виноват, что чарку не с кем выпить?

А тут в середине ночи к нему неожиданно приехали старые друзья — артистка Лидия Андреевна Русланова и ее муж генерал-лейтенант Крюков, закадычный друг маршала в годы войны. Тогда многие после этого Нового года рассказывали, что Лидия Андреевна, человек исключительно чувствительный, сразу уловила настроение маршала, развернула большой пакет и по-барски бросила на стол подстреленных тетеревов. «Я желаю тебе, дорогой Георгий Константинович, чтобы так выглядели все твои враги».

Иван Христофорович замолчал, и после долгой паузы я решил нарушить затянувшееся молчание.

«Простите, Иван Христофорович, но друзья и родственники у Жукова и впрямь глупые. То, что вы сказали, это еще не вся правда. А правда в том, что особняк Жукова полностью прослушивался и снимался скрытыми камерами с разных точек. И вся болтовня в ту новогоднюю ночь, как и в последующие дни в Москве, в Одессе ли, а позже в Свердловске в бытность его командования войсками Уральского военного округа, прослушивалась и записывалась... Что же касается врагов Жукова, то вы, Иван Христофорович, наверное знаете, что их было двое. Один — министр государственной безопасности, в то время генерал-полковник Абакумов Виктор Семенович, который занимался преступными деяниями, проще говоря, разбоем и воровством Жукова, Телегина, Серова и их окружения. А вот второй злодей и враг Жукова, которого Лидия Андреевна пожелала увидеть с простреляннной, как у тетеревов, головой, — это товарищ Сталин».

Маршал мгновенно среагировал на мои слова.

«Понятно, ты знал об этом... точнее, слушал записи, которые у твоего босса... Вот ты моряк, и здесь их собралось немало, но самого интересного человека среди них сегодня нет. Это бывший Адмирал Флота Советского Союза, ныне вице-адмирал в отставке Николай Герасимович Кузнецов. Я не моряк и флота не знаю, хотя о нем мне много рассказывал такой же, как я, армянин Адмирал Флота Советского Союза Иван Степанович Исаков... Но ты можешь поинтересоваться у своего босса».

...Я интересовался многим, слишком многим; а всем, что касалось ВМФ, — в первую очередь. Естественно, не мог я обойти вниманием и выдающегося советского флотоводца Николая Герасимовича Кузнецова.

Через несколько лет после смерти Сталина Жуков достиг вершины своей воинской власти и возглавил Министерство обороны СССР. Главной для него задачей на этом посту было разделаться со всеми неугодными ему людьми в армии и на флоте. Не меньшим, а скорее большим препятствием на этом пути был Первый секретарь ЦК КПСС Хрущев. Жуков был вы-

нужден делить руководство с ним, как с руководителем партии, но сам пост позволял ему, — нет, скорее обязывал — бывать в военных округах и на флотах. Особое неудовольствие вызывали визиты на флота. Результатом этих поездок было изгнание из Военно-Морского флота и лишение воинских званий без пенсий большого количества старших офицеров. Как правило, занимавших должности командиров кораблей 1 и 2 рангов, — т.е. основы совесткого ВМФ.

Зверевший в мгновение ока Жуков в буквальном смысле срывал погоны с офицеров, адмиралов и генералов, с криком и бранью обрушиваясь на этих людей. Он обвинял их в том, что они зажрались на своих стальных коробках и прятались в каютах за броневыми переборками от настоящей войны. И что офицеры флота только и способны делать, что красоваться свой формой перед женщинами. Между тем, практически все изгнанные с флота офицеры и адмиралы прошли всю войну на боевых кораблях.

Обычно рабочий день Жукова продолжался 10—12 часов практически без перерывов, а на то, чтобы исковеркать судьбу офицера, тратилась минута-другая. Известно, что после таких глумливых разборок он устраивал пьяные оргии и занимался развратом.

Штаб ВМФ — из всех штабов видов вооруженных сил — был единственным, который Сталин после войны не поменял; еще с довоенных лет и до последнего дня войны возглавлял флот Николай Герасимович Кузнецов. Так же на протяжение четырех лет войны практически не сменили ни одного командующего флотом. Разве что короткое время после освобождения адмирала Филиппа Сергеевича Октябрьского (Иванова) должность командующего Черноморским флотом исполнял адмирал Леонид Владимирский. Но затем Октябрьский был вновь возвращен в Севастополь.

За время руководством Министерством обороны СССР Жуков побывал на Северном и Черноморском флотах, а вот на Балтийском и Тихоокеанском не успел. Во время этих двух поездок он устроил настоящий разгром офицерскому корпусу двух флотских объединений. Но разгром он начал с Главного штаба и управлений Главнокомандующего ВМФ.

После гибели в октябре 1955 года в Севастополе линкора «Новороссийск» Адмирал Флота Советского Союза Н. Г. Кузнецов был вызван к министру обороны СССР Маршалу Советского Союза Г. К. Жукову и в буквальном смысле был им практически размазан. А ведь Николай Герасимович еще не отошел от перенесенного им инфаркта миокарда, случившегося за полгода до трагедии на Севастопольском рейде. Известно, что в связи с ухудшившимся здоровьем 1-й заместитель министра обороны СССР Главнокомандующий ВМФ Кузнецов находился на длительном излечении, но несмотря на это правительственная комиссия поставила ему в вину гибель боевого корабля и большей части личного состава.

Впоследствии в своей записке в ЦК КПСС Кузнецов писал, что был вызван бывшим министром обороны Жуковым и в течение 5-7 минут «в исключительно грубой форме мне было объявлено о решении понизить в воинском звании и уволить из Вооруженных Сил СССР без права на увольнение. После чего меня никто не вызывал для уведомления об увольнении. Представитель главного управления кадров в мое отсутствие принес и оставил на квартире документы об увольнении...»

Николай Герасимович рассказывал о том, что его буквально пытались раздавить. «Без вызова к руководству страны, без дачи объяснений, и даже без предъявления документов о моем освобождении я был отлучен от Военно-Морского флота. Маршал Жуков в грубой, присущей ему форме общения, объявил что снят с должности, понижен в звании до вице-адмирала.

На мой вопрос: на основании чего и почему это сделано без моего вызова, усмехнувшись, ответил что это совсем не обязательно..»

Судьба этого человека уникальна и по-своему трагична. В 1939 г. Сталин назначил его народным комиссаром Военно-Морского флота, он был избран кандидатом в члены ВКП(б).

В то время Жуков вернулся из Монголии в звании комкора.

В конце войны, в 1945 г. Кузнецов был удостоен высшего военно-морского звания Адмирал Флота Советского Союза в возрасте 41 года. Помимо него и начальника Главного морско-

го штаба Исакова этого звания был удостоен и руководивший флотом в течение 29 лет Сергей Георгиевич Горшков.

Если сравнивать бывшего наркома, главкома, министра ВМФ с бывшим министром обороны СССР Жуковым, то по степени одаренности, образованности, корректности и культуре Николай Герасимович несказанно выше. Кузнецов хорошо закончил военно-морское училище, и отлично — Военно-морскую академию, свободно владел четырьмя языками: английским, немецким, французским, испанским.

В то время как язык Жукова был косноязычен и все, что он умел хорошо, так это материться. Его образование ниже начального, так и зафиксировано в автобиографии: «Образование 4 класса и кавалерийские курсы». На курсах будущего «гениального» полководца учили посылать бойцов Красной армии на смерть. Это о нем как-то Хрущев сказал: «Он посмотрел на меня и реагировал русской словесностью довольно крепкого концентрата и резкого содержания». Жуков изгнал из Вооруженных Сил, понизив до вице-адмирала флотоводца Кузнецова, равного ему в воинском звании, хорошо зная, что перечить ему никто не будет, в том числе и сам Хрущев. Еще многих в статусе адмиралов ждала не менее жестокая судьба.

О жизни выдающегося флотоводца Николая Герасимович Кузнецова «БСЭ» рассказывает примитивно; впрочем, как и книги тех советских лет. Сомневаюсь, что и сейчас о нем рассказано все.

Его жизнь можно вкратце разложить по периодам. Первый: становление будущего флотоводца и начало его флотского пути, курсантские годы, работа в Испании, затем служба на Тихоокеанском флоте. Второй: пребывание в должности наркома Военно-Морского флота с 1939 по 1941 год. Третий: деятельность на посту руководителя ВМФ в период войны. Становление его как зрелого государственного деятеля, сформировавшегося флотоводца со своими концептуальными и системными взглядами на роль развития флота и его места в политической системе страны и Вооруженных Сил. Четвертый: с 1946 по 1951 год — говорит о решении им проблем послевоенного кораблестроения, а также изобилует желанием многих

армейских военных руководителей отодвинуть его из ближнего круга общения с главой государства по вопросам организации флота и управления его силами. В результате нападок со стороны этих лиц Главнокомандующий Военно-Морскими Силами был освобожден от занимаемой должности и привлечен к «суду чести». Затем материалы суда были переданы в суд Военной коллегии СССР, которая под председательством Маршала Советского Союза Леонида Александровича Говорова постановила ходатайствовать перед правительством СССР о понижении Николая Герасимовича на три ранга в воинском звании до контр-адмирала. Пятый период иначе как расправой над выдающимся флотоводцем России XX века не назовешь. Период этот охватывает 1951—56 годы.

В 1951 году судьба вновь вернула его на круги своя. Сталин, понимая необходимость и сложность идеи создания «большого флота» с ядерным оснащением, возвращает Николая Герасимовича на должность Военно-Морского министра. Вождь в полной мере осознает, насколько во главе строящегося нового флота ему необходим человек прогрессивный, независимый, государственного масштаба и кругозора. Человек, глубоко понимающий особое значение флота в истории нашей страны, способный отстаивать интересы боевой готовности вверенного флота.

11 мая 1953 года Н. Г. Кузнецов уже к этому времени получивший воинские звания вице-адмирал, адмирал, восстанавливается в прежнем звании адмирал флота. А 3 марта 1955 года в это военно-морское звание вносится поправка: оно стало именоваться Адмирал Флота Советского Союза. Николаю Герасимовичу вручаются Маршальские знаки отличия — «Маршальская звезда» и Грамота Президиума Верховного Совета СССР о восстановлении (присвоении) его в военно-морском звании Адмирал Флота Советского Союза. Естественно, после такого внимания со стороны руководства страной Николай Герасимович с большой энергией и воодушевлением берется за работу с целью создания сбалансированного военно-морского флота. Он убеждает руководство ЦК партии и правительства в необходимости установки на надводные корабли и береговые части Черноморского флота первых образцов ракетного оружия,

оснащения одной из больших дизельных подлодок баллистическими ракетами, начала работ по созданию в СССР первой атомной подводной лодки.

Но его энергичные действия столкнулись с непониманием проблем флота новым руководителем партии и страны Хрущевым, только-только пришедшим к власти. Кузнецов неоднократно высказывал тому свое негодование безответственным отношением Первого секретаря ЦК КПСС к флоту. Не добившись позитивных сдвигов, он подает рапорт с просьбой освободить его от должности Главнокомандующего ВМС — Первого заместителя министра обороны СССР. И обращается в ЦК КПСС о выводе его из его состава.

Эти обращения вызвали негодование в руководстве Центрального Комитета и... глубокое удовлетворение у министра обороны СССР Маршала Советского Союза Жукова, всегда питавшего особое презрение и ненависть к флоту и, в частности, к Николаю Герасимовичу.

Все это вызвало серьезное заболевание у Кузнецова и он оказался на госпитальной койке.

Но предлогом для окончательной расправы над Адмиралом Флота Советского Союза Кузнецовым становится катастрофа линкора «Новороссийск» в Севастополе, происшедшая 25 октября 1955 года. В возрасте 51 года Николай Герасимович был понижен в воинском звании до вице-адмирала и уволен из Вооруженных Сил без права на восстановление.

После этих событий начинается шестой период в его жизни: деятельность при нахождении в отставке. Это — работа над переводами, очерками, книгами, переписка с сослуживцами, адмиралами В. А. Алафузовым, Ю. А. Пантелеевым, Л. А. Владимирским, И. С. Исаковым и др., его письма в ЦК КПСС и правительство, обращения бывших сослуживцев и военных моряков с просьбой восстановить справедливость.

Справедливость действительно восторжествовала, но пришла она после кончины великого русского флотоводца — в 1988 году Указом Президиума Верховного Совета СССР, подписанного его председателем известным советским дипломатом Андреем Андреевичем Громыко, Николай Герасимович Кузнецов был восстановлен в высоком звании Адмирал Флота

Советского Союза. Его имя присвоено основанной Петром Великим Военно-морской академии в городе Санкт-Петербурге и тяжелому атомному авианесущему крейсеру Северного флота.

В июле 1997 года в Москве был создан Общественный Фонд Памяти Адмирала Флота Советского Союза Н. Г. Кузнецова, президентом которого единогласно избрали Владимира Николаевича Кузнецова, младшего сына Николая Герасимовича и Веры Николаевны.

В нашей стране в XX веке было немало заслуживающих внимания флотоводцев. Но, пожалуй, только Николай Герасимович Кузнецов достоин того, чтобы его имя стало в один ряд с именами блестящих русских адмиралов: Петром (Романовым) Великим, Федором Матвеевичем Апраксиным, отцом и сыном Самуилом (Сэмюэлем) Карловичем и Алексеем Самуиловичем Грейгами, Федором Федоровичем Ушаковым, Павлом Степановичем Нахимовым, Владимиром Алексеевичем Корниловым, Иваном Константиновичем Григоровичем, Л. Ливеном, Николаем Оттовичем Эссеном, Александром Васильевичем Колчаком...

Рассказывают, будто близкие Жукову люди говорили, что тот был доверчивым и даже сентиментальным. Возможно, это и так. Ведь он демонстративно плакал не только в новогоднюю ночь, но и на Киевском вокзале в канун войны.

Известно и то, что рейхсфюрер СС Гиммлер как-то посетил концентрационный лагерь Бухенвальд и после увиденного свалился без сознания. Надо полагать, тоже был сентиментальным.

У Гиммлера и у советского палача Жукова было слишком нежное сердце.

Но не был Жуков добреньким и сентиментальным, когда устраивал кровавые расправы над полковниками, генералами и адмиралами, когда шашкой рубил в гражданскую войну русских мужиков на полях России, когда подписывал приказы о массовых расстрелах советских людей и изгнании их с насиженных земель.

Многие говорят, что он обладал огромной силой воли. Восхищаются даже тем, что громко орал и, не раздумывая, бил физиономии подчиненным. Но восхищаются те, кто не попадал под его яростный кулак.

Даже по происшествии десятилетий после его смерти восхищаются...

А вот тот, перед кем он сам преклонялся до 1953 года — Сталин — ни на кого не кричал, по физиономии никому не давал, добреньким дяденькой, правда, не выглядел, но и сопливо плачущим тоже его никто никогда не видал...

Штрихи к жизнеописанию «великого» полководца добавили две встречи с простыми солдатами Второй мировой войны, поделившимися со мной тщательно хранимыми долгие годы воспоминаниями. Первый — сержант Иван Черный, прошел всю войну и чудом уцелел, имел две медали: «За оборону Севастополя» и «За победу над Германией». На первой изображен солдат в каске и матрос в бескозырке. На второй профиль вождя, смотрящего на Запад. Второй солдат — сержант Иван Кузнецов — моложе его, был призван в 1944 году, но имел медалей больше: «За победу над Германией», «За взятие Будапешта», «За боевые заслуги».

Первый демобилизовался в 1946-м, второй — в 1954-м.

Первый после демобилизации ехал из Германии и попросил солдата-шофера подвезти его до станции. По дороге остановились, разговорились, выпили. И шофер настолько захмелел, что во время движения заснул за рулем, машина стала вилять и, чтобы она не свалилась в кювет, Иван вывернул руль и — надо же такому случиться, — стала поперек проезжей части. К тому же в баке закончился бензин и «захар» (ЗИС-105) ни с места. У Ивана еще болела рана, полученная в последние дни войны и сил столкнуть машину на обочину не хватило. Он взял вещмешок, скатку шинели и пошел вдоль дороги в сторону предполагаемой станции. Но не успел сделать и десятка шагов, как перед ним появился легковой ЗИС, из которого выскочил офицер, и, напирая, нещадно выматерил за то, что тот бросил машину, пригрозив, что если не уберет, то его расстреляет. Сержант пытался сказать, что это не его машина, но вдруг

из легкового автомобиля вышел человек в форме с маршальскими погонами и широкими красными лампасами на галифе, заправленных в начищенные хромовые сапоги.

Иван узнал человека с портретов, в сознании пронеслась: Жуков. И тут же крепкий кулак обрушился ему на переносицу. Словно во сне он видел как над ним мелькнули ноги маршала, но несколько ударов в область живота отключили его сознание. Очнулся Иван в камере. Через некоторое время за ним зашли сержант с пистолетом и боец с автоматом. Они ввели его в какое-то помещение, где ему было зачитано решение трибунала. Иван запомнил только слова: за дерзость, пререкания и не выполнение приказа — 10 лет лагерей и 5 лет поражения в правах.

После зачитки приговора к офицеру трибунала подошел какой-то лейтенант и сказал, что транспорта нет и что если товарищ майор не возражает, то осужденного можно отправить в штабном автобусе. В автобус Ивана ввели в сопровождении все тех же красноармейца-автоматчика и сержанта. Впереди сели майор, два каких-то лейтенанта и два заседателя-сержанта, а за рулем — пожилой старшина. Автобус тронулся. Проехав несколько километров, Иван увидел в окно надпись на щите: «Объезд, заминировано».

Старшина-шофер свернул на объездную дорогу и... дальше Иван не мог ничего вспомнить. Вместо сидевших впереди людей и водителя он увидел огромную оранжевую вспышку. Казалось, она доставала до неба.

Когда сержант пришел в себя и открыл глаза, увидел что лежит на поросшем мелким кустарником пригорке. Недалеко виднелась глубокая воронка, а там, где был щит с надписью, валялось переднее колесо от автобуса. Иван, до этого никогда не веривший в Бога, неумело перекрестился правой рукой, встал, сильно ломило спину, вещмешка не было, и, удивительное дело, сам того не зная он стал что-то искать, пока не увидел планшет. Раскрыв его, он обнаружил какие-то бумаги, красноармейскую книжку и две выписки. Одна гласила о том, что он Иван Черный, демобилизован в соответствии с Указом Президиума Верховного Совета Союза ССР. Вторая выписка гласила о том, что ему впаяли 10 лет. Иван снова перекрестился, изо-

рвал ее в мелкие клочья, затем, бросив на землю, зло растер сапогом. И с облегченной душой пошел на станцию.

Через несколько дней он приехал к своим родным в деревню Дуванкой, что под Севастополем. А вскоре женился на вдове погибшего солдата Клавдии Брюхановой. Которая была родной сестрой другого солдата — сержанта Ивана Кузнецова.

Этот Иван, призванный как и все ребята 1927 года рождения в 1944 году, продолжал несение действительной военной службы вплоть до 1954 года. Т.е., когда полноценно можно было сменить личный состав Советской армии.

Служба его после завершения войны проходила в городе Балта в Молдавии. Иван был командиром артиллерийского взвода, а значит, состоял на офицерской должности. Однажды довольно морозным зимним днем он заступил начальником караула; вместе с ним в этом наряде был весь его взвод. К ночи он почувствовал озноб и вдруг дикая боль пронзила его шею ниже затылка.

Он расстегнул воротник гимнастерки, взглянул в зеркало и увидел, что белый подворотничок окровавлен. Пальцем он нащупал болевшее место и понял: чирей. По всему чувствовалось, что температура поднимается, но Иван решил в медсанчасть до утра не обращаться. К тому же там уже никого и не было. Чтобы облегчить боль, он оставил воротничок гимнастерки расстегнутым.

Около трех часов ночи ему пришла мысль проверить несение наряда. Только он об этом подумал, как внезапно отворилась дверь караульного помещения и перед глазами Ивана оказался коренастый с бычьей головой командующий войсками Одесского военного округа Маршал Советского Союза Г. К. Жуков. Первой фразой его было: «Ты что, мудак, так встречаешь маршала с расстегнутым воротником?», затем перед глазами мелькнул маршальский кулак. В одно мгновение Иван натренированной рукой поймал его руку, но приема не провел, а лишь с силой остановил удар. На какое-то мгновение маршал как бы растерялся, но затем, повернувшись к сопровождавшему его генерал-полковнику В. Н. Кончицу, гаркнул: «Посадить его на 20 суток!» Генерал, очевидно успел рассмотреть что на

шее у сержанта кровавит фурункул, и попытался объяснить ситуацию, но маршал не захотел слушать и рявкнул: «Кончиц, еще одно слово, и будешь сидеть на губе с этим дураком!»

...Иван пришел в себя только после того как в караульном помещении никого не осталось. Буквально через минуту-другую дверь отворилась и вошел командир полка. Откуда он мог оказаться здесь среди ночи, Иван не успел подумать. Командир артполка был в кителе, с которого были сорваны оба погона. Полковник все пытался броситься на сержанта с хриплыми криками, дескать, я тебя, сука, сгною... за то что не встретил маршала как следует...

Иван не стерпел. Напряжение последних минут вывело его из себя и тренированным приемом он буквально швырнул полковника в дверь. Очевидно, боль отрезвила сознание офицера и он уже спокойней сказал: «Сержант Кузнецов, я должен тебя отправить на гауптвахту». А после совсем миролюбиво добавил: «Ерунда все это, сержант, тебе 20 суток. А меня без пенсии из армии. Хорошо что хоть не в тюрьму».

В 1954 году сержант Кузнецов уехал в Дуванкой под Севастополь. И после дружной семейной попойки по случаю возвращения второго, сержанты Советской армии, исполнившие священный долг перед Родиной, вдруг выяснили, что они — крестники главного и единственного победителя в войне Маршала Советского Союза Жукова...

4

Повезло ли этим двум солдатам Второй мировой войны, сержантам Ивану Черному и Ивану Кузнецову? Наверное, да. Ибо дальнейшая их жизнь, невзирая на общие трудности в стране, была хорошей, и их окружали крепкие, знающие толк в жизни русские люди.

А вот повезло ли тем, кто через девять лет после окончания войны оказался в ядерном пекле Тоцкого полигона?

В нашей стране с царских времен сохранились два старейших издания: «Морской сборник» и «Вокруг света». Первый родился в марте 1848 года; в 2000 году был выпущен майский

номер (редактор капитан 1-го ранга А. Г. Веледеев). На обложке журнала ВМФ России на фоне остовов пылающего города, надо полагать, Берлина, изображена фигура Маршала Советского Союза Жукова, портрет работы Константина Васильева. Наброшенная на правое плечо шинель словно отлита из холодной стали. Тускло светятся на груди Жукова золотом, платиной и бриллиантами ордена, которые он любил себе цеплять как на войне, так и после нее. За спиной Жукова идет масса советских солдат в касках, лиц их не различить. Это призраки, сгоревшие в чудовищном огне войны, ходом которой руководил этот полководец. Его взор затуманен, он смотрит вперед, ему и дела нет до миллионов и миллионов погибших солдат... Страшно думать, что в нашей стране даже находились те, кто хотел бы возвести его в статус святого... как это сделали с русским адмиралом Федором Федоровичем Ушаковым, человеком, достойным этого божественного звания.

После смерти Сталина этот человек стал полностью неподконтрольным, его заели амбиции, подогревая возникшее вдруг огромное желание управлять имеющимся в стране атомным оружием.

И здесь следует вернуться к предыдущим событиям.

Будучи в канун нашествия Гитлера начальником Генштаба Жуков все же не был допущен в святая святых — в тайно разработанные планы об освободительном походе в Европу. Из военных в это были посвящены лишь три человека: Шапошников, Тимошенко и Ватутин.

Но у Жукова было достаточно общения в высшей среде, чтобы додуматься, что готовится что-то поистине невероятное, причем судьба мира, как он понял, решается в обход его. Занимая высокий пост в армии, он поручил одному из своих офицеров-операторов подготовить соображения по поводу ведения войны с фашистской Германией. Где сообщил о тех сведениях, о которых в повествовании указано выше. Эти «Соображения...» за его подписью, оказались в... Берлине, где прекрасно поняли, о чем их предупреждает начальник Генштаба СССР... Это явилось окончательной каплей для принятия Гитлером решения об устранении большевистской угрозы, исходящей от Советского Союза.

Известно, что на последнем этапе войны недалеко от Сан-Франциско прошла, казалось бы, второстепенная конференция по завершению Второй мировой войны, в которой участвовали две делегации: Советского Союза и США; негласно этой конференцией руководил товарищ Сталин.

И чтобы там ни говорили или ни писали историки, ссылаясь на архивные документы МИДа СССР и ЦК КПСС, ясно одно: Сталин придавал этой конференции гораздо больше внимания, чем тем, которые были в Тегеране, в Крыму, а потом в Потсдаме.

Конференция, состоявшаяся в Сан-Франциско, выполняла волю советского вождя через его властный нажим на финансово-промышленные круги США, в частности, старейшую организацию — Орден, штаб которой находится на Бродвее, 120 в городе Нью-Йорк. В Думбартоне вблизи Сан-Франциско была достигнута твердая договоренность. Такая, о которой не напишет ни один историк. На протяжении вот уже стольких лет XX столетия Япония предъявляет нам, Советскому Союзу, претензии о том, что ей принадлежат Курильская гряда, Сахалин, Камчатка и практически весь Дальний Восток. Чтобы утихомирить желание самураев, Сталин решил использовать катастрофу американского флота, разгромленного японской авиацией в Перл-Харборе в 1941 году. Боль за гибель национальной гордости — флот — у американцев еще была свежей. Но не месть была главной в этой расчетливо составленой гениальным умом партии...

Орден в нарушение договора, прекратившего свое существование, продолжал эксплуатировать богатейшую русскую территорию — Аляску — в своих корыстных целях. Для Ордена потерять такой лакомый кусок, конечно, было немыслимо. И советский вождь, воспользовавшись этим, поставил господам с Бродвея, 120 условие: вы завершаете разработку атомного оружия, так называемый «Аломогордский проект». По окончании работ, а возможно и раньше, в целях дальнейшего моего молчания об Аляске следует нанести атомный удар Японии, предупреждая ее захватнические интересы и т.д.

Что, — согласно воле Сталина! — и было осуществлено 6 и 9 августа 1945 года при бомбардировке японских городов Хиросима и Нагасаки.

...Сталин и Жуков, безусловно, разные люди. Правда, родившиеся в одном месяце: Жуков — 1 декабря, Сталин — 18 декабря (по некоторым сведениям 21 декабря). У них было совершенно противоположное мнение о событиях, происходящих на нашей планете, и также разные мотивы к применению нового оружия.

Жуков, оказавшись на вершине военной власти, вел себя практически бесконтрольно. Об этом свидетельствует и такой факт. Второго по значимости при Сталине человека в стране и, между прочим, своего личного друга Лаврентия Берию Жуков собственноручно застрелил при аресте. А под суд председателя военного трибунала, возглавляемого Маршалом Советского Союза Иваном Степановичем Коневым пошел... двойник. Суд был закрытый, формальный и уже потом появится ряд так называемых эксклюзивных исследований на эту тему, еще более скрывших суть того, что случилось в 1953 году с Лаврентием Павловичем...

Обстановка, которая сложилась в стране после ухода вождя из жизни, стала еще более накаленной. Началась подковерная война не на жизнь, а на смерть с целью захвата власти. Фактически в стране не было первого лица, имеющего юридический статус главы партии и государства. Самым сильным в этой схватке был Маршал Советского Союза Лаврентий Павлович Берия. В своем успехе заполучить реальную власть он не сомневался. И, чтобы о нем ни говорили десятилетия спустя, что палач он и убийца, что организатор атомной промышленности в СССР или еще что, однако человек этот, заслуживший страшную славу, по количеству своих тяжких преступлений существенно отставал от своего лучшего друга Георгия Константиновича Жукова. И не сомневался в том, что тот надежный товарищ и вполне может занять достойное место, если он, Лаврентий Павлович, возглавит партию и страну.

Но события пошли по иному сценарию.

В аресте Берии, происходившим в Кремле перед началом заседания президиума ЦК КПСС, непосредственно участвовали Жуков, генералы Батицкий, Москаленко и Зуб. Когда Жуков сказал Берии пройти в соседнюю комнату, тот совершенно ничего не подозревая спокойно ответил: «Пойдем, Георгий».

А как только вошли они в комнату, кто-то из генералов тут же предложил срезать пуговицы с брюк Берии, полагая, что после этого тот не сможет убежать, так как будет держать брюки. Нелепица, конечно, ведь в смертельной ситуации наличие или отсутствие брюк волновать не будет.

Услышав это предложение, Жуков отреагировал по-своему, он вынул из кармана пистолет. «Лаврентий, ты опасен для власти. На троне есть только одно место. Ты сам говорил мне, Лаврентий, что в политике друзей не бывает...» — после этих слов Маршал Советского Союза Г. К. Жуков выстрелил в голову Лаврентию Берии.

Присутствующие при расправе генералы все сразу поняли, но шок не дал им произнести ни слова. А далее все говорили так, как им приказали, в том числе и чиновники из ЦК партии. За это они впоследствии получили свои награды: генералы Батицкий и Москаленко были удостоены званий Героя Советского Союза и Маршалов Советского Союза. Зуба, правда, обошли вниманием, но он все равно молчал из соображений безопасности.

После устранения Берии для граждан СССР и мировой общественности был разыгран спектакль с его арестом, следствием и судом, на котором судили двойника.

Устранив реального конкурента, Жуков ощутил себя властелином Советской державы и единственным монополистом атомного оружия, как инструмента международного шантажа. Вскоре он вызвал к себе в кабинет руководителя работ в этом направлении Игоря Васильевича Курчатова и приказал ему доставить все документы, касающиеся разработок. Курчатов, возмутившись, отказался выполнить требования. Присутсвующий при разговоре советский физик Ландау с еврейской хитростью, легонечко толкнув Курчатова, сказал: «Товарищ Жуков, вы не поняли ответа товарища Курчатова. Мы принесем вам документы по этой тематике исследований».

Курчатов в недоумении покинул кабинет Жукова. Уже в машине Ландау все объяснил: «Надо дать Жукову все наши расчеты, он же безграмотный, ничего не поймет. Ведь он не закончил даже реального училища. Успокойся...»

Требуемые документы были доставлены. Жуков в присутствии двух физиков открыл многотомные расчеты и, перелистав несколько страниц, ничего не понял. Но на всякий случай сказал: «Вы мне за каждый шаг в подготовке атомных взрывов ответите!»

Ландау и Курчатов заверили «великого» полководца, что так и поступят.

Через некоторое время их вновь вызвали в ЦК партии, где объявили о необходимости провести реальное испытание атомного оружия в Советском Союзе, потому как якобы стране угрожает американский империализм, насадивший вокруг СССР и стран народной демократии свои атомные базы.

14 сентября 1954 года в 9 часов 53 минуты на Тоцком полигоне Южно-Уральского военного округа прогремел атомный взрыв. Тактические учения войск округа проводились под руководством Маршала Советского Союза Г. К. Жукова.

17 сентября 1954 года было передано сообщение ТАСС: «В соответствии с планами научно-исследовательских и экспериментальных работ в последние дни в Советском Союзе было проведено испытание одного из видов атомного оружия».

О том, что подготовкой и всей организацией ядерного взрыва руководил непосредственно Жуков, а его помощником и исполнителем являлся начальник Главного управления боевой и физической подготовки Министерства обороны СССР, впоследствии — первый заместитель главнокомандующего Сухопутными войсками Герой Советского Союза генерал армии Иван Ефимович Петров в печати не сообщалось. И. Е. Петров — бывший командующий Отдельной Приморской армии, оборонявшей Севастополь, 33-й армией Запфронта; командующий войсками 2-го Белорусского фронта, 4-го Украинского фронта и с апреля по июнь 1945 г. — начальник штаба войск 1-го украинского фронта; после войны с июля 1945 до перевода в Москву командовал войсками Туркестанского военного округа. После эксперимента в Тоцке, когда осознал, что же случилось, — 7 апреля 1958 года — покончил жизнь самоубийством.

Приоритет Советского Союза в ядерных технологиях был неоспорим. Весь советский народ, находившийся в каком-то

ужасном заблуждении, гордился мощью невероятного оружия, которым оснащалась Советская армия. По мнению некоторых военачальников, Жуков совершил тем чудовищным испытанием революционный переворот в оперативной и боевой подготовке, проявив себя тем самым ни много ни мало как блестящий ученый и организатор нового направления в советской военной науке.

В чем смысл этого нового направления в военной науке, мы попробуем разобраться.

Главным в испытаниях было уничтожение подопытных животных, которыми стали советские солдаты и офицеры. Только личный состав насчитывал около 50 тысяч человек, средний возраст которых составлял 19—25 лет. Однако эти 48—50 тысяч человек были наступающей стороной. Тогда как оборону держали еще около 20 тысяч человек. Таким образом, всех участников атомного «сражения» насчитывалось почти 70 тысяч человек.

Согласно плану, оборонявшиеся должны были находиться в траншеях, по которым был нанесен ядерный удар... Можно представить, что от них осталось: пепел... пыль... воздух...

В наступление тут же были брошены наступающие соединения — те почти 50 тысяч; в воздух было поднято соединение из 150—160 истребителей, которые звеньями вошли в густой ядерный грибообразный столб.

Сомнительно, что эти истребители достигли эпицентра взрыва. Все эти люди, заведомо посланные на смерть, погибли.

Об этом «эксперименте», спустя десятилетия, 9 сентября 1989 года, написала военная газета «Красная звезда». Правда, о количестве учавствовавших и погибших советских солдат и офицеров этот орган Министерства обороны СССР ни словом не обмолвился.

Может быть, когда-нибудь об этом чудовищном мгновенном уничтожении, убийстве тысяч крепких молодых мужчин говорил маршал Жуков? Объяснял кому-нибудь что произошло?

Была ли вообще необходимость устраивать подобные испытания в Тоцке в 1954 году? Ответ однозначный: нет. Доказа-

тельством этого служит хотя бы то, то сам Жуков, не разбирающийся в физических формулах, все-таки укрылся далеко, очень далеко и очень надежно от дьявольского атомного взрыва... Нам и сейчас пытаются доказать, что он любил солдат, любил участников войны, ну так он их любил, что сжег в войне их десятками миллионов, завершив свою «славную» карьеру последним гнусным подвигом: уничтожением в мирное время почти 70 тысяч человек...

Через годы многие из его лизоблюдов вспоминали, что руководитель учений Жуков поблагодарил всех участников за мастерство, стойкость и мужество...

Абсурд!

Слова о мужестве — не тем, кто двигался к ядерному пеклу, а находившимся от него на большом расстоянии. Многих из принимавших участие в том эксперименте, сразили чудовищные заболевания, известные как острая лучевая болезнь. Этих солдат и офицеров комиссовали из армии, чаще всего с диагнозом нейроциркуляторная дистония. Кстати, этот диагноз применялся и после катастрофы в Чернобыле. Врачам, занимавшимся обследованием зараженных, категорически запрещалось говорить истинное заболевание, и они обычно с удивлением констатировали: мол, дизентерия у вас или, на худой конец, холера... Последствия ядерного взрыва сказались на потенции многих уцелевших из находившихся на огромном расстоянии от эпицентра солдат и офицеров. Бесплодность стала обычным явлением. Количество людей, получивших острую лучевую болезнь, просто не поддается подсчету. Как и количество пострадавших. Ведь к ним следует отнести не только военных, но и... неизвестное количество так и не родившихся людей.

...любое сражение на войне ли, после нее ли, имеет человеческие жертвы, к которым надо отнести не только убитых, но и тех, кто не родится от них. Уверен: в сражении нельзя считать только боевые потери... А так как любая война, в том числе и испытание ядерного оружия, требует огромных человеческих ресурсов, врачей, медикаментов, продовольствия, которые поступают из тыла на фронт, тем самым обескровливается население, в стране, в тылу возникают голод, эпидемии и мор людей. Все вкупе и есть потери любой войны...

При Жукове и после его смерти никто так не додумался до того, чтобы найти жертв войны, жертв ядерных испытаний; никто не позаботился о том, чтобы павших похоронить по-христиански, как велит древний обычай. Одно только вызывало беспокойство и Жукова, и руководителей страны, и многих маршалов Советского Союза: как бы это подольше прожить в подмосковных поместьях да как себя, любимых, захоронить в Кремлевской стене, вблизи своего большевистско-еврейского идола, лежащего в Мавзолее... И как насмешка над павшими во Второй мировой войне и на Тоцком полигоне в мирное время, и над теми, кто нищенствовал в течение всего XX века, в Москве на Манежной площади установили памятник Палачу Советского Союза Георгию Константиновичу Жукову, восседающему на парадном жеребце Кумире. Монумент двумя кряжистыми бронзовыми задницами смотрит на Кремль и на усыпальницу Ленина.

...Моя последняя встреча с дважды Героем Советского Союза, Маршалом Советского Союза Иваном Христофоровичем Баграмяном состоялась незадолго до его кончины. Длилась она буквально полторы-две минуты. Он сказал лишь несколько слов: «Очень хорошо, что ты русский, а я армянин. Но очень плохо, что мы советские...»

ИСТОРИЯ 11

ЕСЛИ В РОССИИ ИСЧЕЗНЕТ ВОДКА

Было это в середине 70-х годов. Как-то один из моих московских друзей, женатый на дочери весьма высокопоставленного чиновника ЦК КПСС, пригласил меня съездить на шашлыки в уютное местечко, коими изобилует Подмосковье. По приезде я сразу узнал знакомые места, здесь располагались дачи маршалитета и генералитета СССР, и когда-то этот дачный поселок Баковку осчастливил своим пребыванием герой гражданской войны трижды Герой Советского Союза Маршал Советского Союза Семен Михайлович Буденный.

Мы приехали в особняк, стоявший неподалеку от дачи великого красного рубаки, где я встретил интересного человека, который много поведал из жизни Семена Михайловича. Прежде всего я узнал, что вдова легендарного вояки продолжает здесь жить, и что на его дочери был женат известный артист Театра сатиры Михаил Михайлович Державин.

Рассказал он и о беспощадной ненависти Семена Михайловича к бывшим царским генералам и офицерам в годы Гражданской войны. Излюбленными приемами краскома (причем он не знал какому из них отдать предпочтение) было либо выстрелить жертве из нагана в лицо, либо шашкой отрубить ему голову. Скорее всего, стрелял он после того, как рука рубить уставала.

Буденный Семен Михайлович /р.13(25).4.1883, хутор Козюрин, ныне Пролетарский район Ростовской обл./, герой Гражданской войны, Маршал Сов. Союза (1935), трижды Герой Сов. Союза (1.2. 1958, 24.4. 1963 и 22.2. 1968). Чл. КПСС с 1919. Род. в бедной крест. семье. Родился в семье зажиточного донского казака, которая стала бедной вследствии революции…

С 1903 в армии, служил в 46-м Донском казачьем полку, участвовал в рус.-япон. войне 1904—05. Окончил Петерб. школу наездников (1908).

До 1914 служил в Приморском драгунском полку. Участвовал в 1-й мировой войне ст. унтер-офицером 18-го Северского драгунского полка на герм., австр. и кавк. фронтах, был награжден 4 георгиевскими крестами за храбрость…

…После Окт. революции вернулся на Дон, в станицу Платовскую, был избран чл. Сальского окружного исполкома. В 1918 сформировал кон. отряд для борьбы с белогвардейцами, к-рый вырос в полк, бригаду, а затем кав. дивизию… В июне 1919 был создан кон. корпус под командованием Б., … В нояб. 1919 корпус был развернут в 1-ю Кон. армию во главе с Б., к-рая сыграла важную роль в ряде крупных операций Гражданской войны по разгрому войск Деникина, армий Пилсудского на Украине и Врангеля в Сев. Таврии и Крыму…

Спустя годы (*с 1937 команд. войсками Моск. Воен. округа и чл. Гл. воен. совета Наркомата обороны СССР, а в 1939—1940 одновременно зам. наркома обороны.*), уже в бытность командующего войсками Московского военного округа, а затем в должности заместителя наркома обороны по тылу Семен Михайлович вел по-барски роскошную жизнь. С ним жило несколько старых казаков, ходивших в солдатских гимнастерках, галифе и сапогах. Невзирая на возраст, они усердно служили своему красному помещику, происходившему из казаков войска Донского.

Свою первую жену-казачку легендарный красном застрелил, обвинив в неверности, якобы она переспала с его ординарцем. Которого постигла та же участь. Затем женился на известной советской певице Варваре Михайловой. Она — чернобровая и полногрудая, — понравилась наркому внутренних дел Николаю Ивановичу Ежову, и тот соблазнил красавицу. Семен Михайлович узнал об измене, потребовал от Ежова объяснений. Тот, недолго думая, сказал, что жена его — б…, что она сожительствует с известными артистами московских театров. Великий конник Красной армии поверил кровавому карлику Николаю Ивановичу и, приехав домой, тут же скомандовал

жене: «Собирайся!» Она, словно чувствуя, что ей грозит, оделась, — как он выражался позже, — по-походному. Вышли, он сел в правительственный ЗИС рядом с водителем, его уже бывшая жена расположилась сзади. Он привез ее на Лубянку, сдал дежурному по ОГПУ, сказав, что она враг народа.

Свое гнусное предательство он, как юродивый, пытался вознести в ранг святого отречения во имя светлого будущего советской страны. Прилюдное отречение от женщины, делившей с этим мужланом ложе, произошло в зале заседаний Совнаркома в Кремле. Когда Сталин резко высказался о деятельности армейского руководства, Буденный тут же решил реабилитироваться, льстиво свидетельствуя о своей неистребимой любви к вождю, партии и Стране Советов. Он кричал:

— Я ничего не скрывал от большевистской партии. Я прозрел и всю жизнь буду нести в сердце глубокую благодарность Николаю Ивановичу Ежову. Моя бывшая жена, гражданка Варвара Никаноровна Михайлова, активно сотрудничала с троцкистами, с их приспешниками Зиновьевым, Каменевым, Радеком и другими. Я публично отказываюсь от нее и требую высшей меры наказания — расстрела и готов собственноручно привести приговор в исполнение. Честное слово, товарищи, моя рука не дрогнет!

Присутствовавшие тут члены правительства, работники ЦК ВКП(б), секретари разных уровней власти только переглядывались, на всякий случай не выказывая никаких эмоций. Хотя вряд ли многие из них ужаснулись происшедшего, вряд ли осуждали своего товарища за подобные слова; советская система умеет вытравливать все человеческие чувства из своих преданных строителей.

Зато товарищ Сталин не преминул покуражиться, показывая, какова цена окружающему его быдлу:

— Та-аварищи, будэм следовать примеру маршала Семена Михайловича Буденного.

Тут уж и другие начали заверять вождя, что в их рядах нет места шпионам и предателям.

...Через несколько дней Варвара Михайлова была осуждена на 20 лет.

После освобождения из лагерей, уже после смерти Сталина, Буденный, узнав что она освободилась, выхлопотал ей двухкомнатную квартиру в Москве и неплохую пенсию.

После того как маршал сдал в НКВД свою жену, произошло интересное событие. На его дачу в Баковку приехали сотрудники с Лубянки с целью арестовать бывшего конника. Увидев в окно второго этажа подъехавшую машину НКВД и направившихся к дому людей, требующих от старого казака-охранника открыть ворота, Семен Михайлович выставил на балкон станковый пулемет «максим» и дал длинную пулеметную очередь над головами нквдэшников. Те быстренько залегли.

А Буденный крикнул домработнице, чтобы та подала телефон прямой связи с вождем. Услышав голос Поскребышева, он рявкнул в трубку: «Соедини меня с товарищем Сталиным!» В трубке послышалось хриплое дыхание и вождь спокойно спросил: «Ч-чего тебе, Семен?»

— Товарищ Сталин, враги революции и наймиты империализьму приняли решение атаковать мои позиции и узять меня у плен. Но маршал Буденный никогда не сдавался!

В тот же миг его рука нажала гашетку пулемета. Услышав стрельбу, Сталин не выказывая эмоций, приказал: «Семен, уймись». И тут же поднял трубку прямой связи с Берия.

— Лаврэнтий, сними людей с оцепления дачи Буденного. Э-тат дурак нэ опасен для нас.

Незадолго перед началом войны к Семену Михайловичу в квартиру на улице Грановского, 3 приехала племянница его домработницы. Та попросила устроить девушку учиться в техникум. Красный конник, подумав, сказал: «Я каждый день буду приезжать на обед и хочу, чтобы вы обе подавали мне еду, а потом со мной кушали. Так что не прячь ее…»

А буквально через несколько дней за обедом Семен Михайлович ошарашил: «Хватит дарма кушать маршальский хлеб. Выходи за меня замуж».

Утверждают, что ему было тогда под 60, ей — 15 лет.

Девушке не хотелось возвращаться к голодным родителям, а жизнь в кремлевском доме пришлась по вкусу.

Она родила двух сыновей и дочь.

В ближайший Новый год Сталин, по традиции, пригласил на празднование своих близких товарищей. Буденный, узнав что там будет жена Молотова Полина Жемчужина, решил взять с собой и свою жену. Некоторая симпатия вождя к Полине давала ему основание на то, что Сталин не обратит внимание на его совсем юную жену.

После встречи Нового года и после обильного приема спиртного Сталин начал свои обычные ночные игры с соратниками. Неожиданно он отделился от группы членов Политбюро, подошел к Буденному и, обращаясь не к нему, а к шедшему с ним Ворошилову, сказал: «Ты па-асмотри Клим, какой Семен стал заносчивый, завел себе молодую красивую жи-ну и нам ее нэ представляет». Лицо маршала побагровело, он весь внутренне напрягся, оглянулся на жену, которая мирно с улыбкой на лице слушала Полину Жемчужину. В тот же момент маршал услышал: «Так па-знакомь, Семен, товарищей со своей жиной». Тому только и оставалось, что представить супругу, но как только Сталин, поздоровавшись с ней, удалился к другим, показав тем самым, что потерял всякий интерес к молодой женщине, Буденный приказал жене быстренько собраться и они уехали домой.

Подобное поведение ревнивца вызвало неудовольствие жены. Буденный промолчал, но та интуитивно поняла, что он переживает за то, что Сталин может захотеть встретиться с ней. Словно читая его ревностно-гаденькие мысли, она тут же устроила сцену, напомнив как летом он, только-только женившись на ней, привез домой народную артистку РСФСР ведущую солистку Большого Театра Веру Николаевну Давыдову, пылко обещая «озолотить, одеть в песцовые шубы, поставить прислугу, сделать ее жизнь счастливой и роскошной, только пусть дорогая Верочка Николаевна бросит сцену и станет его женой». Вера Николаевна, услышав от великого красного конника это признание в любви, ответила так, чтобы услышала и домработница, и ее племянница: «Дорогой Семен Михайлович, а как отреагирует на мое согласие ваша жена?» На что тот не задумываясь, мгновенно ответил: «Я разойдусь с ней». Вера Николаевна, улыбнувшись, вышла из дома и села в машину Бу-

денного, в багажнике которой стояли коробки с икрой, белой и красной рыбой, коньяками и шампанским из Франции. За коробками лежало три пачки сотенных купюр и записка: «Верочка, я вас люблю и сегодня жду на даче».

Конечно же, Буденный знал, что Давыдова является любовницей Сталина. И вряд ли он рассчитывал на ее приезд. Ведь не хотел же он, право, повторить судьбу Тухачевского...

Кроме того, Вера Николаевна выехала в Киев на гастроли.

Семен Михайлович со слов своего друга Ворошилова знал, что именно на гастролях в Киеве у Давыдовой был роман с Маршалом Советского Союза Михаилом Николаевичем Тухачевским, и какова судьба постигла его менее чем через 11 месяцев после любовных похождений с любовницей Сталина.

Конечно, Семен Михайлович, как и его друг нарком обороны Ворошилов были рады тому, что Тухачевский расстрелян и не исключено, что оба склонны были думать, что одной из веских причин казни Тухачевского была его любовная связь с Верочкой Давыдовой.

С началом войны Семен Михайлович командовал группой войск армий резерва Верховного Главнокомандования, был главнокомандующим войсками Юго-Западного, затем Северо-Кавказского направлений, командующим Западным резервным и Северо-Кавказским фронтов. Руководил кавалерией РККА. После смерти Сталина был оставлен на почетной должности инспектора кавалерии в связи с упразднением кавалерийских соединений в Советской армии.

...Автор воспоминаний «Пройденный путь» (т. 1—2, 1959—65). Награжден 7 орденами Ленина, 6 орденами Красного Знамени, орденом Суворова 1-й степени, орденом Красного Знамени Азерб. ССР, Трудового Красного Знамени Узб. ССР, орденами МНР; золотым боевым оружием с орденом Красного Знамени на нем, почетным революц. огнестрельным оружием с орденом Красного Знамени на нем и почетным оружием — шашкой с изображением Гос. герба ССС, а также медалями.

Когда мы с приятелем оказались в дачном поселке на шашлыках, там проводилось веселое мероприятий, посвященное дню рождения одного крупного советского военачальника. Еще ранее, когда Семен Михайлович был в силе, он не пропускал ни единого такого мероприятия. Сейчас же все происходило без него. Заводилой на пьянке был известный советский военачальник дважды Герой Советского Союза Маршал Советского Союза Василий Иванович Чуйков. Известно, что после возвращения из служебной командировки в 1942 году Василий Иванович командовал 1-й резервной армией, там судьба и свела его с Главнокомандующим группой армий Семеном Михайловичем Буденным. Затем их дороги разошлись, и встретились наши герои через несколько лет, в 1955 году.

Чуйков Василий Иванович /р. 31.1.(12.2). 1900, с. Серебряные Пруды, ныне пос. гор. типа Московской обл./, советский военачальник, Маршал Сов. Союза (1955), дважды Герой Сов. Союза (19.3.1944 и 6.4.1945). Чл. КПСС с 1919. Род. в крест. семье. С апр. 1918 в Красной Армии. Участвовал в Гражд. войне 1918—20 — пом. командира роты, полка, командир полка.

Окончил Воен. академию им. М. В. Фрунзе (1925), вост. ф-т этой же академии (1927) и академич. курсы при Воен. академии механизации и моторизации РККА (1936).

...Командовал армией при освобождении Зап. Белоруссии и в сов.-финл. войне (1939—40). С дек. 1940 по март 1942 был воен. атташе в Китае.

Тогда шла подготовка коммунистической партии к XX съезду КПСС, на котором с особым докладом должен был выступить Первый секретарь ЦК Н. С. Хрущев. Естественно, вовсю шла обработка людей, которые должны были поддержать генеральную линию команды Хрущева. Как известно, Никита Сергеевич в годы войны был членом Военного совета Сталинградского фронта, которым командовал в то время генерал-полковник Андрей Иванович Еременко. В состав фронта входила бывшая 1-я резервная армия, впоследствии 64-я и 62-я армия, которыми последовательно командовал генерал Чуйков.

62-я после была преобразована в 8-ю гвардейскую армию.

В 1942—1943 годах Сталинградская битва не была той знаковой битвой, о которой узнали советские люди в последующие дсятилетия, то была рядовая операция на советско-германском фронте. Она была разработана группой офицеров-операторов полковника (впоследствии генерал-лейтенанта) Потапова, состоявшего в должности руководителя этой группы и находившегося в подчинении у заместителя начальника Генштаба генерал-полковника Александра Михайловича Василевского.

С целью дискредитации деятельности Сталина в годы войны Хрущев развращал сталинских полководцев посулами о повышении в должности, в воинском звании, выделением помещичьих участков в Подмосковье и т.д. Одним из них оказался Василий Иванович Чуйков. В 1955 году он был удостоен высокого звания Маршала Советского Союза; с 1953 года по апрель 1960 года находился в должности командующего войсками Киевского военного округа. Услуга, оказанная им Хрущеву в канун XX съезда и на съезде, была оценена очередным повышением, так он стал Главнокомандующим Сухопутными войсками и заместителем министра обороны СССР.

В июле 1961 года он был освобожден от должности главкома и к должности заместителя министра обороны СССР была сделана приставка по Гражданской обороне — начальник Гражданской обороны СССР.

Суть помощи, а вернее, услуги Генсеку, оказанной Василием Ивановичем Чуйковым, а вместе с ним и удостоенного тогда же маршальского звания Андрея Ивановича Еременко заключалась в том, чтобы эти полководцы и участники боев в Сталинграде засвидетельствовали советскому народу... особое участие в организации разгрома 6-й армии вермахта члена Военного совета Сталинградского фронта генерал-лейтенанта Никиты Сергеевича Хрущева.

В итоге должно было сложиться непререкаемое мнение, что без мобилизующего партийного слова товарища Хрущева сильнейшая армия Гитлера не была бы разгромлена.

Оба военачальника старались изо всех сил.

По известному сценарию, были привлечены достаточно мощные силы Агитпропа для того чтобы высветить образ но-

вого великого организатора наших побед. Пожалуй, эта «операция» для двух новоявленных Маршалов Советского Союза Чуйкова и Еременко была апогеем их воинского таланта. Потому как наверняка сил и энергии они потратили больше, чем на берегах Волги в 1942 и 1943 годах.

Хозяин особняка, в котором мы остановились, сам был участником Сталинградского сражения в должности командира полка 62-й армии генерала Чуйкова. Вместе с этой армией, преобразованной в 8-ю гвардейскую и под командованием Василия Ивановича завершил он свою войну во время штурма Зееловских высот в предместье Берлина.

В послевоенные годы этот генерал-майор был уволен в запас во время первого сокращения Советской армии — в 1959—1960-х годах — на 1 млн 200 тысяч.

Мы, пообщавшись с немолодым участником войны, по его совету направились по улице к тому особняку, откуда слышны были выкрики, смех и пьяная брань. Короче, чествование именинника было в разгаре. Вскоре мы подошли к забору, заросшему высокой травой; между забором и зарослями вилась узенькая тропинка. Ступив на нее, сразу увидели лежавшего в траве генерал-лейтенанта с Золотой Звездой Героя на кителе, по всем признакам герой был жутко пьян. Кстати, удивление вызвало не его состояние, а то что в стельку пьяный человек был в кителе, хотя стояла сильная жара.

В этот момент из-за угла забора появилась широкая фигура в военной рубашке и маршальских брюках. Хотя он выглядел очень старым и едва держался на ногах, мы легко узнали в нем Маршала Советского Союза Василия Ивановича Чуйкова. Мы как люди дисциплинированные, тут же вытянулись перед маршалом, даже забыв о том, что хотели помочь подняться генералу. Однако маршал, не обращая на нас внимания, заорал своим мощным, командным голосом, потрясшим окрестности: «Что, свинья, нажрался?»

Что-то невнятное раздалось в ответ из зарослей, а затем довольно четко лежащий произнес: «Ничего... ничего, счас и ты будешь валяться. Забор кончится... и ты будешь валяться...» Тут мы заметили что правой рукой маршал действитель-

но цепко хватается за забор. Дойдя до угла и не нащупав опоры маршал, потеряв равновесие, рухнул рядом с геройским генералом, валявшимся в бурьяне.

Я сказал своему приятелю, привезшему меня на это торжество: «Пойдем отсюда, повеселимся без них».

Через несколько дней мы, достаточно хорошо отдохнув, возвращались в столицу. Из праздного любопытства я прошелся к особняку, в котором когда-то жил легендарный маршал Буденный. По двору не спеша прошла женщина, скорее всего его вдова, которая скрылась за постройкой не оглянувшись.

Говорили мне сведущие люди, что великий грузин Сталин любил веселье, любил разгулье с чисто кавказским размахом. Но те же люди, не раз сидевшие с ним за одним столом, утверждали, что Сталин терпеть не мог, когда славные советские полководцы допивались до свинячьего визга.

И мне с грустью подумалось: разве же можно в нашем народе искоренить это интересное мероприятие, имя которому пьянка…

Отвлекся на какую минуту, включил телевизор, а там «сплошной энурез» — Задорнов вещает очередную байку: «Если в России исчезнет водка, то согласно закону что ничего не пропадает, она обязательно появится в другом месте… Вот там и будет Россия».

ИСТОРИЯ 12

«ВОЗРОЖДАТЬ КАК РУССКИЙ ГОРОД. ГОРОД РУССКОЙ СЛАВЫ!»

1

По окончании военного вуза я был направлен служить в одно из управлений штаба Северного флота. По прибытии в Североморск, я познакомился с офицером, уже около десяти лет служившим в одном из соединений главной базы флота. Он рассказал мне несколько интересных историй из местной жизни и сказал, что здесь, между прочим, командующий флотом весьма любопытный человек.

Звали командующего Семен Михайлович Лобов. Офицер сообщил также, что живет тот на территории штаба флота в домике, где никакой мебели кроме солдатской кровати, покрытой суконным одеялом, у адмирала нет. Любитель Гумилева, я тут же вспомнил «Туркестанских генералов»:

Под смутный говор, стройный гам,
Сквозь мерное сверканье балов
Так странно видеть по стенам
Высоких старых генералов…

И мне сказали, что никто
Из этих старых ветеранов,
Сквозь копий Греза и Ватто,
Средь мягких кресел и диванов,

Не скроет ветхую кровать,
Ему служившую в походах,
Чтоб вечно сердце волновать
Воспоминаньем о невзгодах.

И еще сказал мой новый знакомый, что под той кроватью всегда стоит канистра со спиртом. Надо полагать, адмирал периодически прикладывался к «шилу», как называют спирт на флоте. А когда командующий выходит на корабле в море, он якобы надевает матросский бушлат поверх адмиральского темно-синего кителя. Так ли это, мне не довелось узнать.

А вот спустя год, когда я покинул Северный флот и был переведен для дальнейшей службы в иное место, встретил я уже адмирала флота в одном из санаториев Министерства обороны СССР.

Столкнулись мы случайно. Он в одиночестве загорал на пляже в отдалении от всех. И вряд ли бы подошел к нему, ибо лично Семена Михайловича Лобова я не знал, если бы он меня не окликнул. Оказалось, что он видел меня из окна своего персонального автомобиля рядом со штабом Северного флота и, по его словам, я отчего-то запал ему в память, и он хотел убедиться, не ошибся ли он сейчас. Я подтвердил, что действительно состоял на службе в Северном флоте и помню тот день, когда командующий посмотрел на меня в открытое окно «Чайки», а я поприветствовал его как требует того устав.

Лобов Семен Михайлович / р. 15(29).2.1913, дер. Смольников, ныне Волоколамского р-на Московской обл. /, советский военачальник, адмирал флота (1970). Чл. КПСС с 1940. В ВМФ с 1932.

Итак, Семен Михайлович родился в 1913 году в довольно зажиточной семье в Подмосковье. В 1928 году по окончании семилетки он поступил в ФЗУ, которое закончил в 1932-м. Стал работать на Люберецком электромеханическом заводе, а через год, в мае 1932 года, по комсомольскому призыву убыл на учебу в Военно-морское училище имени М. В. Фрунзе. По окончании которого служил на Тихоокеанском флоте командиром БЧ-2 СКР «Бурун», а с 15 декабря 1938 года помощником командира эсминца «Резкий».

В начале 1939 года его откомандировывают в Ленинград на курсы командиров миноносцев, по окончании их он возвращается назад и в звании старшего лейтенанта получает должность

помощника командира эсминца «Разящий». А с 13 июня 1942 года возглавил экипаж эсминца «Резвый». В октябре 1942 года удостоен звания капитан-лейтенант, а в ноябре 1944 года капитан 3-го ранга. В составе Тихоокеанского флота в должности командира боевого корабля участвовал в войне с Японией.

Осенью 1946 года его перевели на Черноморский флот и назначили командиром 1-го дивизиона эсминцев. Будучи капитаном 2-го ранга, он участвовал в получении по репатриации итальянского флота крейсера «Emanuele Filiberto Duca D Aosto» — будущего «Керчь». В составе кораблей, которые перешли нам после раздела итальянского флота, был знаменитый линкор «Giulio Cesare» («Юлий Цезарь»), названный в СССР «Новороссийск». Его командиром был назначен популярный на Черноморском флоте капитан 1-го ранга Ю. К. Зиновьев, командовавший в годы войны линкором «Севастополь». Но офицеру не удалось возглавить экипаж будущего советского линкора «Новороссийск», он скоропостижно скончался от сердечного приступа. Произошло это 19 января 1949 года в Аугусте. Вместо него тогда принимать линкор срочно откомандировали капитана 1-го ранга Б. Беляева, который в годы войны командовал лидером эскадренных миноносцев «Баку», затем дивизионом эсминцев и с декабря 1944-го — крейсером «Мурманск».

И еще, что касается получаемых от Италии кораблей. В связи с появлением в некоторых итальянских газетах призывов против передачи кораблей СССР, правительству Италии, несшему ответственность за безопасность перехода кораблей в Одессу и Валону, пришлось предпринимать различные шаги во избежание актов саботажа и других неприятных моментов со стороны сдаточных команд. К примеру, корабли направлялись к нашим берегам без боезапаса, его доставляли на транспортных судах. А в целях обеспечения сохранности принимаемых кораблей, во избежание взрывов и возгораний, сразу после швартовки производился тщательный осмотр их и слив топлива в заранее подготовленные емкости. Но после перехода на корабль советского экипажа все приводилось в исходное состояние.

После утверждения приемо-сдаточных актов корабли распределялись по соединениям и частям Черноморского флота.

Такой нюанс: боеспособность всех этих «приобретений» вызывала глубокую озабоченность у руководства ВМФ, ведь ни один из кораблей не прошел не то что капитального, но и текущего ремонта. Потому хотя линкор «Новороссийск», крейсер «Керчь», а вместе с ними эсминцы «Легкий» и «Ловкий» были зачислены в состав эскадры Черноморского флота, использовались они в основном в учебных целях. Известно, что впоследствии — 7 февраля 1956 года — легкий крейсер «Керчь», которым когда-то очень короткое время командовал Семен Михайлович Лобов, вывели из боевого состава и переформировали сначала в учебный крейсер, а 11 марта 1958 года — в опытное судно «ОС-32». Но в феврале 1959-го списали на слом.

После заграничной командировки, Семен Михайлович вновь возвращается командиром Краснознаменного крейсера «Ворошилов» (был назначен в мае 1948 года), который в 1949 году занял 1-е место по состязательным артиллерийским стрельбам среди флотов. За что командиру 13 июня 1950 года досрочно было присвоено звание капитана 1-го ранга. 7 сентября 1951 года Лобов возглавил экипаж Краснознаменного линкора «Севастополь» и успешно подготовил находившийся в ремонте корабль к плаванию, выполнил план боевой подготовки, наплавав около 4 тысяч миль без аварий и поломок. Линкор являлся лучшим кораблем на эскадре по морской и физической подготовке.

Вот на этом корабле и происходили всякие интересные, прямо-таки юмористические события. К примеру, многие помнят и передают из уст в уста историю, как один лейтенант из БЧ-2 пришел на свидание к девушке в ресторан станции Севастополь, которая там работала официанткой. Но по пути встретил сокурсника, они выпили небольшую дозу спиртного и попали в комендатуру. К часу ночи их выпустили. Лейтенант тут же побежал в ресторан в надежде застать свою девушку. В ресторане, естественно, уже не было света, так как он не работал. Однако возбужденному воображению моряка за темным окном кухни почудилась его подружка. А вдруг она не одна? — пронеслось в мозгу и, недолго думая, он забирается внутрь через

окно, пытается спрыгнуть на пол и... вместо этого — как был, в форме — угодил в большой котел с гарниром. С криком «Врагу не сдается наш гордый линкор!» он был задержан сотрудниками линейной милиции и во второй раз за короткий промежуток времени препровожден в комендатуру гарнизона.

С декабря 1953 года по декабрь 1954 года Семен Михайлович Лобов — слушатель Академических курсов офицерского состава при Военно-морской академии. Во время учебы 31 мая 1954-го он удостоен звания контр-адмирала. Затем вновь прибыл в Севастополь и был назначен командиром 50-й дивизии крейсеров Черноморского флота. Но менее чем через год его перевели на Северный флот и назначили начальником штаба эскадры Северного флота; 8 июня 1957 года он возглавил эту эскадру; 25 мая 1959 года удостоен звания вице-адмирал.

Его служба в то время была высоко оценена бывшим командующим Северным флотом 1-м заместителем Главнокомандующего ВМФ адмиралом Арсением Григорьевичем Головко.

После повторной учебы на Академических курсах офицерского состава в 1960-61 годах, 9 октября 1961 года Лобова назначают 1-м заместителем командующего, а со 2 июня 1964 года — командующим Северным флотом. 16 июня 1965 года он получил звание адмирала, а в 1970-м — адмирала флота.

Вот в то лето я с ним и встретился под палящим солнцем юга. У нас состоялась долгая непринужденная беседа, и я осторожно спросил адмирала флота про то, что услышал от офицера. На что тот, улыбаясь, ответил: «Это хорошо, что о командующем рассказывают всякие доброжелательные байки». И пребывая в благодушном состоянии, сам рассказал несколько смешных историй, происходивших в бытность его военной службы на кораблях флота.

Вот на корабль пришли молодые матросы. Осмотрев строй, он, командир корабля, приказал старшему помощнику совместно с замполитом более обстоятельно познакомиться с пополнением, доложить о впечатлениях, а затем распределить прибывших по боевым частям корабля. Сам же направился на левый фланг строя матросов, остановился напротив од-

ного небольшого молодого морячка со светлыми ясными глазами и по-девичьи длинными ресницами. Капитан 1-го ранга доброжелательно взглянул на него, и моряк, уже прошедший курс молодого матроса, представился: «Матрос Матрос, товарищ капитан 1-го ранга». Семен Михайлович пристально оглядел юношу и по-отечески снисходительно сказал: «Сынок, ты не волнуйся. Просто представься». «Матрос Матрос», — еще громче повторил тот. У командира крейсера капитана 1-го ранга Лобова от удивления брови поднялись вверх.

— Ну, братец, ты даешь, — не выдержал командир и уже немного нервничая произнес: — Как фамилия?

— Матрос! — почти прокричал в ответ молодой моряк, еще более тушуясь от напора командира корабля и собственного волнения.

— Что ты матрос, сынок, я вижу, — стараясь быть участливым, сказал командир, — а фамилия твоя как?

— Я же говорю, товарищ капитан 1-го ранга, Матрос, — ответил молодой моряк и краска волнения залила его чистое, почти девичье лицо.

Командир в очередной раз сделал попытку «выжать» из молодого фамилию. И, в конце концов, перешел на официальный тон:

— Товарищ матрос. Прошу вас представиться как предписано уставом: воинское звание и ваша фамилия. Поймите, что может быть проще!

В ответ не менее твердо прозвучало:

— Товарищ капитан 1-го ранга, матрос Матрос.

Терпение Лобова кончилось и он перешел на ненормативную флотскую лексику. Затем крикнул: «Старпом, ко мне!»

Еле сдерживая гнев, командир дал волю словам, поведав вслух о своей уверенности, что беседует он с советским матросом, а оказалось-то что разговаривает с больным человеком «из желтого» дома, неизвестно как попавшим именно на его корабль. Подбежал старший помощник и доложил командиру о прибытии. А молодой матрос, пришедший в себя, спокойно улыбаясь произнес:

— Товарищ командир! Понимаете, ваша фамилия Ло-бов. А моя — Ма-трос. Я думаю, что вы извинитесь и поймете меня.

Какое-то мгновение командир и старший помощник удивленно смотрели на стоявшего пред ними юношу. Первым очнулся командир.

— Какая редкая фамилия!

...Миша Матрос родился в тайге, в такой дикой глухомани, что было удивительно и совершенно непонятно, как в таежном поселке мог появиться человек с такой морской фамилией. О том даже старожилы не знали. В поселке Матросы прославились тем, что были уникальными охотниками, а над происхождением фамилии никто, в общем-то, и не задумывался. Отец Миши служил в армии рядовым солдатом. И ни он, ни Миша даже предположить не могли как уникальная фамилия может сказаться на военной службе на флоте.

Итак, чем дольше Миша находился на крейсере, тем с большим кругом офицеров ему приходилось знакомиться, объясняться что да как, ибо со всеми из них выходило недоразумение. И, еще не успев даже сдать на допуск к самостоятельному обслуживанию своего заведования, Михаилу присвоено было звание старшего матроса.

Его сослуживцы по призыву с другого корабля, или как говорят годки, встретив его на пирсе и глядя на его погончики, не поверили своим глазам. «Ну, Мишка, ты карьерист. И как тебе это удается?» В ответ он лишь загадочно улыбался.

Однако и с присвоением звания проблема не была решена. Офицеры в обращении с ним все равно чувствовали неудобство. Ну посудите сами: «старший матрос Матрос». Так через несколько недель службы Михаил Матрос был удостоен звания старшина 2-й статьи. И неожиданно занял должность командира отделения, соответствующую новому званию.

Семен Михайлович Лобов, как утверждают многие знавшие его, был страстным поклонником русской словесности. Поэтому смысловые нонсенсы типа «масло масляное» приводили его в ярость. И словосочетание «матрос Матрос», «старший матрос Матрос», «старшина 2-й статьи Матрос» не могли удовлетворить взыскательный слух морского волка. В результате, к концу службы на погонах Миши Матроса красовались знаки отличия высшего старшинского состава, а сам он стал уважаемым

человеком. За полгода до окончания службы он в звании мичмана был назначен на должность старшины команды.

После увольнения в запас Михаил вернулся в свой далекий таежный край. Любуясь возмужавшим сыном и золотом его погон, рядовой запаса Матрос-отец сделал вывод: «по всему видать, сухопутная служба Матросам противопоказана».

А спустя полтора месяца мичман запаса Михаил Матрос, заскучав по запаху моря и многотонной железной махине корабля, отписал письмо командиру крейсера с просьбой содействовать его призыву на сверхсрочную службу с дальнейшим определением на родной корабль. И по получении положительного ответа Миша сказал родителям: «По всему видать, жизнь моя в тайге мне противопоказана. Так что, дорогие родители, возвращаюсь на флот».

После завершения этого рассказа Семен Михайлович снял светозащитные очки с глаз, помассировал закрытые веки и предложил мне: «Давай так, сейчас пообедаем, отдохнем, а потом, если тебе интересно, заходи, побеседуем».

Я зашел к нему около 17 часов. Адмирал флота полулежал с книгой, завидев меня, он сказал, что читает книгу о композиторе Гекторе Берлиозе и если хочу, то после даст ее мне почитать. «Красивая фамилия, не правда ли? — спросил он . — И имя, наверное, из Древнего Рима. Кстати, был у меня еще один матрос с интересной фамилией. И из-за этой фамилии на него сыпались своеобразные неприятности». Пригласив меня присесть, Семен Михайлович, любивший веселые историйки, поведал мне и эту.

Фамилия, приносящая неприятности, была известная и яркая: Ленин. Родом он был из Архангельской области, где эта фамилия вовсе не редкость. Естественно, эту же фамилию носили и родители матроса. Хлопот среди поморов эта фамилия никому не доставляла. Ну разве что в школе, не очень хорошо учившегося Коленьку (кажется, его звали так), учительница, дабы не возникало никаких ассоциаций с именем основателя Коммунистической партии и Советского государства, называла не Ленин, а Левин. В старший классах Коля, узнав, что Левин — это еврейская фамилия, сильно возмутился, доказывая,

что все наши предки-поморы никакого отношения ни к каким евреям не имели и не имеют.

Служил матрос Ленин в эскадре, в которой Семен Михайлович был командиром. Офицеры-специалисты строевой части распределили его для службы в центральную котельную, которая отапливала гарнизон, где находился штаб эскадры. Определили молодого матроса туда потому, что имел тот свидетельство об окончании ПТУ по специальности котельный кочегар. А, как известно, на Севере (на Северах, как говорят матросы) котельная — это источник всей жизни. Центральную котельную и в штабе и в тылу эскадры сокращенно называли ЦК.

Служба Ленину была не в тягость, он спокойно и уверенно выполнял свои обязанности. Никаких разводов, нарядов, спокойно работай да сиди в тепле. Тем более, все давно изучено и знакомо. В подразделении его, дисциплинированного матроса и хорошего специалиста, уважали. Особенно в нем души не чаял его непосредственный командир мичман Геращенко.

Вот как-то в один из однообразно тянущихся дней мичман по своим служебным делам ушел в поселок. А дежурный по штабу эскадры также по какой-то надобности позвонил ему в кабинет. Ответа не последовало. Тогда дежурный набрал номер телефона Центральной котельной, Николай поднял трубку и как полагается, коротко и четко представился: «ЦК, Ленин слушает».

После непродолжительной паузы дежурный по штабу офицер бросил в трубку: «Ничего себе шутник!» и положил ее на рычаг.

Ленин, услышав короткие гудки, произнес: «Неизвестно еще кто шутит». И в легком замешательстве положил трубку.

На следующий день о звонке знал заместитель командира эскадры по тылу. Он вызвал мичмана и строго выговорил: «Твои матросы в котельной совсем оборзели, хамят офицерам». Удивленно спросившему что случилось разговор был передан слово в слово. «Так все точно, товарищ капитан 1-го ранга, — облегченно вздохнул мичман, — вы же сами когда-то сказали, что центральная котельная — это ЦК». «Да, я говорил, но при чем тут Ленин?» «А Ленин — это наш матрос. Николай Ленин». «Вы что, издеваетесь?» «Никак нет, товарищ капитан 1-

го ранга. У этого матроса фамилия — Ленин», — погасшим в процессе короткого диалога голосом разъяснил мичман.

На какое-то время в кабинете воцарилась тишина, затем капитан 1-го ранга безапелляционно сказал: «Ленин, говорите… значит так, Ленина из ЦК убрать сегодня же!».

На следующий день матроса Николая Ленина перевели в команду слесарей-ремонтников. Это подразделение, с которым даже начальники связываться не хотели, представляло собой сбор блатных бездельников и нарушителей воинской дисциплины. Вид у них был ужасный, они словно сомнамбулы, бродили по гарнизону, совершая все новые нарушения. Иногда, правда, по приказу свыше долбили мерзлую землю, ремонтировали трубы и т.д. Вот в такой компании и оказался Николай Ленин. Он смирился со своим положением и, может быть, так и продержался бы до конца службы среди разгильдяев. Тем более что на новом месте новый командир сразу оценил его золотые руки и усердие.

Но однажды в кабинете начальника тыла прорвало батарею отопления. Устранять ее прислали матроса Ленина. Капитан 1-го ранга, зная что подобный ремонт обычно затягивается надолго, решил перебраться в другой кабинет. В это время в дверь постучали. На пороге вместо ожидаемого грязного матроса-ремонтника стоял аккуратный подтянутый матрос с инструментами в руках.

— Товарищ капитан 1-го ранга, разрешите отремонтировать батарею.

Капитан, сам себе удивившись, взял все необходимые вещи и перешел в другой кабинет; но не успел он еще освоиться и приступить к работе, как матрос-ремонтник заглянул доложить, что неисправность устранена.

— Молодец, — похвалил он матроса. — Как твоя фамилия?

— Матрос Ленин, товарищ капитан 1-го ранга.

— Это тот, который из ЦК?

— Так точно, был, сейчас в ремонтном взводе.

— Хорошо. Можешь идти.

В тот же вечер начальник тыла приказал мичману Геращенко: «Сейчас же верни Ленина в ЦК!»

2

После этой истории Семен Михайлович неожиданно вернулся в события 1942 года, когда занимал должность помощника командира эсминца «Разящий». Он еще не мог знать, что скоро судьба его сделает резкий поворот и он станет командиром эсминца «Резвый». Но то будет через месяц, а в начале мая 1942 года он проходил службу на своем эсминце.

В Севастополе в это время назревали сложные события, ибо морскую крепость с Северной стороны вплотную прижали войска 11-й армии вермахта под командованием Манштейна. Неожиданно в эти майские дни капитан-лейтенанта Лобова вызвали в штаб и сообщили, чтобы он в течение 2-3 суток был готов отбыть на Черноморский флот.

Неизвестно что произошло, но ни через два ни через три дня, ни через 2-3 недели он так и не убыл в Севастополь, где разыгрывалась дичайшая трагедия с потерей и города, и Крыма.

Лишь осенью 1946-го, когда Семен Михайлович прибыл служить на Черноморский флот, он понял, что неизвестно, как бы сложилась его судьба и остался ли бы он в живых, если бы попал сюда раньше...

В начале мая 1942 года адмирал флота Н. Г. Кузнецов в связи со сложной обстановкой на юге вылетел на Черноморский флот. Предварительно дав команду начальнику управления кадров усилить офицерами с Тихоокеанского эскадру Черноморского флота. Такая шифровка тут же была отправлена командующему Тихоокеанским флотом, но ее исполнение было приостановлено; и виной тому — обвальная ситуация, сложившаяся в Севастополе.

Немецкие войска разгромили Керченскую группировку советских войск. Николай Герасимович принял решение изучить обстановку в районе Новороссийской военно-морской базы, которая со стороны моря обеспечивала отступление, если не сказать бегство частей и соединений трех армий, которые Манштейн уже почти полностью разгромил. Уж и Новороссийск, куда прибыл адмирал, подвергался жестоким бомбардировкам фашистской авиации.

Выслушав доклад командира Новороссийской ВМБ капитана 1-го ранга Г. Н. Холостякова, Николай Герасимович сразу же отправился на командный пункт противовоздушной обороны. Поговорив с начальником ПВО и осмотрев расположение зенитных батарей, нарком ВМФ сказал: «Немцы хорошо изучили дислокацию зенитных батарей и умело обходят опасные зоны зенитного огня. Нужно срочно, до налета фашистов, переместить зенитные батареи на новые позиции, пожалуй, лучше всего вот сюда, — и показал места на плане города. — В течение ночи, до рассвета, незаметно для немцев переместите батареи».

Начальник ПВО начал весьма эмоционально доказывать, что эту работу к рассвету выполнить просто немыслимо. И тогда Николай Герасимович властно изрек: «Полковник, если к рассвету ваши батареи не будут перемещены на указанные мною места, вы будете расстреляны».

Начальник ПВО побледнел.

А нарком выехал в штаб Новороссийской ВМБ.

К рассвету начальник ПВО доложил, что все батареи установлены на указанные ему места.

К 9 часам утра в воздухе появилась группа фашистских самолетов, идущих со стороны бесконечной водной глади на приморский город.

Командующий авиацией ВМФ генерал-лейтенант авиации С. Ф. Жаворонков, командующий авиацией Черноморского флота генерал-лейтенант авиации В. В. Ермаченков, вице-адмирал С. П. Ставицкий вместе с наркомом ВМФ с волнением и восторгом наблюдали как падали фашистские бомбардировщики, сбиваемые зенитками, стоявшими на новых местах дислокации.

Самолетный строй как-то быстро расстроился, развалился и в беспорядке отошел в сторону моря. Но тут их агрессивно атаковали советские истребители.

Нарком спросил командующего авиацией: «Ермаченков, чьи эти истребители?»

А когда генерал назвал эскадрилью, предложил поехать к летчикам и поблагодарить. Уже на летном поле Николай Герасимович пожелал познакомиться с летчиками, сбившими фашистские бомбардировщики. «Чем, скажите, я могу их отметить?» — спросил нарком у командира эскадрильи.

«Товарищ народный комиссар, — доложил весьма шустрый командир, — все летчики — сержанты и давно уже заслужили стать лейтенантами».

Подошедшие летчики узнали наркома, которого до этого видели только на фотографиях и смутились. Николай Герасимович обнял каждого по-отечески, объявил благодарность перед строем, щедро всем присвоил звания лейтенантов и наградил часами. Говоря о подарках, он, обернувшись к генералам, спросил: «У вас, генералы, с собой нет часов?»

Оба генерала тут же сняли свои наручные часы и Кузнецов вручил их отличившимся летчикам.

А по прибытии в Москву Николай Герасимович дал указание начальнику управления кадров сразу же оформить необходимые документы о присвоении офицерских званий и награждении всех часами.

Мой собеседник Семен Михайлович Лобов, любящий рассказывать не только веселые истории, сказал мне, что ему довелось встретиться с Николаем Герасимовичем после войны, в 1948 году. В год, когда товарищ Сталин и сопровождавшие его Косыгин и другие члены правительства посетили город Севастополь.

В мае 1948 г. С. М. Лобова назначили командиром Краснознаменного крейсера «Ворошилов», в середине июля из Москвы поступило указание о том, что крейсер будет участвовать в выполнении особо важного задания командования. О чем конкретно идет речь, Семен Михайлович не знал, но как дисциплинированный офицер вопросов не задавал. Ему было известно лишь, что такое же задание получил и экипаж Краснознаменного линкора «Севастополь».

Наступил август. В первые дни последнего летнего месяца стояла нестерпимая жара. В свободное от работы время севастопольцы отдыхали на пляжах. В один из дней многие жители города обратили внимание как со стороны улицы Героев Севастополя на большой скорости влетели три блестящих черным лаком автомобиля и на максимальной скорости пронеслись по улицам. Но никто из праздных зевак и случайных прохо-

жих не мог даже предположить, кто пожаловал к ним в Севастополь. На главную базу Черноморского флота тайно прибыл вождь СССР Сталин.

Вождь всматривался в быстро меняющиеся картинки городской панорамы через зеркальное пуленепробиваемой стекло; его взгляд был сосредоточен. Иногда казалось, что он не замечает бесконечной чередой сменяющихся разрушенных зданий. Этот однотипный пейзаж разрушений, вызывающих тяжкую грусть, был увиден им еще в июле 1945 года, когда он в поезде ехал на Потсдамскую конференцию. Сталин из окна купе видел изможденных от голода людей, одетых в изношенные куфайки, а то в солдатские гимнастерки или даже в немецкие кителя... Страна голодала и нищенствовала, но пережившая войну, надеялась и жила.

Теперь схожую грустную картину он наблюдал на улицах Севастополя. Ровно год назад Генсек отдыхал в Крыму, в Ялте. Жил в том же самом дворце, в Ливадии, в котором проходила знаменитая Крымская конференция. Тогда, в 1947-м, зашел разговор о восстановлении освобожденного в мае 1944 г. Севастополя. Сталин вызвал к себе 43-летнего заместителя председателя Совета Министров хмурого и молчаливого Алексея Николаевича Косыгина.

Косыгин Алексей Николаевич /р. 8.(21).2.1904, Петербург/, деятель Коммунистической партии и Советского государства; член Политбюро ЦК КПСС. Председатель Совета Министров ССР. Член Коммунистической партии с 1927. Родился в семье рабочего-токаря. Пятнадцатилетним юношей ушел добровольцем в Красную Армию, служил в ее рядах в 1919—21.

После демобилизации с 1921 учился в Ленинградском кооперативном техникуме, по окончании к-рого в 1924 в течение шести лет работал в системе потребительской кооперации в Сибири. В 1930 поступил в Ленинградский текстильный институт им. С. М. Кирова...

В годы Великой Отечеств. войны 1941—1945 проводил большую организаторскую работу по перестройке народного хозяйства для нужд обороны страны...

После преобразования Совнаркома СССР в Совет Министров СССР А.Н.Косыгин с 1946 по март 1953 заместитель председателя Совета Министров СССР, одновременно в 1948 министр финансов СССР, а в 1949—53 министр легкой промышленности СССР.

Уже после беседы с вождем Алексей Николаевич встретился с первым секретарем Севастопольского горкома партии П. И. Лесиком «Как обстановка в городе, Павел Иванович?» «Обстановка в городе, товарищ Косыгин, здоровая. Горком партии...» — Лесик стал докладывать о работе партийных, комсомольских и профсоюзных организаций, помощи Крымского обкома ВКП(б), о подборе кадров, затронул вопросы хозяйствования. «Хорошо, товарищ Лесик, достаточно, — прервал его нескончаемый монолог Алексей Николаевич. — Хочу вот пройтись по городу и ознакомиться с тем, как живут севастопольцы. И еще, — видя готовность Лесика его сопровождать добавил Косыгин, — никакого сопровождения со мной не должно быть. Возьму себе в помощь одну Антонину Алексеевну».

Второй секретарь Севастопольского горкома ВПК(б) Антонина Алексеевна Сарина охотно приняла предложение заместителя председателя Совета Министров СССР. И, тепло улыбаясь, напомнила об их встрече еще в 1944 году, в Москве. Косыгин несколько хмуро выслушал Сарину и предложил не мешкая начать пеший осмотр города, причем непременно с рынка.

Город представлял собой весьма горькое зрелище, хотя часть улиц расчистили, а кое-как восстановленные первые этажи домов и полуподвалы жители сумели приспособить под жилье, поросшие бурьяном руины были молчаливыми очевидцами недавних жестоких боев за базу Черноморского флота.

Севастополь был освобожден ровно за год до завершения войны. Своих освободителей город встретил совершенно разрушенным и сгоревшим. И где было взять той самой мифической живой воды, которой можно было поднять город из руин и оживить его жителей?

Помочь могла только столица нашей родины Москва и руководители государства.

Потому-то в 1944 году и поехали в Москву депутат Верховного Совета СССР, председатель горисполкома Василий Петрович Ефремов и секретарь горкома ВКП(б) Антонина Алексеевна Сарина. Председатель Совнаркома РСФСР Алексей Николаевич Косыгин на жалобы о том, что в городе не найдешь ни щепки, ни одеяла, отвечал, что, увы, такое положение сложилось повсюду, на всей территории страны, где заклятым смерчем прошла война. «Постепенно, — утешал он, — все уляжется, дойдут у нас руки и до Севастополя. А пока потерпите». Он перелистал альбом аэрофотосъемки, сделанной летчиками Черноморского флота: город в руинах, идентичная панорама без конца и края. Глухо произнес: «Что же это такое? Как же вам помочь?» Растроганный Алексей Николаевич тут же позвонил в Махачкалу, принялся с жаром кому-то на том конце провода объяснять ситуацию в Севастополе, но ему ответили, что и так помогают и перевели 4 млн. рублей, собранных людьми.

Алексей Николаевич, не зная, какие еще найти доводы, предложил: «Пошлите в Севастополь делегацию, пусть посмотрят, поговорят, а потом своим людям расскажут...» И уже обращаясь к делегатам из Крыма, грустно рассудил: «Думаю, мы найдем возможность помочь нашему российскому городу, городу русской славы Севастополю. Но для этого вам надо поехать в Иваново к ткачихам, рассказать им о героизме севастопольцев, особенно женщин. Ивановские ткачихи многие потеряли на войне своих близких, мужей, отцов и братьев. Они поймут вас и обязательно поделятся даже последним...»

Та обстоятельная и доброжелательная беседа с А. Н. Косыгиным действительно пошла на пользу Севастополю. Строительные материалы пошли с Дальнего востока, Сибири, Урала, Нечерноземья, средства на счет Севастополя перечисляли военные и гражданские моряки-дальневосточники и балтийцы. Ивановские ткачихи прислали несколько эшелонов мануфактуры для женщин Севастополя, которым тогда, можно сказать и так, не в чем было выйти на улицу. Тяжелейшим, но и дававшим новую надежду был тот год: жители города с тяжелым волнением и слезами на глазах встречали каждый эшелон, прибывающий из необъятных просторов России, с заводов Москвы и Ленинграда, Свердловска и Новосибирска, из

других городов шли составы, груженные материалами, аппаратурой и т д. Позже стали возвращаться эвакуированные; образовались палаточные городки строителей.

На развалинах севастопольских домов еще были видны записи саперов «Проверено. Мин нет», но уже началось возрождение, восстановление.

А если точнее, то строительство города началось с нулевого цикла.

Следует отметить, еще в апреле 1944 года, когда в Крыму на подступах к Севастополю шли ожесточенные бои, по решению Председателя Государственного Комитета Обороны товарища Сталина была создана отдельная строительно-монтажная часть, ставшая впоследствии трестом «Севастопольстрой» и уже 9 мая, вслед за боевыми порядками соединений в город вошли три строительных батальона, снятых с фронта и переданных в распоряжение «Севастопольстроя».

Вызвав командира строительной части, командующий 4-м Украинским фронтом генерал армии Федор Иванович Толбухин сказал: «Товарищ Сталин, в разговоре со мной просил лично передать солдатам и офицерам вашей части, что Севастополя, как города, больше нет и его надо отстроить заново».

Это соответствовало действительности.

Везде виднелись завалы и воронки от бомб и снарядов. На нынешнем проспекте адмирала Нахимова остался только полуразрушенный фасад дома № 11, где сейчас находится музыкальная школа. Город остался без воды, электроэнергии, канализации, были разрушены железная дорога, самая большая «Цыганская тоннель» и повреждены остальные. Взорваны мосты и вокзал, все промышленные предприятия города и флота. А еще — тысячи неразорвавшихся бомб, мин и снарядов затаились в развалинах и являли жестокое наследие войны.

Всего за один месяц — с 20 мая по 20 июня 1944 года — с использованием аэрофотосъемки, архивных документов, фотографирования, планов инженерных сетей были произведены обследование и инвентаризация. По этим документам был установлен ущерб, нанесенный главной базе ЧФ. Он составил 2,5 миллиарда рублей в ценах 1944 года.

...Алексей Николаевич Косыгин и Антонина Алексеевна Сарина добрались наконец до рынка, где на дощатых рыночных прилавках был выставлен скудный товар массового спроса, характерный для голодного времени, основным продуктом была какая-то серая крупа в мешочках, продаваемая на стаканы. Вид человека в светлом костюме, в шляпе и галстуке, выдавал заезжего гостя из большого города. А как только он стал задавать вопросы о ценах, его окружили. Но когда Алексей Николаевич вынул блокнотик и начал что-то записывать, как любопытство людей сначала переросло в настороженность, а затем и в нешуточный страх. Сделав очередную запись и подняв голову Косыгин уже не увидел перед собой болтливых собеседниц. Рядом стояла лишь Антонина Алексеевна.

В тот же день Косыгин оставил Севастополь, а по приезде доложил Сталину об увиденном, высказав пожелание, что город должен быть восстановлен по возможности быстрее. Это совпадало с планами вождя в отношении российского города, являвшегося главной базой Черноморского флота. Сталин, как известно, придавал большое значение этому южному форпосту страны в решении геополитических задач.

«Крым, Севастополь — это не-потопляемый авианосец... Да, непотопляемый... Авианосцев у нас пока нэт, — будут. Но вначале рэшим вопрос с крейсерами. Авианосцы для нас пока дорогое удовольствие, а *у них* — есть. Причем, са-авсем рядом с нами. С самой войны стоят в Средиземном море и нэ уходят...» — вождь, говоря так, припомнил как союзники затягивали открытие второго фронта в Европе.

Осенью 1942 года американцы впервые появились в Средиземном море. Их корабли участвовали в высадке англо-американских войск в Северной Африке, затем на Сицилии, на юге Франции. Но после войны они не вывели оттуда свои корабли. Вместо этого стали укреплять свои пункты военно-морского базирования. Флот — это сила, а совместно с авиацией — вдвойне. А Средиземное море, которое контролируют американцы, представляет собой мощный международный экономический узел. Значит, они контролируют все коммуникации: сухопутные, морские, воздушные.

Помимо решения ряда вопросов Сталин планировал в этот раз пройтись вдоль крымского побережья на линкоре «Новороссийск». Ему было доложено, что корабль для этого похода готов. Также в резерве был подготовлен и крейсер, которым командовал капитан 1-го ранга Семен Михайлович Лобов.

По докладам разведки и анализу текущей международной обстановки Сталин понимал, что американцы останутся в Средиземном море надолго, если не навсегда. В июне 1948 года они преобразовали свои морские силы в 6-й флот. С целью ознакомления с ситуацией вождь поручил помощникам немедленно пригласить к нему на беседу командующего флотом, командира эскадры, а когда его личный телохранитель подполковник Хрусталев стал выходить из кабинета, сказал вослед: «Па-азови и командира крейсера, который должен бить у нас в резерве».

Через некоторое время к Сталину вошли вызванные руководители флота и капитан 1-го ранга С. М. Лобов. Вождь, коротко обрисовав сложившуюся в регионе обстановку, спросил: «Что ми можем им противопоставить?» И, не дожидаясь ответа, продолжил: «Ведь если они нанесут нам удар даже без атомной бомбы, то здэсь, на юге, наше самое уязвимое место. Из Турции а-ани могут ударить по Болгарии, Румынии, висадить десант в Констанце, на нефтепромислы. А это всегда чревато серьезными последствиями. В случае напряженной обстановки Черноморскому флоту придется взаим-а-действовать с войсками Одесского военного округа. Но главная задача флота — это бить готовым к началу боевых действий, и все усилия подготовки и учений на-аправить на завоевания господства в Черном море. Ва-аспрепятствовать проходу американцев и их союзников через Босфор».

Сталин дважды повторил собравшимся: «Россия выигрывает войны, но нэ умеет пользоваться плодами своих побед. Русские воюют хорошо, но не умеют заключать мир и их а-абходят. Их питаются всэгда обмануть...»

Генсек не был полностью удовлетворен проведением ни Ялтинской, ни Потсдамской конференцией, потому что цели и задачи минувшей войны не были достигнуты.

Конечно, союзники во многом пошли на попятную и приняли ряд мер к тому, чтобы японцы не беспокоили российский Дальний Восток, но проблем вот здесь, на юге, хватает...

После Потсдамской конференции на Ближней даче Сталина в одной из комнат была закреплена карта СССР в новых границах. Как-то в присутствии В. М. Молотова и Первого секретаря ЦК Грузии А. И. Мгеладзе рассуждая и будто бы ни к кому не обращаясь, Сталин, подойдя к карте сказал: «Па-асмотрим, что у нас получилось... На севере у нас все в порядке. С Финляндией нормально. И я думаю, Косыгин много решит в сотрудничестве с президентом Паасикиви и его заместителем Урхо Калеви Кэкконеном. Они ха-аряшо понимают друг друга и вырабатывают линию. Та-аварищ Косыгин предлагает ее назвать «линией Паасикиви-Кэкконена». Согласимся с мнением за-местителя Предсовмина... Прибалтика — эти исконно русская земля, снова наша... С нами снова живут украинцы, белорусы, молдаване, хотя должен сказать, на Западе не-спокойно еще. Но Лаврэнтий говорит, што скоро будет все в порядке... А што у нас на Востоке? Курильские острова наши опять, Сахалин — наш, и Порт-Артур — наш, и Дальний — наш».

Вождь провел трубкой на карте по Китаю, четко добавляя: «И КВЖД наша... Китай, Ма-анголия с нами. А вот здесь мне наша граница нэ нравится, — и показал трубкой на карте южнее Кавказа. — Ш-то скажешь, Молотов? Ми можем решить в порядке совместного владения?»

— Не дадут, — ответил Молотов.

— А ты па-атребуй. Тем более што у нас есть много претензий и к туркам; не так ли, Мгеладзе?

— Так точно, товарищ Сталин, — с акцентом ответил тот.

И вот здесь, на встрече с командованием Черноморского флота Сталин вновь коснулся этой важной для страны темы. Проблема эта, как известно, существовала еще в бытность Александра II.

7 июля 1946 г. правительство Советского Союза предложило правительству Турции положить в основу эксплуатационного режима проливов Босфора и Дарданелл пять основополагающих принципов:

1) проливы должны быть всегда открыты для прохода торговых судов всех стран;

2) это правило касается и военных судов Черноморских держав;

3) проход через проливы для военных судов нечерноморских держав не допускается, за исключением особо предусмотренных случае;

4) установление режима проливов должно являться компетенцией Турции и других черноморских держав;

5) Советский Союз, как держава, наиболее заинтересованная и способная обеспечить свободу торгового мореплавания и безопасность проливов и Турция совместно организуют оборону Босфора и Дарданелл для предотвращения их использования другими государствами во враждебных черноморским странам целях.

За этой нотой, после ответа Турции, последовала другая — от 24 сентября 1946 года. Однако добиться контроля над проливами тогда не удалось. Но это уже была большая политика за пределами конкретного региона.

Вот эти-то обстоятельства и побудили Сталина внезапно посетить Севастополь.

— Ну ш-то, товарищ Косыгин, в Севастополе ви по-бивали, обстановку прочувствовали, теперь узнаете, какова обстановка Черноморского флота.

19 августа 1947 года И. В. Сталин, А. Н. Косыгин осуществили переход из Ливадии в Сочи на крейсере «Молотов», где командиром был капитан 1-го ранга Б. Ф. Петров. Крейсер сопровождали эсминцы «Огневой» и «Лихой». Это было тогда второе плавание Сталина корабле Черноморского флота (первое проходило с Лаврентием Берия в 30-е годы на крейсере «Профинтерн»), имевшее серьезные последствия как для флота, так и для его главной базы Севастополя.

На крейсере вместе с командующим ЧФ адмиралом Ф. С. Октябрьским присутствовал и Главнокомандующий ВМФ И. С. Юмашев. После своей беседы со Сталиным во время перехода адмирал Октябрьский сделал в дневнике записи: «Сталин сказал: «Никогда такой благоприятной обстановки на вашем те-

атре не было, как сейчас. Но надо смотреть вперед с перспективой. Вот почему нужны и нам авианосцы». Сталин все время спрашивал, хорошие ли крейсера типа «Киров». Обсуждался также вопрос об укреплении командования и его штаба, а также материально-технического и тылового обеспечения. Сталин тут же поручил присутствовавшему Косыгину заняться этим вопросом...»

Крейсер «Молотов» возвратился в Севастополь после доставки Сталина в Сочи. За время, пока Сталин был на корабле, Севастополь сразу почувствовал присутствие вождя, который всегда принимал важные решения не откладывая в долгий ящик.

То же самое произошло и год спустя, когда Сталин говорил с командованием Черноморского флота о проблемах региона, военно-политической обстановке и обеспечении города и флота всем необходимым для поддержания высокой боевой готовности.

Согласно его указания, Косыгин тут же подписал ряд решений Совета Министров о высылке имущества, мебели и оборудования, других материалов, продуктов для жителей города.

Было принято решение о выдаче матросам обмундирования в собственность при их увольнении в запас (в 1940-м году было отменено право краснофлотцев и старшин считать форму одежды своей собственностью, теперь же это право вновь вступило в силу).

...Слушая Семена Михайловича Лобова, я напомнил ему, что в зале ожидания станции Севастополь напротив входа закреплено на стене большое полотно с подписью: «Сталин на Черноморском флоте». Вождь стоит на палубе линкора в маршальском мундире и смотрит вдаль. Поодаль от него изображены Косыгин, а также Юмашев, Октябрьский и другие адмиралы и генералы ВМФ. (Оно провисело приблизительно до середины 60-х годов XX ст.). На что Семен Михайлович реагировал словами: «Да, я помню это полотно. Но, как я тебе говорил, слушал я Сталина ровно через год после тех событий, которые изображены... Так вот, вождь высказал ряд идей и ска-

зал мне, что, — привожу дословно, — «будущее флота в руках таких командиров, как вы, товарищ Лобов. Пройдет несколько лет и вы станете командующим одного из самых сильных наших флотов. И на вооружении у вашего флота будут такие корабли, которые будут иметь не только атомное оружие, но и атомные силовые установки». К сожалению, добавил Сталин, я уже стар и этого уже не увижу...»

В послевоенные годы по предложению Кузнецова была разработана комплексная программа военного кораблестроения. Сталин распорядился, чтобы программа составлялась на срок 10 лет. Заявку на строительство новых кораблей готовил Главный морской штаб — ГМШ. Было подготовлено межведомственной комиссией три варианта реализации программы. После первого совещания, состоявшегося у Сталина 27 сентября 1945 года, по военной судостроительной программе было выработано окончательное решение 10-летней программы военного судостроения, которое вскоре было утверждено постановлением правительства. Но, как утверждал мой собеседник Семен Михайлович, намеченную программу не удалось выполнить по ряду причин. Но главным в срыве выполнения программы была, конечно, смерть Сталина.

Следует отметить, что основная часть программы предусматривала создание современной производственно-технической базы освоения новых технологий, совершенствование подготовки кадров и создание научного задела по всем направлениям развития военно-морской техники. По мнению Лобова, вождь выбрал верный курс в отношении строительства нового флота.

В 1948 году после визита Сталина город Севастополь стал оживать. Хотя, конечно, далеко не сразу все устроилось. Да и вождь видел не все, его взгляд уходил дальше, в будущее, туда, куда ни один смертный зыглянуть не мог... Его мысли были заняты не только послевоенным устройством страны, а — переустройством мира, он думал о влиянии Советского Союза и роли его в финансовом мире нашей планеты. Вместе с тем думал вождь и заботился о флоте, достойном великой державы,

планировал строительство и оснащение Черноморского флота океанскими крейсерами, линкорами, эсминцами, подводными лодками, современными самолетами морской авиации, которые будут дислоцироваться в Севастополе.

Вот момент: выйдя внезапно из своих размышлений, Сталин спросил сопровождавших его адмиралов: «Как называется эта улица?»

— Товарищ Сталин, это улица Фрунзе.

— А раньше? — Сталин особо подчеркнул «раньше».

— Адмирала Нахимова, товарищ Сталин.

— Очень ха-арошо. Зачэм Фрунзе, при чем тут он и Севастополь?

— Товарищ Сталин, но ведь его войска освобождали Севастополь от белых.

— Освобождали, это я знаю. Но улица в Севастополе должна носить имя а-адмирала Нахимова.

По его мнению, имя талантливого русского флотоводца больше подходило главной улице Севастополя, чем имя красного полководца, которого, кстати, вождь не жаловал. И никогда не сожалел о его преждевременной смерти во время операции.

Сталину, совершавшему экскурсию по городу, не понравились и отдельные здания, которые находились на Корабельной стороне, чем-то Лазаревские казармы напоминали ему цитадели. Темпы восстановления города-крепости его тоже не радовали. Руководители горкома партии никак не могли определиться: «Каким его возрождать?» На что Сталин ответил однозначно: «Возрождать как русский город. Город русской славы!»

Или вот еще момент. Вернувшись в Москву, Сталин вызвал члена Политбюро ЦК ВКП(б) К. Е. Ворошилова, курировавшего в ЦК партии вопросы культуры и спросил его: «Клим, што у нас есть из театральных постановок о севастопольцах?» Наверняка вопрос был задан не из простого любопытства. Климент Ефремович попросил несколько часов сроку, когда он представит нужные сведения. Вечером секретарь Поскребышев подал Генсеку справку, в которой говорилось, что в 1946 г. была

написана и поставлена Молотовским театром оперы и балета опера «Севастопольцы» (автор М. Коваль, либретто Н. Браун), а 7 ноября 1946-го состоялся первый спектакль.

Для поднятия духа мужественных людей, жителей разрушенного крымского города Сталин приказал вывезти труппу Молотовского театра на гастроли в Севастополь. Подчеркнув тем самым свое особое отношение к городу и горожанам...

Вождь слов на ветер не бросал никогда, и его властная воля всегда воплощалась в конкретные дела без промедлений и раскачки. После посещения Севастополя в августе 1948 года И. В. Сталиным было решено восстанавливать город высокими темпами. Если говорить вообще о возрождении Севастополя, то годами, ставшими для главной базы ЧФ судьбоносными, следует назвать 1783-й и 1948-й годы.

Семен Михайлович Лобов говорил об этом так: «2-го (13) мая 1783 года в Ахтиарскую (Севастопольскую) бухту вошла эскадра вице-адмирала Федора Алексеевича Клокачева. 13 мая после сего принято считать официальной датой рождения Черноморского флота России. А через месяц после этого события 3 (14) июня русскими моряками-черноморцами были заложены пристань и три первых каменных дома. Так родился славный русский город с греческим названием Севастополь, что означает «город, достойный славы и подражания...».

Что же касается значения для города 1948 года, то это становится ясным после изучения принятых на государственном уровне решений, утвержденных Генсеком.

25 октября 1948 года Председатель Совета Министров СССР И. В. Сталин подписал Постановление «О восстановлении города и главной базы Черноморского флота — Севастополя», в котором есть такие слова: «Совет Министров СССР отмечает, что восстановление города Севастополя, главной военно-морской базы Черноморского флота осуществляется крайне медленно. При существующих темпах восстановление города и военно-морской базы может быть закончено не ранее чем через 10—15 лет, что является совершенно недопустимым». И далее, волей Сталина предписывалось восстановление Севастополя в течение 3—4 лет.

Постановление Совета Министров СССР определило особый статус Севастополя, как главной базы ЧФ в существовавших административных границах города: от мыса Сарыча, непосредственно сам город, Северная сторона, Учкуевка, Любимовка, Инкерман, Микензиевы горы, станция Бельбек, деревня Дуванкой, поселки Кача, Песчаное, Николаевка, авиагарнизон поселка Новофедоровка, город Саки.

Такова административная территория города Севастополь.

Постановление требовало ускорить его восстановление как «первоклассной военно-морской крепости». В связи с особым статусом, — и это немаловажно, — Постановление предписывало выделить город Севастополь в число *городов республиканского подчинения* Российской Советской Федеративной Социалистической Республики.

Таким образом, как и военная администрация главной базы, гражданская администрация города стала замыкаться непосредственно на Москву, на правительство РСФСР.

Во исполнение данного решения Президиум Верховного Совета РСФСР 29 октября 1948 года и принял Указ о выделении города Севастополь в самостоятельный административно-хозяйственный центр со своим особым бюджетом, формируемым Министерством финансов РСФСР.

Город был отнесен к категории республиканского подчинения наряду с г. Горький, Свердловск, Куйбышев и др. крупнейшими городами РСФСР.

В тот же день Совет Министров РСФСР принял Постановление «Вопросы города Севастополя», в соответствии с которым город в государственном плане и бюджете выделяется отдельной строкой.

Следует отметить, что эти решения были обусловлены юридически и нравственно не только объективной необходимостью, но и исторической практикой: Севастополь был создан по велению Екатерины II в соответствии с заветом Петра Великого об укреплении южных форпостов России, и был построен флотом, и всегда существовал для Российского флота.

Когда в силу волюнтаристских решений, принятых в 1954 году во времена руководства страной Хрущевым, когда состоялась передача Крымской области в состав УССР из со-

става РСФСР, то Севастополь с его административными границами, утвержденными правительством СССР по указанию Сталина, как административная и военная территория РСФСР, не передавался вместе с Крымом в состав УССР.

19 февраля 1954 года состоялось заседание Президиум Верховного Совета СССР, на котором должны были присутствовать все (в крайнем случае большинство) члены Президиума, но т. к. вопрос был предрешен, на историческом заседании не присутствовали те члены Президиума, выступления которых были внесены (!) в стенограммы заседаний.

Если верить стенограммам, то председательствующим на заседании был председатель Президиума Верховного Совета СССР К. Е. Ворошилов. Его слова застенографированы (тогда как он не был и, естественно, не выступал!): «Сегодня мы должны обсудить один вопрос — о совместном представлении Президиума Верховного Совета РСФСР и Президиума Верховного Совета УССР о передаче Крымской области из состава РСФСР в состав УССР. По этому вопросу предоставляется слово председателю Президиума Верховного Совета УССР тов. Коротченко Демьяну Сергеевичу». Из застенографированного видно, что Коротченко сказал: «Товарищи! Президиум Верховного Совета Украинской Советской Социалистической Республики выражает свою сердечную благодарность великому русскому братскому народу за исключительно замечательный акт братской помощи... передачу Крымской области из состава РСФСР в состав УССР».

...Из воспоминаний жителя города Львова Владимира Николаевича Тефнера, с которым мне довелось как-то разговаривать: «Недавно я вернулся из мест лишения свободы, где отбыл один год лишения свободы за нарушение паспортного режима. Срок отбывал в лагере села Песчанка Винницкой области. Этот срок мне намотали в связи с тем, что буквально за семь месяцев до этого я освободился из мест лишения как шпион иностранных разведок, срок отбывал частью во Владимирской тюрьме, а частью в лесах Мордовии на лесоповале. Меня никогда не интересовала власть во Львове, которая появилась здесь с приходом большевиков.

Возможно, начавшаяся война для кого-то была трагедией, мне она тоже особой радости не принесла, хотя, если выбирать между большевизмом и фашизмом, то я выбрал бы Господа и графа Андрея Шептицкого, ставшего впоследствии руководителем Греко-католической церкви. Его резиденция находилась в церкви святого Юры. Я буквально с малых лет был одним из тех, кто постоянно посещал церковь, закончил гимназию, затем Краковский университет. По окончании его стал личным библиотекарем у графа. Вскоре он меня привел к мысли о том, что это не соответствует моим знаниям и рекомендовал заняться более серьезными делами. Так я стал его личным агентом, а свободное владение немецким и французским языками, а также мое происхождение и воспитание позволяло мне проникнуть в ряд салонов Европы. Где я, в частности, познакомился с одним из деятелей Западной Украины Евгеном Коновальцем. Который, как я выяснил, был тесно связан с разведкой адмирала Канариса, а с началом войны продолжал сотрудничать также с 6-м управлением РСХА бригаденфюрером СС Шелленбергом.

Мне также стало известно и то, что предшественник Шелленберга является агентом разведки большевиков. Он исчез из 6-го управления где-то 23 или 24 июня 1941 года. Это был оберфюрер СС Йост. Мне также известно было о том, что Евген Коновалец еще с середины 20-х гг. считал необходимым создать в Крыму противостояние между русскими и греками — с одной стороны и между евреями и украинцами — с другой стороны. С этой целью Коновалец предложил активизировать деятельность западных агентур в советском Киеве с целью, чтобы Москва разрешила переселение жителей Кировоградской области в Крым. А еврейские диаспоры, живущие в России и на Украине, со своей стороны, должны добиваться у советского правительства, что им незаконно выделили земли в Хабаровском крае (где Еврейская автономная обл.) и что им нужен более благодатный климат, близкий к тому, как на их исторической родине. И таким местом, по их мнению, является Крым.

Интересы советских евреев в этом направлении в канун войны отстаивали член Политбюро ВКП(б) Лазарь Моисеевич Каганович, командарм 2-го ранга, а впоследствии генерал-пол-

ковник Штерн; еще ранее — эти вопросы начали лоббировать командарм 2-го ранга Фельдман, ученые из Академии Наук Коган и Дубинский; буквально в канун войны — весной 1941 года свою деятельность начала активизировать в отношении переселения евреев в Крым нарком легкой промышленности СССР, кандидат в члены ЦК ВКП(б) Полина Жемчужина (Перл Семеновна Карповская), жена члена политбюро ЦК ВКП(б), бывшего в то время главой Советского правительства Вячеслава Михайловича Молотова. И многие другие подобные им деятели.

Сталин, благодаря деятельности своих спецслужб, — не побоюсь сказать этих слов, — выявил и обезвредил подобных деятелей со стороны некоторых западных кругов.

И если наказание за шпионскую деятельность в 30-е годы стало трафаретным для всех, кого арестовывали, то в этом ничего удивительного нет. Ведь страна была расколота на два лагеря: тех, кого сажали и тех, кто сажал. О себе я так не могу сказать, потому что при выполнении одной из операций незадолго до кончины графа Шептицкого (он умер во Львове в 1944 г.), я прокололся и был схвачен своими оппонентами, которые сдали меня советскому СМЕРШу. Поступили они так по причине того, что большевистская армия уже была на пороге Европы и война завершалась. Так я и получил «свои» 25 лет.

Так вот, те материалы, которые мне удалось приобрести, говорили о том, что Крым если не в 30-е годы, то в ближайшие 10—20 лет станет разменной картой с единственной целью — посеять вражду между двумя славянскими народами: русским и украинским. Я думаю, что это очень близко к истине. Но пока был жив Сталин, это было сделать чрезвычайно сложно. Поэтому его смерть была очень хорошо воспринята в эмигрантских, антисоветских и других славянских центрах в Европе, которые частично содержались на деньги бывшей царской России, а частично — на деньги заокеанских друзей.

За время, когда я находился в советских лагерях, я узнал, как никогда, советских людей. Среди нас сидели и наши западенцы, и бессарабы, и поляки, и раскулаченные из русских, бывшие полицаи, а также было несколько бывших хозяйственных работников-евреев. И я увидел с другой стороны настоящих советских людей. Вот говорят: у медали две стороны,

лицевая и оборотная. Но это ерунда. У медали есть не только ребро, или как еще говорят, реторта. Но, возможно, есть и третья, и четвертая. Это надо ощутить. Все стороны человека можно ощутить когда человек этот находится в экстремальных условиях. Там открывается его истинное лицо. Людей можно узнать в последние 2—3 минуты в падающем самолете, в корпусе затонувшей подлодки и в тюрьме. К счастью, в последнем случае есть шанс выжить… я выжил. Вот ты крымчанин, тебе и скажу: Крым продали еще в 20-е годы с целью раскола отношений между людьми. И в тюрьме я об этом наслышался больше, чем на воле.

Я не знаю, сколько мне осталось, но знаю одно: Советский Союз рухнет, Россия потеряет Крым, потому что он в составе Украины и выгодно это прежде всего западенцам… Выгодно это кому-то и в Москве. Крымом будут торговать всегда. Но я не думаю, что Крым — это единственное место, из-за которого люди себе глотки перегрызут. Все теплые места дороги людям и они будут грызться. А кто-то будет этим пользоваться, используя политику, разведку, армию. А это — новая война…»

Этот разговор состоялся в прекрасном европейском городе Львове, мы шли по короткой тенистой улочке, имевшей название Мучная. Владимир Николаевич рассказал, что в конце XIX века здесь жили пекари, которые пекли вкуснейшие булочки и плюшки. Он тогда был юношей и заканчивал гимназию. Я спросил: «У вас два сына и молодая красивая жена. Как вам живется?»

«Об этом мало кто знает, — ответил он, — или вообще никто не знает, моя жена — одна из дочерей графа Андрея Шептицкого. Ну а живем скромно. А иначе как тут жить? Построй приличный дом, так снова посадят…»

Мы подошли к подножью Подзамче, на остановку Подвальная, где он сел в трамвай и уехал в противоположную сторону города, к своему неказистому домику. Было это во второй половине 70-х годов. А вскоре Владимира Николаевича Тефнера не стало. Не мог он в советской стране заработать пенсию, ибо его жизнь прошла за колючей проволокой. Советской властью он был вычеркнут из жизни, ничего хорошего не было угото-

вано и его сыновьям. Да и его еще достаточно молодой вдове чаще приходилось слышать с презрением брошенное: «Да это жена полицая и шпиона», — чем добрые и сердечные слова. Ее сторонились даже в таком далеко не советском городе, как Львов... А ведь сторонились-то очень умного и талантливого человека. Образованию которого, знаниям и опыту мог позавидовать каждый нормальный человек и с которым по уму не сравнится никаким советским докторам наук...

Но вернемся к стенографии исторического заседания.

Следующим было застенографировано выступление Председателя ВЦСПС (Всесоюзного Центрального Совета Профессиональных Союзов) члена Политбюро Президиума ЦК КПСС Николая Михайловича Шверника. «...такая передача крупнейшей (*?! Свердловская была куда как крупней, опять же, взять: Ленинградская, Московская, Днепропетровская...*) области, богатой сырьевыми ресурсами (*?! не было их там и нет; единственное богатство там — климат...*), с развитой крупной промышленностью (*там была только местная промышленность, но никак не крупная!*), ценными природными лечебными факторами может быть осуществлена только в условиях нашей социалистической страны, навсегда освободившейся от гнета капиталистов и помещиков, в стране, где на первом плане стоит забота о человеке и его материальных и культурных потребностях (*ну спасибо вам, Николай Михайлович, — с этого света на тот. Я, конечно, не знаю, был ли гнет капиталистов и помещиков и в чем он заключался, но гнет советских руководителей сделал возможным выбросить из России Крым и его полуторамиллионный народ одним росчерком пера! Сомневаюсь, что так подло могли поступать русские помещики и капиталисты.*)».

Следующим зафиксировано выступление Председателя Президиума Верховного Совета Узбекской ССР Шарафа Рашидовича Рашидова. «Передача Крымской области в состав Советской Украины отвечает общим интересам нашей великой родины. Это возможно только в нашей стране, где нет национальной розни (*«спасибо» и великому советскому писателю, инженеру человеческих душ*) и национальных противоречий, где жизнь всех советских людей протекает в обстановке мир-

ного созидательного труда во имя мира и счастья всего человечества...» (Спустя 8 лет после этого исторического заседания *мирный созидательный труд советских людей* в городе Новочеркасске будет разрушен пулеметными очередями Советской армии. А еще через три десятилетия *в стране, где нет национальной розни, и национальных противоречий*, разразится кровавая драма на Кавказе и в Средней Азии...)

После в стенограмме — выступление бывшего профессионального разведчика ГРУ Генштаба, члена Политисполкома Коминтерна, видного деятеля КПСС и коммунистической партии Финляндии Председателя Президиума Верховного Совета Карело-Финской ССР Куусинена Отто Вильгельмовича: «Только в нашей (*?!*) стране возможно, чтобы такой великий народ, как русский, без всяких колебаний великодушно передал другому братскому народу одну из своих областей...» (*Ну спасибо, что другие народы бывшего СССР так дурачили русский народ... Даже грузин Сталин пресекал эти выпады в отношении русских!*).

После славного и несостоявшегося в 1940-м году Первым секретарем Коммунистической партии Финляндии и Председателем Президиума Верховного Совета Финляндской Советской Социалистической Республики т. О. В. Куусинена выступил красный конник, Председатель Президиума Верховного Совета СССР Маршал Советского Союза Климент Ефремович Ворошилов: «Уважаемые товарищи! Записавшихся для выступления больше нет. Предлагается принять следующее постановление: «Учитывая общность экономики, территориальную близость и тесные хозяйственные и культурные связи между Крымской областью и Украинской ССР Президиум Верховного Совета СССР постановляет: утвердить совместное представление Президиума Верховного Совета РСФСР и Президиума Верховного Совета УССР о передаче Крымской области из состава Российской Советской Федеративной Социалистической Республики в состав Украинской Советской Социалистической Республики». Других предложений нет? Кто «за» это предложение, попрошу поднять руку... Кто «против»? ...Таковых нет. ... Кто «воздержался»? ...Тоже нет. Принято единогласно».

В это время старый разведчик ГРУ пододвинул рукой вдвое сложенный листок К. Е. Ворошилову. Тот его развернул и, при-

крыв ладонью, прочитал текст: «Товарищ председательствующий! В 1948 г. с учетом предложения товарища Сталина город Севастополь Постановлением правительства СССР был выделен в самостоятельную административно-хозяйственную единицу с подчинением правительству РСФСР и как город Российской Федерации. Это Постановление никогда и никем не отменялось. Поэтому, рассматривая вопрос о возможной передаче Крыма из состава Российской Федерации в состав УССР, следует заметить, что в отношении города Севастополя не существует никаких иных документов, которые могли бы лишать права этот город быть вне России».

Роспись под этой бумагой была хорошо известна Ворошилову и принадлежала одному из ближайших советников Сталина, который был одновременно и руководителем его партийной разведки. Ворошилов закрыл листок и отодвинул его Куусинену, не произнеся о Севастополе ни единого слова...

Мне, родившемуся в Крыму, когда он был неотъемлемой частью РСФСР, горько знать о том, что случилось с Крымом после 1991 года... Те, кто занимался дележом Советского Союза, сделали все возможное для того, чтобы урвать себе кусок побольше. А пришедшие позже к власти новые демократы обвинили в проколах не себя, а тех, кто десятилетиями правил Советским Союзом... А *на нет и суда нет*?

Следует отметить, что решения таких серьезных вопросов, как изменение территории либо передача территории другим государствам должны рассматриваться законодательными органами этих стран.

В данном случае вопрос передачи Крыма из одной республики в другую должен был быть решен на уровне Верховных Советов, и если есть положительное совместное решение, то оно становится совместным Постановлением и должно быть ратифицировано Верховным Советом СССР в виде Указа Президиума либо съездом депутатов Верховного Совета СССР и оформлено соответствующим постановлением.

Такого решения никогда не было принято ни в Москве ни в Киеве.

Таким образом, юридически территория Крыма не является территорией соседнего, украинского государства.

А о Севастополе вообще не может быть и речи. Ибо этот город был и остается в юридической подчиненности Российской Федерации.

И тот нонсенс, который существует в настоящее время, является не чем иным, как итогом искаженной и безнравственной политики ряда так называемых политических деятелей в Москве и Киеве. Временщиков, которые на протяжении последних десятилетий стремились удовлетворить собственные амбиции.

С момента своего основания Севастополь являлся военно-морской крепостью юга России, российским городом-твердыней. Таково было мнение не только Семена Михайловича Лобова, советского морского военачальника, а и ряда других руководителей флота. В частности, мера Москвы Юрия Михайловича Лужкова, адмирала Игоря Владимировича Касатонова.

С XIX века Севастополь являлся главной базой Черноморского флота и это его предназначение не пересматривалось даже и в советский период. В генеральной схеме планировки Севастополя 1938 года обращалось внимание на специальное оборонное значение города, требующее согласования всех проектных решений с условиями обороны. Граница городских земель устанавливалась с учетом размещения объектов главной базы ЧФ. Поэтому Президиум Верховного Совета РСФСР 7 марта 1939 года принял Постановление о существенном расширении городской черты, что произошло за счет земель специального назначения северной части города, включая береговую полосу и район поселка Кача.

Новая граница территории Севастополя была подтверждена установкой знаков на местности и легла в основу проектов послевоенного восстановления города.

26 апреля 1944 г. Госкомитет обороны СССР издал Постановление, в котором наркомату ВМФ предписывалось разработать проект восстановления главной базы Черноморского флота — Севастополя.

10 мая 1944 г. Верховный Главнокомандующий Маршал Советского Союза И. В. Сталин объявил: «Наши войска овладели крепостью и важнейшей военно-морской базой на Черном море — городом Севастополем». Этим самым высшая власть в условиях военного времени подтвердила статус Севастополя, как крепости и главной военно-морской базы.

5 июня 1945 г. Комитет по делам архитектуры при СНК СССР утвердил схему планировки Севастополя, в которой подчеркивалось: «Севастополь — военно-морской порт, главная база ЧФ, морская и сухопутная крепость, закрытый город». Это назначение служит отправным моментом в проекте восстановления города.

30 апреля 1946 г. Совмин РСФСР утвердил Генеральный план Севастополя, как главной военно-морской базы ЧФ. 26 ноября 1947 г. с учетом этого Генплана города, министр Вооруженных Сил СССР Н. А. Булганин приказом утвердил задание на восстановление в целом главной базы Черноморского флота.

Для решения масштабных и объемных задач при Совете Министров СССР по указанию товарища Сталина было создано Управление по восстановлению Севастополя во главе с генерал-майором И. В. Комзиным. Аналогичное управление было создано и при правительстве РСФСР. После этого Постановлением Совмина СССР принято было решение образовать специальное военно-морское строительное Управление центрального подчинения «Севастопольвоенморстрой» Главного управления Военно-морских сил».

Возрождение Севастополя — это целая эпопея, которую можно считать еще одним героическим подвигом черноморской твердыни. Но главным осталось то, что город, как база и морская крепость, обеспечивал выход Черноморского флота в Средиземное море, в мировой океан.

Прощаясь с адмиралом флота Семеном Михайловичем Лобовым, я услышал от него слова, которые мне вспомнились вскоре после очередных событий в его жизни. Сказал он: «С Крымом мы еще намаемся. Когда-то этот лакомый кусочек не давал покоя туркам. И хлебнем мы еще горечи от того, что Крым мы передали Украине...»

Тогда же, в 1972 году, он коротко, буквально в нескольких словах рассказал как Крым пропили «пара-тройка людей с Никитой Хрущевым и некоторые еще поговаривали, что это — дар хохлам за то, что будучи до войны Первым секретарем ЦК КП(б)У, Хрущев в угоду Сталину расстрелял всех первых секретарей обкомов и райкомов партии, а заодно и руководителей украинской партийной организации. Тогда как другие говорили, что этот дар — за согласие поддерживать его политический курс и в связи с 300-летием воссоединения Украины с Россией».

Мы расстались с моим интересным собеседником. После поправки здоровья Семен Михайлович был освобожден от командования Северным флотом, его фактически унизили, назначив помощником начальника Генштаба ВС СССР по военно-морскому флоту. Ибо для такого военачальника это было понижение, а не получение равноценной должности. Что вскоре привело к еще большему обострению заболевания у адмирала флота; через 5 лет — 12 июля 1977 г. — в возрасте 64 лет он скончался.

Именно тогда-то я впервые участвовал в дискуссии с офицерами флота, уроженцами Крыма, о том, как пропили Крым и Севастополь Никита Сергеевич Хрущев с партийными руководителями компартии Украины.

Постепенно вырисовалась неприглядная картина.

Никита и его киевские друзья встретились по случаю празднования 300-летия воссоединения Украины с Россией за трехлитровой бутылью «гарной украиньской» самогонки, куском смачного сала, цибули, да добре помянули гетьмана Богдана Хмельницкого и русского монарха. После третьего граненого стакана Демьян Коротченко сказал: «Мыкыта, у тебя-то перед Украиною должок. Сколько ты нашего брата-партийца отдал под расстрел, спасая свою шкуру перед Сталиным?» Хрущев молчал, а сидевший рядом с ним с осоловевшими глазами секретарь ЦК КПУ Кириченко ответил: «Дужэ богато». Коротченко в свою очередь добавил: «А ведь наша парторганизация, невзирая на потери до войны и в войну, самая большая в КПСС. И тебе нужна в Москве наша поддержка. И я думаю, что

там должно быть не одно место для украинских коммунистов в Президиуме ЦК КПСС, а как минимум 3—4».

Хрущев, пока не влезавший в разговор, предложил выпить еще. Налили 200-грамовые стаканы под самый срез, молча выпили и уже через минуту-другую Хрущев, всхлипнув, пожаловался: «Вам хорошо, а мне Сталин каждый день звонил и спрашивал: сколько у тебя врагов? Я отвечал, что всех врагов вывели. А он, может, с подсказки стоявшего рядом Берии, говорил: наверное, на Украине есть еще один враг. Ты, говорил, товарищ Хрущев, подумай кто этот враг. А мы тут подскажем, если что не так...»

«Что ты имеешь в виду?» — переспросил Коротченко.

«А что я имею?» — коротко ответил Никита Сергеевич.

«...а-а, под этим врагом Сталин имел в виду тебя. Так выходит, чтоб Сталин тебя не расстрелял, то ты подставлял наших товарищей».

«То ты Демьян, сейчас такой умный. А тогда что бы ты делал?»

В ответ раздалось только пьяное сопение.

Молчавший рядом Кириченко, заискивающе глядя на лоснящиеся от сала губы Хрущева, тихонько сказал: «Никита Сергеевич, надо бы как-то рассчитаться. Иначе люди не поймут».

— Чем я рассчитаюсь? У вас же все есть: уголь есть, сталь, прокат, — так вы не меньше Урала даете. Тока у вас достаточно. И с хлебом, и с салом все в порядке.

В это время хмыкнул Демьян Коротченко:

— А ты знаешь, Никита, вам проблемы чисто, ну как это говорят... в Москве... ну географические... отдай нам Крым.

Хрущев, набычившись, посмотрел на него:

— Ты шо-о, совсем з глузду съехал? Или самогонка на тебя так повлияла? Не, с Крымом ты это брось.

— А ты подумай, Никита, формальность то конечно, но Крым надо как-то правильно поделить. Кусок гарный. И потом, там все время засуха. А мы бы канал туда с Днепра протянули, а водичка бы степи крымские и оживила.

Хрущев вытер вспотевшую лысину платком и увидел, что Кириченко наливает очередную порцию самогонки. Подняв стакан, он сказал:

— Тебе б, Никита, по праву Первого секретаря нашей партии говорить, но ты все не соберешься со словами. То может быть я скажу... я хочу поддержать своего товарища, вас, Демьян Сергеевич, — неожиданно он перешел на «вы» по отношению к Коротченко, — ...за процветающую область садов и виноградников. За украинский советский Крым!

— Ну и х... с вами и с вашим хохляцким Крымом, но вы же меня все на пленумах, е... вашу мать, поддержите... и чтобы тут усе было горазд, — и с аппетитом Никита Сергеевич опрокинул очередной стакан.

...ну и кто же спросил 1,5 миллиона жителей Крыма, 90% которых были русскими людьми, а остальная часть — греки, армяне, караимы, евреи, украинцы; кто их спросил: *где им жить*? Конечно, им жить в Крыму. Но в составе какой республики, — их не спросили. Да нужно ли было спрашивать людей, большинство которых исповедуют русские традиции и говорят на русском языке; нужно ли было лишать их Родины?!

Удивительная наша страна. Нажрались до свинячьего визга два-три русских и украинских мужика и решили поиграть миллионами людей; как в пинг-понг, гоняют людей-мячики туда — сюда, туда — сюда...

Вот парадокс: Сталин, будучи грузином, заботился о целостности страны, о целостности и могуществе России. А мы...

ИСТОРИЯ 13

ВАС ЖДЕТ... РИС

Планировал ли вождь создать не просто государство, а империю? — вряд ли, ведь он хорошо знал судьбы империй, пусть даже через Историю, искаженную до неузнаваемости. Может, хотел создать мировую империю? — если исходить из складывающейся в XX веке международной обстановки и того, что мы знаем о вожде, то почти с уверенностью можно сказать, что собирался он построить «счастливый коммунизм» на всей планете. А если еще поверить смелым заявлениям исследователей в Западном полушарии да и российским ученым мужам, то Сталин замыслил ни много ни мало построить мировой ГУЛАГ.

Можно себе позволить согласиться с этими домыслами, а можно посчитать их очередным абсурдом, до которого охочи и по ту сторону океана, и по эту.

Но вряд ли кто ответит, что же действительно мог думать этот человек с тысячью лицами, человек внеземного дьявольского совершенства...

...Он был избранный. Избранный не нами, а скорее волей Создателя. Его называют диктатором, дьяволом, Воландом, но с этим можно согласиться лишь с большой натяжкой. Ведь приписываемую Сталину нечеловеческую жестокость проявлял не... он, а мы с вами, мы, — люди! Лезшие к нему в слуги, рабы, в холуи, старавшиеся во всем угождать ему при его земной жизни, получая удовольствие от своих мерзких верноподданических деяний и своей власти над иными людьми. Это потом, когда его уже не стало, мы дали волю эмоциям, своей ненависти, своей подлой натуре, и, смывая с рук своих чужую кровь, смывая чернила, коими писали доносы, выдали себя за несчастные жертвы сталинского режима. Людишки...

Не успел он отойти в мир иной, как советские людишки тут же всех предателей вождя возвели в ранг кумиров, навешивая на них многочисленные награды и давая им всяческие звания. Что, к примеру, значит: трижды, четырежды Герой Советского Союза? — разве не звучит здесь насмешка и разве не заложена она еще тогда, когда был жив товарищ Сталин, человек, живший отдельной от своего имени-бренда жизнью? ...Не кажется ли вам, что каждый — или герой, или трус, или так, обычный, как все; ведь нельзя же быть трижды трусом и т.д.

Прославляя кумиров, мы удивительным образом показываем свое дилетанство, безграмотность, неуважение к своим близким и к себе самим, как творениям Божьим. *«Не сотвори себе кумира...»* Молясь новым *человекокумирам* мы тем самым... предаем унижению и оскорблению свою мать, дочь, любимую... И при этом хотим в глазах этих женщин быть мужчинами.

Но разве матери нужен кумир? Нет, ей нужен благодарный сын.

Разве дочери нужен кумир или вождь, а не заботливый и добрый отец?

Кто нужен любимой женщине: кумир или любящий, сокровенный мужчина?

...Создавая себе кумиров, мы, мужчины, превращаемся в хлипких рабов.

А вот тот, кого мы назвали диктатором, — да пусть меня забросают камнями, — он действительно был мужчиной. Не вина Сталина в том, что случилось с нами в XX веке. Он лишь воздал ложное нам, людям, за нашу низменность и похотливые инстинкты. Он показал нам, кто мы есть на самом деле...

Только что закрылась дверь за трясущимся от страха Микояном. Не в первый раз вождь проводил урок ночного куража над «верным соратником». Сегодня — один, завтра — другой; какая в том разница? Минутная стрелка часов поднялась к верхней цифре, и в эту секунду в сталинский кабинет, дышавший абсолютной тишиной, ворвался величественный бой курантов. Иногда вождь очень любил эти звуки. Иногда он их терпеть не мог, не хотел слышать. Наверное потому, что время

безжалостно отсчитывало часы его земной жизни в этом эпицентре планеты, а он чего-то все никак не успевал. И это выводило его из терпения. В такие минуты Сталин бросал Кремль и уезжал в Зубалово, а годами позже — на Ближнюю или Дальнюю дачи. А когда уж совсем становилось невтерпеж, созерцал сокольим взглядом своим пирамидально-величественные горы Кавказа, ходил по знакомым дорожкам, прислушиваясь к далекому шуму волн Черного моря и в этом мысленном прикосновении с морским эфиром и землей предков он слушал Время, впитывая вселенскую энергию и набираясь сил.

Это здесь, на земле, суета сует. И практически нет здесь таких, кто может его понять...

Вот, к примеру, недавно сидел рядом и мелко вздрагивал такой же горец и кавказец, представитель армянского народа, славного народа, который был достоин доброго, славного слова, не менее, чем его, грузинский народ. Сталин словил себя на мысли: что бы он делал, да-да, что бы он делал, если бы его не родила мать... Конечно, легче всего ответить, что его бы тогда просто не было. Но такого не может быть, ведь он уже есть, зачем-то он послан в этот мир...

И почему мать всегда считала, что он должен стать священником?

Впрочем, разве он не выполняет ее волю?

Он играет роль отца, роль, определяющую степень праведности и виновности этих людей...

Кто же, кто определяет его предназначение и кто же укрепит его в этом предназначении? Да, говорят, что это предопределяет женщина-мать. Ее нет. Тогда, может быть, укрепит жена; ведь она — женщина, а в каждой женщина заключается мессианская истина. Но обе жены мертвы; обе ушли... Потом историки и всевозможные исследователи напишут, что он не любил первую жену Екатерину Сванидзе, а вторую — Надежду Аллилуеву — чуть ли не проклял за то, что она застрелилась.

Так скажут. Так напишут. И растиражируют на весь свет то, что скорее всего не будет правдой.

И еще: есть одна закавыка, — о, как для него это важно! — наличие божественной крови, таящей в себе благословение

свыше, дающей ему право на любые ошибки, подтверждающей его мятущемуся человеческому мозгу избранность...

Все цари в прошлом искали себе в жены принцесс. Царицы искали мужей только царских кровей. Для продолжения царского рода нужна царская кровь по мужской и женской линии. А он — Сталин — вдруг оказался на троне. И он не царских кровей.

Что касаемо родословной... Одни утверждают, что его отец сапожник. Другие даже приплели сюда Пржевальского, русского дворянина. Одни утверждают, что мать его была из великокняжеского рода, иные — что она из семейства Багратидов, а, значит, из великих грузинских царей. Были и те, кто находил его родовые корни приросшими к Иоанну Предтечи, крестившему Иисуса Христа... Все это он знает... Но о том, откуда произошел Сосо из Гори, и родился ли он вообще в этом старинном грузинском селении, и *он* ли это появился тогда на свет — знают только двое: он сам и Создатель.

Возможно, все намного проще, без мистификации и божественного перста... Но в любом случае, ясно одно: чтобы укрепить власть, темная личность, восседающая на троне, должна иметь царственную жену, женщину царских кровей.

Но кого ему взять в жены?!

И тогда он мысленно переносился на Черноморское побережье Кавказа, в одну из секретных лабораторий, где в тиши экзотической природы жили девственные особы, в крови которых текла самая настоящая царская кровь. Но нужны ли они ему? Он колебался, он долго выбирал и сомневался, упуская время. Боялся ли он? Вряд ли. Возможно, укрепляя свое государство и верша дела планетарного масштаба, он поздно пришел к осознанию преемственности; хотя вопрос легализации своей власти перед высшими силами его заботил. Однако никто (или почти никто, разве такой же как он, всеведущий, умеющий заглядывать в души, читающий сокровенные мысли соратник...) не мог даже подумать о подобных внутренних порывах человека, которого в этой огромной советской стране величали Генеральным секретарем Всесоюзной Коммунистической партии большевиков...

Сталин подошел к шкафу, открыл его и взял папку. Сверху на ней было написано слово «РИС». Никогда и никому вождь не объяснял значение этих трех букв, да никто и не рисковал поинтересоваться. Некоторые, увидевшие эту папку спустя несколько лет после смерти Сталина, расценили это как сокращенное «Россия и Сталин.» Пробовали прочесть и задом наперед, получалось «СИР» — обращение к французскому монарху, однако все равно непонятно...

Но вождя вовсе не волновало, кто и что подумает *потом*... В этой папке лежали подлинные документы, подтверждающие то, что он — глава Советского государства и руководящей в стране партии. Позже это отнесут к юридическому понятию «советский легизм». Ученые-правоведы назовут это «сталинским тоталитаризмом», что, по их мнению, означает комплекс государственно-правовой неполноценности. А мы добавим: который охотно приняло большинство советских людей! Да так приняло, что и сейчас, в начале XXI века, огромная масса населения бывшей СССР мечтает вернуть советский строй. Как бы мы ни хорохорились, но этот «советский легизм» остается в силе, приобретя необратимые процессы в сознании, физиологии, в генетической наследственности людей на 1/6 части суши, что то, что происходит и далее на постсоветском пространстве, нельзя расценивать иначе как очередная фаза строительства коммунизма.

При этом одни бывшие республики СССР пойдут по пути развития полицейского государства, с успехом совмещая с так называемой демократией грабеж собственного народа и называя эту смесь рыночной экономикой. В других желанную цель — коммунизм переиначат именами новых властителей, все с тем же окончанием «-изм». Таковы судьбы бывших советских респблик, которые при Сталине и после него были на иждивении Российской Федерации.

Сталин отчетливо понимал, что невозможно стать легитимным главой великой и необъятной страны без юридического обоснования этапов построения социалистического государства в такой правовой державе, как бывшая Российская

империя. Родились термины «государство и право», «СССР», более того, в составе Академии наук СССР был создан Институт государства и права, которому вменили в обязанность теоретическое обоснование строительства советской страны.

Первым этапом этой кропотливой работы явилось совещание по вопросам науки Советского государства и права, прошедшее 16—19 июля 1938 г.

Отныне был законодательно закреплен приход Сталина к власти и юридически обосновано создание сталинского государства с полной сталинской вертикалью и жесткой централизацией власти в его руках.

Организатором и дирижером этого совещания, позже получившего название «Правовой фронт», был директор Института, Генеральный прокурор СССР Андрей Януарьевич Вышинский. Говоря о нем, об этой выдающейся фигуре жестокого режима, я хочу снять значительную часть придуманного советскими историками сталинского диктата с вождя. Для того, чтобы водрузить на плечи его холуев, беспрекословно не только вершивших, но и закреплявших юридически тот самый диктат.

Вышинский Андрей Януарьевич /28.11(10.12).1883, Одесса, —22.11.1954, Нью-Йорк, США/, советский гос. деятель, юрист и дипломат, акад. АН СССР (1939). С 1903 в меньшевистской партии, с 1920 член РКП(б). С 1913, после окончания юридического факультета Киевского университета, занимался литературной и пед. деятельностью; в 1925—28 ректор МГУ.

В 1928—31 чл. коллегии Наркомпроса РСФСР. С 1931 в органах юстиции, в 1935—39 прокурор СССР. В 1939—44 зам. пред. СНК СССР, в 1940—49 зам. мин. иностранных дел СССР, с 1949 по март 1953 мин. иностранных дел СССР, с марта 1953 зам. мин. иностр. дел СССР.

В 1953—54 постоянный представитель СССР в ООН...

В. — автор работ по вопросам гос-ва и права: «Курс уголовного процесса» (1927, в соавторстве с В. Ундревичем), «Судоустройство в СССР» (1939), «Теория судебных доказательств в советском праве» (1941) и др.

Более гнусной фигуры, чем Андрей Януарьеич, трудно сыскать во всей истории СССР. Этот коварный, изощренный и беспринципный слуга Сталина ко времени вышеназванного совещания имел огромный опыт по проведению и организации разного рода «правовых» спектаклей. В этой банке скорпионов, рвущихся к власти, он уничтожил не менее изощренных рабов и слуг, чем сам. Которых в годы горбачевской перестройки назовут... «жертвами режима Сталина».

Одного из них в прессе с умилением будут называть «любимец партии» Николай Иванович Бухарин. А у товарища Сталина он был «Бухарчик», алкоголик, бездельник, прогульщик и бабник. О ком сожалеть?!

Другой подручный сталинского режима — Алексей Иванович Рыков, большой специалист по экспроприации и продаже концессий в Закавказье «американским империалистам».

Среди «жертв» Н.Н. Крестинский и другие кровавые палачи, которых наше российское государство с успехом реабилитировало 30—40 лет спустя после ухода Сталина...

А вот Андрей Януарьевич, расправившись с «мироедами», — говоря словами Ленина, продолжал лицедействовать не менее знаменитого режиссера Константина Сергеевича Станиславского, благо они жили по соседству. Лицедействовать в роли государственного обвинителя.

Вышинский придал совещанию всесоюзный характер, привлек обласканных титулованных советских ученых — 600 человек. Цели и задачи совещания состояли в том, чтобы репрессивную практику, ставшую реальностью, утвердить как общеобязательную, единственно правильную марксистско-ленинскую и сталинско-большевистскую линию в юридической науке. И с этих позиций переоценить и отвергнуть все направления, подходы и концепции юристов предшествующего времени, признать их вражескими, антисоветскими, антимарксистскими, антиленинскими; еще — дать решающие установки в понятии прошлого, что такое «царский режим», а что такое «марксизм-ленинизм», «диктатура пролетариата», «в условиях победившего социализма полностью, но не окончательно» и т.п.

После этого совещания пройдет около 20 лет и Н. С. Хрущев с высокой трибуны очередного съезда КПСС заявит о том, что в СССР «полностью и окончательно построен социализм».

Поясним: в случае с «полностью, но не окончательно» заложен экономический фундамент социализма, создан государственный строй. Но страна находится в империалистическом окружении. Потому вроде и не окончательно «победивший социализм».

Никите Сергеевичу Хрущеву захотелось переплюнуть сталинских сатрапов, и потому он заявил, что в СССР создана материально-техническая база коммунизма, создан моральный облик строителя коммунизма, и мы уже живем не столько в империалистическом окружении, сколько внутри социалистического лагеря. А потому социализм построен полностью и окончательно.

Совещание советских юристов рапортовало, что его участники благодаря сталинскому гению провели значительную работу по разоблачению и выкорчевыванию антимарксистских извращений и фальсификаций идей научного коммунизма о государстве и праве, которыми засоряли юридическую литературу враги народа — агенты фашистских разведок, подвязавшиеся в научно-исследовательских учреждениях и государственном аппарате.

Вождь, прочитав эти слова, взял в руку красный карандаш и, подержав его, бросил поперек текста. «Как стараются. Ты смотры, даже разоблачили всэх: немецкую разведку, разоблачили всэх врагов, па-ачистили ряды партии... Гордятся, наверное. А потом плевать будут на меня... Надо позвонить этаму ба-ра-да-таму, казлу и сказать, штоби после совещания наградил этого лизоблюда Ви-шинского орденом Ленина. Какой молодец! С него так и хлещет марксистско-ленинское учение...»

Вслед за совещанием юристов началась и кампания идеологического отдела ЦК и отдела агитации и пропаганды по разгрому врагов в партийной печати.

В роли штатного разоблачителя антипартийных извращений в юридической науке советского государства особенно

старался дежурный «философ» режима П. Ф. Юдин, который в пылу яростной битвы с врагами проболтал народу истинную тайну тоталитарного «правопонимания»: «*Право есть форма выражения и применения насилия*».

По этому поводу Сталин бросил реплику: «Заставь дурака Богу молиться, он и лоб набьет».

Свое беспредметное жонглирование цитатами из классиков Юдин заключает удивительной тавтологией: «...стало быть, остатки «буржуазного права» в области распределения являются «буржуазными». Вслед за этими словами он без всякой связи с вышесказанным заявляет, что «государство и право при социализме в смысле классового политического содержания и направленности являются социалистическими, в них нет и капельки буржуазного». Сплошное словоблудие...

Присвоив себе выдвинутое советскими юристами Стучки, Пашуканисом положение о «социалистическом праве», этот жулик полезной для властей «истины» тут же обрушился на юридическую науку: «Как ни печально, но приходится сказать, — что почти всю специальную правовую литературу надо создавать заново. Слишком глубоко укоренились в этой литературе враждебные и вообще антинаучные, антимарксисткие теории, слишком она примитивна и скудна для того, чтобы претендовать на учебную и научную литературу».

Его словами заговорил идеологический отдел ЦК, партийная печать подхватила его «идеи» о юриспруденции. Уже через короткое время унижению и разоблачению подверглись новые враги народа. Кстати, Е. Б. Пашуканис, который был арестован и расстрелян в 1937 г., характеризовался теперь как предатель и враг марксизма-ленинизма. Следует также заметить, что Пашуканис в своей книге «Общая теория права и марксизм», изданной в 1924 году (издавалась без изменений до 1929 г.), старательно заложил те основы юриспруденции СССР, жертвой которой сам и стал.

Воистину говорят: *не рой другому яму...*

Пашуканис Евгений Брониславович /23.2.1881—1937), советский ученый-юрист. Чл. КПСС с 1918. В 1920—23 на работе в Наркоминделе. В 1922 вместе с П. И. Стучкой организо-

вал секцию права Коммунистич. академии — один из центров науч. марксистской юридич. мысли в СССР.

С 1927 действит. чл. Коммунистич. академии, затем чл. ее президиума и вице-президент; с 1931 директор Ин-та сов. строительства и права Коммунистич. академии; с 1936 зам. наркома юстиции СССР.

Автор науч. работ по общей теории права, гос. и междунар. праву, истории права и политич. учений. Осн. труд — «Общая теория права и марксизм. (Опыт критики основных юридических понятий)» (1924). В этой книге дано марксистское объяснение важнейших правовых категорий, подвергнуты критич. анализу бурж. право и бурж. теории права, подчеркнута бесплодность попыток рассмотрения права вне связи с экономич. условиями развития общества и классовыми отношениями. Вместе с тем труды П. содержали ряд ошибочных положений... А если б автор остался жив, было бы сказано о незначительных ошибках в его фундаментальных трудах?!

Как известно, это Пашуканис и Стучка в 1936 году выдвинули концепцию советского права, как социалистического. Однако это принципиальное обстоятельство авторами партийных разоблачений в печати замалчивалось. А участники совещания 1938 года под руководством товарища Вышинского понятие «советское социалистическое право» стали выдавать чуть ли не за свое открытие и обвинять «врагов народа» Пашуканиса и других в отрицании этого самого социалистического права. «Поэтому, сторонники Вышинского предупреждают, — всякие попытки изобразить советское право не социалистическим правом, а некоей разновидностью буржуазного права являются классово враждебными и целиком смыкаются с троцкистским утверждением, что наше государство не социалистическое».

Такова схема: либо доказывай, что приказы и законы тоталитарной диктатуры — это самое прогрессивное социалистическое право на земле, либо ты — враг народа, троцкист, предатель, агент. Стараниями всей вертикали власти «доказательства» о передовом праве подкреплялись методом массового террора. Так что, надо полагать, поделом казнили и расстре-

ливали Пашуканиса, Крыленко и подобных им других юристов, слишком уж старавшихся в угоду режиму, который после историки окрестят сталинским.

В своем докладе на партсобрании 5 мая 1937 года А. Я. Вышинский обвинил, что взгляды юристов и Пашуканиса и Стучки противоречат ленинским указаниям о непризнании «ничего частного» в советском законодательстве.

Читая тавтологию о новом советском юридическом праве, Сталин не поражался действиям этих людей, — они хотели этого произвола, они и имеют.

Они ищут «правопонимания», и они его находят.

Их установки направлены на пересмотр трудов Маркса и Энгельса об «отмирании» государства и права.

Для вышинских, пашуканисов и иже с ними это норма — карать и убивать себеподобных. Получите строй, которого вы хотите, которого вы достойны! Вы, яростно уничтожившие самое богатое, самое прекрасное государство на земле... Глупцы, легко согласившиеся стать *советскими гражданами*...

Сев за стол, вождь читал дальше. Из прочитанного следовало, что ключевым для совещания был вопрос о переводе всей советской юридической науки в русло нового правопонимания в соответствии с общим определением права, который выдвинул Андрей Януарьевич Вышинский. Он пишет: «Право — совокупность правил поведения, выражающих волю господствующего класса, установленных в законодательном порядке, а также обычаев и правил общежития, санкционированных государственной властью, применение которых обеспечивается принудительной силой государства в целях охраны, закрепление и развитие общественных отношений и порядков, выгодных и угодных господствующему классу».

Сталин, прочитав эти слова, рассудил вслух: «Хорош Вишинский. Смотри как законом а-абосновывает в себе государственного деятеля. Чем више чиновник советской власти, тем больше он прав. Чем больше он у-ка-зивает, тем больше у него силы. А мужик и баба должны за все-о отвечать. А чиновник всегда прав... И это логика тэх людей, в которой всегда виноват будет тот, кто на вершине этой пирамиды. А коль на

этой пирамиде товарищ Сталин, то когда его нэ станет, а-ани все скажут што ми ни при чем, ми все виполняли што приказывал товарищ Сталин. Эта-а он совершил ошибки, это он карал людей, эта он придумал врагов народа. А себя они будут видавать жертвами таварища Сталина».

...Прочитав до конца текст, Сталин закрыл папку и взгляд его сфокусировался на больших буквах РИС. Вождь задумался. Тоталитарный «нормативизм»: право, как совокупность приказов власти. По мнению Вышинского, «право — совокупность или система правил (законов), имеющих своим назначением заботу о подчинении членов общества «общими условиями производства и обмена», т.е. о подчинении господствующим в данном обществе классовым интересам».

По рекомендации РИС, следовало обратить внимание на то, что «правила поведения» как политико-властное установление и регулятор в определении Вышинского — это нечто совершенно иное, нежели норма социальной солидарности в социальном нормативизме Л. Дюги. Или норма долженствования в нормативизме Г. Кельзина.

Вождь внимательно читал этих авторов юриспруденции и помнил, что в соответствии с установками Дюги, норма зависит не от государства, а от факта социальной солидарности в обществе и что правовой характер власти и законов зависит от их соответствия социальной норме. А у Вышинского акцент сделан именно на приказах правящей власти. Характеризуя право, как «регулятор общественных отношений», он поясняет: «наше определение исходит из отношений господства и подчинения, выражающихся в праве».

Как-то выслушав доклад генпрокурора, Сталин сказал ему: «Власть нам нужна, товарищ Ви-шинский как рычаг преобразования государства». В ответ Андрей Януарьевич произнес: «Я с вами совершенно согласен, товарищ Сталин, что советское право является одним из рычагов этого преобразования. И этот рычаг — ваша власть, товарищ Сталин. А право находится в руках вашей власти. Так сказать, это и есть рычаг преобразования».

Когда генпрокурор оставил кабинет, к Сталину вошел В. М. Молотов, которому Генсек передал содержание разговора, завершив фразой: «Как ты думаешь, Вячеслав, он такой подхалим или такой дурак?» — «Он п-п-рофессор п-п-права. Ему виднее».

— Ты што, — отреагировал Сталин, — думаешь, што среди профессоров нэт дураков? Какой же он профессор, если он из меньшевиков кинулся служить нам, предав своих товарищей? Мне так больше тот профессор, который работал с ним в университете и который би-жал после переворота в Варшаву и создал социалогическую кафедру в университете. На-апомни, как его фамилия.

— Я н-не знаю о ком ты говоришь, т-товарищ Сталин. Но, по-моему, речь идет о п-п-профессоре Петражицком. По которому, п-право — есть п-психический фактор общественной жизни, этические переживания, эмоции к-к-которых имеют ат-ат-трибутивный характер. То есть, связаны с п-п-притязанием.

— И еще он говорил, што наши права суть закрепленные за нами, принадлежащие нам как наш актив, долги других лиц.

— Когда ты, т-товарищ Сталин, успеваешь все это ч-ч-читать?

— А тогда, — когда ви все спите, товарищ Сталин работает. Ви-шинский считает, што я совершенно не представляю, што такое юриспруденция. А он, исходя из этого, мудрствует лукаво. А Сталин читает Демокрита, Сократа, Платона, Эпикура, А-аристотеля. Та-аварищ Сталин хорошо знает, кто такие стоики, Цицерон, Фома Аквинский, Локк, Монтескье, Кант. И конечно, наш да-арогой Гегель... И ш-тоби говорить о советской юриспруденции и слушать его профессорские дурацкие речи, товарищу Сталину нужно хорошо знать русских юристов Соловьева, Бердяева, Чичерина, Новгородцева. И конечно, Петражицкого... Оставим на его совести его рассказы о совещании. Они подойдут, как классика, будущим поколениям советских юристов. И будь уверен, Вячеслав, они будут использовать эти свои видуманные па-стулаты еще долго и долго. А когда им будут говорить, што эта-а постулаты диктатуры, они будут валить все на товарища Сталина.

Молотов (псевд.; наст. фам. Скрябин) Вячеслав Михайлович /р. 25.2.(9.3).1890, Нолинск, ныне Советск Кировской обл./, политический деятель СССР. Род в семье приказчика. Учился в Петерб политехнич. ин-те (1911—1912). В Коммунистич. партию вступил в 1906. Вел партийную работу в Казани, Вологодской губ., Петербурге. Подвергался репрессиям со стороны царских властей.

Во времена Февральской революции 1917 чл. Русского бюро ЦК партии. В дни Окт. Вооруж. восстания в Петрограде чл. ВРК, затем на руководящей сов. и парт. работе...

В 1920 секретарь ЦК КП(б) Украины. В 1921—30 секретарь ЦК ВКП(б). В 1930—41 пред. СНК СССР, одновременно с мая 1939 нарком иностр. дел СССР. В 1941—57 1-й зам. пред. СНК (затем Сов. Мин.) СССР, одновременно (1941—49, 1953—57) нарком (затем министр) иностр. дел СССР...

Участник Тегеранской (1943), Крымской (1945), Потсдамской (1945) конференций глав правительств трех союзных держав — СССР, США, Великобритании...

Вячеслав Михайлович Молотов, ставший давно уже правой рукой Сталина, никогда не относил себя ко второму лицу в государстве. И никогда никому, — до конца своих дней, — не говорил о том, что официально он все-таки считался вторым человеком в партии и государстве. Так говорили о нем политики, партийные функционеры, госдеятели, народ. Но только не он!

Ибо он знал, что есть реальный кто-то, обладающий недюжинным умом и неограниченной властью, стоявший наравне с вождем, но всегда — за ним; вездесущий, но невидимый; всевластный, но служитель; манипулирующий странами мира и судьбами их ведущих политиков так, что не сразу поймешь чья в том проявляется воля: сталинская или его самого... Зная и ощущая это, Вячеслав Михайлович даже в глубине мыслей отгонял всякое пришедшее на ум имя или даже часть имени, скрывавшегося за непонятной и невинной аббревиатурой РИС.

...Так что ряд обвинений, брошенных в его адрес спустя два десятилетия Первым секретарем ЦК КПСС Н. С. Хрущевым на состоявшемся в 1957 г. июньском пленуме ЦК КПСС, что после ухода Сталина он, Молотов, изо всех сил рвался занять пост Первого секретаря ЦК КПСС, — абсолютная ложь.

Потому что не эти, дравшиеся за кресло, решали, кто из них в него сядет, а... иная сила.

И сейчас, слушая Иосифа Виссарионовича Сталина, Вячеслав Михайлович отдавал себе отчет в том, что вождь прекрасно понимает, что и на каком уровне делает Вышинский, для чего с юридической точки зрения «в советском понимании» обосновываются деятельность ЦК партии и советского правительства.

Отдавал он отчет и в том, что Сталин ко всему этому относится как бы отстранившись. Направляя эту деятельность, Сталин, несомненно, глубоко понимает все ужасающие процессы, которые происходят спустя 20 лет после свершившегося государственного переворота и свержения царя. Молотову также ясно, что пройдет еще время и он сам станет очевидцем, как обрушится на Сталина неправедный гнев его бывших соратников.

И он, Молотов, не захочет быть среди этих шкурных людишек. Пусть даже его и осудит общество, в котором он доживет свой век. Пусть обвинят, что был причастен к репрессиям, что остался верным сталинским холуем. Это лучше и почетнее, чем предать время, в котором жил и вождя, которому верно служил. Пусть он будет неправым, но сволочью не станет никогда...

В. М. Молотов всегда будет гордиться тем, что XX век принес ему уникальнейшую возможность работать с таким титаном, каким он (не давая иных оценок) считает Сталина.

Сталин читал; он еще раз просмотрел пункты официальной позиции совещания по дальнейшему развитию теории государства и права, поиски новых подходов к праву, — закрыл папку и затем взял в руки небольшого формата лист. То была

препроводительная записка к материалам совещания, начинавшаяся вновь со слова РИС. Эта аббревиатура свидетельствовала, что вождю предоставлен очередной аналитический материал для размышлений.

Кстати, для того чтобы понимать, — наравне со специалистами, — материалы этого важного совещания, вождю пришлось осваивать (в том числе и с помощью аналитических записок, помеченных знаком РИС) труды видных русских и зарубежны юристов, познать теорию юриспруденции со времен Древних Греции и Рима, а также немецкой классической философии и юридической школы.

Знал ли об этом генпрокурор СССР, когда стряпал свои пресловутые законы и нормативы, оправдывавшие кровавый геноцид против русского и других народов в нашей стране?

Вряд ли.

Потому что иначе этот российской профессор юриспруденции хоть однажды где-то проговорился бы.

На этой античеловечной школе Вышинского вполне обоснованно действовали армвоенюрист 1-го ранга Ульрих, не менее добросовестно работали Ежов, Берия и их приспешники по всей вертикали власти. Вплоть до районных органов милиции, госбезопасности, прокуратруры, суда. А также партийные функционеры от ЦК ВКП(б) и ЦК КП(б) республик до крайкомов, обкомов, окружкомов, райкомов и местных партийных комитетов.

Все старательно и настойчиво искали врагов народа, вредителей, отщепенцев, уклонистов…

И, сами того не замечая, из-за подметных писем в вышестоящие органы становились такими же жертвами тоталитарной системы.

Системы, врата которой открыл товарищ Сталин. Но куда со всей неистовой страстью кинулась толпа миллионов советских людей, в погоне за кормушкой в райкоме, в обкоме, в крайкоме, в ЦК Компартии, в ЦК ВКП(б). Наперегонки, затаптывая и уничтожая друг друга.

Сталин вернул папку на полочку шкафа; тишина. За дверью приемной сидит неутомимый секретарь Александр Ни-

колаевич Поскребышев, человек-машина. А рядом, в закутку, Хрусталев. Еще дальше — начальник охраны Власик. Не знающие покоя верные тени вождя.

Он перевел вгляд, почти 3 часа ночи; нажал кнопку и сразу в дверях выросла фигура Поскребышева. Александру Николаевичу достаточно было взгляда, чтобы понять что хочет вождь, и он сказал:

— Машина готова, товарищ Сталин. РИС вас ждет.

ИСТОРИЯ 14

НЕОБЪЯСНИМЫЙ ФЕНОМЕН

В конце 40-х годов в Москве в течение 4—5 дней проходила конференция по языкознанию. В день ее открытия в зале присутствовал Сталин.

После выступления ряда делегатов, в том числе и будущего советского академика филологии С. Г. Бархударова, в президиум поступила записка от делегатов с просьбой выступить на конференции великому вождю и учителю товарищу Сталину. Но вождь из-за стола не встал, к микрофону на трибуне не подошел. Ему включили стоявший перед ним микрофон и Сталин выступил перед затихшей публикой с короткой речью: «Я нэ думаю, што о русском я-зике мне стоит много говорить. Тем более, што здесь так много о нем говорили и, в особенности, нерусский Бархударов. Я хочу сказать, што делегаты конференции и те, кто любит русский язик, должны ру-ководствоваться тем, чему нас в э-там язике научили классики русской литературы Пушкин, Толстой, Салтыков-Щедрин, Лермонтов, У-шинский. Ш-то можно добавить к словам этих великих классиков русского язика? Кто может сказать лучше, чем сказал Ломоносов, Тредиаковский? А ви нам говорите, как развивать русский язик. Русский я-зик для меня, грузина, великий язик. Я па-а долгу своей работы много лет работаю в Москве, в столице нашего государства, в столице России. И русский язик должен бить всегда великим для всех народов Советского Союза. А для меня он, я думаю што и для всех, является основополагающим, объединяющим язиком и язиком меж-на-ционального общения. Как говорят русские, спасибо за внимание».

Пожалуй, впервые была произнесена сталинская фраза о том, что русский язык является языком, объединяющим различные народы, языком межнационального общения. До него

вряд ли кто это говорил. А спустя полвека после его смерти мы не хотим вспомнить о том, что автором этой прекрасной крылатой фразы был грузин Сталин. Зато грузина Сталина народы бывшего Советского Союза из разных республик, а чаще их одиозные правители, обвиняют в том, что якобы это он заставил всех нас говорить на русском языке.

А может это мы, — в угоду ему при его жизни — заставляли писать за пределами Российской Федерации все документы на русском? В Узбекистане, Таджикистане, Киргизии, Туркмении, Казахстане, в Армении, Грузии, Азербайджане, Молдавии, в балтийских республиках… А сидящие в Москве, в ЦК партии чинуши-представители от этих союзных республик настаивали на том, чтобы документы с мест приходили только на «языке межнационального общения». И ненависть в республиках бывшего Советского Союза должна быть направлена не против русского языка и русских людей, а против своих представителей, сидевших в Кремле. Ведь ни один (!) представитель чиновничье-бюрократического аппарата за пределами РСФСР не проявил инициативу, не предложил отправлять документы на двух языках: на языке своей республики и на русском.

А вот несколько строк из «Энциклопедического словаря», выпущенного Государственным научным издательством «Большая Советская энциклопедия» в 1955 году.

> Языкознание *…развивалось в условиях борьбы материалистич. и идеалистич. воззрений на природу языка. В трудах классиков марксизма-ленинизма впервые нашли освещение такие важные проблемы Я., как обществ. характер языка, единство языка и мышления, связь истории языка и истории народа. И. В. Сталин в работе «Марксизм и вопросы языкознания» (1950)* (в отличие от последующих руководителей «партии и правительства» товарищ Сталин писал все свои работы сам! И сам, не полагаясь на специалистов в той или иной области, вносил правки. Можно утверждать, что он был разносторонне развитой и очень образованной личностью. Вот это-то и стараются замалчивать до сих пор…) *вскрыл методологич. несостоятельность «нового учения» Н. Я. Марра, развил дальше учение марксизма-ленинизма о языке…*

Отличительной чертой советского Я. является его тесная связь с практикой культурного строительства. За годы Советской власти были разработаны и введены в употребление системы письменности для многих ранее бесписьменных народов СССР.

Грузин Сталин обладал и еще одной непонятной загадкой.

Иногда, находясь под сильным впечатлением, он вдруг начинал говорить на чистейшем русском языке без малейшего акцента, без намека на возможный акцент.

Это был необъяснимый феномен для немногих, лично знавших его. Ведь лицезреть и тем паче слышать вождя мог немногочисленный круг людей. Это особое состояние возникало у вождя при встречах с патриархом Иерихонским, с монахами из Нового Афона.

Народная артистка Ольга Васильевна Лепешинская любила творчество Александра Сергеевича Пушкина и читала пушкинские стихи столь красиво, столь проникновенно, что покоряла сердца слушателей. Благодаря его поэзии эта актриса нашла общий язык с колючей на язычок Фаиной Георгиевной Раневской (в первый раз они повстречались на отдыхе в Сочи, там же были «сталинский любимчик», автор культовой «Волги-Волги» кинорежиссер Григорий Александров с актрисой Любовью Орловой и др.; затем было несколько других встреч), с которой совершенно случайно и в чем-то забавно свела меня судьба. Она и рассказала мне эту историю.

Как-то талантливая любительница поэзии оказалась в одном из цековских домов в Подмосковье, где находились на отдыхе руководители партии и правительства. В какой-то момент ее увидал член Политбюро ЦК ВКП(б) А. А. Жданов и громко попросил прочесть стихи Пушкина. А так как Андрей Александрович оказывал ей знаки внимания еще до войны, похожие на ухаживания мужчины, а не партийного руководителя, то она отказалась. Однако Жданов настаивал.

Жданов Андрей Александрович /14.(26).2.1896, Мариуполь, ныне Жданов, —31.8.1948, Москва/, советский гос. и парт. деятель. Чл. Коммунистич. партии с 1915. Род. в семье

инспектора нар. училищ. Окончил реальное уч-ще. В революц. движении с 1912.

В 1916 чл. Тверского к-та РСДРП. В 1917 находился в 139-м запасном полку в г. Шадринске, вел большевистскую пропаганду среди солдат...

С 1944 работал в Москве секретарем ЦК ВКП(б), занимался идеологич. вопросами.

Награжден 2 орденами Ленина, 4 др. орденами, а также медалями. Похоронен в Москве на Красной площади.

Нужно не забывать, что на тот момент Жданов являлся секретарем ЦК по идеологии и что буквально недавно благодаря его стараниям были идеологически разгромлены ленинградские журналы «Нева» и «Звезда».

Деятели искусства, конечно, вслух не выражали своего недовольства, ничего не высказывали даже в узком кругу близких и знакомых, боясь утечки. Но как могли, инертно сопротивлялись идеологическому насилию; отказ актрисы читать стихи мог быть воспринят как инертное сопротивление. И потому не удивительно, что вечером она все-таки вышла к слушателям. Впрочем, ее отказ мог быть всего лишь игрой избалованной вниманием женщины, капризной кокетки, не раз отдававшейся товарищу Жданову, и не раз приезжавшей на его дачу...

В красивом камерном зале воцарилась тишина. Актриса окинула взглядом закрытые балконы для высокого руководства. А. А. Жданов сидел среди остальных присутствующих, в зале.

Как только смолк последний отзвук прекрасных поэтических строк, на актрису обрушился шквал аплодисментов. Пока Жданов и другие ответственные руководители ЦК преподносили цветы, обслуга таскала в гримерную ящики с марочным коньяком, вином, всевозможные копчености и деликатесы, чтобы затем перенести все это в машину.

После того как наконец актриса закончила раскланиваться и умолкли поредевшие аплодисменты, вдруг, совершенно неожиданно для всех уже начавших было выходить из зала, с балкона раздался... голос Сталина. Присутствующие на мгновение оторопели. Оглянувшись, все увидели вождя, а он, слег-

ка наклонившись в сторону сцены, на которой замерла актриса, каким-то взволнованным и будто не своим (так показалось тогда многим, в том числе и ей) без акцента по-русски произнес: «Если бы Пушкин услышал вас, Ольга Васильевна, я думаю, он оставил бы свою жену и припал бы к вашим ногам. Спасибо вам».

Зал партийных функционеров и актриса были сражены исключительно чистой речью Сталина.

Некоторые тихонечко шептали своим доверенным, что это двойник великого вождя.

Но то был настоящий Сталин.

После вечера он пригласил актрису в салон. Она, помня довоенные встречи с ним, сразу же стала высматривать знакомые черточки, могущие подтвердить или опровергнуть домыслы. Несмотря на то, что прошло несколько лет и Сталин сильно постарел и изменился, она узнала ряд запомнившихся ей особенностей на его лице и руках. Увидев как внимательно изучает его взглядом гостья, он уже с вернувшимся в его гортань сильным акцентом сказал: «Я это, я, ви не ошибаетесь, товарищ Лепешинская... Вам Жданов надавал подарков, раздайте их своим друзьям-артистам. А ми вам предлагаем перэехать в квартиру на улицу Гор-каго. Там ви найдете не только деликатесы и хорошие напитки. Жи-лаю вам хороших ролей».

На этом та памятная встреча закончилась.

...А несравненная Фаина Георгиевна не раз отпускала шпильки в адрес талантливой Ольги Васильевны, во сколько, мол, тебе, дорогая, обошлась шикарная квартира и внимание Сталина. Но люди привыкли не обижаться на Фанечку...

ИСТОРИЯ 15

«ЗА КАКУЮ-ТО БАБУ ИЗ ТЕАТРА»

1

В 1934 году, 1 декабря, в Ленинграде был убит член Политбюро и секретарь ЦК ВКП(б), первый секретарь Ленинградского обкома и горкома ВКП(б) Сергей Миронович Костриков. Известный в Советском Союзе как партийный и государственный деятель Киров.

Киров (парт. псевд.; наст. Фам. Костриков) Сергей Миронович /15(27).3.1886, Уржум, ныне Кировской обл.,— 1.12.1934, Ленинград/, деятель Коммунистической партии с 1904. Отец К. из мещанского сословия. Рано лишившись родителей, К. семи лет был помещен в приют.

В 1897—1901 учился в Уржумском гор. уч-ще, затем в Казанском механико-технич. уч-ще, к-рое окончил в 1904; осенью того же года переехал в Томск, где работал чертежником в гор. управе. Здесь К. стал активным членом большевистской группы Томской с.-д. орг-ции. В июле 1905 избран чл. Томского к-та РСДРП. Летом 1906 организовал нелегальную типографию, вел парт. работу среди железнодорожников.

В окт. 1905 успешно провел забастовку на крупной ж.-д. станции Тайга. Далее следует послужной список его подрывной революционной или, правильнее, террористической деятельности, аресты, участие в вооруженных восстаниях. *В годы нового революц. подъема (1910—14) и 1-й мировой войны 1914—18 К. возглавляет всю большевистскую политич. работу на Сев. Кавказе.*

...В сложнейших условиях борьбы с троцкистско-зиновьевской оппозицией К. был направлен партией в Ленинград и в

февр. 1926 избран первым секретарем Ленинградского губкома ВКП(б) и Сев.-Зап. Бюро ЦК ВКП(б), канд. в члены Политбюро ЦК ВКП(б)... К. вел неутомимую принципиальную войну... против антипартийных группировок (троцкистов, зиновьевцев, бухаринцев и др.)...

Вот здесь хотелось бы особо отметить стиль энциклопедической статьи: *Пламенный трибун, беспредельно преданный делу партии, К. пользовался у сов. народа огромным авторитетом и любовью* (жуткие времена, когда народ начинает любить кровавых палачей, *беспредельно преданных* делу доносительства и убийства). *1 дек. 1934 К. был убит врагом Коммунистической партии в Смольном (Ленинград).*

К. награжден орденом Ленина и орденом Красного Знамени. Похоронен в Москве на Красной площади у Кремлевской стены.

Известно, что Сергей Миронович был большим любителем оперного искусства. Он не только в силу своих партийных обязанностей посещал Ленинградский театр оперы и балета, но и просто обожал это делать. Кстати, театру впоследствии присвоят его имя; а вот до 1917 года театр назывался Мариинским (историческое имя возвращено в конце XX века).

Особую любовь Сергей Миронович начал проявлять к театру в 1929 году, когда свой дебют в знаменитом театре начала Вера Давыдова, никому еще не известная 23-летняя актриса, закончавшая Ленинградскую консерваторию.

Давыдова (по мужу — Мчедлидзе) Вера Александровна / р.17(30).9.1906, Н. Новгород, ныне Горький/, русская совет. певица (меццо-сопрано) и педагог, нар. артистка РСФСР (1951), засл. арт. Груз. ССР (1944). Чл. КПСС с 1951.

В 1930 окончила Ленингр. консерваторию по классу Е.В.Девос-Соболевской. В 1929 дебютировала в Ленингр. театре оперы и балета, в 1932—56 солистка Большого театра СССР.

С 1959 преподаватель Тбилисской консерватории (с 1964 проф.)

Д. — одна из ярких представительниц сов. вокальной школы... Гастролировала за рубежом... Гос. Пр. СССР (однако при вручении это называлось Сталинской премией) *за концертно-исполнительскую деятельность (1946). Награждена 2 орденами, а также медалями.*

В 1951 г. получила Сталинскую премию за «Хованщину», однако об этом в энциклопедии упоминается так: *Партии: ... Марфа («Хованщина» Мусоргского; Гос. пр. СССР, 1951)...*

Вместе с Верой Александровной в театре работал и ее муж, грузин Дмитрий Семенович Мчедлидзе-Южный. Но это не стало особой помехой партийному боссу Ленинграда, оказывавшему знаки внимания очень красивой молодой актрисе. Их отношения буквально сразу же приобрели страстность. Благодаря Сергею Мироновичу юная актриса получила вблизи театра благоустроенную квартиру, состоявшую из шести комнат, прислугу из двух человек, за ней закрепили и персональный автомобиль с водителем. Так что ее благоверному супругу батоно Мчедлидзе оставалось только тихохонько вздыхать.

Как-то Верочке понадобилось сделать какое-то важное дело и она обратилась с просьбой к мужу. Но тот испугался, его руки затряслись, он весь побледнел и через короткое время куда-то скрылся из театра. Она позвонила домой, но домработница ответила, что ее муж не появлялся. В гневе Вера Александровна в присутствии коллег по сцене выкрикнула лермонтовские слова: «Бежали трусливые грузины...» А так как у нее этот вечер был свободен от спектаклей, то она позвонила домой и потребовала прислать автомобиль.

Через некоторое время они уже встретились с Сергеем Мироновичем Кировым на даче в районе Комарово, где в компании его друзей провели веселую ночь. Но не так уж часто выпадали любовные утехи; их встречам мешали чрезвычайная занятость первого секретаря, его поездки в Москву, семья, встречи с трудовыми коллективами, даже встречу нового 1931 года он толком не мог вспомнить... Надо отдать должное, Сергей Миронович был очень работоспособным.

Его принципиальная позиция в отстаивании интересов компартии и активная непримиримая борьба с троцкистами, зиновьевцами, бухаринцами и другими «врагами» были замечена в Москве. Уже несколько месяцев, как он являлся членом Политбюро ЦК ВКП(б). Этот человек постепенно стал занимать конкретное место в ряду руководителей ЦК партии. В течение 1932—33 годов он, буквально забывая о личной жизни, занимался партийными делами в Ленинграде и в Москве. Все реже и реже *пламенный трибун* уделял внимание своей семье и еще реже — нежной пассии из театра.

В 1934 г. состоялась конференция партии; в числе тех, кто вновь баллотировался в состав Политбюро и Оргбюро ЦК ВКП(б), а также на должность секретаря ЦК ВКП(б) был и товарищ Киров. После подсчета голосов стало очевидным, что он лидирует. А это означало, что после совместного заседания Политбюро и Оргбюро ЦК ВКП(б) он может стать во главе этих органов партии.

Сталин, находившийся к тому времени более 10 лет в руководстве партии, еще не имел такого веса и авторитета, чтобы любые выборы сразу же превратить в безальтернативные.

Надо отметить, что все минувшие годы — с 1922-го, когда Сталин стал Генеральным секретарем ЦК ВКП(б) по 1934-й — он делал все, чтобы превратить должность Генсека, как руководящего служащего партии, в поистине сильную номенклатурную единицу власти. Этим годам характерны бурные дискуссии, различные течения и взгляды разнообразных группировок; кто-то шел единым курсом за Лениным, кто-то — за Троцким, Бухариным, Зиновьевым, кто-то был уклонистом, а кто-то, да простят меня за каламбур, чекистом. Кстати, последние не особенно-то доверяли Генсеку.

Разумеется, Сталин и наиболее приближенные к нему работники ЦК не могли допустить, чтобы Киров одержал верх. В результате закулисных операций количество голосов было уменьшено ровно настолько, чтобы Киров с перевесом в один голос мог остаться членом Политбюро и рассчитывать максимум на прежний статус секретаря ЦК и, конечно, быть уверенным, что его вновь переизберут первым секретарем Ленинградского обкома и горкома ВКП(б).

Конечно, Кирову стало известно о том, что он не набрал голосов чтобы стать Генсеком и что эти голоса у него были изъяты членами избиркома в пользу действующего Генсека. Сергей Миронович направился к Сталину и потребовал объяснений.

Вождь раскурил трубку, подошел к находившемуся в нише сейфу, извлек из него папку и глубокомысленно произнес: «Ми не забыли, как ты в Астрахани командовал 11-й армией и чуть би-ло не сорвал разгром армии белых».

В те летние дни вооруженные силы юга России под командованием генерала Деникина развили успешное наступление, имея конечную цель захватить Москву и завершить разгром большевистского режима. Находившаяся в подчинении у генерала Деникина армия барона и генерал-лейтенанта Врангеля имела стремительный успех. В ней насчитывалось около 18 тысяч человек и около 70 орудий. Эта сила выступила против почти 30 тысяч красных, имевших 1,5 сотни орудий. Красную 10-ю армию возглавлял Клюев. Врангель при содействии 1-го корпуса Донской армии разгромил части большевиков, отбросил их на север и в плотную подошел к городу Камышин. Положение красных было незавидным. Врангелевские войска уничтожили 38-ю дивизию красных. А контрнаступление, предпринятое войсками Буденного было не только разгромлено, но и отброшено далеко от Камышина. Врангель взял в плен более 15 тысяч человек и полсотни орудий.

Тогда член реввоенсовета И. В. Сталин приказал Буденному максимально использовать маневрирование и контратаки противника с целью спасти армию от полного уничтожения. Одновременно Сталин дал телеграмму в Астрахань в штаб 11-й красной армии об оказании помощи 10-й красной армии Клюева.

В 11-й армии членом военного совета был С. М. Киров, который в буквальном смысле царствовал и в городе, и в самой армии. Смысл его партийно-политической работы заключался в том, чтобы... раскрывать покушения и заговоры против него самого. Так, он разоблачает работавшую секретаршей в военном совете небезызвестную княжну Туманову, которую неоднократно насиловал. В числе тех, кого он считал личными врагами был и граф Неродов, который, по словам Кирова, пробрался в Астрахань с целью его отравления цианистым

калием. Подобных «разоблачений» были десятки. Один из таких фактов связан с председателем полковой ячейки большевиков, членом ВКП(б) с 1905 года Ревеккой Вассерман. Как-то среди актива коммунистов та высказалась, что Киров удивительным образом схож с известным черносотенцем иеромонахом Илиодором. Киров отомстил за неудачное сравнение: признал Ревекку деникинской шпионкой, а секретарей Астраханского губисполкома — сообщниками. Всех этих людей по приказу Кирова расстреляли. Но «друг рабочих» Сергей Миронович не учел некоторых нюансов, к примеру, не знал что княжна Туманова была личным агентом в военном совете 11-й армии товарища Сталина.

Вместо того, чтобы организовать оперативный выход своей армии на боевые позиции, Киров продолжал заниматься выявлением врагов и шпионов. Не придал он значения и телеграмме члена РВС фронта товарища Сталина. В результате войска генерала Врангеля наголову разбили 11-ю армию. А Киров, видя отступление частей армии, быстренько ретировался в Баку.

...Ознакомившись с материалами папки, «любимец пролетариата города Ленина» стал слезно умолять Генсека не придавать огласке документы.

После цэковского форума Сергей Миронович вернулся в город на Неве. И, невзирая на моральное состояние, также энергично и рьяно продолжал трудиться на своем посту. У него была закваска человека, фатально верящего в светлые идеалы коммунизма, а потому всякий, кто мог стоять на его пути, должен был быть уничтожен единственным радикальным большевистским средством — выстрелом из нагана.

Так он сам поступал и когда вел подпольную борьбу в Томской губернии, и в Иркутске, и когда переехал на Кавказ и работал в газете «Терек» (во Владикавказе, переименованном впоследствии в г. Орджоникидзе).

В нояб. 1912 в этой газете появилась статья «Простота нравов» за подписью «С. Киров» (эта фамилия стала его парт. псевдонимом).

В годы Первой мировой войны благодаря его большевистской убежденности и фатальной работоспособности все партийные организации на Северном Кавказе были очищены от всех недовольных идеями Ленина методом отстрела. Эх, любил Киров это дело!

Он примчался в Петроград и стал одним из самых активных участников так называемого вооруженного восстания в Петрограде. На самом деле, это был массовый отстрел бывших чиновников имперской столицы, банковских служащих, аристократов, офицеров и генералов Николая II...

В период гражданской войны он проявил решительные действия по уничтожению белых в Астрахани, после чего возглавил Астраханский край, одновременно являясь членом военного совета 11-й армии; затем стал членом реввоенсовета Южной группы войск.

В конце мая 1920 года за отсутствием собственных дипломатов, московское большевистское правительство назначает его полпредом РСФСР в Грузию, где власть захватили меньшевики. А спустя несколько месяцев кровавый *трибун* уже направляется в Ригу для заключения мирного договора с Польшей. Наконец, снова Кавказ, где с июля 1921 г. он избирается секретарем ЦК Компартии Азербайджана. С. М. Киров был одним из основателей ЗСФСР — Закавказской Советской Федеративной Социалистической Республики (декабрь 1922 г.). Заслужив доверие, направлен был в 1926 г. возглавить партийную организацию Ленинградской губернии.

Вот с таким политическим и террористическим багажом пришел Сергей Миронович к партийному форуму, состоявшемуся в Москве в 1934 году.

В один из дней ноября газета «Правда» в передовой статье писала, что руководитель ленинградских коммунистов, беспредельно преданный делу Ленина и партии товарищ Киров пользуется у большевиков и у народа огромным авторитетом и любовью.

Конечно, Сергей Миронович читал хвалебные слова о себе в главной партийной газете, которую он ежедневно перечитывал от первой фразы «*Пролетарии всех стран, соединяй-*

тесь!» до сообщений внизу последней страницы. Ему приятно было, что бывший его сотоварищ по борьбе против контры и белогвардейщины напомнил читателям «Правды», что Сергей Миронович за свою партийную преданность и работоспособность удостоен орденов Ленина и Красного Знамени.

А спустя 2—3 дня Сергей Миронович, как всегда, в числе первых работников Ленинградского обкома партии (благо не нужно было душиться в трамваях, как рядовые работники), прибыл на работу в Смольный. Выйдя из персонального автомобиля, он широким шагом вошел в здание и поднялся на свой этаж. Свернув к своему кабинету он увидел хорошо знакомого человека, шагнувшего навстречу. Сергей Миронович еще протягивал руку для рукопожатия, как прозвучали выстрелы и пламенный трибун партии, славный кандидат на пост лидера ВКП(б) рухнул замертво.

Его прах был торжественно захоронен в Кремлевской стене в столице СССР — Москве.

Урну с прахом несли руководители партии и правительства и лично сам Иосиф Виссарионович Сталин.

На лице у Генсека была неподдельная скорбь.

Что ж, эта немалая по габаритам фигура соперника, помещенная сейчас в баночку в виде оранжевого пепла, больше никогда не будет беспокоить Генерального секретаря...

Ах, да, было бы нечестным сказать, что Иосиф Виссарионович оставил убийство любимца народа безнаказанным.

Он, — понимая скорбь народа и величину утраты, — приехал в славный город Ленинград, чтобы выслушать на месте как все произошло.

Уже уезжая из Ленинграда, Сталин вспомнил как пару лет назад его в городе-на-Неве принимал товарищ Киров. Они тогда посетили театр оперы и балета, после спектакля состоялась кулуарная встреча Сталина и Кирова с ведущими актерами, главным режиссером и директором. После чего к театру подъехала кавалькада легковых автомобилей и назначенные Кировым артисты, среди которых была и Вера Давыдова, выехали на одну из обкомовских резиденций на берегу величаво-прекрасного Финского залива.

Естественно, это еще не было время угодничанья и страха, когда никто из партийных функционеров не мог свободно и просто взять да и отойти от товарища Сталина. Однако кто посмеет проявить подобное своевольство, если товарищ Сталин что-то говорит? А вот овеянный революционной славой Сергей Миронович, даже не обратив внимание на говорившего Генсека, подошел к Верочке Давыдовой и, бесцеремонно взяв ее под локоток, сказал: «Слушай, Вера, пошли отсюда, надоело».

О, как он просчитался; этот горячий крупнолиций мужчина не знал гордый нрав товарища Сталина.

Он не знал, да и не мог знать того, что стоявший в полуобороте к нему на расстоянии нескольких шагов Генсек все видит и слышит. Вокруг него шумели людей, — артисты и партфункционеры; скоро, очень скоро они не будут шуметь в его присутствии, а лишь будут содрогаться и ловить каждое его слово, взгляд, движение.

Сталин видел и слышал что делал и говорил Киров. И когда тот уже намеревался уйти с любовницей, приказал своему охраннику вернуть Кирова к нему.

Охранник подошел к Сергею Мироновичу и передал, что его ждет Сталин, на что последний (какая глупая уверенность, какой грубый просчет!) ответил: «Передай, я занят, потом подойду».

В момент, как только эти слова были произнесены, к нему подошли три очень крупных чекиста, кто-то незаметно для всех крепко взял его за руки, кто-то прошипел в ухо: «Подойдите к товарищу Сталину, товарищ Киров».

Тот же, кто первым просил его вернуться к Генсеку, спокойно сказал актрисе: «Вера Александровна, товарищ Сталин доволен вашим выступлением. — И твердо добавил: — Идите к своим коллегам».

Ранней весной 1932 года Вера Давыдова вместе с труппой оказалась на гастролях в Москве; должны были давать «Аиду», где главную партию исполняла ленинградская прима Софья Преображенская. Все были уведомлены о посещении Большого театра руководителем партии и страны товарищем Сталиным и оттого волновались еще больше.

Не так ли писали после советские газеты: «С большим и заслуженным успехом прошли в Москве гастрольные спектакли ленинградского Малого оперного театра. Познакомив москвичей с последними работами театра, эти спектакли по существу превратились в своеобразный смотр советского оперного творчества...» Трафаретная цитата из статьи А. Шавердяна «Путь советского оперного искусства» начала 50-х годится и к гастролям годов 30-х.

Как всегда, Верочкиному взлету помог классический случай: Софья Преображенская заболела и ее место на сцене заняла Давыдова, вместо «Аиды» звучала не менее блистательная «Кармен».

Вот начинается спектакль, исполнители основных партий выходят на авансцену, но пристальные взоры публики устремлены в правительственную ложу, где рядом с товарищем Сталиным находятся члены Политбюро Молотов, Ворошилов, Орджоникидзе, Микоян, др. и личный пилот товарища Сталина Александр Голованов. В задачу последнего входило фиксировать реакцию вождя на людей; он увидел как внимательно Сталин рассматривает молодую талантливую исполнительницу.

— А ви, товарищ Да-авидо-ва, хотели би жить в Москве и трудиться в Ба-альшом театре? — спросил Веру Александровну вождь, когда по окончании спектакля ее привели в правительственную ложу.

А через несколько дней Сталин, вызвав наркома культуры, приказал издать приказ о переводе артистки Давыдовой Веры Александровны из Ленинградского театра оперы и балета в качестве солистки в Большой театр Союза ССР. И через месяц после гастролей Верочка переехала в столицу.

Вот тогда-то Сергей Миронович почувствовал нанесенную ему вождем первую существенную пощечину, но не за политику, а, как он сам неосторожно болтал в кругу своих коллег, «за какую-то бабу из театра».

Дорогу товарищу Сталину — шаг за шагом — запрещалось переходить всем и вся; неважно в чем: касалось ли то политики или частной жизни.

После перевода в Москву, Вера Александровна вскоре попала в число ведущих актеров Большого театра.

Вскоре последовала и первая встреча с Генсеком тет-а-тет.

В новогоднюю ночь актриса пела в Кремле, а после присутствовала на праздничном ужине, сидя рядом с вождем. В полночь гости начали расходиться. Неважно где и как Вера Александровна обнаружила записку, в которой указывалось, что ей следует сесть в машину, которая ее будет ждать возле Манежа.

Была глухая морозная ночь; Вера недолго колебалась, догадавшись, от кого последовала эта просьба. Неподалеку от Кремля к ней подошел А. Голованов и провел к машине; по дороге к прекрасному особняку, где жил Генсек, они свернули к одной из закрытых спецполиклиник. Там молодую женщину осмотрел медперсонал; был сделан быстрый анализ крови и мазков на предмет выявления венерических заболеваний. Надо сказать, подобную процедуру проходили все сталинские любовницы.

...После угощения фруктами и экзотическими заморскими вкусностями, как выразился сам Сталин, он вполне уверенно и бесцеремонно снял с нее кофточку и расстегнул бюстгальтер. После чего сказал: «Сними все остальное».

Ей ничего не оставалось, кроме по-советски стыдливого: «Товарищ Сталин, а давайте выключим свет».

Сталин чмокнул губами, невнятно заклокотал горлом и согласился: «Хорошо».

Если Вера Давыдова стеснялась и находилась в состоянии шока, то товарищ Сталин не стеснялся и шока не испытывал. Однако увидев обнаженное до талии очаровательное тело 28-летней красавицы, Сталин, которому тогда было 54 года, и в самом деле не захотел показывать физически несовершенное и несколько уродливое, как ему казалось, свое тело.

Через неделю после той новогодней ночи актриса Давыдова переехала из театрального общежития в прекрасную трехкомнатную квартиру.

Когда они встретились в четвертый или пятый раз, Вера сказал о том, что в Ленинграде находится ее муж, который

очень беспокоится. Надеялась ли она, что его тоже переведут в Большой? Скорее всего, нет. Но, удивительное дело, Сталин, услышав ее слова, тут же ответил: «Хорошо, товарищ Да-видова, ми переведем вашего мужа».

На следующий день он лично позвонил ей и сказал, что нарком культуры подписал приказ и отныне ее муж переведен.

Вместо того чтобы радоваться, Верочка Давыдова растерялась, испугалась, не зная что делать, ведь не сегодня-завтра к ней приедет муж и... что же будет тогда? Так, в смятении, она провела полдня, день. Но ни на второй, ни на третий день Мчедлидзе не приехал. А через пять дней он позвонил ей в театр и она, сорвавшись с репетиции, подбежала к телефону. Муж коротко сказал, что звонит из Тбилиси и что приказом наркома СССР по культуре он назначен... ведущим солистом театра оперы и балета в Тбилиси. Его попытка объясниться в накромате культуры Грузии окончилась предупреждением в наркомате внутренних дел Грузии. И там же, — жаловался Мчедлидзе, — сказали, чтобы я тебя, дорогая Верочка, не беспокоил и разрешили мне с тобой поговорить лишь пять минут.

Не успела Верочка что-либо ответить, как в телефонной трубке раздались протяжные гудки.

Ее попытки дозвониться в Тбилиси окончились безуспешно. Во время очередной тщетной попытки в трубке раздался щелчок и какой-то грубый голос сказал: «Вера Александровна, я вам рекомендую не звонить в Тбилиси и не беспокоить его. И он вас тоже беспокоить не будет».

А на следующий день ей позвонил Поскребышев, попросив приехать в особняк, где у ней были свидания с Генсеком.

Сталин сразу бесцеремонно «взял» ее, а затем сказал, что у него есть свободное время и он готов ее послушать. «Только не пойте, а говорите».

Вера попыталась решить все вопросы сразу и выпалила сгоряча: «Я что, разведена с мужем?»

Сталин спросил: «Что еще тебя интересует?»

Вера ответила что ничего, но у нее есть просьба и она хотела бы работать в Тбилиси.

Сталин среагировал и, прищурив звериные глаза, подошел к ней вплотную, так что она невольно встала.

— Ты спала с каким-то мелким грузином. Тебе ш-то, не понятно, кто ты? Если ты будэшь спать с товарищем Сталиным, ты сумеешь прославить наше оперное искусство...

И она терпеливо и... увлеченно выслушала интереснейший рассказ об оперном искусстве, об истории Большого театра, неожиданно для себя узнавая такое, чего не слышала ни на одной лекции профессоров за время своего обучения в Ленинградской консерватории. Великие знатоки оперы из консерватории, по ее мнению, прекрасно разбирались в этом волшебном искусстве. Она с затаенным дыханием слушала их лекции. Но то, что ей поведал Сталин, ставило этих профессоров на несколько порядков ниже его; знания Иосифа Виссарионовича об этой сфере искусства (как и в других областях знаний) были уникальны.

Пораженная, Вера Александровна забыла обо всем на свете.

А Сталин неожиданно перешел на другую тему: «Товарищ Дави-дова, отсюда вас отвезут в новую квартиру на улицу Горького. Таких льгот, как делал вам проходимец, за-а-тесавшийся в наши ряды Киров, не будет. То, што он вам предоставлял — мелкое мещанство. А там, где ви живете, ви уже ви-пи-саны. У моего помощника во-о-зьмите свой паспорт с новой пропиской».

Веру Александровну поселили в роскошный дом на улице Горького, в котором жили очень известные деятели литературы, искусства и партийные функционеры из идеологического отдела и отдела культуры ЦК ВКП(б). В новой квартире имелось 8 комнат.

2

Как-то Вера Александровна заканчивала накладывать грим в своей уборной; сегодня была ответственная партия Кармен в одноименной опере. Через 10—15 минут ожидался ее выход. В дверь постучали и не дожидаясь приглашения открыли, вошел начальник службы безопасности Большого, он же и комендант театра. Сразу, с порога он доложил, что только что за ней прибыл автомобиль из Кремля и ей надлежит немедленно ехать, куда будет сказано сопровождающим.

Актриса, поняла что вступать в пререкания с чекистом бесполезно и, подняв трубку правительственной связи в своей уборной, попросила Поскребышева соединить с товарищем Сталиным. Александр Николаевич вежливо осведомился, что собственно сказать товарищу Сталину. Вера Александровна начала объяснять ситуацию и неожиданно услышала голос вождя. «Хорошо, товарищ Давыдова. Партия Кармен, как и сама опера да-астойны таго, што товарищ Сталин подождет. Жилаю успеха».

Связь прервалась.

Актриса попросила непрошеного гостя оставить уборную, тогда как недоумевающий комендант требовал ее немедленно направиться в автомобиль. Верочка от души рассмеялась и вежливо сказала: «Уважаемый товарищ комендант, неужели вы не поняли, что я разговаривала с самим товарищем Сталиным».

После спектакля, прошедшего как всегда с успехом, она засобиралась домой. Она вдруг почувствовала неимоверную усталость и желание принять душ и сразу же броситься в постель, провалиться в сон. Но ее тревожила мысль, что вместо своей квартиры придется на ночь глядя ехать ублажать вождя. Но ехать не пришлось.

На следующий день она проснулась поздно, привела себя в порядок и направилась в столовую, где ее уже поджидала домработница. «Вот билеты, — сказала она, — у нас два купе в вагоне люкс. Сегодня вечером мы выезжаем на поезде «Москва — Адлер» на море». Не успела Давыдова рассмотреть билеты, как раздался звонок телефона. «Ви готовы, Вера Александровна? Надэюсь, ви не опоздаете. Машина доставит вас к самому поезду».

Через несколько дней она, забыв все московские дела и всю шумную, неспокойную жизнь столицы, беззаботно предавалась отдыху, часами просиживала в шезлонге, наблюдала за кричащими чайками, за пароходами у горизонта и мелкими ракушками на пустынном морском берегу.

Вождь редко приходил на пляж, а если и приходил, то был одетым. А ее предупредил, чтобы всегда приходила в халате, а

на пляже была в купальнике. И она слушалась. Еще реже он виделся с ней наедине. В какой-то мере это облегчало ее участь и она без помех наслаждалась хоть и принужденным, но все же прекрасным отдыхом в золотое время года — разгар бабьего лета.

Как-то она поднялась с восходом солнца, спать больше не хотелось, набросив после душа халат и взяв полотенце, Верочка направилась на пляж. Удобно разместившись в шезлонге, она листала модный итальянский журнал, — незнаемое роскошество для простых советских тружениц, затем, почувствовав дремоту, закрыла глаза и уснула. Проснулась когда солнце вовсю припекало ее левое плечо, молодая женщина потянулась, разминая затекшее тело. Усевшись удобней, она опустила чашки бюстгалтера на живот, обнажив красивой формы белую грудь. Она, даже не заботясь про ожоги, снова закрыла глаза. В какое-то мгновение отчетливо почувствовала чужой взгляд, кто-то ее пристально рассматривал. Сомнений быть не могло; открыв глаза Верочка увидела вождя.

«Красивая. Што скажешь, когда женщина красивая», — неожиданно Сталин резким шагом пошел под навес, наклонился и... она не поняла, что произошло, но услышала выстрел («...а может, не один, а два выстрела; уже не помню», — говорила мне Вера Александровна во время нашей встречи в самом начале 70-х годов.). Сразу же за этим резким звуком неподалеку что-то упало. Затем до ее слуха донеслась сталинская брань, мгновенно подбежали два чекиста. Громко выматерившись, Сталин подошел к Вере Александровне и жестким тоном произнес: «Штоби я вас не видел, товарищ Давидова, в таком безобразном виде. Уходите отсюда!».

Она безропотно надела бюсгалтера, запахнулась в халат, и бросив на плечо полотенце, немедленно пошла по ступенькам вверх к своему коттеджу. Проходя мимо ближайшего куста, она увидела как охранники Сталина перевернули окровавленное тело молодого человека, переложили на носилки и понесли. Как оказалось позже, это был новобранец, который должен был проходить службу в охране вождя. Мальчишка, он подглядывал за полуобнаженной женщиной, замаскировавшись в кустах.

Пуля попала в голову.

А через несколько часов один из чекистов охраны сказал ей: «Вера Александровна, вы ничего не видели и не слышали. Правда, у нас тут произошло незначительное происшествие, но товарищ Сталин приказал высоко оценить подвиг нашего молодого коллеги, и вот мы подготовили выписку из приказа о героическом поступке молодого чекиста, в котором выражаем сердечную благодарность его родителям за хорошего сына, а комсомольской организации школы — за то, что в их рядах воспитываются такие честные и отважные герои... Как вы думаете, Вера Александровна, высоко товарищ Сталин оценил подвиг героя?»

Давыдова уже усвоила многие нравы и правила каверзной среды, в которую она попала не так волей обстоятельств, как благодаря своей особой женственной красоте. Не раздумывая, актриса ответила: «Лучше, чем товарищ Сталин сказал, подвиг солдата, погибшего при исполнении служебных обязанностей, не может быть оценен».

После возвращения с юга в Москву дни буквально летели бесконечной чередой репетиций, спектаклей, встреч; вот уже в театре отпраздновали очередную годовщину Великой Октябрьской социалистической революции. Вера Александровна получила весьма существенную денежную премию и, как всегда, самые высокие гонорары за исполнение ведущих партий на сцене Большого.

А незадолго до нового года, 24 декабря, ей позвонил Маршал Советского Союза Михаил Николаевич Тухачевский. Он сказал, что есть прекрасный повод встретиться, ведь завтра праздник. Она удивилась: какой? Он ответил, что по всей видимости, кто-то из его предков был польским шляхтичем. «А поляки, дорогая Верочка, это католики. А завтра католическое рождество», — торжественно-игриво наседал маршал.

Верочку испугали эти слова, упоминание о каком-то далеком католическом рождестве могло принести большие неприятности обоим. Конечно, она хорошо относилась к заместителю наркома обороны и, скорее не из-за его высокого государственного положения, сколько из-за того, что он был ей просто

симпатичен. Хотя и первое играло весьма существенную роль. Но ей не нравилось, что Михаил Николаевич (так она всегда звала его по телефону, на что он болезненно реагировал, ибо ему хотелось чтобы и по телефону, как при личном общении, она звала его Мишенька); неужели маршал не понимал, что их телефоны прослушивались, или же он бравировал своим отношением к ней? — впрочем, все это неприятно... Но Тухачевский, нисколько не удивившись ее холодности, продолжал рокотать басом в трубку и, так и не дождавшись согласия Веры Александровны, сказал что сегодня вечером после спектакля за ней приедет его машина и они отправятся праздновать таинственное Рождество.

Тухачевский Михаил Николаевич /4(16).2.1893 — 11.6.1937/, советский военный деятель, Маршал Сов. Союза (1935). Чл. Коммунистич. партии с 1918. Род. в имении Александровское Дорогобужского у. Смоленской губ. (ныне ок. дер. Следнево Сафоновского р-на Смоленской обл.) в дворянской семье. Окончил Александровское воен. училище (1914). Участвовал в 1-й мировой войне 1914—18 в составе лейб-гвардии Семеновского полка, поручик. В 1915 попал в плен, в 1917 бежал в Россию.

С 1918 в Красной Армии.

После Гражд. войны 1918—20 принимал деятельное участие в проведении Военной реформы 1924—25. Был нач. Воен. академии РККА (1921)... с нояб. 1925 по май 1928 нач. Штаба РККА. С мая 1928 по июнь 1931 командовал войсками Ленингр. Воен. округа. С 1931 зам. пред. Реввоенсовета СССР, нач. вооружений РККА, с 1934 зам. наркома обороны и нач. управления боевой подготовки...

Награжден орденом Ленина и орденом Красного Знамени.

Однако случилось так, что за артисткой Давыдовой в тот вечер приехала не машина Тухачевского, а машина Николая Ивановича Ежова, наркома внутренних дел, которому буквально совсем немного осталось быть на этом грозном посту. Его вот-вот переведут в наркомат речного флота, а оттуда — в подвал его любимой Лубянки.

Вера села в автомобиль и тот рванулся с места; неожиданно стекло, разделяющее салон от водителя, опустилось. Полной неожиданностью для нее явилось то, что справа от водителя над спинкой переднего сиденья возвышалась некая подозрительная маленькая головка с торчащими ушами. Головка повернулась, тонкие губы рта разжались и она услышала: «Ну как я вас, Верочка? Наконец-то вы меня полюбите. Глупый у вас любовник, хоть и маршал. Вот то ли дело я, Генеральный комиссар Государственной безопасности СССР Николай Иванович, о котором ходит слава: берет ежовыми рукавицами... Ну что вы, Верочка...» — липкие небольшие руки выскочили из-за спинки, потянулись и стали шарить по ее открытой шее. Не успела она опомниться, как он запустил руку ей под бюстгальтер и сжал соски. Сжал так больно, что она чуть не вскрикнула.

Единственное, что могла сделать актриса, это выскочить на полном ходу, но куда? При огромной скорости... Но она все-таки нажала ручку дверцы, пытаясь приоткрыть ее и требуя от Ежова отвезти ее обратно в театр. Дверца не поддалась, и до нее дошло, что она взаперти. Конечно же, этот карлик Ежов был не так прост, как иногда казался некоторым. Впрочем, до недавнего времени он ей не казался и страшным.

Ее привезли в один из домов НКВД, в подвале которого ежеминутно шли жестокие пытки. Тогда как на верхних этажах здесь любили повеселиться; шло веселье и сейчас. Как правило, тут находились начальники краевых, областных УНКВД, вызываемые Ежовым в Москву. Но среди разряженных гостей можно было встретить и высших чинов с Лубянки, жен высокопоставленных чекистов, но... без своих мужей, ибо те находились либо в долгих дальних командировках или уже в подвале.

Когда Ежов, ведя себя почти галантно, поднялся вместе с Верой Александровной в зал в самый разгар показушно-неугомонного бала, он вдруг переменил тактику и фамильярно-небрежно схватив за талию, сказал с легкой издевкой: «Я вас, барышня, оставляю на попечение Маршала Советского Союза, вашего Мишеньку Тухаческого», — и грубо толкнул ее в нишу, из которой в эту минуту выходил заместитель наркома обороны Тухачевский.

Он протянул к ней руки, она, растерянная, хотела что-то спросить, обратиться к нему, но между ними неожиданно опять возникла фигура карлика Ежова: «Мишенька, отмечай католическое рождество, и если Верочке-свет-Александровне что-то не понравится, проведи ее в подвал. Там хорошее медвежье красное вино льется рекой». И так же неожиданно исчез.

То была одна из самых жутких ночей в жизни актрисы. Она с трудом пробыла в этом дьявольском доме чуть больше часа, пока не уговорила маршала увезти ее.

По всему видать, Тухачевский тоже был не в лучшем расположении духа. Конечно, об этом свидании с маршалом стало известно Сталину. Но удивительное дело, вождь молчал, и у него были на то причины, о которых Вере Александровне знать не следовало. Да они ее и не касались.

А вот Ежов решил максимально использовать ситуацию для удовлетворения своей похотливости. Но, к счастью для Давыдовой, обстоятельства складывались так, что Ежову никак не удавалось настичь актрису...

Как-то будучи на гастролях в Киеве, Вера Александровна решила прогуляться по улицам древнего города. Она уже привыкла к тому, что ее сопровождают трое мужчин, по ее убеждению, чекистов. Так оно и было; за ней постоянно следовали и в Москве и здесь, не вступая ни в какие разговоры. Практически не обращая внимания на свиту, она дошла до Владимирской горки, приблизилась к памятнику князю Владимиру и, задумавшись, надолго застыла, засмотревшись с кручи на медленно текущие воды Днепра-Славутича...

Москва. Кремль. Кабинет вождя.

В кабинете Сталин и Ворошилов.

— Товарищ Сталин, согласно плану, войсковые учения частей и соединений Московского военного округа должны завершиться через восемь дней. Руководителем учений от наркомата обороны назначен заместитель НКО Маршал Советского Союза Тухачевский. В настоящее время войска округа развернуты и «боевые» действия достигли апогея. А руководитель учений преступно покинул расположение войск и убыл

в неизвестном направлении. Принятыми мною мерами по розыску товарища Тухачевского установлено, что он находится в столице советской Украины городе Киеве. Мои попытки связаться с ним по телефонной и радиосвязи успехов не имели. Я обязал командующего войсками Киевского военного округа командарма 1-го ранга Уборевича разыскать товарища Тухачевского и передать ему мое требование о том, чтобы он созвонился со мной. А об исполнении моего приказания поручено товарищу Уборевичу донести мне немедленно.

— Что, Клим, с…бл…сь наши маршалы. Ну ш-то ж...

Сталин поднял трубку телефона.

— Ты уже приехал? Это хорошо. А как дела в Тбилиси? Ты сдал там партийные дела и НКВД? Ма-алодец… Слушай, Лаврэнтий, што у тебя есть по Киеву?

Казалось, Сталин безразлично слушает что говорят с Лубянки. Недавний первый секретарь ЦК КП(б) Грузии Лаврентий Павлович Берия по приказанию вождя был освобожден от обязанностей партийного руководителя и прибыл в Москву для принятия дел и должности наркома внутренних дел СССР вместо освобожденного Ежова.

Сталин лично поручил ему сразу взять под контроль работу оперативной группы, которая уже длительное время отслеживала военачальников РККА: Тухачевского, Уборевича, Якира и многих других.

Услышав от Берия информацию, вождь обратился к Ворошилову:

— Ну вот, Клим, я не ошибся: на бабу променяют и партбилет, и родину, и семью. Я не ошибся. Сейчас ездит по Киеву и ищет эту курву артистку из Большого театра… Ми ей — високое доверие, «народную» дали, орденом наградили, Сталинскую премию дали, квартиру, ви-сокие оклады, а она, понимаешь, когда ми с тобой тут говорим, гуляет на Владимирской горке. А он, дурак, по Киеву мотается. Што прикажешь делать, Клим, твои люди…

— Товарищ Сталин, я не сомневаюсь, что ты осведомлен где сейчас товарищ артистка и товарищ Тухачевский. Но ты всегда принимал и примешь сейчас правильное решение.

Киев.

Вера Александровна спустилась по ступенчатой аллее и вышла на проспект, который в скором времени будет носить имя С. М. Кирова.

Она направлялась к стоянке такси, когда неожиданно перед ней затормозил легковой автомобиль и еще более неожиданно из него выскочил здоровенный Тухачевский, прокричав, как показалось, на весь Киев своим громогласным басом: «Я нашел тебя, Верочка!»

Удивлению Веры Александровны не было предела. Они тут же уехали на одну из дач командующего войсками округа, благо в этот вечер не было спектакля.

Наутро Тухачевский проснулся очень рано, и немного полюбовавшись крепко спавшей красавицей, растормошил ее. Та с трудом воспринимала что он говорит. «Верочка, я бы тебя не будил, но мне надо срочно уезжать. Я тебе выдам небольшую военную тайну. В лесах Подмосковья идут серьезные маневры и Ворошилов приказал мне быть на них руководителем. Я вчера днем примчался к тебе самолетом и сейчас вот еду на аэродром, чтобы вернуться назад. А если у тебя спросят, зачем у тебя был Тухачевский... вот тебе удостоверение «Ворошиловского стрелка» с твоей фотографией и печатью и значок... по существующему положению, это звание присваивается наркомом или его заместителем. Так вот, запомни: я, как заместитель, присвоил тебе это звание и привез удостоверение, чтобы лично вручить. Но имей в виду: на удостоверении не моя подпись, а Ворошилова. Этим я бы хотел подчеркнуть значимость и твой особый статус в Москве».

Чмокнув ее в ухо, он покинул коттедж, где прошла сладкая ночь.

Москва.

Наркомат обороны СССР.

Нарком обороны Маршал Советского Союза Климент Ефремович Ворошилов собрал все материалы на своего зама Тухачевского, сел в служебный автомобиль и приказал ехать в Кремль. Через несколько минут он уже поднимался по лифту в

кабинет вождя. Там он положил личное дело Маршала Советского Союза Михаила Николаевича Тухачевского на стол.

Сталин взял в руки документы и стал негромко читать. Из текста следовало, что…

> *Тухачевский Михаил Николаевич… в 1915 попал в плен, в 1917 бежал в Россию.*
>
> *С 1918 в Красной Армии.*
>
> *Был воен. комиссаром обороны Московского р-на (1918), командовал 1-й армией Вост. фронта (июнь 1918— янв. 1919), 8-й армией Юж. фронта (янв.— март 1919), 5-й армией Вост. фронта (апр. — ноябрь 1919), к-рая во взаимодействии с др. армиями провела ряд успешных операций по освобождению Урала и Сибири от войск Колчака. Командовал войсками Кавказского фронта (февр.— апр. 1920) при разгроме войск Деникина, войсками Зап. фронта (с апр. 1920 по авг. 1921) в советско-польской войне 1920 и 7-й армией при ликвидации Кронштадского мятежа (март 1921), войсками Тамбовского р-на (апр.— май 1921) при подавлении антоновщины…*

Итак, Сталин взял в руки документы и стал негромко читать. Из текста следовало, что…

Тухачевский Михаил Николаевич родился 16 февраля 1893 года в имении Александровское Дорогобужского уезда Смоленской губернии. Из дворян. Закончил Александровское военное училище в 1914 году. Участник боевых действий 1914—18 г.г. в качестве офицера лейб-гвардии Семеновского полка. Поручик царской армии. В 1915 г. попал в плен, а в 1917 совершил побег с группой офицеров. Офицеры при побеге погибли, а поручик остался жив. По обнаруженным архивным документам военной разведки рейхсвера под руководством полковника Вальтера Николае выходило, что группа офицеров русской армии, находившаяся в плену под руководством старшего из них в чине полковника совершила побег. Но сотрудниками беглецы вскоре были настигнуты. В случае их задержания их бы водворили в карцер, каждого младшего офицера — на 5 суток, старших офицеров — на 3 суток, а полковника — на сутки. После чего они были бы возвращены в бараки военно-

пленных. Но офицеров немецкой контрразведки поразило то, что один из бежавших военнопленных офицеров, человек с погонами поручика, неожиданно вырвал у одного из контрразведчиков наган и разрядил в своих товарищей все патроны. Сраженные наповал русские офицеры не подавали признаков жизни. После этого поручик довольно сносно обратился на немецком языке к немецким оперативникам и сказал: «Я готов выполнить любое ваше задание по уничтожению ваших врагов». Старший группы захвата гауптман, неплохо владевший русским языком, вынул наган и произнес: «Есть такое слово у русских: с-с-сука. Пошел прочь, руськая свинья». Поручик бросился бежать, и когда он скрылся за холмом, гауптман вложил в кобуру наган и вместе с сослуживцами направился к своим. А вскоре за убитыми пришла повозка с немецкими солдатами и тела их были преданы земле.

В 1918 г. болтавшийся без дела Тухачевский нанялся на службу в качестве военного комиссара в Красную армию. Его старания по расстрелу бывших своих товарищей по лейб-гвардии Семеновскому полку и других офицеров быстро заметили чекисты. Особенно красочными и яркими были его донесения в ЧК по выявлению контрреволюционных элементов. Он перечислил адреса всех своих знакомых из дворян и учившихся с ним в военном училище или служивших в русской армии и когда-нибудь встретившихся ему на пути. За что получил псевдоним «Стукачевский».

По рекомендации начальника Московской ЧК он был представлен Главнокомандующему РВС Каменеву, который предложил ему занять должность командующего 1-й армии Восточного фронта.

Затем спустя полгода Тухачевского перевели командовать 8-й армией Южного фронта, но уже через 2,5 месяца он возглавил 5-ю армию Восточного фронта. Эта армия под его командованием провела ряд жесточайших карательных операций в местах, где когда-то находилась армия адмирала Колчака. Его заслуги были замечены и 5-ю армию бросили на польский фронт. Где Михаил Николаевич проявил чудеса «стратегического искусства», — он с передовыми частями погнался за польскими жолнежами, но так как большая часть польских солдат

была родом из Варшавского повета, они туда и бежали. И тут «красного полководца» обуяла слава Наполеона. Он решил захватить Варшаву и сделать ее ни много ни мало «Польской первой Советской Республикой». Тогда он руководил целой армией, как когда-то руководил взводом в Первой мировой войне. Есть такие люди, которые не замечают разницы: управлять 30 солдатами или 30 тысячами солдат и офицеров...

С такими подходами к объединению, как и ко взводу, ничего дельного не получится; спесь и бездарность, — качества, характерные подобным полководцам. Тылы армии Тухачевского отстали на сотни километров, благодаря чему в польском генштабе удалось сгруппировать незначительную, но мощную группировку войск, которая нанесла внезапный удар огромной силы в арьергард армии Тухачевского, устроив ей тотальный разгром.

Трусливый потомок польских шляхтичей, позорно бросив разбитые войска, бежал. В этом он оказался похожим на Наполеона, бросившего разбитые французские войска в России.

Надо было как-то оправдываться перед большевистской властью. И он дал слезные обязательства о том, что выполнит любое задание партии, Советского правительства и высшего командования Красной армии. Надо полагать, ему не поверили, но все же из-за отсутствия каких-либо военачальников сгодился и трусливый поручик.

Его назначили командовать 7-й армией и в 1921-м он участвовал в новом кровавом беспределе, на этот раз на фортах военно-морской базы Кронштадт. Пулеметные батальоны его армии бесконечными очередями срезали безоружных моряков крепости. На лед замерзшего Финского залива были уложены десятки тысяч окровавленных тел в черных штанах и бушлатах — недавних мужиков из деревень и рабочих из городов — потребовавших от Советского правительства прекратить жестокий беспредел и насаждение чудовищной власти в их деревнях, селах и городах. После чего Тухачевский в запале неизвестно откуда бравшейся в нем ненависти сел на тачанку, взяв с собой несколько десятков других тачанок, на которых восседали его головорезы, и из пулеметов добивал еще живых, истекающих кровью матросов.

Этот «подвиг и талант военачальника» был замечен лидерами террористов, будущими идолами советского народа, товарищами Троцким и Лениным. Тут же Михаила Николаевича направляют на подавление Тамбовского мятежа. Мастер геноцида против собственного народа — Тухачевский — широкомасштабно применял химическое оружие; использовались газы, отравлялись целые деревни, гибли и старики, и младенцы... После разгрома крестьян тамбовщины во главе с атаманом Антоновым пошла по стране гулять крылатая фраза: *тамбовский волк тебе товарищ*. Подразумевалось, что этим *волком* является любой крестьянин тамбовщины, имеющий в своем амбаре хотя бы горсть зерна... Впоследствии это ассоциировалось со всем русским крестьянством на всей территории страны.

По завершению гражданской войны Тухачевский принял активное участие в реформе Красной армии. Но только следует заметить, что предложил он в самые сжатые сроки построить предприятия, чтобы затем вооружить Красную армию 50 тысячами — 100 тысячами танков, потом еще столько и еще столько и... немедленно начать войну за мировую революцию. Гений военного искусства, ничего не скажешь. С таким полководцем *весь мир насилья мы разрушим...*

Происходило подобное следующим образом.

В 1927 г. был сверстан 5-летний план государственного строительства, в котором на основе заявок Генштаба РККА экономисты просчитали количество необходимой боевой техники и вооружений для Красной армии и флота. В ЦК партии план одобрили; очередной съезд зафиксировал строительство Вооруженных Сил в программе партии. На основе этого 5-летнего плана были заложены новые доменные и мартеновские печи, электростанции, прокатные станы, смежные предприятия и т.д. Но через год ни с того ни с сего грамотей Тухачевский заявил, что этот план неправильный и что нужно выпустить 50 тысяч — 100 000 танков и... немедленно! Следует заметить, что танки в сражении не могут участвовать без авиационного прикрытия. Значит, нужно будет выпустить примерно и такое же количество самолетов.

Подобную мысль о неимоверном количестве танков и немедленно Сталин назвал «бредом отдельно взятого военачальника». Вождь тогда заметил: «Гдэ, на каком участке фронта ми сможем разместить такое количество танков? Это не-мислимо». Следует учесть, что в конце 20-х годов Советскому государству реальной физической угрозы уничтожения со стороны сопредельных стран не было. А потому подобные военные предложения и в самом деле выглядели бредом...

На плане Тухачевского, в котором на полном серьезе предлагалось создать армию, расходы на содержание которой превышали бы возможности Советского государства, товарищ Сталин поставил резолюцию: «План» т. Тухачевского является результатом модного увлечения «левой» фразой, результатом увлечения бумажным, канцелярским максимализмом. Поэтому-то анализ заменен в нем «игрой в цифири», а марксистская перспектива роста Красной Армии — фантастикой. «Осуществить» такой «план» — значит наверняка загубить и хозяйство страны, и армию».

Тухачевский Михаил Николаевич... сыграл большую роль в технич. перевооружении Красной Армии, изменении организац. структуры войск, в развитии новых родов войск и видов вооруж. сил — авиации, механизированных и воздушно-десантных войск, ВМС, в подготовке командного и политич. состава. Был инициатором создания ряда самостоятельных воен. академий — механизации и моторизации и др. Автор мн. книг, статей и докладов, содержащих систему стратегич. взглядов на совр. войну и оказавших значительное влияние на развитие воен. мысли и практику воен. строительства.

Внес вклад в разработку стратегии, оперативного искусства, тактики и военной науки в целом; подчеркивал необходимость готовить армию к длительной затяжной войне...

Его «выдающиеся способности» по строительству Красной армии были замечены не менее достойными военачальниками. И вскоре Михаил Николаевич назначается начальником военной академии РККА (руководил чуть больше месяца). Ура-

зуметь «бездарность» бывших царских профессоров было не под силу «гениальному» Тухачевскому, и он дал им по-большевистски точную аттестацию: «наймиты империализма», «враги народа», «неграмотные и достойные одной меры наказания революционной справедливости — расстрела».

Он вскоре будет возглавлять войска округа, станет начальником Штаба РККА, напишет «сверхгениальный» военный труд «Гомеостратегия и декавильки».

По авторитетному мнению теоретика военного искусства XX века Бориса Михайловича Шапошникова, Генеральный штаб является мозгом вооруженных сил, во главе его должен быть чрезвычайно аккуратный и пунктуальный человек, мыслитель высочайшего класса, который досконально разбирается в экономике страны, в политических целях и задачах руководства государством, в помощь ему придаются тысячи высших и старших офицеров по профессионализму своему являющимися экспертами в своей области. В задачу Генштаба входит планирование стратегических операций, осмысление, учет и расчет, системный анализ всех сопутствующих и противоборствующих сторон, а также осуществление замыслов руководства вооруженными силами в мирное и военное время.

Понимал ли Михаил Николаевич Тухачевский, занимая пост начальника Генштаба РККА, что он делал и умел ли он просчитывать ходы в качестве мыслителя и стратега? Понимал ли он цифры, этот скрупулезный язык экономики страны? Скорее, он понимал другое. Ему нравились различные непонятные и необъяснимые слова, расплывчатые мыслишки; нечто из сферы музыки, ведь он любил поиграть на скрипке.

Ему одному, по мнению Сталина, казалось, что он говорит понятно. Но...

Кто из докторов военных наук объяснит даже слушателям военных академий что означают понятия: «полемостратегия», «декавильки», «увеличивается железнодорожный факультатив», «гармоника расчленения сил»...

Кстати, если Тухачевский действительно так гениален, как утверждают советские и некоторые российские военачальники, то почему бы его труды не опубликовать полностью в от-

крытой печати? Ведь там ничего секретного нет, чтобы ослабить мощь сегодняшних российских вооруженных сил. Но опубликовывать нечего, ибо сразу же станет ясна глупость Тухачевского. И читатель поймет, что на протяжение нескольких лет во главе Генштаба стоял дурак.

На протяжении существования советской армии никто — доктора военных наук, военачальники и офицеры — так и не поняли и не объяснили что же такое «гомеостратегия» и что такое «декавильки»...

...Прочитав текст биографии и аттестации маршала, Сталин помолчал, прошелся вдоль стола, затем подошел к столику, налил в стакан охлажденной боржоми, и отхлебнув несколько глотков, сказал: «Клим, хочешь, выпей, ба-аржоми ха-роший... Ну што ж, биография славная. Палка-во-диц што надо, но он не пишится в мои планы. Я даже не знаю где ему найти применение. Разве што дать еще пару-тройку орденов. Лампасы пошире нашить. Пару дворцов в Сочи по-да-рыть. И б...дьей ему поставлять. Может, этим укрепим нашу армию... Ну што, Клим, принимаешь мое предложение? Ты ведь его начальник».

И, не дожидаясь ответа наркома, продолжал: «Ш-то ты понимаешь, Клим, живешь с своей жи-идовкой, бабы — это знаешь што? Любую армию, любую страну променяешь ради них, только дай волю чувствам. Па-анимаешь што наделал, он пасмел своим грязным х...м лезть к моей жен-шщи-не... То, што она дура, я знаю, но если би он не поступил так. Што он из себя корчит? Поступи с ним как всегда».

Ворошилов, боясь гнева, быстро спросил:

— Иосиф, как поступить?

— Што ты трясешься? Ты што, баба или маршал у меня? Ну и хер с тобой. Отправляй его в Куйби-шев. Спусти его наниз. Может бить, на округе сообразит, кто такой заместитель наркома и кто такой товарищ Сталин.

В этот же день маршал Тухачевский был освобожден от занимаемой должности; в жесткой форме Ворошилов потребовал от него немедленно выехать в Куйбышев на должность командующего войсками Приволжского военного округа.

А еще через несколько дней по прибытии на Волгу Тухачевский был арестован и доставлен в Москву, в подвал Лубянки. Где сотрудниками органов была проведена серия жестоких допросов для того, чтобы, как писали впоследствии лживые советские историки, добиться каких-то признаний. На самом деле признания его никому не были нужны.

Его вина очевидна: бандитизм, массовые расстрелы жителей нашей страны на протяжении всего пребывания его в рядах Красной армии, а также его бездарность в военном искусстве.

...В аттестации по случаю его производства в офицеры командир учебной роты Александровского училища писал: «Я много наслышан о роде Тухачевских, я считаю что дворяне из этой семьи — достойные России патриоты и верные слуги царя. Но за 2,5 года этих качеств ни на малейшую толику не проявил кадет Тухачевский М.Н. Будучи всегда чистым душой и совестью я, как офицер его Императорского Величества считаю нецелесообразным выпускать офицером из Александровского училища отрока Михаила Николаевича Тухачевского...»

Признаний в подвалах Лубянки никто от Тухачевского не требовал. Зато он сам напрашивался на встречу с руководителями НКВД. Маршалу дали бумагу, ручку и он самым добросовестным образом оболгал себя и... предложил наркому внутренних дел разыграть сцену допроса, во время которой бы он, Тухачевский, рассказал, что будучи в плену в Германии был завербован немецким командованием. А присутствующий при вербовке начальник 6-го управления «Аусланд СД» РСХА оберфюрер СС Хайнц Мария Карл Йост сбросил информацию о вербовке президенту Чехословакии Бенешу. А Бенеш в свою очередь, якобы из дружеских чувств передал эту информацию руководителю СССР Сталину. И таким образом, он был бы разоблачен...

Михаил Николаевич получив от наркома добро кивком головы, красочно все это расписал. Когда его «признания» (правильней, его фантазии) были переданы Сталину, тот, прочитав и зная реальное состояние дел в советско-германских отноше-

ниях, о которых Тухачевский даже не мог помыслить, усмехнулся и совершенно безразличным тоном сказал:

— Иногда подлость имеет бескрайние размеры. И она можит визвать озлобленность, а здесь ничего кроме отвращения нэт. Так пусть же эта б... сдохнет, ш-тоби я ее нэ видел, не слышал никогда.

Рассказывают о громком суде над Тухачевским. Ужасаются, что на последнее заседание 6 июня 1937 г. его принесли на носилках, что Ульрих зачитал слова о вынесении смертного приговора и подвел итог жизни великого стратега. Ужасаются, что дальше пошли расправы над его единомышленниками: Уборовичем, Якиром, другими военачальниками.

Все это чушь...

Невзирая на дикость советской юриспруденции и одиозность фигуры Ульриха в судебных процессах, следует прямо заявить: каждый из этих высокопоставленных военных Красной армии получил по заслугам! Ибо были они далеки от истинного военного искусства и благородства чести офицера, понятий стратегии и тактики, развитых со времен Петра Великого в русской армии. Не приближались эти так называемые военачальники — по своим знаниям и опыту — к мышлению и научному обоснованию военного искусства маршала Шапошникова, военных ученых Иссерсона, фортификатора Д. М. Карбышева и многих других достойных исследователей военного искусства в XX ст.

Приговоренные как враги народа к смерти, эти военачальники и в самом деле были врагами: бандитами с большой дороги и палачами нашего народа. А что до клише *агенты всех разведок империализма*, то «великий» Михаил Николаевич Тухачевский написал подобное признание добровольно.

После казни бывшего заместителя наркома оброны Сталин сказал Ворошилову:

— Армию ви-чистить до конца от этих бандитов! Иначе они ви-чистят нас, и ми не выполним нашу главную задачу. Иды, работай.

3

Незадолго до войны Вера Александровна встретилась с вождем, как ей тогда казалось, в последний раз. Встреча состоялась вскоре после празднования 60-летия Сталина.

По всем признакам Сталин был не в духе.

— Говорят, товарищ Дави-дова, што ви много себе позволяете в разговоре с руководителями партии. Вот и коллеги по вашему цеху очень недовольны вашим поведением. Ш-то ви на это скажете?

— Товарищ Сталин, мною могут быть многие недовольны. А если вы вообще не будете на меня обращать внимание, мне станет совсем худо, — грустно отпарировала актриса.

— Товарищ Давыдова, не темните, отвечайте на вопрос.

— Тогда скажите, пожалуйста, товарищ Сталин, кто эти коллеги по цеху.

— Ха-ра-шо, — смилостивился вождь и перечислил: — Барсова, Златогорова, Лепе-шинь-ская. Што ви на это скажете?

Повзрослевшая Верочка знала что Сталина можно разжалобить слезами, а после посетовать на этих лжеподруг, наговорив на них любую клевету. Но Сталин был настолько зол, что она не рискнула вести игру. И неожиданно для себя, и, скорее всего, для товарища Сталина тоже, на одном дыхании выпалила:

— Товарищ Сталин, извините, вы сделали меня своей любовницей, а ваша бывшая любовница Валерия Барсова, понимая что намного старше меня, стала беситься, что вы ее к себе больше не зовете. Она даже выражает неудовольствие, что всего лишь четырежды получила премию вашего имени, и заявляет что достойна большего. И, запугав более молодых, чем я актрис, — Лепешинскую, Златогорову, Шпиллер — склонила их на свою сторону... А ведь вы и с ними спите, товарищ Сталин.

Вождь растрогался, подошел, взял руками за плечи и с силой усадил ее в кресло.

— Верочка, из всех этих б..., не обижайся, ты самая лучшая. Нет-нет, ты не б..., я действительно правду сказал, ты самая лучшая. Мне с тобой всегда спокойно. И ты ни-чего не просишь как Барсова, Лепешинь-ская, и эта за-алотая Дюймовочка. Иди, а-атдохни, я позову тебя.

Позвал он ее... осенью 1944 года, находясь на Ближней даче. Настроение у него было хорошее, наши войска выдворили с советской территории немцев, кровопролитная изнуряющая война переходила в завершающую стадию. Почти полтора года назад Сталин участвовал в работе международной конференции в Тегеране. И вот скоро, всего через несколько месяцев, будет проводить конференцию у себя; шла интенсивная подготовка к этому историческому событию.

Сталин, решив немного отдохнуть, вспомнил о своей прежней возлюбленной. Она тотчас приехала, они долго разговаривали, он все угощал ее сладостями, иногда полушутя обнимал, а потом совсем неожиданно сказал:

— Стар я, Верочка, стал. Да и тебя не звал давно. Ну тут вот у меня жи-вет экономка, то пару раз я вспомнил тебя, а позвать не решился. То вот тогда и переспал с ней. А сейчас и она не нужна. И рад, ш-то вижу тебя... Ты, Верочка, нэ держи зла против меня. Я как помру, так эти собаки съедят тебя... Так што я тут подумал: па-аезжай в Грузию. Там што би ни случилось, тебя любить будут. Грузины меня и боятся, и любят. И когда я умру, тебе будет там спокойно. Ты будешь... как бы символ, што была любимой женш-щиной та-ава-рища Сталина. И сейчас тэбе надо подумать о том... Ведь ты вот у нас за-амечательная артистка, я помню все твои спектакли, твои партии: Любавы в «Садко» Римского-Корсакова, Марфы в «Хованщине» Мусоргского, Кармен в «Кармен» Бизе, Амнерис в «Аиде» Верди, Аксиньи в «Тихом Доне» Дзержинского, Груни в «Броненосце Потемкине» Чишко, Миловны в «Мать» Желобинского... Ты, Вера-ачка, не переживай ш-то на тебя написали доносы эти б...дьц. Они нэ достойны твоего имени ви-ду-щей солистки Большого театра.

За концерно-исполнительскую деятельность Вера Александровна Давыдова удостоена Сталинских премий, награждена двумя орденами.

Но не знала товарищ Давыдова, да и вряд ли когда узнала, что почти такой же разговор у вождя был и с другими близкими женщинами. К примеру, с народной артисткой Советского

Союза Валерией Владимировной Барсовой, самой старейшей из актрис-любовниц вождя. Она на 12 лет была старше Верочки Давыдовой.

Барсова Валерия Владимировна (псевд.: наст фам Владимирова) /1(13).6.1892, Астрахань, —13.12.1967, Сочи/, русская советская артистка оперы (лирико-колоратурное сопрано), нар. артистка СССР (1937). Чл. КПСС с 1940.

Окончила Московскую консерваторию по классу У. Мазетти (1919); училась также у М.В.Владимировой (сестра Б.). На сцене с 1915. В 1917 выступала в опере С.И.Зимина (Москва). В 1910—48 в Большом театре СССР...

В 1950—53 преподавала в Моск. консерватории (с 1952 проф.). Была видным общественным деятелем (?!).

Гос. пр. СССР (1941) (понимай: Сталинская премия; а где остальные три?). Награждена орденом Ленина, орденом Трудового Красного Знамени и медалями.

Впервые на сцене Барсова появилась в 1915 г., исполняла партии Людмилы в «Руслане и Людмиле», Антониды в «Иване Сусанине» Глинки, Розины в «Севильском цирюльнике» Россини, др. В награду за талант (рассказывают, что актриса не могла запомнить свои партии и на сцене ходила от стула к стулу, за спинками которых крепились листочки с текстом) и за предоставленные удовольствия получила от Сталина особняк в городе Сочи, где и ушла из жизни 13 декабря 1967 года.

Блистая на сцене Большого, она организовала ряд подметных писем и доносов в НКВД на В. А. Давыдову. После привлекла к своему грязному сотрудничеству своих подруг по любовному цеху Лепешинскую, Златогорову и молодую певичку Наталью Дмитриевну Шпиллер, которые охотно начали травлю против Веры Александровны. Особенно старалась Златогорова.

Сталин по очереди встречался с ними и, куражась над каждой из них в отдельности, говорил что более великих певиц, чем они сами, нет. Валерии Барсовой сказал о том, что Лепешинская и Златогорова — бездарные, и что «Лерочка совершенно права, что они курвы». Лепешинской сказал те же слова о Барсовой и Златогоровой. Последней, что Барсова и

Лепешинская — бесталанные певички и отвратительные проститутки и т.д. И лишь Давыдову он никак не обозначил в характеристиках при них.

Вот на этот немаловажный нюанс как-то обратила внимание Барсова и попыталась в который раз подбить своих подруг по постели на новую грязную игру против соперницы. Первой спохватилась Ольга Васильевна Лепешинская, сказав:

— Валерия Владимировна, если ты хочешь потерять все-все и даже дачу в Сочи, то это твое право. А я ничего не хочу терять, не хочу, чтобы потом меня е...л какой-то забулдыга из московской подворотни... Уволь, я больше о Давыдовой даже слова плохого не подумаю.

С ней вдруг стала солидарна и Златогорова.

После смерти вождя все они остались в Москве. Лишь Барсова, ощутив ухудшение здоровья, уехала на жительство в Сочи, как оказалось, навсегда. Но Вера Александровна была вынуждена покинуть российскую столицу после XX съезда КПСС и развернувшихся после него событий, связанных с неприятием имени вождя. Она, как того и хотел Сталин, уехала в Тбилиси (шел конец 1956 г.), получила благоустроенную трехкомнатную квартиру в привелегированном районе грузинской столицы, должность профессора в консерватории и, что немаловажно после пережитого за почти три десятилетия творческой жизни — хорошее отношение к себе чиновников от власти.

Она продолжала состоять в браке со своим мужем Д. С. Мчедлидзе-Южным, но жизнь его с ее приездом нисколько не изменилась; они были порознь. Да и Вера Александровна не настаивала на изменении отношений. После очень уникальных отношений и любви со Сталиным, при котором она имела лишь нескольких других мужчин, да и то скорее не по своей воле, она просто не стремилась к тому чтобы сейчас быть с кем-то. Есть мужчины, после которых интимная близость с другим просто не нужна...

Единственным верным из всех поклонников оставался Георгий Максимилианович Маленков; он присылал ей поздравления на день рождения 30 сентября и в женский день 8 мар-

та. Интимные отношения с этим партийным и государственным деятелем приключились лишь однажды, когда не было никаких сил устоять перед его напором. Это произошло за 1,5—2 года до кончины Сталина. Примерно тогда же состоялась и интимная связь с секретарем вождя Алексанром Николаевичем Поскребышевым. Конечно, это были весьма влиятельные лица и на всем протяжении ее отношений с великим Сталиным оба весьма деликатно и уважительно относились к ней. Возможно, это в какой-то степени и послужило поводом к ее, скажем так, согласию на близость с ними.

Тогда как остальные воспринимали красивую актрису как вожделенный кусок с барского стола; все они — это ходячее быдло, кружившее вокруг Сталина — считали за честь затащить в постель его женщин...

ИСТОРИЯ 16

«ГРАЖДАНИН СТАЛИН, А КАК БЫ ВЫ ПОСТУПИЛИ?»

Чудесный южный город Сочи, прекрасное время — конец июля. Романтичный час суток, когда солнце скрывается за горизонт...

Первый секретарь ЦК Компартии Украины Никита Сергеевич Хрущев, свалившись брюхом в набежавшую волну, ныряет, плавает, громко пыхтя и хрюкая. За его незатейливым купанием наблюдает артистка Большого театра О. В. Лепешинская.

Лепешинская Ольга Васильевна /р. 15(28).9.1916, Киев/, советская артистка балета, педагог, нар. арт. СССР (1951). Чл. КПСС с 1943. Окончила Моск. Хореографич. уч-ще. В 1933—63 артистка балетной труппы Большого театра. Дебютировала в партии Лизы («Тщетная предосторожность» Гертеля)... Обладая драматич. дарованием, виртуозной техникой, Л. расширила выразит. возможности классич. танца. Артистке были доступны как комедийные, так и драматич. партии...

С 1963 ведет пед. работу, выезжала в качестве педагога и репетитора в Италию, ВНР, ГДР, Швецию и др.

Гос. пр. СССР (1941, 1946, 1947, 1950). Награждена 3 орденами, а также медалями. Одной из этих наград — орденом Ленина (вместе с Барсовой) была удостоена уже при правлении Н. С. Хрущева за то, что подписалась под заявлением деятелей искусств об осуждении личности Сталина. Кстати, Давыдова не подписала документ и наград не получила. А вот Златогорова отчего-то за это получила другой орден — Трудового Красного Знамени.

Выйдя вскорости из воды Никита Сергеевич снова закряхтел, зафыркал, закашлял, захрюкал и наконец кокетливо спросил:

— Ольга, почему вы не приезжаете к нам в столицу советской Украины Киев?

— А меня, Никита Сергеевич, не приглашают. Может потому, что у вас много украинских солисток.

— Зря вы так думаете, Ольга. Есть и певицы, и певцы. Но украинцы народ очень сложный. У них развито чувство национализма и они тоскуют по своей самостийности.

— Никита Сергеевич, а вы удовлетворены, что вас перевели из Москвы?

— Ну как вам сказать, на Украине может быть и спокойнее, чем в Москве, но есть и свои трудности.

Ольга Васильевна передернула плечиком и, подумав, спросила:

— Скажите, Никита Сергеевич, а в России придет то время, которое Маркс и Энгельс назвали коммунизмом?

— Конечно придет. Но не так быстро, как хотелось бы нам, — важно ответствовал человек, который давно и благополучно пребывал при коммунизме, не испытывая при этом никаких угрызений совести от того, что не получившие полной *самостийности* украинцы, как и все остальные советские братья и сестры, тянут бесконечную лямку нищеты. Тоном, не терпящим возражений, он нравоучительно продолжил: — И вы, Ольга, не понимаете, что коммунизм наступит не в России, а в СССР. Это очень важно и принципиально, потому что России больше не существует. Ее мы закопали вместе с царскими трупами.

...было уже поздно, когда Лепешинская оставила его. А ему пришлось проследовать в особняк, в котором находились Сталин и Молотов. Начинался поздний обед, который, как всегда, затянется до утра. За обедом Хрущев сказал:

— Товарищ Сталин, на Украине разоблачена очень большая группа националистов. Среди них имеются лица, занимавшие ответственные партийные и государственные должности. Я привез списки.

Это рассердило вождя.

— Товарищ Хрущев, почему ми вас должны па-адменять на Украине?

— Товарищ Сталин, в списках без двух человек 7 тысяч арестованных. Многих вы хорошо знали и мы очень боимся наломать дров.

— Ви всегда боитесь переборщить. Когда ви научитесь мислить самостоятельно? Или ви еще ребенок и вам ну-жен горшок?

Раздраженный Сталин сделал паузу, которой воспользовался Молотов. «Товарищ Сталин, — заикаясь сказал он, — с-с-совершенно правильно говорит, что н-негодяев н-надо расстреливать беспощадно.

Хрущев среагировал мгновенно:

— Вячеслав Михайлович, ваши слова мы обязательно учтем. Но мне бы хотелось заполучить у вас письменное распоряжение.

Лицо Сталина от услышанного буквально посерело и он очень тихо произнес:

— Хрущев, ви свободны. Ми все от тебя устали.

Спустя несколько месяцев Н. С. Хрущев был вызван в Москву, в Кремль. За столом помимо вождя сидели Лаврентий Берия, Климент Ворошилов, Лазарь Каганович, другие. Присутствовали две женщины: депутат Верховного Совета РСФСР актриса Вера Давыдова и секретарь наркома внутренних дел Надежда Тузова, являвшаяся одновременно агентом партийной разведки Коминтерна. Она владела свободно английским и французским языками, отлично печатала, блестяще изучила стенографию; после окончания института иностранных языков прошла обучение в одной из школ Коминтерна, но руководство вместо назначения на работу за границу направило ее в наркомат обороны в качестве секретаря наркома Ворошилова. После освобождения маршала от занимаемой должности Тузову перевели секретарем приемной наркома внутренних дел Берии.

Природа наделила Надежду броской красотой; а то, что она была дочерью одного из высших командиров Красной ар-

мии и имела хорошую биографию, также имело значение в ее карьере. Тузова производила сильное впечатление на многих руководителей партии и правительства; впрочем, ее этому учили в школе Коминтерна. Несмотря на возраст, проявлял активность в ухаживании за молодушкой Ворошилов, так что вскоре многим стало ясно, а товарищу Сталину — хорошо, в подробностях, известно, что Тузова являлась не только секретарем наркома, но и его близкой женщиной. После перевода Надежды в НКВД ею увлекся и Берия.

Сталин был в хорошем настроении. Осмотрев присутствующих, он подошел к окну, за которым кружились снежинки, и бодрым голосом, поднимая правой рукой телеграмму Адольфа Гитлера, который поздравил его с 60-летием:

— Да-а чего же внимательный человек наш товарищ Гитлер!

Заикаясь, ему поддакнул Молотов. Сталин кивнул головой и тут же с подобострастным тостом выступил Клим Ворошилов. В этот момент открылась дверь и, униженно пригибаясь, на полусогнутых, в комнату вбежал запыхавшийся Микоян, извиняясь перед вождем за свое опоздание. Сбиваясь, он также стал восхвалять Сталина. И лишь сидевший в противоположном конце стола член Политбюро ЦК ВКП(б) Лазарь Моисеевич Каганович произнес своим басом: «Это хорошо, товарищ Сталин, что у нас такие друзья, как Адольф Гитлер».

Вождь обвел колючим взглядом дорогих соратников:

— Ви хуже тэх псаломщиков, ка-то-рие за бутылку самогонки га-товы продать все и всэх.

Он прошел вдоль стола, опустил руку с погасшей трубкой, что не предвещало ничего хорошего, остановился у стены. В наступившей тишине что-то хрустнуло и тут же затихло. Враз отставив еду, соратники перестали хрустеть челюстями; неожиданно Сталин свистящим злобным голосом проговорил:

— Ви все успели записаться в знатное сословие. Стали агромными вельможами, красными дворянами. Ви новоявленные большевистские бояре, забыли как в сраном детстве паслы-и биков, свиней, нюхали гавно. Забыли ви, сволочи, как гнули костлявые спины, как пьянствовали, как вас заи-дали вь-ши. Ви зажрались у сталинской кар-мушки. Ви, став наркомами,

научились хорошо и бистро воровать. Што сжались, мерзавцы, паучье отродье, ш-то, ба-аитесь сталинского возмездия?

Его взгляд остановился на жирном подбородке Хрущева.

— А ты што, свинья... на Украине еще-о голод, а ты разожрался... а потом, после смерти та-аварища Сталина бу-дишь говорить, што я обескровил Украину и сделал ее голодной...

Вождь перевел дыхание, его лицо было ужасным, из-под рыжеватых волос крупными каплями стекал пот. Подбежавшая официантка Валя Истомина поднесла ему на подносе два хрустальных стакана с боржоми. Сталин, выпив их оба залпом, остановил тяжелый взгляд на маршале Ворошилове.

— Клим, га-авори, пес шелудивый, сколько ты украл партийных и государственных денег? Сколька-а ты, подлюга, списал на свою маршальскую светлость за счет бюджета Наркомата обороны?

Подобно провинившемуся школяру, Ворошилов вскочил со стула, стал по стойке «смирно», прижав руки к лампасам, его челюсти клацали и он заикаясь ответил невпопад:

— И.. И.. И... Иосиф... товарищ Сталин! Родной наш отец! Мы в-верой и п-правдой служим вам и Советской Родине!

В то же мгновение желтые глаза вождя сверкнули в сторону члена Политбюро ЦК ВКП(б) Андрея Андреевича Андреева.

— Андреев, — заорал в ярости Сталин, — доложи нам, сколько денег истратил на свою маршальскую персону народный комиссар обороны!

— Товарищ Сталин, Климент Ефремович Ворошилов ежемесячно безотчетно расходует на семейные нужды 75—80 тысяч рублей.

— Сумма, — понимаешь што ты делаешь, Клим, — а-агромная! Ты, нищий слесарь из заср... Луганска, был никем. Ви знаете, в дэнь рождения своей секретарши Тузовой наш Маршал Советского Союза прэподнес ей бриллиантовое ожерелье, которое ювелиры-золотари оценили в 20 тысяч рублей. — И подойдя вплотную к Ворошилову и схватив его за петлицу с огромной маршальской звездой, дубовыми листьями и серпом с молотом, шитых сусальным золотом, он зашипел: — Скажи-и, луганский слесарь, тэбе можна-а верить?

Оттолкнув маршала от себя, он продолжил, причем уже совершенно спокойным голосом:

— Ми попросим наркомфина пад-считать тва-аи растраты и ты должен их нэ-медленно погасить. Большевик с запятнанной репутацией нэ имеет права оставаться на посту на-ародного комиссара. Ми посмотрим по результатам пра-аверки, достоин ли ты ви-и-сокого звания советского маршала.

Голос вождя как-то ослаб, осип и он замолчал; все осмелившиеся поднять головы заметили, что лицо вождя стало землисто-серым, он распахнул ворот. Официантка Истомина внесла на подносе вино в графине, влила вождю в фужер, а он, вынув из кармана коробочку с какими-то таблетками, незаметно опустил 2—3 из них в вино. После чего Валя взяла фужер и отпила несколько маленьких глотков. Сталин внимательно смотрел ей в глаза; выдержав паузу, он принял из ее рук сияющий рубином хрусталь и не спеша выпил содержимое.

После долгого молчания он заговорил.

— Ми ри-шили создать из депутатов Верховного Совета СССР и РСФСР правительственно-ка-антрольную комиссию, куда вошли товарищи Молотов, Маленков, Андреев, Шь-кирятов, Мэхлис, Давыдова.

Вождь взял со стола коробку со спичками, раскурил давно погасшую трубку и продолжил:

— Нэльзя поручать щепетильные мэро-приятия только руководителям-мужчинам.

Все сидели молча, каждый имел вид словно на него вылили ушат нечистот из городской канализации. Будто прочитав мысли членов Политбюро вождь, подойдя к торцу стола, выговорил:

— Ш-то, ви думаете, заслужили большего? Да ви даже не стоите того, што плавает в городской уборной.

В течение месяца шла ревизия в Наркомате обороны, затем финансисты проверили главные управления, виды и рода вооруженных сил. Было проведено командно-штабное учение, длившееся несколько недель. И вновь ревизоры министерства финансов проверяли финансовые тыловые службы наркомата обороны. Ревизия была закончена к концу апреля. Итог

проверки: Ворошилов за время руководства Наркоматом обороны похитил более 800 тысяч рублей!

В канун празднования 1 мая 1940 г. председатель комиссии А. А. Андреев сделал доклад Сталину. Андрей Андреевич также сказал о том, что Ворошилов, согласно сталинскому указанию, рассчитался с таким вот «долгом».

— Ви што, считаете, што Ворошилов ра-ассчитался с такой огромной суммой? Значит, он снова украл гдэ-то эти дэньги. Ха-ра-шо, я разберусь с Ворошиловым.

Почему не наступила немедленная расправа? Вопрос риторический. У каждого из приближенных было рыльце в пушку. А вождю нужны люди, которые всегда в долгу, люди, которые всегда на крючке, безропотные и исполнительные в любом деле.

А. А. Андрееву также было поручено проверить положение финансов в Наркомате иностранных дел у Молотова, одновременно — у Кагановича и Калинина. Выяснилось, что формальный глава государства, член Политбюро ЦК ВКП(б) Михаил Иванович Калинин самым наглым образом растратил на юных балерин более полумиллиона рублей.

Узнав, что об этом известно вождю, Калинин тут же внес 200 тысяч в кассу государства.

Проверка финансового положения дел была осуществлена и в Киеве, в ЦК КП(б)У. О проверке и тем более ее результатах Сталин запретил говорить Хрущеву. Так что все происходило тайно. Вскоре Хрущев появился в Москве. После очередного дипломатического приема, проведенного в Кремле, вождь собрал своих соратников на совещание. И вновь Сталин распекал нерадивых.

— Ви нэ люди, посмотрите как ведут себя фран-цузы, англичане, га-алландцы. Ви же биваете на дипломатических приемах... на казенную жратву ви набрасываетесь как с голодного края. Ви хот а-адын раз увидели, што Гарриман, Гопкинс, Крипс хватают со стола пищу? Посмотрите, какие они стройные и аккуратные... А ви разожрались хуже свиней, вам все мало, мало... Ви ва-аруете. Ты, Хрущев, со своими свинячими глазами и вместо носа сарделя, ра-азворовал всю кассу коммуни-

стов Украины. Потом будэш говорит, ш-то это сделал товарищ Сталин. Потому всегда требуешь письменного указания. Но товарищ Сталин не дает указаний воровать деньги партии и государства... Это твое нутро, Никита, это подлинная ваша сущность быть во-ром.

А через два дня в Москве открылась очередная сессия Верховного Совета СССР. С докладом выступил член Политбюро секретарь ЦК ВКП(б) Андрей Александрович Жданов. Он осветил два вопроса. Первый, — о «добровольном» вхождении в СССР прибалтийских республик Литвы, Латвии и Эстонии. Второй, — о присоединении части румынской территории к Молдавской ССР, а северной Буковины к Украинской ССР.

За ним выступил член Политбюро ЦК ВКП(б) нарком внутренних дел Лаврентий Павлович Берия. Его речь изобиловала крепкими эпитетами и сравнениями и была посвящена проискам империалистов и их наймитов, шпионов и других «врагов народа» различных мастей.

По истечении рабочего дня Берия был вызван к Сталину; на встрече он решил доложить о происшествии, случившемся в его ведомстве. Предшественник Лаврентия Н. И. Ежов с целью дискредитации наркома обороны Ворошилова внедрил тому в секретариат Надежду Тузову. Прежде чем отправить ее к наркому обороны, Ежов ее изнасиловал, после чего, уверовав, что обладает властью над женщиной, поставил задачу войти в доверие к Ворошилову. Для этого она обязана была его соблазнить, впрочем, особых усилий предпринимать не пришлось. За весьма приличное денежное вознаграждение Тузова три раза в месяц доносила Ежову о жизни маршала. Доложила и о том, что Клемент Ефремович подарил ей за счет денег Наркомата обороны множество золотых изделий, колье и ожерелье с бриллиантами.

После снятия с работы Ежова Лаврентий Берия настоял о возвращении Тузовой в свой аппарат. В первый же день прихода Надежды на работу на Лубянку, она стала любовницей Берии. Он был убежден, что во имя карьеры женщина не остановится ни перед чем.

И вот случилось пренеприятное явление. Надя Тузова поехала на электричке в Мамонтовку, что под Москвой, посетить

родственников и уже выйдя из электрички она каким-то образом неосторожно сорвалась и упала на рельсы в тот момент, когда поезд тронулся.

Сталин, выслушав сообщение Берии, тут же принял решение поехать на Лубянку.

Они вошли в здание НКВД, поднялись на этаж к наркому и молчавший все это время Сталин сказал: «Лаврэ-нтий, ты сделал непростительный прокол. Мне известно, што Тузова собиралась к своей матери».

В ответ Лаврентий Павлович понимающе кивнул. Но реакция Сталина на его кивок была не той, которую ожидал Лаврик. Вождь проявил злость и раздражение. «Ш-то ты понимаешь, Тузова — наш-ш человек. Она работник Ка-аминтерна и Особого сектора ЦК. Твой прокол в том, што ты поспешил ее убрать. Твоя слабость в том, што ты не разобрался, кто есть она. С одной стороны это тебя воз-ви-шает. С другой очень понижает».

Вождь остановился, достал папиросу и закурил. Он не в первый раз посещал это зловещее место, не впервой присутствовал на дознании.

Вместе они вошли в помещение, где должно было состояться рассмотрение одного из интимных дел. Берия нажал звонок, вошел его помощник, к которому он обратился: «Кобулов, введите Заковского. И стоматолога». «Будет исполнено, товарищ нарком. А у зубника все готово», — отчеканил вошедший.

Как только Кобулов вышел, из противоположной двери бесшумно вошли члены Политбюро ЦК ВКП(б) Молотов, Андреев, Каганович, Микоян и Шкирятов. Они заняли места за столом, приготовившись к потешному спектаклю, переглядываясь и глубоко вздыхая. Спустя полминуты охрана ввела Заковского, огромного и сильного мужчину. Его лицо было цвета пергамента и все в кровоподтеках. «Заковский, вы знаете в чем вас обвиняют?» — обратился к нему с вопросом Берия. «Следствие считает, что я способствовал сворачиванию ленинградского дела Смородина, Угарова, Чудова и других».

Реплика Сталина:

— Ти отрицаешь свою вину?

Ответ:

— Гражданин Сталин, разрешите спросить. А как бы вы поступили, оказавшись в моем положении?

Тот отреагировал совершенно спокойно:

— Заковский, ми не пришли в НКВД вести с вами свободную дискуссию на отвлеченные темы. Расскажите нам, чем ви занимались с Ежовым в свободное врэмя.

Заковский:

— Об этом, гражданин Сталин, спросите у Ежова.

Возникла пауза, в которую вклинился заикающийся Молотов:

— П-пачему м-мы должны так долго ц-церемониться с этим негодяем?

Берия:

— Мы кое-что знаем про ваши дела. — И неожиданно сорвался на крик: — Гарем, мерзавец, имел в Одессе! Брал взятки, чтобы не осуждать преступников!

Заковский, истерично:

— Это неправда, гражданин нарком, меня оклеветали!

Берия:

— Ты будешь отвечать на мои вопросы?

Неожиданно Заковского затрясло; к нему стал приближаться вождь. В этот момент стоявшие за спиной лихорадочно трясущегося бывшего начальника Одесского УНКВД Каганович и Андреев сбили его с ног и стали бить начищенными до блеска сапогами. От дикой боли Заковский заорал, прося пощады у извергов. Но вместо пощады получил удар ногой по голове от приблизившегося Сталина. Подбежавший Молотов, распалившись, закричал: «Товарищ Сталин, так его! Так эту политическую падаль и уголовную проститутку!»

Оглянувшись на Молотова, Сталин сказал: «Живуч, падла, подай мне плеть». Вождю тут же подали железный прут.

После того как Заковский потерял сознание, его оттащили охранники. А руководители партии перешли в соседнюю комнату, где на столе их ждали кофе, напитки, водка, коньяк и бутерброды. Прилично приняв на грудь, все члены Политбюро, за исключением товарища Сталина, набросились на бутерброды. Наблюдая эту сцену, вождь с сарказмом произнес: «Ла-ав-

рентий, у тебя што-нибудь есть покушать посолидней ма-аим опричникам?»

Не прошло и несколько минут, как словно по мановению волшебной палочки стол оказался завален ветчиной, осетриной, икрой, холодными жареными поросятами. Тут же Сталину, отказавшемуся от еды, преподнесли отменное вино. Он только взглянул на фужер, а подбежавший с извинениями Берия вырвал фужер из рук официанта и плеснул содержимое тому в лицо. Гаркнув при этом начальнику караула: «В камеру его, предателя! Пусть напьется своей крови!»

Наблюдавший за этой сценкой Молотов, подойдя к Сталину и едва выговаривая слова, выдавил: «Товарищ Сталин, еще очень плохо работают наши органы. Никуда это не годится».

Берия мгновенно просверлил его взглядом и отпарировал: «Не волнуйтесь, Вячеслав Михайлович, я создам школу НКВД, от которой содрогнется мир».

Вождь кивнул головой Берии и они вернулись в помещение для пыток. Там охранники держали качавшегося Заковского. «Как самочувствие?» — спросил несчастного Берия. Тот едва раскрывая рот прошептал: «Гражданин нарком, я все доложил вашим следователям. Убейте меня, не пытайте больше». «Ты, смердячий пес, ответил не на все вопросы».

Установилось недолгое молчание.

Берия что-то шепнул Сталину на ухо и тот согласно кивнул. «Приведите доктора», — приказал кому-то Берия.

В комнату тут же вошел стоматолог с медицинским саквояжем; это был далеко уже не молодой человек, вежливый и приветливый. Согласно правилам хорошего тона он вздумал поздороваться со Сталиным и всеми остальными за руку. Но Лаврентий Павлович сразу пресек инициативу: «Ты что, на парад пришел или работать? Приготовь инструменты! Видишь, на стуле сидит гражданин? Это очень популярный и известный в нашей стране артист, выступает на арене с животными. И хорошо их дрессирует. Так вот, этому дрессировщику животных удали два передних зуба».

После этой экзекуции Заковский свалился, потеряв сознание. Однако издевательства не прекратились.

Конвойные привели его в чувства и накрепко привязали ремнями к креслу. Тот стал жалчайшим образом просить, чтобы ему больше не вырывали зубы, он и так ответит на все их вопросы. Лаврентий Павлович с саркастической улыбкой на лице произнес:

— Заковский, ты опоздал со своими признаниями. Так вот, чтобы тебя поторопить, мы пригласили уважаемого стоматолога. А за лечение ему следует заплатить, и лучше наличными.

— С вашего разрешения, гражданин нарком, я отпишу жене записку и она тут же рассчитается с врачом.

— Твоей благоверной, Заковский, уже нечем рассчитываться, кроме как своим телом. Она в соседнем кабинете.

Очевидно этот диалог надоел вождю и он недовольно сказал:

— Ми ш-то, играем в какие-то детские игры? На-доело.

На его слова мгновенно отреагировал Берия:

— Доктор, приступайте!

Тот вновь вынул из чемодана щипцы и, обратившись к Заковскому, профессионально-мягким тоном приказал:

— Голубчик, откройте пошире рот, я хочу увидеть больные зубы.

Тот не открывая рта, в ужасе замотал головой.

С помощью следователей охранники расшпилем раздвинули «подопечному» челюсти и старый дантист один за другим принялся удалять здоровые зубы. Наконец в окровавленном рту ничего не осталось. Доктор с надеждой спросил: «Я могу быть свободным?»

— Что вы, товарищ Шумитский, останьтесь у нас, — ответил Берия.

— Как у вас?! — ужаснулся доктор. — Ведь мне говорили, что за мной приедет машина.

Члены Политбюро громко рассмеялись. А товарищ Сталин пожурил:

— Па-аслушай, Лаврэнтий, ты ведешь себя несправедливо. За-адэрживать такого исполнительного человека — грэх.

Берия бросил многозначительный взгляд на стоявшего у двери комиссара государственной безопасности 3-го ранга

Лукашенко и тот вместе с врачом вышел. А через пять минут вернулся один и отчеканил:

— Ваше приказание, товарищ Сталин, выполнено. Больше с доктором проблем нет.

— За хорошую ра-аботу палучишь ордэн, а сейчас ты уже комиссар государственной безопасности 2-го ранга.

А в это время отекшими и окровавленными губами Заковский с трудом шептал: «Гражданин Сталин, прошу вас… помогите… мне».

Сквозь затуманившееся сознание он услышал голос Берии: «Скажи, дорогой чекист, тебе понравился наш метод допросов?»

С трудом ответил: «Задавайте вопросы».

Сталин:

— Ты мерзавец и провалил Ленинградское дело.

Заковский:

— Я раскаиваюсь.

Сталин:

— Ты служил с Ягодой, ш-то он тебе говорил?

Заковский:

— Мы были товарищами по службе.

Сталин:

— Ты в Одессе взятки брал?

Заковский:

— Да, брал, гражданин Сталин.

— За ш-то и каким способом?

— Через доверенных работников.

— Ла-аврэнтий, дай ему чистую бумагу. Ты в камере напишешь фамилии, имена, отчества, адреса, телефоны, кто давал, сколько давал и за ш-то давал. Сма-атри, не обманывай. Та-арговцы хорошо помнят сколько гдэ дают и кому.

— Это было давно, гражданин Сталин, могли поменяться адреса.

— Нэ беспокойтесь. Нарком внутренних дел их раз-зы-шшет. Назовите сумму, которую ви получили незаконным путем.

— Это чуть больше 300 тысяч рублей, гражданин Сталин.

— Где ви спрятали деньги?

— Мы все истратили.

— Это кто ми?

— Жданов, Щербаков, Ягода и Ежов.

— На ш-што тратили?

— Я приобретал книги, марки, монеты, бронзу.

— Гдэ находится ваша коллекция?

Берия радостно воскликнул:

— Ценности мы изъяли, товарищ Сталин!

— Ха-арошо, Лаврентий, пришлите экземпляр описи. Заковский, а на жэнщин не тратили казенные деньги?

С трудом он произнес:

— ...да.

Берия:

— В вашем кабинете, Заковский, в потайном сейфе мы нашли альбомы с фотографиями голых женщин.

Сталин, с интересом:

— Кто фотографировал?

— Ежов и я, гражданин Сталин.

Каганович, с нескрываемым интересом:

— Где вы нашли столько женщин?

— В театрах, в вузах, ресторанах и школах.

Сталин:

— Кто непосредственно занимался поиском женщин?

— Работники моего аппарата.

— Н-на-азовите фамилии.

...Заковский назвал всех поименно.

Всех женщин отвозили на дачи, среди них были и несовершеннолетние девочки, которых партийные мужи с удовольствием насиловали. Товарища Ежова обенно интересовали школьницы 13—14 лет, 17-летних девочек он считал старухами.

Сталин:

— А ви, Заковский, в а-сновном специализировались на старых дамах?

— Всякое бывало, товарищ Сталин.

— И в вашей компании были члены Политбюро ЦК ВКП(б) та-аварищи Жданов и Щербаков?

Неожиданно бледно-серое в кровоподтеках лицо Заковского изменилось, щеки покраснели, отекшие губы растянулись в кривой улыбке удовлетворения:

— Оба они, гражданин Сталин, Андрей Александрович Жданов и Александр Сергеевич Щербаков, когда пользовали девочек, захлебывались слюной. Вы понимаете, что... чрезмерная тучность... огромные животы... не позволяли им выполнять свои...

Молотов, брезгливо:

— Какая мерзость!

Каганович:

— Где вы приобретали товары для своего подпольного магазина? Кто вас обеспечивал и финансировал?

— В Одессе два торгсина. Мы полностью контролировали комиссионки, куда поступали конфискованные предметы: фарфор, изделия из золота, серебра, бронзы, картины, бриллианты, старинная мебель, скульптуры, монеты... Под торгсином мы построили шикарный бар...

Признания перебил вождь:

— И в эта-ам цивилизованном баре ви занимались не только коллекциа-а-нированием предметов искусства, но и порно-гра-фией.

Заковский, измученно взглянув на вождя:

— Гражданин Сталин, я согласен дать все показания и подпишусь под всеми протоколами допросов.

Сталин:

— Товарищ Берия, примите завере-эния гражданина Заковского к сведению. — И затем, обращаясь непосредственно к обреченному: — Гражданин Заковский, што ви можи-те нам рассказать о-о известной балерине Лепешинь-ской?

— Я увидел Ольгу Васильевну на концерте в Колонном зале Дома Союзов на концерте... Я пригласил ее на ужин.

— Сэнты-ментальные сэнтенции нас нэ интересуют. Скажите, она была вашей любовницей?

— Была.

— Сколько времени ви провели с ней?

— Гражданин Сталин, я периодически с ней встречался вплоть до самого ареста. С того самого дня, когда мы познакомились 22 февраля 1933 года.

— Ты за нэй следил?

— Да, я ее по-своему обожал...

— Кроме вас, с кем еще жила Лепе-шинская? Не стесняйся и не бойся говорить.

— Гражданин Сталин, я достоверно знаю, что Ольга Васильевна спала с Ворошиловым, Густовым, Булганиным, Ждановым.

Вождь приподнял руку и обращаясь к Берии:

— Где находится Густов? Нам би хотелось па-асмотреть на него.

Берия:

— Густов арестован, товарищ Сталин. Сейчас его приведут, он ждет своей очереди.

Сталин лукаво заулыбался:

— Бедный, совсем устал, совсем.

Через короткое время ввели Густова. «Вы знакомы с человеком, который сидит напротив вас?» — спросил его Берия. «Да, это гражданин Заковский, бывший заместитель наркома внутренних дел», — не задумываясь ответил Олег Густов. «Ваши отношения?» — «Чисто рабочие».

Сталин:

— Заковский, ви што-та хотели добавить?

— Гражданин Сталин, Ольга Васильевна, как я сказал, жила со мной и с Густовым, — на всякий случай повторился Заковский.

Берия:

— Густов, подумайте прежде чем ответить. Заковский говорит действительно правду или нет?

— Да.

Сталин:

— Кто привозил артистку Лепешинь-скую на дачу Ворошилова?

— Несколько раз я ее сопровождал, — ответил Густов.

— Ви знали, што она нужна ему нэ для концертных выступлений?

— Знал, гражданин Сталин.

— И после этого ви... продолжали с ней спать?

— Да, гражданин Сталин. Мы, подъезжая к даче маршала Ворошилова, занимались любовью в машине. А когда я приезжал за ней, мы, отъехав от дачи на небольшое расстояние, снова занимались любовью в автомобиле. Прежде чем отдаться Ворошилову, она яростно отдавалась мне.

Члены Политбюро ЦК ВКП(б) скабрезно заулыбались, а после весело рассмеялись. Но, увидев, что Сталин не смеется, а даже напротив, хмур, мгновенно затихли.

— Скажите, Густов, ви знали ш-то артистка жи-вет с Заковским?

— Да. Мы занимались любовью втроем: Заковский, Лепешинская и я.

— Лаврентий, ми хотели би поговорить с балериной Лепешиньской.

— Товарищ Сталин, сейчас ее введут.

— Вай-вай, какой молодец! Какой предусмотрительный. Слу-шай, ты же нэ грузин.

Смущаясь, Лаврентий Павлович ответил:

— Мингрел... Интуиция, Иосиф Виссарионович, подсказала...

Было очень поздно, когда в неприглядное помещение ввели растерянную балерину и предложили сесть на табуретку. Сталин с расстояния 2-3 метров пронзительным взглядом изучал ее, словно видел впервые. В смертельной тишине он тихо спросил:

— Ольга Васильевна, ви ш-то, недовольны, што ми прервали ваш сладостный сон?

Лепешинская взвизгнула:

— Иосиф Виссарионович, что произошло? Почему так неожиданно и внезапно?

— Согласен с вами, што в очень серьезных делах сь-пишить не следует. Ми тут, мужчины, поспорили... Видите, гражданин Заковский ты-хонечко нам, но по секрэту сказал, што ви с ним живете шесть лет. А ми серьезные товарищи, нэ поверили. Даже па-ашли на пари по 25 рублей.

Раздался женский визг:

— Он лжет! Я его никогда не видела!

— Густав, па-авторите ви, — голос вождя приобрел металлический оттенок. — Гдэ и при каких обстоятельствах ви в постели забавлялись с эта-ай дамочкой?

— Товарищ Сталин, — встрял услужливый Берия, — мы имеем фотографии, на которых сняты голенькая Лепешинская, сидящая верхом на Густове и целующая его, а сверху на ней Заковский. Можете взглянуть... а вот фотография, товарищ Сталин, где многоуважаемая Ольга Васильевна тоже совсем голенькая восседает на Заковском, а Густов сверху.

Вождь, саркастически смеясь, передал фотографии артистке, которая истерично порвала их на мелкие кусочки.

Берия рассмеялся:

— Ольга Васильевна, мы предусмотрели и этот ваш шаг, сохранили не только копии, но и негативы.

Она вновь завизжала:

— Какое вы имеете право вмешиваться в мою личную жизнь?

Сталин:

— Нам говорят, што у вас любви-и-обильное сердце. Ви по очереди спите в постелях с Ва-арошиловым, Вишинь-ским, Булганиным; не подскажете ли нам с кем еще ви спите?

Олег Густов, с неожиданной радостью в голосе:

— Разрешите доложить, гражданин Сталин?

— Докладывайте.

— Она жила также с товарищами Ежовым, Ждановым, Щербаковым.

— Чем ви можете это подтвердить?

— Фотографиями.

— Ми должны на них взглянуть.

Приняв от Берии альбом с фотографиями, Сталин стал переворачивать страницы, стоявший рядом Молотов на всякий случай то ли восхищался, то ли возмущался: «Какая неслаханная низость, и это — балерина нашего Большого театра».

Закрыв последнюю страницу, вождь не глядя на Лепешинскую:

— Што ви теперь нам скажете, гражданка Лепе-ешиньская?

— Иосиф Виссарионович, я арестована?

— Зачэм так сразу в крайность? Лучше будэт, если ви посоветуете, какую казнь применить к вашим любовникам, каторые вас только што предали и растоптали?

— Я бы их собственноручно постреляла бы!

— А кто из них больше виноват?

— Эти негодяи меня насиловали и развращали.

— Ш-то, помимо вашего желания?

Лепешинская, будучи отличной балериной, была не менее блестящей актрисой. И, войдя в роль, она прямо-таки запричитала:

— Честное слово, я не виновата!

Сталин, уловив фальшивые нотки, бесстрастным голосом произнес:

— Ви хотите расправиться с растлителями и развратниками?

— Я не палач, — ответствовала Ольга Васильевна.

Она оторвала руки от своего миловидного лица и все увидели что следы слез отсутствуют.

— Густов, скажите, ви еще любите Лепеши-инскую?

— Да. Она такая очаровательная, до того красивая, что я хотел бы, чтобы она родила от меня ребенка.

— Ми должны в этом удостовериться, Густов.

Уловив поощрение в этих словах, тот встал и мощными руками схватил в охапку тоненькую артистку, не давая ей возможности царапаться и визжать.

Члены Политбюро ЦК ВКП(б) закатывались от ржания, для них это был спектакль, которого не увидишь на сцене Большого.

Уникальное, надолго запоминающееся зрелище в аппартаментах Лубянки. А тем временем Густов подмял под себя молодую женщину.

Наблюдая эту мерзопакостную сцену, вождь громко произнес:

— Густов, встать!

Тот вскочил, а Сталин, обращаясь к артистке, продолжил:

— Лепешинская, ва-азьми прут и а-атомсти насильнику... Лаврэнтий, а ты внеси в протокол, што во время допроса Густов пи-тался изнасиловать свидетельницу-артистку Большого театра, и возьми с нее подпись.

Потерявшая над собой контроль Лепешинская жестоко избивала стальным прутом и Густова, и Заковского. Окровавленный, с подбитым глазом Густов получил очередной удар в лицо, полетели зубы, он прохрипел: «Б..., жаль что мы тебя раньше не растерзали! Расскажи, сука, гражданину Сталину, как ты повышала тонус дедушке Калинину, и что он тебе за это отвалил дачу и бриллиантовое колье».

В унисон ему, также хрипло, выдавил из себя Заковский: «Эта б..., гражданин Сталин, переспала со всеми ведущими сотрудниками НКВД. Со всеми артистами театра».

Его перебил вождь:

— Ольга Васильевна, ваши любовники, судя па-а всэму, мало от вас получили. Можит, потому они вас публично продолжают оскорблять. Дайте им еще, чего ха-атите сами...

Все еще пребывая в шоке, обессиленная Лепешинская едва прошептала:

— Иосиф Виссарионович, разрешите мне отправиться домой?

Сталин сделал вид, что не услышал и отвернулся.

Лепешинская упала на колени перед вождем и начала целовать его мягкие грузинские сапоги. «Пощадите, умоляю вас! Пощадите!» — причитала она.

Сталин, не обращая внимания на то, что Лепешинская уже целует подошвы его сапог, с силой толкнул балерину ногой, да так что она затылком коснулась пола. Он тут же привзнялся, наступил каблуком на ее рот, закрыв при этом всей подошвой нос и лицо испуганно трясущейся женщины. «Вячеслав Михайлович, как нам поступить с талантливой артисткой? Па-адарим ее Заковскому и-или Густову? Или обоим сразу?» — И с силой надавил каблуком на нервно хватающий воздух рот.

Молотов, заикаясь и сильно волнуясь:

— Мне ка-ка-жется, что эту ночь Ольга Васильевна за-запомнит на в-всю жизнь. И прошу раз-р-р-решения отпустить ее д-домой. Она должна отдохнуть, з-з-автра она танцует г-главную партию.

Это был тот редкий момент, когда вождь мог принять любое решение, согласиться с любым поступившим к нему пред-

ложением. До этой минуты он мог куражиться, позволять себе вольности, топтать своих соратников, ибо иного, по его мнению, они и не заслуживали, но когда наступала такая минута, и он требовал внесения приговора, то независимо от того: правильный он или нет, совпадает с его мнением и желанием или нет, он превращался в реальность.

Молотов произнес:

— Прошу вас, товарищ Сталин, посадить к Заковскому в камеру Густова.

Сталин, выслушав эту короткую фразу-приговор, подошел к Молотову и усмехнувшись сказал:

— Вячеслав, ми с тобой еще поработаем. Будь па-а-твоему. Лаврэнтий, Густова — в камеру с Заковским. Им есть о чем поговорить.

Подследственных увели, члены Политбюро собрались было подняться, но вождь остановил их рукой и подошел к Лепешинской:

— Ольга Васильевна, тебе придется дать расписку Лаврентию Павловичу о неразглашении ... — И жестким голосом добавил: — Тепер ты, дура, будеш хоть немного умней.

— Да, Иосиф Виссарионович, — всхипывала Ольга Васильевна, — сегодня я поняла так много того, чего нельзя узнать за всю жизнь...

Когда Лепешинская устало пригнувшись вышла из комнаты, вождь посмотрел на своих соратников, потом сосредоточил внимание на Молотове:

— Вячеслав, а как здоровье Полины? Што-та она перестала ко мне приходить...

Молотов от волнения опустил нижнюю челюсть и никак не мог ее закрыть, зубы мелко стучали. Ему стало страшно только от того, что вождь спросил о здоровье жены. Конечно, Полина была здорова, и вот уже более четырех лет она не приходила к Сталину. Это после смерти Надежды Аллилуевой она почти каждый день прибегала в квартиру, где жил Сталин, пытаясь по своей инициативе как-то утешить Генсека. А однажды, придя к нему, она увидела, как из прихожей выходила знакомая актри-

са, впоследствии ставшая ей подругой. В то же время приоткрылась дверь, из нее выглянул Сталин: «Ми сегодня устали и в вашем внимании, товарищ Жемчужина, не нуждаемся». Сделав позже несколько попыток попасть к нему и поняв, что ее не пускают, она прекратила добиваться встреч с вождем. Обо всем этом Молотов знал. И вот спустя столько лет вождь спросил о здоровье его жены. Да еще после унизительных сцен с Лепешинской... Что думать, что сделать?

Сталин, видя его реакцию, подошел, и рукой сжав его дрожащую челюсть, сказал: «Не дрожи, Вячеслав. Зачэм мне твоя старуха?»

ИСТОРИЯ 17

УМЕЛЬЦЫ ПО СЛОЖЕНИЮ И ВЫЧИТАНИЮ НУЛЕЙ

Долгие годы после войны, в том числе и в эпоху Леонида Ильича Брежнева, ЦСУ — Центральное статистическое управление при Совмине СССР возглавлял большой умелец по отниманию и сложению нулей, Герой Советского Союза Л. М. Володарский. Мудро он умел считать. Мудрость эта пришла к нему как только он понял, что история страны — это не только слова и действия, но и цифры, или даже, что цифры — это и есть история. Причем та, которая нужна конкретному правителю.

К примеру, если из графы «по экономическим расчетам Госплана СССР» убрать те строки и абзацы, которые компрометировали нашу страну, то и восприятие страны будет другим.

Произошла подобная фальсификация не без помощи западных структур, по указке которых, — естественно, за хороший куш (то ли за деньги, то ли за власть, то ли по иным каким соображениям) — действовали многие руководители КПСС и Советской страны, переписывая историю Российского государства. Так было и с историей так называемой Великой Октябрьской социалистической революции, так называемым предвоенным строительством социализма в СССР, и «неготовностью» Советского Союза к войне с Германией. Для этого лишь следовало убрать с экономических расчетов некоторые цифирки или заменить их иными...

Скажем, в истории должны фигурировать такие строки: свержение царя Николая II осуществлялось еще со времени убийства его деда Александра II через финансирование западных государств. Революция 1917 г. осуществлялась на деньги доброжелателей, в том числе актрисы, аристократки, любов-

ницы Ленина, а также якобы застрелившегося (убитого большевиками) мецената Саввы Морозова. Безусловно, эти люди также оказывали помощь большевизму в России, однако не с целью агитации за большевиков и революцию, а всего лишь в силу чувственных отношений между мужчиной и женщиной. Ну нравилось аристократке-актрисе, любовнице баснословно богатого Саввы, ложиться в постель с Владимиром Ульяновым. Ну ради великой актрисы и красивой женщины Савва Морозов платил большевикам, давая ей деньги, а любимая женщина одновременно спала с *буревестником революции* Максимом Горьким. И т.д. и т.п.

Или что касается военных действий, как показать неготовность СССР и его Красной армии к войне? А очень просто, достаточно в экономическом отчете убрать строку: «тяжелые танки советской танкостроительной промышленности» и заменить термином: «средние танки». Глядишь, и заводы нужны меньших мощностей, и даже по количеству их надо меньше, да и людей не столько задействовать, и металла, и зарплаты и т.д. Все цифирки бегут в сторону уменьшения... Ах, как славно! Как легко дурить мировую общественность и свой советский трудовой народ...

Такие же фокусы можно проделать с нефтью, которая необходима армии, с добычей угля для мартеновских печей, с вещевым имуществом; можно при желании в статистических отчетах, подписанных рукой Героя Советского Союза Л. М. Володарского, уравнять даже кремлевскую пайку с тюремной. Для этого нужно в одной графе объединить черный хлеб с черной икрой, в другой графе — тухлую сардину с копченой осетриной, в третьей — сушеную картошку и протухшую квашеную капусту с бананами, анансами и апельсинами, и т.д. Первое выдается в тюрьме, второе — по ценам и нормам 30-х годов — депутатам Верховного Совета СССР и делегатам съездов ЦК КПСС. Ох, эта народная мудрость: *что написано пером, не вырубишь топором*! Роются в архивах советские доктора исторических наук и делают удивительные открытия; вдруг может оказаться, что советский зек в советских концентрационных лагерях получал в день 450 г черной икры и черного хлеба, а также заморские овощи-фрукты.

...Для кого-то все это и многое иное, сказанное здесь, требует доказательств. Только не для тех, кто ел этот черный хлеб. Я заметил странную тенденцию: всякий кто давился и давится черной икрой, всегда спрашивает меня: а где доказательства? И этого не спрашивали те, кто не слышал о черной икре, не держал ее в руках, густо намазанной на сдобу...

За время работы и деятельности ЦСУ это ведомство ни разу не опубликовало истинных данных, из которых было бы видно, что у нас ели зеки, а что ели в Кремле. Или: сколько у нас действительно было тяжелых танков ИС-1, КВ-1 и сколько у границы было первоклассных истребителей и бомбардировщиков... Зато благодаря фальшивым статданным в достатке у нас развелось и фальшдокторов исторических, марксистско-ленинских, юридических и военных наук, утверждающих нелепую истину о силе гитлеровской армии, многократно превосходящей нашу армию. Редко отрекаются от этой «истины» и современные ученые...

Почему так происходило и происходит?

Для этого следует попробовать приблизиться к пониманию тех событий, когда у власти был Сталин. Какие обстоятельства меняли внутреннюю сущность людей, заставляли их ссучиваться, становиться развратными, похотливыми, продажными? Или обстоятельства тут ни при чем? А люди и есть — глубоко внутри — таковые... Только никому, кроме Сталина, не удавалось показать им (и всем нам!): кто есть людишки, населяющие землю?!.

Уже после смерти Иосифа Виссарионовича известный политический деятель эпохи Сталина Георгий Максимилианович Маленков, проиграв свою битву с политическим бомондом за власть, нанес членам Политбюро мощный удар с другой стороны.

Как глава Советского правительства и член Президиума ЦК КПСС, он в мае 1953 года своим постановлением отменил конверты с деньгами, введенные по поручению Сталина Совнаркомом во второй половине 30-х годов для партийного аппарата. Отменил также и налоги для населения за посаженные деревья, птицу и живность на подворье.

Денежные конверты предназначались в качестве доплат к основной зарплате первым, вторым секретарям и прочим номенклатурным работникам ЦК партии, ЦК республиканских парторганизаций, крайкомов, обкомов, райкомов, горкомов и освобожденным секретарям партийных комитетов. Эти конвертные деньги составляли 5—7 (!) должностных окладов, не облагавшихся подоходным налогом. Плюс к этому — «вертушка» ВЧ, кремлевская спецполиклиника, кремлевская спецстоловая, кремлевские спецсанатории и многое-многое другое.

И вот одним росчерком пера Георгий Максимилианович это райское наслаждение у большого количества отдельно взятых граждан отнял! Но тут же он повысил зарплату всем работникам советского аппарата, сидящим в горисполкомах и облисполкомах. Если до этого первый секретарь обкома и все партийные вертикальщики получали в 5—7 раз больше председателя облисполкома, то теперь последний оказался на несколько порядков состоятельней их. И тогда все партийные руководители завалили Хрущева слезными мольбами с просьбой сохранить за ними... сталинские привилегии.

И что же Никита Сергеевич? Сначала обгадил с ног до головы своего благодетеля-Сталина, которого частенько называл «любимый и добросердечный», «родной товарищ Сталин», а сам, желая перетянуть как можно больше соратников на свою сторону, более чем в 12 (!) раз увеличил конвертные деньги. Вот тогда-то и эта толпа партийных вождей бросилась гвоздить Сталина чем попало и как попало.

И никто из них не понимал или не хотел понимать, что у палки два конца; продажность, беспринципность, шариковщина — вот сплав, из которого сделаны гвозди, которые коммунисты усердно забивали в крышку гроба своей партии.

Перед сентябрьским Пленумом ЦК КПСС 1953 года Хрущев из кассы Центрального Комитета выплатил своим партфункционерам все, что «недоплатил» Г. М. Маленков. Возразить Хрущеву не мог никто. По своей должности он к тому же контролировал партийные финансы. Естественно, он знал что делал; при этом поступал так, как учил его товарищ Сталин. И сотоварищи не подвели: на сентябрьском Пленуме они единодушно избрали Хрущева Первым секретарем ЦК КПСС.

Хрущев Никита Сергеевич /5(17).4.1894, с. Калиновка Курской губ.,— 11.9.1971, Москва/, советский гос. и парт .деятель. Чл. КПСС с 1918. Род. в семье шахтера. С 1908 рабочий на заводах и шахтах Донбасса. Участник гражд. войны 1918—20, затем на хоз. и парт. работе на Украине.

В 1929 учился в Москве в Пром. академии. С 1931 на парт. работе в Москве; с 1935 1-й секретарь МК и МГК ВКП(б). В 1938—марте 1947 1-й секретарь ЦК КП(б) Украины.

Во время Великой Отечеств. войны 1941—1945 чл. Воен. советов Юго-Зап. направления, Юго-Зап., Сталинградского, Юж., Воронежского, 1-го Украинско фронтов; ген.-лейтенант (1943).

В 1944—47 пред. СНК (с 1946 — Сов. Мин.) УССР. С декабря 1947 вновь 1-й секретарь ЦК КП(б) Украины. С декабря 1949 секретарь ЦК и 1-й секретарь МК ВКП(б).

С марта 1953 секретарь, с сентября 1953 1-й секретарь ЦК КПСС; одновременно в 1958—1964 пред. Сов. Мин. СССР... Освобожден пленумом ЦК КПСС 14 окт. 1964 от обязанностей 1-го секретаря ЦК КПСС и чл. Президиума ЦК КПСС.

И все! А где слова о сельском хозяйстве, о кукурузе, о наградах, о Кремлевской стене, наконец?!. Какая неверная пошлая слава у руководителей великой страны... *В его деятельности имели место проявления субъективизма и волюнтаризма.* Все! Нет даже ссылок на справочную литературу и статьи.

В свою очередь Маленков, видя такое развитие событий, предложил Хрущеву стать одним из его заместителей в правительстве СССР. Георгий Максимилианович рассчитывал установить контроль правительства, а значит и свой личный, над партией. В правительстве он поручил Хрущеву заведомо провальное направление деятельности — курировать сельское хозяйство. Если Хрущев справится, значит страна только выиграет, а нет, то так тому и быть. Зато правительство окрепнет, а партия, по его мнению, займет то место в стране, которое ей в свое время, в канун войны, начинал отводить Генсек Сталин. Но Георгий Максимилианович заблуждался. Ведь он был всего-навсего баба-Маланья, как его называли за глаза соратники, а не великий стратег Сталин.

Через месяц после означенных событий Хрущев выдвинул идею подъема целинных и залежных земель, как основного средства резкого увеличения сбора зерновых. Новый экономический курс, предпринятый правительством Маленкова, сводился к переносу акцента с тяжелой индустрии на легкую промышленность, на интенсификацию сельского хозяйства, и вместе с тем на удовлетворение насущных потребностей простых людей. По инициативе и настоянию Первого секретаря ЦК КПСС его Президиум принял Постановление от 4 января 1954 г. об освоении целины. Что означало в лучшем случае расширение аграрного сектора, но уж никак не его интенсификацию, тем более ввиду неизбежного распыления финансовых средств.

Партия вновь вернула себе утраченные рубежи власти, а партийные бюрократы еще более укрепили свое положение.

Во главе всех обкомов и крайкомов партии в большинстве своем находились люди, которые в угоду Сталину устроили кровавый 1937 год, а затем в качестве членов военных советов фронтов и армий беспощадно на ряду с органами НКВД гнали русских и иже с ними мужиков в бой, не считаясь с потерями и достигая победы любой ценой...

Вскоре состоялся XX съезд КПСС, на котором партийные функционеры отчитались перед партией рядовых, перед всем советским народом, свалив свои старые преступления на вождя и обосновав свое право на дальнейший уголовный беспредел.

Спустя год после этих событий вследствие непрекращающихся подковерных игр вновь столкнулись оппоненты из сталинской когорты. Это известная антипартийная группа: Молотов, Маленков, Каганович, Булганин и примкнувший к ним Шепилов, которые вначале на Президиуме ЦК КПСС одержали победу над Хрущевым и отправили его в отставку. И тогда Никита побежал к опытному предателю партии и государства Маршалу Советского Союза Г. К. Жукову со слезной просьбой: «Георгий, спасай! Эти суки сейчас сожрут меня, а потом и тебе припомнят начало войны». Жуков прекрасно понимал что произойдет в послесталинском ареопаге, если дорвутся до власти

другие и озвучат события лета—осени 1941 года на советско-германском фронте. Пощады тогда ему точно не ждать; его разоблачат, обличат в предательстве и неумелом ведении боевых действий, буквально разорвут на части, лишат сладко-сытой жизни. И маршал Жуков вмешался.

По его приказу в считанные часы на самолетах ВВС со всех концов страны в Москву доставили почти всех членов ЦК партии. Своим властным решением он потребовал собрать Пленум ЦК КПСС, состоявшийся практически под стволами автоматов и орудиями танков, вошедших в Москву. Антипартийную группу разогнали, Н. С. Хрущева на посту Первого секретаря ЦК восстановили. Жукова вполне устраивал марионеточный Первый секретарь ЦК партии. У этого самовлюбленного горлопана Советской армии отныне была возможность трубить перед всем миром о своем незаслуженном величии в победе над фашистской Германией. Беспредел его бонапартизма, хвастовства и неумеренной жестокости достиг своего апогея. Еще мгновение — и пост главы государства и правительства будет юридически в его руках. Осталось лишь поднажать.

Антипартийная группа ушла в отставку, а в это время ее руководитель Вячеслав Михайлович Молотов в тиши своего домашнего кабинета стал осмысливать что же произошло, занося свои выводы в тетрадь. Пройдет каких-то восемь лет, и товарищ Микоян предаст товарища Хрущева в октябре 1964 г. в Пицунде, после чего записи Молотова — пункт за пунктом — предъявят Никите Сергеевичу на октябрьском пленуме ЦК КПСС, отправив его в отставку.

На освободившееся и желанное многими место на немалый срок пришел Леонид Ильич Брежнев, которого после сменит Юрий Владимирович Андропов. Чем характерно время их правления? При первом, говорили, был застой. Второй, чекист, вроде как даже хотел пересмотреть прошлое, историю советской страны. Потом наступит короткое время (случайного или все же неслучайного?) в ЦК партии человека с монголоидным разрезом глаз и украинской фамилией, в биографии которого было написано, что он, Константин Устинович Черненко, настоящий русский. Деревня в Сибири, в которой он родился, по

его словам, затоплена озером... Ну что ж, так он и правил в стране, как в затопленной деревне...

Практически при каждом из новых правителей возникал разговор о реабилитации сталинских жертв. Для кого она нужна? В первую очередь для продолжающих дело палачей 1937 года, поэтому вряд ли стоит кого-то в советской истории реабилитировать. Наверное, справедливее было бы найти истину, как говорят, где-то посередине. Ведь в нашей стране со времен эпохи Хрущева постоянно *на слуху* только те жертвы сталинских репрессий, которые сами в них участвовали, или способствовали им, или вовсе не препятствовали им.

Их немало среди известных и среди неизвестных.

Разве не были палачами при Сталине партийные деятели Хрущев, Постышев, Пономаренко, Косиор, кандидаты и члены ЦК ВКП(б) Якир, Уборевич, Фельдман, Тухачевский и многие-многие другие...

Тухачевского расстреляли не за так называемый шпионаж в пользу фашистской Германии и участие в фальсификации известной фальшивки Шелленберга через президента Чехословакии Бенеша о том, что маршал —завербованный агент 6-го отдела РСХА. А расстреляли за то, что будучи заместителем наркома обороны проявлял не талант стратега, а талант кровавого палача, развитый при подавлении Кронштадского мятежа и массовом уничтожении тамбовских врестьян, да и за развратное поведение...

А тот же партийный деятель Постышев? Когда его перевели на должность первого секретаря Куйбышевского обкома партии, он, почувствовав безграничную власть, казнил — без предъявления каких-либо обвинений — десятки тысяч рабочих и крестьян, рядовых членов партии и хозяйственных работников, придумывая стандартное для того времени обвинение: «за участие в контрреволюционных, антисоветских организациях». И ничего удивительного нет, что рядом с ним нашелся точно такой же палач, из его же окружения, в доносе которого стояли знакомые слова: «является агентом всех иностранных разведок, состоит в антисоветских организациях». Постышева расстреляли. И поделом.

И что, вот этих и подобных им людей следует реабилитировать?!

К сожалению, комиссией по реабилитации, созданной при Горбачеве и возглавляемой его идеологом Александром Николаевичем Яковлевым, подобные, с позволения сказать, герои революции и социалистического строительства, а проще — кровавые палачи, ставшие жертвами таких же палачей, — реабилитируются...

Да и кто занимается этим?

Люди, прошедшие одну и ту же школу жизни.

К примеру, тот же Александр Николаевич тоже жил в те не такие уж и далекие времена, прошел войну, дослужился до майора, был ранен. После войны учительствовал, прививал детям любвь к партии, к дедушке Ленину, товарищу Сталину (а иначе бы Александру Николаевичу головы не сносить, ведь так?). И не узнали бы мы в его лице члена Политбюро и секретаря ЦК КПСС, доктора исторических наук, академика, который гордо с высоты своих лет разоблачает сталинизм и реабилитирует сталинских прихвостней и палачей...

Вина Сталина, если это вина, только в том, что он показал нам кто мы есть после того как превращаемся в шариковых и швондеров. Думаю, академик Яковлев со мной все-таки согласится. Имеем ли мы право — причастные к системе и эпохе — карать или миловать? Осуждать и давать оценки? Примерять на себя роли вершителей судеб тех, кого давно нет среди нас?

К тому же всякая реабилитация невинно пострадавших людей должна иметь юридическую основу. Но разве этим у нас занимаются суды? Нет, этим занимаются политики. Да и юристам, прежде чем заняться подобными делами, необходимо добраться до архивов. Не сомневаюсь, академик Яковлев хорошо знает, что основные наши архивы, лежащие сегодня в Москве и по весям, уникальнейшим образом сфальсифицированы, ну и доступ к ним имеют лишь особые люди, которые фанатично охраняют тайны вокруг кремлевской кормушки. Что же касается оригиналов, то большая их часть добросовестно продана кремлевскими функционерами за хорошие деньги на берега Темзы, Потомака, их легче отыскать в сейфах Ленг-

ли (там находится Центральное разведывательное управление США), чем в пресловутом здании на Лубянке. Кстати, не пора ли руководству российской спецслужбы возвратить это здание российскому страховому обществу, которому оно и принадлежало до 1917 года…

И потом: реабилитация скорее нужна была бы наиболее близким родственникам погибших, но ведь уже и дальних родственников их мало осталось… Да, вот еще какое кощунсто: материалы реабилитаций нужны для исследовательской работы новых кандидатов и докторов исторических наук, которые даже не вздрогнув что за всеми этими чудовищными цифрами погибших просто человеческие жизни, вещают в аудиториях перед молодежью о творимом когда-то злодействе. И молодые умы воспринимают это как должное, не зная как расставить акценты. Совсем как с цифирью в ЦСУ: смешаем черный хлеб и черную икру, авось получим среднее… усредненные знания о благоденствии изуродованного идеологией индивида от *хомо сапиенс* — советского человека.

Этот чудовищный, искусственно созданный коллапс исторической науки в нашей стране привел к тому, что истории, как науки, — со времен кровавого революционного переворота и до наших дней, — просто нет. Как нет Платоновых, Карамзиных, Устряловых и других великих ученых-историков. Коллапс этот будет все более нас поглощать, пока мы не прекратим вести войну со… Сталиным. Пока мы не отделим рациональные зерна в истории XX века нашей страны от плевел…

ИСТОРИЯ 18

А ЦАРЮ НУЖЕН НАСЛЕДНИК...

В бытность моей школьной учебы один довольно старый учитель Алексей Степанович Лагута говорил мне: «Чтобы понять события того или иного происшествия или действия, следует всегда вернуться на месяцы, а может, даже на годы назад. И выстроить логическую цепь событий, фактов, противоречий, являющихся теми звеньями фундамента, на котором зиждется и сегодняшний день и будущее нашего общества, наших соседей, друзей и недругов...»

Известно, что Сталин за два месяца, предшествовавших началу освободительного похода в Европу — воплощению демонически-дерзновенной цели — стал главой Советского правительства. Эта должность позволяла ему с точки зрения юриспруденции автоматически стать Верховным Главнокомандующим Вооруженными Силами СССР. Не думаю, что нужно рассуждать о том что за этим следует в соответствии с военной доктриной и теории военного искусства. Волновало ли его это? Безусловно, но у него были надежные помощники в подготовке, организации и проведении этого ответственного мероприятия, ставшего смыслом его жизни в период управления сверхдержавой.

Истинные и надежные помощники?

Нет, речь не о тех людях, чьи имена славно воссияли на первых полосах советских и иностранных газет после того как советские войска вошли в Берлин... Эти имена столь широко известны общественности, что их нет смысла повторять в очередной раз.

А вот имена его реальных помощников, планировавших освободительный поход по всему миру, назвать можно.

Эти люди — кто на виду, а кто в тени, кто соответственно талантам, а кто и в вымышленной ипостаси — были самыми близкими к вождю. Накоротке, но не запанибрата, однако: так близко, что ближе никому не приблизиться... Некоторые, (может, даже один) обладали властью немыслимой, не сталинской (здесь не может быть сравнений, ибо Сталин неповторим), но неведомой, нечеловеческой и не меньшей, чем у вождя «всех времен и народов».

Итак, *разработчики* стратегического плана об освободительном походе: Маршал Советского Союза Борис Шапошников; личный пилот товарища Сталина Александр Голованов; реальный руководитель Сталинского Коминтерна, создатель партийной разведки Коминтерна Борис Пономарев.

Исполнители: нарком обороны Маршал Советского Союза Семен Тимошенко; командующие фронтами Первого стратегического эшелона генерал армии Иван Тюленев; генерал армии Дмитрий Павлов; генерал-полковник Федор Кузнецов; генерал-полковник Михаил Кирпонос; генерал армии Николай Ватутин, Маршал Советского Союза Климент Ворошилов, Генеральный комиссар Государственной безопасности СССР Маршал Советского Союза Лаврентий Берия.

В послевоенные годы, впрочем, как и в годы войны, имена многих из этих людей практически оказались в тени. А все, что мы знаем о генерале армии Ватутине, Маршалах Советского Союза Тимошенко, Шапошникове и Главном маршале авиации Голованове — по большому счету, не соответствует действительности.

Да и деятельность ставшего более известным для окружающих человеком уже в качестве секретаря ЦК КПСС Б. Н. Пономарева закрыта за сто семью печатями. Думается, закрыта навсегда... Известно лишь из редких публикаций и со слов его некоторых работников (Леонида Митрофановича Замятина, Вадима Васильевича Загладина, некоторых других), что он занимался делами международных отношений коммунистических и рабочих партий мира.

Нам больше известна та история, которая изложена в школьных да вузовских учебниках. Но даже из этой искаженной истории очевидно, что всякий достигший вершин власти бывает либо посредственным лидером нации, либо великим

вождем народа. Изредка на трон власти восходят титаны, гении то ли с божественным, то ли с дьвольским началом... Полагаю, таковым в истории XX столетия был Сталин.

Как человек особого склада ума и исключительного дара предвидения, он допускал в своем мышлении не только то, что о нем пишут и говорят; он думал о вещах, о которых не должны были знать ни при нем, ни после него...

Очень важной для него была проблема преемственности власти. Он отдавал себе отчет в том, что физически не вечен. Мы уже затрагивали эту тему, вернемся к ней еще раз.

Если исходить из истории Российской государственности, то большую ее часть составляло время царствования — от Рюрика до Николая II Романова — конкретных династий. Царствующие дома для установления дружественных отношений выдавали своих дочерей за принцев и великих князей соседних государств. Таким образом, монархические дома Европы практически являются одной кровной семьей.

В связи с отречением от престола последнего российского Императора, возникла ситуация, приведшая к тому, что бывшая Российская Империя должна была стать либо придатком сильных мира сего, либо территорией, на которой проживают недочеловеки, как бы доисторические существа...

Известен факт, что род Романовых практически пресекся на дочери Петра Великого Елизавете Петровне, которая не имела наследников. Приведенная ею к власти принцесса София Фредерика Августа Ангальт-Цербстская и ставшая Императрицей Екатериной II, заложила тот мостик, по которому впоследствии переводили из германских курфюрств принцесс, становившимися женами российских наследников трона и великих князей. Бытует, и не без основания, версия о том, что Павел является сыном одного русского графа, внешнее сходство с которым настолько очевидно, что не требует каких-то специальных доказательств. Как известно, после смерти Павла наследником престола стал его сын от второго брака Александр I, который правил Россией с 1801 по 1825 год.

А после его ухода в Тобольский скит трон занял его брат Николай I, который правил империей с 1825 по 1855 год.

После его смерти к власти пришел его сын Александр II, правивший с 1855 по 1 марта 1881 года, когда был убит засланными в Россию и подготовленными в США террористами. После смерти своей жены Императрицы Максимилианы Вильгельмины Августы Софии Марии Гессен-Дармштадской (В России — Марии Александровны), он вступил в морганатический брак 19 июля 1880 года со своей давней возлюбленной Екатериной Михайловной Долгорукой, которой присвоил титул Великой княгини Юрьевской. Присвоение этого титула княжне Екатерине Долгорукой вполне обосновано. Ибо она являлась прямой наследницей ветви основателя Московского княжества князя Юрия Долгорукова. Отсюда и — Юрьевская. А основатель первопрестольной столицы являлся прямым наследником Рюриковичей на Руси.

Несомненно, Император Александр II стремился этим морганатическим браком максимально приблизить к ветви Рюриков прерванную ветвь Романовых, также идущей от Рюрика. У них с великой княгиней родилось трое детей.

Екатерина Михайловна родилась 2 февраля 1849 г.; после гибели супруга помазанника Александра II вместе с тремя детьми (2 сына и дочь) эмигрировала во Францию и поселилась в Ницце, где умерла в 1922 г. Благодаря стараниям ее августейшего супруга она была одной из самых состоятельных светских дам Лазурного берега Франции, что обеспечило ей, их детям и последующим потомкам защищенность от социальных и иных проблем.

Важно также указать, что российское государство, как империя, объединяло ряд иных народов, которые в большинстве своем не являлись составными частями Империи по национальному признаку. Государственная система была построена по принципу губерний, независимо от того, кто проживал там по национальности, — все являлись россиянами. Но уникальность государственной системы при многочисленных народах и различных вероисповеданиях просматривалась, казалось бы, в простых штрихах и деталях. Так, на орденах Империи в определенных местах цепей и креплений отмечалась символика православного, иудейского, католического, мусульман-

ского, буддийского вероисповедания — в зависимости, кто был награжденный по вероисповеданию.

Интересно, что генерал-губернаторами азиатских или кавказских территорий являлись в большинстве случаев русские или великороссы. А губернаторами как правило, являлись выходцы из этих регионов. Первое лицо губернии обязано было в буквальном смысле стремиться к знанию языка, традиций и культуры региона, в котором он проживает. А русский язык являлся языком межнационального общения.

Естественно, это родилось не сразу, а формировалось в течение длительного периода времени. Альтернативы подобному решению межнациональных проблем и по настоящее время на территории бывшей Российской Империи не найдено!

Но... в бывших регионах Империи, до того как они вошли в ее состав, существовали не только самостоятельные государства, но и царства. Одним из таких монархических государств являлось древнее государство, известное сейчас как Грузия.

Ее история формировалась под влиянием рода правителей Багратидов. Величайшим представителем этого некогда сильного, с высокоразвитой культурой и прекрасными традициями государства была царица Тамара, женщина воистину мессианского предназначения. Не исключено, что ее имя было священным для ряда народов, проживавших в ее царстве, состоявшем из княжеств: Имеретия, Мингрелия, Абхазия, Аджария, Сакартвела, Южная Осетия... Грузии суждено было иметь не только глубокую, древнюю историю и блистательные имена, пришедшие к нам из далеких времен. Грузия прославилась не только знаменитым золотым руном — охранительным символом, которое окружало рождение Спасителя Иисуса Христа. Именно эта земля в конце XIX столетия дала человечеству ниспосланного свыше человека Сосо Джугашвили. Фамилия в Грузии далеко не дворянская, ибо о принадлежности к дворянам свидетельствует окончание —дзе; и не аристократическая фамилия, ибо тогда в конце должно звучать —ани.

Что знал о своем происхождении человек, которому силой своего титанического ума суждено было сотрясти Историю и многое изменить в XX веке?

Не буду утверждать, знал ли... но не скажу и обратного... скорее, склонен считать, что догадывался он о своем исключительном происхождении и о том, что отмечен был свыше силой для неких значительных, таинственных дел.

Иосиф, как мужчина чести и долга, в глубине души не мог не думать как должно развиваться его государство в чудовищном мире, в котором начиная со Средневековья правит бал либо Римский престол, либо орден Тамплиеров, либо финансово-промышленный Орден, расположенный в Нью-Йорке и заправляющий большей частью финасовых систем мира.

Как развиваться и идти в будущее государству, если ты, правитель, создал эту гигантскую машину управления, а физически сам не вечен?!

Человечество не придумало ничего другого, как понятие преемственности власти. И, по мнению Иосифа, продолжателем мог быть сын, также мужчина чести и долга. Однако под эту категорию в будущем никак не подходил его старший сын Яков, рожденный в первом браке с Екатериной Сванидзе. Не был он избранным...

Об этом говорит и отношение самого Сталина к Якову, когда сын жил у него в Москве. Отношение к сыну Василию, рожденному Надеждой Аллилуевой, было несколько лучше, но не настолько, чтобы можно было увидеть что отец возлагает на него особые надежды.

После смерти Аллилуевой Сталин на какое-то время вообще отказался от мысли жениться еще раз. Не следует считать его кратковременные интимные связи стремлением завести новую семью. Одно время его тревожило другое: на территории его страны — Советского Союза — продолжали еще жить четыре царственные особы женского пола. Естественно, мозг титана и аналитика Сталина не могли не занимать вопросы рода, тем более что бродили мысли и о его возможном происхождении из семьи Багратидов по линии матери... Так что вполне могли приходить к нему серьезные мысли о рождении наследника и от кого-то из тех четырех царственных особ. Но, очевидно, чрезвычайная занятость делами, изнуряющими внутренние силы, подтачивавшими организм, а также возраст — к концу 30-х годов он прожил уже более полувека, исключили возможность репродуктивности и женщины, имевшие в с ним интим-

ную связь, более не могли от него забеременеть... В какой-то момент его взгляд снова остановился на сыне Василии, который вел пустую жизнь беспечного человека.

Во время учебы в Военно-инженерной авиационной академии имени проф. Жуковского слушатели подразделения академии, в которое входил и Василий Сталин, отправились на летнюю стажировку на аэродром Кача, что под Севастополем.

Безнаказанность и бесконтрольность этого молодого человека и, не исключено, его природное распутство, скорее характерное семье Аллилуевых, привели к тому, что вместо отработки навыков полетов и командования подразделением, как это делали другие летчики-слушатели, Василий занимался пьянством и развратом. Напиваясь до безумия, он врывался в села совхоза Качинский, насиловал колхозниц, вынужденных подчиняться из-за страха, преградой не были ни мужья, ни дети. Также из-за чудовищного страха ни один из мужей не мог заступиться за свою оскорбляемую практически на глазах женщину. Правда, нашлось двое смельчаков, попытавшихся наказать обидчика во время надругательства над их женами. В ответ прогремели встрелы из револьвера, оборвавшие жизни двоих трактористов.

Когда все слушатели вернулись в Москву, разгул сына стал известен Генсеку. Казалось, ярость отца беспредельна. Сталин кричал на Василия самым отборным матом, уничижительно отзываясь о нем и о его матери, говорил, что он обыкновенный кобель, которому нужны дешевые сучки в виде колхозниц, после и вовсе выгнал из дома. Василий начал пить; беспробудное и многолетнее пьянство приведет его к совершению ряда уголовных преступлений, но статус отца не позволит правоохранительным органам даже заикнуться об аресте. Пьянство довело до логического завершения: Василий, прожив немногим более 40 лет, скончался.

А те колхозницы, жившие в долине Качи, после призыва мужей на фронт в июне 1941 года родили новых детей, большинство которых имели грузинскую внешность. Часть этих детей обучались со мной в старших классах Тургеневского детдома в Крыму; их так и называли в разговорах старших людей, жителей местных сел и деревень: *сталинские дети*...

Думая о властительном восприемнике, Сталин прощупывал и такой вариант: женить сына Василия на ком-то из царственных родов. Он даже поручал одному из особо доверенных людей навести справки о детях и внуках великой княгини Екатерины Юрьевской, которая к 1940 году имела не только внуков, правнуков, но и правнучек. Одна из правнучек, по замыслу вождя, могла бы выйти замуж за Василия Сталина.

Эта секретная операция усилиями Коминтерновской разведки и усилиями облеченных доверием вождя лиц была доведена до логического завершения. Но... вышеописанный факт разгула и безнравственных поступков Василия привели Сталина к мысли, что из такого дерьма, как его сын, ничего путного не получится. Это было еще одним ударом для стареющего вождя...

В мае 1941 года Сталин возложил на себя функции главы Советского правительства, а через несколько дней он выступил на выпуске слушателей военных академий, где заявил, что буквально через считанные недели они будут находиться впереди боевых соединений и объединений, которые станут первыми освободителями Европы от существовавшей там системы.

Когда вождь закончит доклад, у него в голове вдруг возникнет навязчивая фраза, которую захочется бросить в зал: «Кто же после меня поведет начатое дело?» Усилием воли вождь остановил это желание и, покидая полный зал, негромко и многократно говорил себе под нос: «Кто после меня? Кто после меня?»

С одной стороны на полшага от него шли Молотов и Тимошенко. Оба они слышали этот обреченно-горестный шепот, даже Тимошенко, имевший слабоватый слух. Когда Сталин оставил их, Тимошенко повернулся к Молотову и спросил: «Вячеслав Михайлович, о чем это Сталин говорил: кто после меня? Или мне это послышалось?» На что товарищ Молотов ответил: «Што г-г-говорил Сталин, С-с-семен Константинович... неужели непонятно, Сталин стоит нам пороге масш-ш-табных замыслов, которые надо воплощать в жизнь. Вы должны помнимать, С-семен Константинович, Сталин... не Генсек и не глава п-п-правительства, он... выше ц-царя. А царю нужен наследник. А ц-ц-цесаревича должна родить ему а-а-т него принцесса. До свидания, товарищ Ти-тимошенко». И протянул руку для прощального руковожатия.

Все дальнейшие годы проходили не так, как задумывал Сталин; без душевного надрыва и словно бы с томительной щемящей раной в сердце. Для Чего и ради Кого?!

Все было пусто и неинтересно, за исключением таких значимых событий, как Тегеранская (1943 г.), Крымская (Ялтинская) и Постдамская (обе — в 1945 г.г.) конференции, встреч в годы боевых действий с Гопкинсом и Гарриманом. В послевоенные годы он вновь на какое-то время обрел неистовую силу и беспримерную мощь и... осуществил свой замысел атомной бомбардировки Японии руками американцев. Это он — Сталин — координировал работу конференции в Думбартоне. Он еще решил вопросы, связанные с Китаем, сделав тем самым скорее всего непростительную ошибку, пагубность которой вскоре стал осознавать. Ему не нужно было брать Китай *под себя*, а отдать его со всеми неисчислимыми проблемами, — как всегда в подобных непростых случаях до этого он и поступал — Ордену, пусть его направляет, пусть тратит громадные средства, пусть завязнет в его узкоглазой кисейности и хитрости... Тогда бы у него, Сталина, хватило б сил, чтобы попрежнему кооридинировать работу Ордена, элиты, работающей с мировыми финансами, действительной *человеческой* силой, вершащей судьбы планеты...

Осознание ошибки придет довольно скоро; Сталина вновь выведет из себя пьянство сына, его полная отстраненность от отца, от его дел, непонимание их, и он придет в неописуемую ярость, осознавая свое бессилие оттого, что допустил ошибку даже в том, что зависело от него самого, — что сын, на которого он возлагал дерзновенные надежды, рожден не от той женщины... А тут еще так много стареющих сил отдается красному Китаю...

И тогда вождь обрушил свой гнев и старческую немощь — в виде казней — на руководителей Ленинградской партийной организации, которую недавно возглавлял самый молодой из партийных функционеров и ставший по приказу Сталина секретарем ЦК КПСС Алексей Александрович Кузнецов. В результате очередной волны репрессий были расстреляны не только руководители Лениградской парорганицзации. Был расстрелян первый заместитель председателя правительства и руко-

водитель Госплана СССР доктор экономических наук академик Николай Алексеевич Вознесенский. Кто-то высказался, что с психикой у вождя не все в порядке. Эти слова дошли до Сталина и он приказал Лаврентию разобраться. Тот разобрался быстро; был написан донос на академика (действительного члена Академии медицинских наук) Мирона (Меера) Семеновича Вовси. Он и его коллеги вскоре были арестованы, а осведомительница награждена орденом Ленина. Но кончина Сталина не дала осуществить казнь ученых-медиков.

Параллельно с ленинградским делом органами было осуществлено и реализовано так называемое «мингрельское дело». Сталин метался, не находил себе места, пребывая в ярости. Утолить жажду рассвирепевшего желтоглазого тигра решили нижестоящие угодники; это они так отреагировали... Они бы ничтоже сумняшеся уничтожали и дальше свой народ, но... тигр скрылся в камышах и больше его никто не видел.

РАЗВЕ?

В октябре 1964 года в Москве собрался пленум ЦК КПСС, который должен был решить и решил отрешение Хрущева от власти. Тот в это время отдыхал в Гаграх и большую часть времени проводил в бассейне в присутствии врача, медсестры и 2-3 охранников. В ту минуту Никита Сергеевич еще не знал, что из Москвы по поручению пленума и для приглашения его на пленум к нему вылетел член Президиума ЦК КПСС, Председатель Президиума Верховного Совета СССР Анастас Иванович Микоян.

Армянин летел в самолете Ил-18, а тот *тигр, который ушел в камыши и не вернулся*, вдруг... появился перед глазами купающегося в бассейне Никиты Сергеевича. Исполинская, до потолка бассейна, фигура Сталина спокойно произнесла: «Купаешся, Никита? Я все-о помню. Я приду за тобой». Образ диктатора исчез. А Хрущев в шоке стал уходить под воду. На помощь пришли охранники, вытащив из воды, обнаружили, что все его плавки подверглись атаке диареи.

...Спустя почти 15 лет Никита Сергеевич Хрущев, персональный пенсионер союзного значения, бывший Первый секретарь ЦК КПСС и глава Советского правительства, глубокой ночью 11 сентября 1971 года вдруг проснулся и почувствовал

себя столь плохо, что даже не мог произнести ни слова. Его охватил неописуемый ужас, он не мог позвать находившуюся рядом жену. Неожиданный удар в раму стекла, яркая вспышка осветила спальню и в проеме окна появилась зловещая фигура, которую он уже видел в канун своего снятия со всех своих постов 14 октября 1964 года.

Хрущев отчетливо увидел Сталина, который произнес:

— Я пришел за тобой, Никита. Па-айдем, па-агуляем.

— Но на улице-то темно, — прошептал Никита Сергеевич, пребывая в панике, парализующей мозг.

— Ш-то ты, Никита, говоришь, посмотры как светло. Пойдем. Ты так хорошо и смело ви-ступал против товарища Сталина, а когда увидел его, па-атерял дар речи. Па-айдем, дорогой.

Жестом руки Сталин изменил все, Никиту Сергеевича ослепил яркий солнечный день за окном; тогда как на самом деле была другая пора суток...

Придя в себя, он смог пересказать-передать этот ужасающий миг, это демоническое видение жене. Случай тот произошел на даче Хрущева Петрово-Дальнее. Сейчас на том месте лишь заросшее травой и кустарником русское поле.

Видение исчезло так же мгновенно, как и появилось, лишь Никита Сергеевич, находившийся весь в холодном поту, что-то долго невнятно шептал пересохшими губами. Его состояние невольно передалось и проснувшейся жене, которая позвала близких и врачей.

Спустя некоторое время в этот же день Хрущев скончался; был он похоронен в конце главной аллеи на Новодевичьем кладбище.

Тот, кто бывал на его могиле до того, как поставили памятник, видел, что на холмике, усыпанном цветами, стоит портрет, где Никита Сергеевич изображен счастливым и улыбающимся, в светло-сером костюме и сорочке с украинской вышивкой на груди и двумя кисточками. На левой стороне пиджака, над карманчиком, прикреплены три Звезды Героя Социалистического Труда.

Очевидно, семья Хрущевых не сочла необходимым устанавливать портрет, на котором он изображен еще и с Золо-

той Звездой Героя Советского Союза. А также знаками лауреата Ленинской премии «За укрепление мира между народами». И другими многочисленными наградами *за труды праведные*.

Затем, после положенного промежутка времени, на месте захоронения был установлен своеобразный памятник-прямоугольник скульптора Эрнста Неизвестного, изображающий лабиринт, внутри которого помещена в 2—3 раза больше реальных размеров голова иронически смеющегося Никиты Сергеевича.

Комментарии излишни. Вождь шутил и куражился и после смерти; о чем могли бы свидетельствовать все последующие правители советской страны...

Если вам когда-нибудь удастся увидеть идущего вдалеке странника и при этом возникнет чудовищное желание догнать его и взглянуть ему в лицо, ну так захочется, что жизнь покажется не в радость, не спешите бежать и догонять. Вы можете встретиться с жестким взглядом желтеющих, как у тигра, глаз, принадлежащих Сосо из Гори...

Сталин (наст. фам. — Джугашвили) Иосиф Виссарионович /9(21).12.1879, г. Гори, ныне Груз. ССР, — 5.3.1953, Москва/, один из руководящих деятелей Коммунистической партии, Советского гос-ва, международного коммунистического и рабочего движения, видный теоретик и пропагандист марксизма-ленинизма...

Сталин /9(21).12.1878 — ...впрочем, дата смерти в энциклопедии также не совпадает/.

СОДЕРЖАНИЕ

Литературно-художественное издание

ИСТОРИЧЕСКИЕ СЕНСАЦИИ

Грейгъ Олег
Грейгъ Ольга

РУССКИЙ ЦАРЬ ИОСИФ СТАЛИН

ВСЕ МОГЛО БЫТЬ ИНАЧЕ

Редактор *В. Манягин*
Художник *Б. Протопопов*
Компьютерная верстка *А. Кувшинников*
Корректор *Н. Самойлова*

ООО «Алгоритм-Издат»
Оптовая торговля:
ТД «Алгоритм» 617-0825, 617-0952
Сайт: http://www.algoritm-izdat.ru
Электронная почта: algoritm-izdat@mail.ru
Интернет-магазин: http://www.politkniga.ru

Подписано в печать 27.02.2012.
Формат 84x108 1/32. Печать офсетная. Усл. печ. л. 17,64.
Тираж 3 000 экз. Заказ 4251.

Отпечатано с электронных носителей издательства.
ОАО "Тверской полиграфический комбинат". 170024, г. Тверь, пр-т Ленина, 5.
Телефон: (4822) 44-52-03, 44-50-34, Телефон/факс: (4822)44-42-15
Home page - www.tverpk.ru Электронная почта (E-mail) - sales@tverpk.ru

ISBN 978-5-4438-0030-1

9 785443 800301

Вот уже прошло время после отчетно-выборного партийного собрания в Министерстве сельского хозяйства Литовской ССР. Была возможность еще раз осмыслить высказанные предложения, советы, критические замечания. Как лучше реализовать эти наказы товарищей? С такой заботой пришли на очередное заседание вновь избранного парткома его члены.

Что знал о своем происхождении человек, которому силой своего титанического ума суждено было сотрясти Историю и многое изменить в XX веке? Говорят просто: величайшая личность Иосиф Сталин — сын грузинского народа. Но есть версия, что этот горец происходил из великого рода грузинских царей.
Сам вождь догадывался о своем исключительном происхождении и о том, что отмечен высшей силой для значительных, таинственных дел.

Думал ли вождь «всех времен и народов» о своей миссии на земле?
Думал ли он о будущем страны, которой управлял?
Думал ли о том, кто продолжит его дело?

Сенсационные версии рождения, жизни, деятельности и смерти, объясняющие загадку личности И.В. Сталина, — в книге известных публицистов Олега и Ольги Грейгъ.

ISBN 978-5-4438-0030-1
9 785443 800301

проблемы специализации, концентрации и кооперации обсуждались на двух собраниях коммунистов, но довольно поверхностно. И, что особенно удивляет,— ход выполнения директив партии по магистральному направлению сельскохозяйственной политики был снят парткомом с контроля. Явно преждевременно!

Теперь, после собрания,

скания, а накануне собрания был замечен в командировке нетрезвым, коммунисты главного управления совхозами пришли к выводу, что их товарищ «в принципе... соблюдает Устав партии».

Как повышать у каждого коммуниста чувство ответственности? Теперь, на заседании парткома, его члены сообща думают об этом. Деловитость и оперативность, творческий подход к делу — важнейшие качества современного организатора. Какие средства помогут развивать их у сотрудников аппарата управления? Товарищи единодушны: